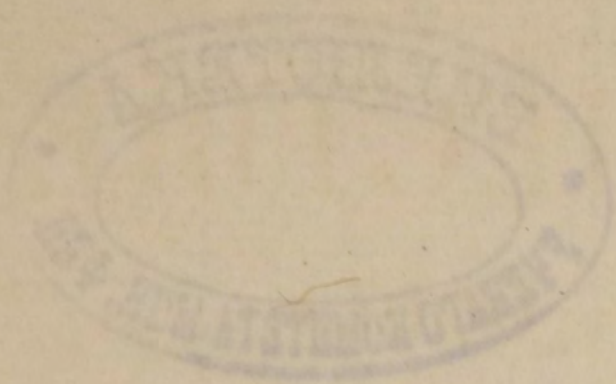

10317

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
III.

ВЕРОВНИЙ
НАСТАВНИК
III

10317

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
ПЬЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕН-
ВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРАКСТО-
ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ,
ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

КАРТЪ, ПЛАНОВЪ, ПОРШРЕШОВЪ, И ИЗОБРАЖЕНІЙ ЗАМѢЧАТЕЛЬ-
НѢЙШИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ ПРИРОДЫ И ОБЩЕЖИТІЯ ВО ВСѢХЪ ЧАСЯХЪ
СВѢТА, ПО РИСУНКАМЪ СЕНСОНА, СОПРОВОЖДАВШАГО ДЮМОНЪ-
ДЮРВИЛЯ ВЪ ЕГО ПУТЕШЕСТВІИ ВОКРУГЪ СВѢТА.

Часть шрешья.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1836.

✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ пѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлены были
въ Цензурный Комипетъ *три* экземпляра. Москва, Ок-
тября 30-го дня 1835 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

65927

**ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Восточный Индійскій полуостровъ: Малакка, Сіамъ,
Кохинхина. — Острова Филиппинскіе. — Китай.

ГЛАВА XXIII.

ПУЛО - ПЕНАНГЪ. — МАЛАККА. — СИНКАПУРЪ.

Послѣ крашкаго пребыванія въ Падангѣ, нашъ Голландскій Капишанъ долженъ былъ, по назначенію своему, отправишься въ Малакку. Юня 28-го, въ ночь, подняшы были якорі; добрый вѣшерокъ опъ берега благопріятствовалъ нашему опплышю, и когда 29 Юня, по восхожденіи солнца, вышелъ я на палубу — берегъ Сумаптрскій оставался уже въ нѣсколькихъ льѣ за нами, и гоэлетша наша спаралась обогнушь оспровъ съ С. стороны. Пять дней держались мы въ виду земли, пока мысъ *Ахемъ* остался у насъ на Ю. З., послѣ чего направились мы прямо на В., чшобы вспунишь въ Малаккскій проливъ. Едва гоэлетша обплыла огромный оспровъ Сумаптрскій, передъ нами разосплалось тихое, величавое море; вѣшеръ, опираясь о берега, сдѣлался слабѣе и перемѣнитивѣе. Вскорѣ показали высокіе ушесы, цвѣшъ моря измѣнился, расчетъ приливовъ

сшалъ непоспояннѣ. Юля 4-го опкрылся на виду Пуло-Бутонъ , а 5-го показался Пуло-Пенангъ , или островъ Принца Валлійскаго ; издали кажешся онъ выдавшимся въ море мысомъ прибрежнаго государства Малаккскаго Кведа ; шакъ узокъ и незамѣненъ проливъ, раздѣляющій сей островъ отъ материка. — Пуло-Пенангъ (островъ арка , на Малайскомъ языкѣ) находится при самомъ входѣ въ Малаккскій проливъ , подъ $5^{\circ} 28'$ с. ш. и 98° д. в. — Разсмаприваемый съ моря, онъ предсавляешъ видъ продолговатаго чешыреугольника, очаровашельной красоты, споль обыкновенной на островахъ Австральскихъ морей. По берегамъ его раздвигающся мангліеровыя роци , изъ за-копорохъ внушреннія горы высавляющъ свои неприкосновенные лѣса , сплошь перепушанные лозисшыми ліанами и густыми бамбуковинами. Вся эша громада зелени нисходишъ даже до предѣла морскихъ приливовъ. — На возвышеннѣйшей шочкѣ острова развѣвается сигнальный флагъ , вокругъ кошораго видны домики и спроенія. Сюда пріѣзжающъ больные изъ Бенгала и Англійскихъ колоній на Молукскихъ островахъ, для воспановленія здоровья , что послужило къ наименованію Пуло-Пенанга Индійскимъ Монпелье (*). Трудно вообразишъ себѣ вполне здоровость, прозрачность, благораспворенность воз-

(*) *Montpellier*, главный городъ Французскаго департаментъ Геро (*Hérault*), въ Лангедокѣ, знаменимый здоровымъ своимъ климатомъ и Медицинскою Академіею, находящійся на гориспомъ мѣсположеніи, вблизи Средиземнаго моря. Прил. Пер.

духа въ горной часпи острова. Термометръ едва-ли измѣняеся здѣсь въ теченіе цѣлаго года на 5 или 6°. Пошому сіи мѣста счищаются Европейцами, обитающими въ Индіи, главнымъ мѣстомъ путешествій для здоровья и для забавы. На превосходныхъ лошадяхъ Сумапрскихъ, креолы ѣздятъ сюда съ прислани по камениснымъ дорожкамъ, прорубленнымъ между лѣсовъ, высокихъ, и споль густыхъ, какъ будшо часпоколъ.

Основаніе Пуло-Пенанга обязано началомъ романическому приключенію. Въ 1785 году, капишанъ Лейшъ (Light), Англіійскій морской офицеръ, имѣлъ случай оказашъ услугу Царю Кведаскому; въ знакъ благодарности, Царь ошдалъ ему руку одной изъ дочерей, подаривъ островъ Пенангъ вмѣсто приданого. Супружесшво совершено по обычаямъ земли, приданое приняшо, но, какъ добрый папріюшъ, Лейшъ предложилъ въ поддансшво Англіи свое владѣніе. По его желанію, Сиръ Джонъ Макферсонъ основалъ здѣсь колонію; Царь Кведаскій разсердился на шакое своевольсшво, но его убѣдили согласишья, съ условіемъ ежегоднаго плашежа по 60,000 піасшровъ. Лейшъ былъ наименованъ губернаторомъ новаго заведенія, и принялъ землю въ поддансшво Великобританіи, со всѣми обычными церемоніями, 14-го Августа 1786 г., въ день рожденія шогдашняго Принца Валлійскаго (*), почему наз-

(*) *Принцъ Валлійскій*, пишуплъ наслѣдника Англіійскаго королевства, по *Валлійской*, или *Галльской* обласпи, составляющей часть западнаго берега Англіи, между Чесшпромъ и Монмупомъ. *Прим. Пер.*

званъ и островъ въ честь Принца. Попеченіями дѣ-
шительнаго Губернашора, въ восемь лѣтъ колонія
возрасла до величайшей степени богатства, такъ,
что въ 1805 г. потребно уже было учредить здѣсь
особѣльное мѣсто постоянного управленія.

Пуло-Пенангъ, необработанный и дикій, когда
Лейпъ принялъ его подъ начальство, теперь по-
крытъ превосходными плантаціями, изъ коихъ все-
го важнѣе перечныя и сарачинскаго пшена. За ними
слѣдуетъ воздѣлка бешеля и арека, събытъ кошо-
рыхъ идетъ на всю Малакку. Я говорилъ уже о
бешелѣ; *арекъ* прекрасное деревцо, съ тоненькими
вѣтками, съ широкими зелеными листьями, длин-
нымъ и прямымъ, какъ стрѣла, стержнемъ. Орѣхи
арековые употребляютъ для жеванья съ бешелемъ.
Орлиное, алое, сандалное, желѣзное, шековое
дерева растутъ въ лѣсахъ Пуло-Пенангскихъ. Бла-
гословенный островъ этотъ заключаетъ въ себѣ
произведенія обоихъ полуострововъ Индійскихъ,
изъ всѣхъ царствъ природы; только нѣтъ здѣсь
тигровъ, львовъ, леопардовъ, этихъ безпокойныхъ
для человека сосѣдей, столь обильныхъ въ Инді-
яхъ. Множество птицъ, вовсе безголосыхъ, или
съ плохими голосами, перелетаютъ всюду по лѣ-
самъ, сверкая своими цвѣтисными и яркими перь-
ями.

Единственный городъ на Пуло-Пенангѣ есть
Джоржъ-таунъ (Георгіевъ городъ), называемый
туземцами *Танжонгъ-Пайнайкъ*; онъ построенъ къ
С. В. сторонѣ острова; улицы въ немъ, разбитыя
подъ прямыми углами, широки, просторны и хоро-

шо содержащяся; рынки обилуютъ припасами всякаго рода. Успѣвая во всемъ, городъ эшотъ безпрестанно богашѣетъ новыми учрежденіями. Нѣскольکو больницъ, домъ для призрѣнія креольскихъ сиротъ, и другой для призрѣнія сиротъ шуземныхъ, были основаны спараніемъ Лондонскаго Общесшва миссіонеровъ, кошорое учредило здѣсь свое опдѣленіе. Умственныя пошребности шакже не забышы въ Джоржъ-шоунѣ: здѣсь заведено много училищъ, естѣ библіотека, издаетсѣ полишическая и лишишерашурная газетша.

Крѣпостѣ *Корнваллисъ*, защищающая городъ, худо построена и худо поставлена; одного военнаго корабля довольно заспавитѣ еѣ грома умолкнушъ. Гавань образуешѣ здѣшнимъ проливомъ, раздѣляющимъ оспровъ опѣ Малаккскаго машерика; эшо безконечный заливъ, съ множесшвомъ превосходныхъ приспаней и внушреннихъ поршовъ, образуемыхъ крайнею восшочною оконечносшью оспрова и мысомъ *Джеража*.

Народонаселеніе Пуло-Пенанга первоначально состояло изъ Малайцевъ и сошенъ шрехъ Кишайцевъ, привлеченныхъ лесшными обѣщаніями капитана Лейша. Въ пѣнадцатѣ лѣшъ оно удвоилось; въ 1802 г. считали здѣсь до 40,000 жшшелей, въ 1805-мѣ 45-шъ, въ 1824-мѣ 35-шъ, въ 1834-мѣ 45,000, изъ коихъ 49-шъ Малайцевъ и 8-мѣ Кишайцевъ; оспашокъ смѣсь Англичанъ, Голландцевъ, Поршугальцевъ, Американцевъ, Арабовъ, Персовъ, Сіамцевъ, Бирмановъ, Кохинхинцевъ, и проч. Такимъ безмѣрнымъ умноженіемъ жшшелей, ошчасш,

обязаны были уничтоженію города Малакка, кошорый быспро шелъ къ паденію. Сдѣлавшись мѣстомъ роздыха между Бенгаломъ и Кишамъ, Джожъ-поунъ превратился въ мѣсто торговой складки, куда каждая сосѣдняя сторона доставляетъ свои произведенія, мѣняя ихъ, или на деньги, или на цѣнность другихъ произведеній. Какъ военный портъ, какъ купеческая факторія, Пуло-Пенангъ съ самаго начала такъ хорошо послужилъ къ пользамъ Остъ-Индской Компаніи, что она постаралась доставить ему вѣрную точку опоры и на Малаккскомъ материкѣ. Договоромъ, заключеннымъ въ 1802 году съ Царемъ Кведаскимъ, подтверждена была уступка части земли, находящейся противъ острова, за 10,000 пиастровъ, или долларовъ, ежегодной платы. Этого клочекъ земли, въ 60-ть земельныхъ орлонговъ, начиная съ приморскаго берега, почти такъ-же плодоносенъ, какъ и островъ Пуло-Пенангъ. Два произведенія, кошорыхъ нѣтъ на островѣ, олово и слоны, присовокупляющія къ богатствамъ этого небольшого владѣнія, умножающаго собою выгоды обладанія островомъ.

Пуло-Пенангъ былъ уже далеко за нами; онъ казался букешомъ зелени среди водянаго пояса. Изъ нѣсколькихъ сотъ кабошажныхъ судовъ, безпрестанно пересѣкавшихъ намъ дорогу, оставались уже немногіе, на полныхъ парусахъ спѣшившіе къ берегамъ. Длинная цѣпь острововъ, обитаемыхъ и необитаемыхъ, показывала намъ вдали положеніе береговъ Малаккскаго материка. Настала ночь,

вѣперъ былъ свѣжій, но благопріятный, море тихо, небо свѣшло. Легко лепѣла наша гоэлешпа по волнамъ блестящимъ и золошисшымъ, какъ вдругъ бѣгъ ея ошановился, пошомъ пошелъ съ перемѣнами быспрошы и ошановки. Мы зашли въ грязи пролива. Нашъ Капишанъ бросилъ лощъ; оказалось глубины восемь брассовъ; высокія ошмѣли были нами пройдены; мы касались окончанія ихъ. Здѣсь проливъ начинается суживающъ между двумя песчаными косами, глубина непрерывно измѣняется и весьма неровно. Мы шаркнули на мѣль, но ударъ эшошъ быспро двинулъ насъ ошашъ на волны. Бѣдняжка Капишанъ ничего шущъ не понималъ, и продолживъ нѣсколько времени плаваніе на бакборшъ, сошелъ въ свою каюшу, разложилъ всѣ свои каршы, перемѣрялъ всѣ разстоянія, повѣрилъ часы, и кончилъ все дѣло выразишельною бранью, кошорую можно было перевести словами: «Не дамъ шолку, что за пупаница такая!»

Впрочемъ, эшо была единшвенная ошановка въ нашемъ пущи. Ушромъ, на другой день, увидѣли мы Парселарскую гору полуосшрова Малакки, и маленькіе осшрова *Арю*, пошопленные волнами на правой сторонѣ пролива. Іюля 44-го, гоэлешпа явилась на виду города *Малакка*, и въ шощъ-же вечеръ мы спали направо ошъ осшрова *Рыбагыго*, прямо прошивъ города. Смошря ошсюда на Малакка, можно полюбовающъ на его безконечную долину, его поясъ изъ садовъ, и небосклонъ, очерченный ошдаленными дикими горами. Поняшнымъ кажется, что подобное мѣшо могло привлекашъ къ себѣ

завоевателей, и что при Европейскія державы спорили за обладаніе имъ. Но когда съѣдеше на берегъ, то невольно изумляесть и спрашиваеши: не уже-ли этошъ городишко былъ соперникомъ Гоа, это было заведеніе, ознаменованное именемъ Альбукерка, ключъ Кишайскаго моря, за конорый ссорились Португальцы, Голландцы и Англичане, поочередно, и съ такою упорностью и настойчивостью? Развалившаяся пристань, беззащитная крепость, вдали нѣсколько домовъ, и шпигъ церкви, видной изъ купъ зелени; ближе нѣсколько хижинъ Кишайскихъ, спрранно размазанныхъ и вышинуемыхъ въ линію—вошъ все, что съ перваго взгляда представляеши въ городѣ Малакка. Подробное разсмотрѣніе скажешъ не болѣе. Глубокая, но узкая рѣка служишъ убѣжищемъ нѣсколько рыбацкихъ Малайскихъ лодокъ, съ палубами, похожихъ на наши Европейскія. Эша рѣка оканчивается къ морю, въ устьѣ своемъ, небольшимъ портомъ, крушоберегимъ и неглубокимъ, пригоднымъ шолько для шуземныхъ лодокъ. Корабли Европейскіе принуждены оспанавливаться на взморѣ, почти на льѣ разшюяніа отъ города.

Въ нѣсколько часовъ ошмощрѣвъ весь Малакка, мы были и на Кишайскомъ кладбищѣ, посшроенномъ амфишешромъ на скашѣ холма, величешвенномъ и уныломъ, съ его подобными лѣшницамъ памятниками, складенными изъ кирпичей, среди зелени деревьевъ. Малайское ошдѣленіе города и небольшое число Европейскихъ домовъ, не болѣе 42-ши, ошпались вѣрны своему спарому, знаменишму пе-

нелищу. Мы взглянули на жилище Англійскаго резиденша, гдѣ живутъ съ нимъ до 50-ти Сипаевъ, единственныхъ здѣшнихъ защитниковъ. Осмотрѣвши остатки прежнихъ зданій Малакка, и его развалившіяся укрѣпленія, мы отправились на корабль съ наступленіемъ ночи.

Малакка, столь многолюдный некогда, имѣетъ нынѣ жителей не болѣе 5,000 человекъ. Англичане постарались захватить его не столько потому, чтобы онъ былъ имъ полезенъ, но потому, что положеніемъ своимъ могъ бытъ вреденъ при обладаніи чуждомъ. Владѣя Батавією, Голландцы имѣютъ въ рукахъ ключъ Зондскаго пролива; Остъ-Индская Компанія хотѣла имѣть такой-же ключъ къ проливу Малаккскому, укрѣпляясь здѣсь Пуло-Пенангомъ, Малаккою и Синкапуромъ.

Если я былъ доволенъ посѣтивъ Малакка, какъ любопытный путешественникъ, мой Капитанъ, въ качествѣ купца и морехода, не нашелъ никакихъ выгодъ въ его посѣщеніи. Онъ попался мнѣ на приспани, сердитый и бранчивый. «Проклятый городишко!» говорилъ онъ горшаннымъ выраженіемъ Нидерландскаго произношенія — «ни одного шалера не добудешь здѣсь, съ этими Баніанскими Сіамцами и Малайскими мошенниками! Въ послѣдній разъ завернулъ я сюда, въ эту гадкую спорону!» — Такъ бранился онъ, не замѣчая, что я стоялъ подлѣ него, но когда увидѣлъ меня, то оборотился ко мнѣ съ усмѣшкою. «Что, М. Г. — сказалъ мнѣ Капитанъ — какъ показался вамъ знаменитый городъ великаго Альбукерка?» — Я по-

жалъ плечами, въ знакъ согласія. — Между тѣмъ мнѣ кажешся, что это прекрасное мѣсто для города — ошвѣчалъ я. — Посмотрише, какое здѣсь богатое произрастаніе, какая роскошная природа; море спокойно, будто въ заливѣ, а эту рѣку въ два мѣсяца можно-бы сдѣлать судоходною. Тутъ все есть, Капишанъ; оспашеся только прибавишь умное распоряженіе гошовыми средствами. Для основанія хорошей колоніи недоспашочно денегъ, людей, кораблей, пушекъ; надобны еще умъ и умѣнье распорядишься — величайшая рѣдкость въ дѣлахъ человѣческихъ! Надобны еще, кромѣ того, вѣрное сужденіе о мѣстныхъ удобствахъ, справедливость и человѣчество въ дѣлахъ, между повелителями по праву сильного и обладателями по праву происхожденія. Мы посѣдимъ Синкапуръ; не правда-ли, Капишанъ? — «Разумѣется, посѣдимъ» — ошвѣчалъ морякъ, не понимая, что хошѣлъ я ему сказать—«мы будемъ тамъ; съ Малакка дѣло кончено — шутъ не заработаешь ни одного піаспришка. Если вы гошовы, черезъ два часа мы поднимемъ якорь.» — Хошъ сію минушу. — «Ладно.» — Онъ созвалъ своихъ мапрозовъ, и черезъ два часа, какъ назначилъ мой *пунктуальный* Голландецъ, шпиць Малаккской церкви быспро удалялся уже ошъ насъ въ направленіи С. З. — Мы вошли въ узкіе проходы между оспровами пролива. Мой превосходный Капишанъ перемѣнилъ въ это время обращеніе со мною; это не былъ уже прежній Голландецъ, молчаливый, угрюмый, полагающій важность въ соблюденіи спорогаго эпикеша по на-

63024 чальсшву; одного разговора нашего на приспани было достапочно передѣлать его въ болтливаго моряка; онъ преслѣдовалъ меня своими Голландскими шуутками, своими разсказами, какъ будшо хошѣлъ расплашииься за безмолвіе прежнее и взялъ задапокъ за молчаливость будущую. Надобно было угождать шерпѣніемъ, слушаъ повѣсти его и замѣчанія, не превышавшія обласпи поияшій Голландскаго куцеческаго капишана, о переѣздѣ изъ Индіи въ Индію, съ прибавкою свѣдѣній о превосходствѣ его корабля, о славномъ шпурманѣ, котораго похишила у него когда-шо лихорадка. Занятія по кораблю въ шѣсномъ проливѣ довольно часно спасали меня отъ бесѣды Капитанской, но шѣмъ сильнѣе бывали говорливыя нападенія его въ часы досуга.

Однажды, случай навелъ насъ однакожь на шакой разговоръ, предметъ котораго возбудилъ все мое вниманіе. Мы были подъ вѣшпромъ около острова *Каримона*, и вдругъ увидѣли семь, или восемь Малайскихъ судовъ, выходящихъ изъ-за-береговъ острова; на парусахъ и веслахъ направлялись они прямо къ нашей гоэлешшѣ. Это были длинныя, съ палубами, узкія, остроконечныя къ обоимъ концамъ и легкія на ходу лодки. Ни одного человѣка не видно было на палубахъ, ибо широкими рогожками образованы были сверхъ палубъ покрывки, въ родѣ палашокъ, и подъ ними скрывались таинственныя плавашили. Видя, какъ быспро мчались къ намъ эти суда, и не замѣчая на нихъ ни одного человѣка, можно было подумать, что какое ни-

будь колдовство движешь ихъ по морю. Но мой любезный Капишанъ смотрѣлъ на эту встрѣчу совсѣмъ не такъ поэтически. «Весь народъ на палубу!» закричалъ онъ, и тотчасъ высыпалъ *весь народъ* — двѣнадцать человѣкъ удалыхъ и пучныхъ Нидерландцевъ. Кое-какія пики, полдюжины заржавѣлыхъ ружей и съ десятокъ тупыхъ сабель были выняты изъ нашего арсенала; мы выставили четыре деревянные пушки, какъ будто для военнаго маневра, и спроились на палубѣ, словно гошове бросишься прямо въ битву. Малайцы продолжали свое направленіе къ намъ, молча, быспро, таинственно. Первая лодка была уже опъ насъ недалеѣе пистолешнаго выспрѣла, и подѣ рогоженнымъ ея навѣсомъ можно было различить смуглыя рожи, дикія выраженія, чалмы и повязки на головахъ, оспроконечныя соломенныя шляпы. Другія лодки сдвигались къ намъ лѣспницею, шакъ, что могли мгновенно подкрѣпить первую; по крайней мѣрѣ, шакъ думали у насъ на гоэлешпѣ. — Ужасъ овладѣлъ храбрыми Голландцами, когда непріятельская лодка подошла почти на половину кабельшова. Тушъ нашъ Капишанъ думалъ, что время приняшся за сильнѣйшія доказательства безспрашія. Онъ взлѣзъ на куриную клѣшку, вооружился самою огромною трубою, и громо-хриплымъ голосомъ провозгласилъ, на плохомъ Малайскомъ языкѣ: «*Прогъ, или велю стрѣлять!*» Обѣщаніе это шрудно было ему выполнитъ на дѣлѣ, но на счастье его, довольно было и обѣщанія. Лодка вдругъ повернула мимо гоэлешпы; другія слѣдовали ея примѣру, и мы

увидѣли пролешѣвшія мимо насъ всѣ семь, или восемь лодокъ, изъ которыхъ на иныхъ было по двѣ маленькія пушки. Подъ навѣсами ихъ мы могли разглядѣть экипажъ, въдесять разъ многочисленнѣйшій того, сколько пошребно было для управленія съ нами. Капишанъ гордо сморѣлъ на шествіе лодокъ въ свою шрубу, и выражалъ робость свою однозвучною, тихою бранью: « Морскія собаки! грабишеля честныхъ людей! разбойники! подойдите-ка, подойдите-ка! Вошь я васъ жигну! Вошь я васъ всѣхъ перевѣшаю на мачшу! — А, а! спрусили, разбойники! Побѣжали опъ деревянныхъ пушекъ съ своими пушченками, Малайскія собаки, нищіе, шрусы! видно знаеше, что капишанъ Грундманъ шупишь не любишь!» Мало по малу, восклицанія Капишана спановились сильнѣе, громче; онъ началъ украшашъ ихъ жестокою бранью; пошомъ присовокупилъ къ эшому грозныя шѣлодвиженія, а пошомъ—это была буря, громъ и молнія, и шрубка двигалась въ рукѣ его, какъ мечъ неопразимый! Въ эши минушы, съ покраснѣвшимъ своимъ лицомъ, съ выпученными глазами, съ дрожащими опъ досады губами, съ раздушымъ носомъ, онъ былъ превосходенъ, мой безцѣнный вырѣзокъ изъ Теньеровой каршинки! Я уже не думалъ о Малайцахъ — я видѣлъ шолько моего храбраго Капишана, на его куриной клѣшкѣ, прекраснаго въ его гнѣвѣ.

Когда съ лодокъ, по всему вѣроянію, не лзя уже было разсморѣть его грозныхъ шѣлодвиженій и разслушашъ его прокляшій и ругашельшвъ,

Капишанъ успокоился, подошелъ ко мнѣ. «А это вы, мой любезнѣйшій гость! Винованъ — совсѣмъ забылъ и вамъ дать порядочное ружьецо — вы не отказались-бы подарить эсихъ мошенниковъ добрую свинцовую оплеуху?» — Безъ сомнѣнія, Капишанъ; но не увеличили-ль вы опасности? Эпошъ народъ шакъ скромно проплылъ мимо насъ — «Скромно! О, м. г., вы видите во мнѣ спарую морскую крысу, кошорая знаетъ все въ эпомъ Индѣйскомъ морѣ. Вошъ, видите-ли эши два оспровишка, большой и малый Каримонъ, два гнѣзда разбойничьи; шуть всегда гошова сошняя лодокъ на грабежъ всякаго купеческаго корабля. Нѣсколь-ко лѣшъ тому, при управленіи Башавіею нашего почтеннаго Барона фанъ-Капеллена, Голландскія пушки вычисшили было опсюда всю эшу морскую пѣну, да шеперь она опашъ накопилась. Проклятое ошродѣ чоршова племени! — продолжалъ Капишанъ, тяжело вздохнувши — они погубили тогда моего бѣднаго сына!» — Вашего сына? — «Да, моего сына! Бѣдняжка плылъ къ Палембангу на купеческомъ шлюпѣ, какъ вдругъ, вошъ передъ эшими проклятыми оспровами, подошла къ нимъ Малайская лодка, и продала экипажу плодовъ и рыбы; шо и другое было оправлено, а лодка выслана шолько для шого, чшобы осмошрѣшъ средсшва защиты шлюпа. Черезъ часъ послѣ встрѣчи съ нею, шридцашъ лодокъ Малайскихъ выползли изъ норъ Каримонскихъ, бросились на шлюпъ, и перерѣзали всѣхъ, хошя большая часъ экипажа шомилась уже въ смершнихъ мученіяхъ опъ яда. Бѣдный сынъ

мой былъ въ эшомъ числѣ. Военный бригъ спасъ шлюпъ ошъ расхищенія, да, поздно было — экинажъ уже не сущеснвовалъ. Вошъ вамъ моя несчастная исторія, и судите сами: могу-ли смошрѣшь на эши оспрова и эши лодки безъ шого, чшобы сердце мое не обливалось кровью? » — Просшите меня, Капитанъ: возможно-ли, чшобы подъ такимъ яснымъ небомъ, среди такой прекрасной природы, жили шоль злые люди? И можно-ли повѣришь, чшобы въ нѣсколькихъ льѣ ошъ Синкапура, Малакки, Пуло-Пенанга и Батавіи, подъ глазами двухъ могущесшвенныхъ народовъ, равно заботливыхъ о безопасности плаванія по Малаккскому проливу, возможенъ былъ морской разбой эшихъ ничтожныхъ шуземцевъ? — « Слишкомъ возможенъ, и сегодня удалось намъ опыграпѣся ошъ нихъ очень счастливо. Нашъ шолько шо и спасло, чшо эши разбойники прусы, если имъ покажешь сердшую рожу. Вошъ, въ чешыре мѣсяца, пяшь Англійскихъ кораблей были схвачены здѣсь Каримонскими бездѣльниками, и шакъ ловко, чшо и слѣда не найдуть — пропали, да и шолько! Кое-какіе слухи ошъ Пенангскихъ коншрабандисшовъ дають разумѣшь, чшо все погибло именно здѣсь — машпрозы, пассажиры, офицеры, грузъ, оснашка; корабли пошопили, шовары раздѣлили, людей перерѣзали.» — Это ужасно! Какъ-же эскадра Лорда Эксмоуша забросала бомбами Алжиръ за нѣсколько шалосшей, совсѣмъ не шакихъ, а здѣсь пошавишь-бы шолько Компанейскую корвешшу, и Компанія не подумаетъ обезопасишь своего флага, позволяешъ безчеловѣчнымъ

разбойникамъ смѣяться надъ нимъ! — « Ну, ошъ времени до времени дають имъ уроки, шолько все не помогаешъ. Нѣсколько лѣтъ тому, одинъ Англійскій военный фрегатъ захвашило здѣсь безвѣпріе, и на него высыпала цѣлая сотня лодокъ, всякой величины; онѣ почли его купеческимъ кораблемъ. На фрегатѣ смѣшили ошибку негодяевъ, и захошѣли порядкомъ проучишь ихъ. Пушки и люди пришаились; на палубѣ оставили народу не больше того, сколько бываетъ на Компанейскомъ *country-ship*. Разувѣренные совершенно, лодки кучею придвинулись къ фрегату, и вдругъ, по приказу Капитана, царапнули въ нихъ съ двухъ бордовъ! Тушъ все эшо бросилось бѣжашъ, но огонь продолжился, и ушли немногіе, шакъ, что лодокъ шесшдесятъ захопило на мѣспѣ, а другія безъ мачшъ, и уже едва, едва забѣжали на Суматру. Урокъ сдѣлалъ разбойниковъ вообще ошпорожниѣ. Если-бы почтенный Баронъ фанъ-Капелленъ продолжалъ свое начальство въ Башавіи, вѣрояшно, совершенно пропали-бы здѣсь эши негодные *форбаны* (*) Индійскаго Океана! »

(*) Общее названіе *морскихъ разбойниковъ* заключаешъ въ себѣ множество подраздѣленій: *корсаръ*, или *корсеръ*, вообще всякій захватывающій и грабящій на морѣ корабли, иногда съ законнымъ позволеніемъ, во время войны, *крейсировать*, шо естъ плавать для перехватыванія непріятельскихъ судовъ; *форбанъ*, самовольный разбойникъ; *пиратъ*, Греческое названіе морскихъ форбановъ; *флибустьеръ*, названіе форбановъ, бывшихъ въ Америкѣ, и проч. — *Прим. Пер.*

Во время нашего разговора, благопріятный вѣтеръ удалилъ насъ отъ опаснаго мѣста. Вскорѣ открылся передъ нами проливъ *Губернаторскій*, съ его величественными видами. Мы вступили въ заводъ, исполненную островами—одни гористые, съ остроконечными вершинами, другіе, какъ луга, вровень съ моремъ, и всѣ плодоносные и очаровательнаго вида. Издали сіи острова, числомъ 50, или 60, сливаясь одни съ другими, такъ, что кажутся образующими сплошное полукружіе, касающееся въ одну сторону цѣпи высокихъ горъ острова *Бантама*, а съ другой лѣсистыхъ вершинъ полуострова. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ простиралась вокругъ насъ сплошная земля, и невозможно было различить пути узкаго пролива между утесами *Рабитъ* и *Коней*. Вступивъ въ этотъ проливъ, и обогнувъ утесы острова *Синкапура*, мы бросили якорь передъ городомъ сего имени, 42-го Іюля.

Въ *Синкапурѣ* двѣ гавани, одна старая, довольно хорошая, хотя открытая, другая новая, превосходнѣйшая; мы выбрали лучшее, и спали на 3. отъ города. Обезопасивъ себя, немедленно спустили мы ботъ нашъ, и шесть гребцовъ помчали насъ къ устью рѣки, протекающей черезъ *Синкапуръ* и называемой его именемъ. Первый взглядъ на эту колонію не разрушилъ идеи, какую составилъ я себѣ объ ней по общей молвѣ. Едва минули мы *Баттарейный мысъ*, дѣятельность вольнаго города открылась передъ нами блестящимъ образомъ. Издали завидѣли мы смѣшанные толпы на-

рода, въ одеждахъ различныхъ и снранныхъ. Потомъ, съ приближеніемъ къ берегу, каждую мину-
 шу могли мы болѣе и болѣе различать подробно-
 сти каршины. Передъ высокими и обширными зда-
 ніями простиралась набережная, возвышенная на
 нѣсколько фузовъ надъ водою, и украшенная нѣ-
 сколькими крыльцами, служившими вмѣсто приспа-
 ней. Отъ времени до времени, по шамъ, по здѣсь,
 подымались и опускались крючья и журавцы ма-
 шинъ, служащихъ для нагрузки и разгрузки кораб-
 лей, примкнувшихъ къ приспанямъ. Вся набереж-
 ная, называемая *Купеческою*, была усыпана народомъ;
 одни капили бочки, несли ящики; другіе смонрѣ-
 ли, вѣшали шоваръ. Самыя разншельныя прошиво-
 положносши предспавляло эшо дѣловое и дѣяшель-
 ное народонаселеніе. При первомъ взглядѣ не воз-
 можно было распознать племень и различій народ-
 ныхъ, но можно было понять, какое снранное
 смѣшеніе народовъ царствовало въ эшомъ торго-
 вомъ Вавилонѣ. Далѣе, расширение рѣки, до самага
 сближенія береговъ ея въ опдаленносши, предспа-
 вляло живое зрѣлище двухъ рядовъ жилищъ, пря-
 мыхъ и правильныхъ. Мы приблизились къ берегу
 прошивъ холма, на кошоромъ развѣвался флагъ
 Бришанскій, и вышли на деревянный мостъ. Тушъ,
 прошивъ стоявшихъ у берега лодокъ, толпились
 Малайскіе дрягили, въ широкихъ своихъ шарова-
 рахъ, доходившихъ до колѣнъ, въ заброшенныхъ
 на плеча фаршукахъ, широкихъ рубашкахъ и со-
 ломенныхъ шляпахъ конической фигуры. — Подлѣ
 нихъ красовался важный Кишаецъ, съ своимъ слу-

гою, почтенный купецъ съ маленькою козьею бородкою, висящими, заплешенными волосами на головѣ, узкими и плушовскими глазами. Голова его прикрыта была шляпою; на шароварахъ его и довольно узкихъ рукавахъ нижняго плащя развѣвались рубашка и широкій жилетъ; обувь его состояла изъ сандаліи, на деревянныхъ подошвахъ.

Синкапуръ былъ для меня такимъ мѣстомъ, на которое смотрѣлъ я съ предубѣжденіемъ; эшо былъ для меня образцовый городъ, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ осуществились и на дѣлѣ доказаны выводы Адама Смиша и учениковъ его. Мнѣ хотѣлось видѣть и лучше разсмотрѣть эту благоденственную землю. Первое посѣщеніе сдѣлалъ я въ Европейскій городъ, гдѣ нашелъ себѣ кварширу; онъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки. Я замѣтилъ здѣсь домъ Резиденша, выстроенный изъ кирпичей и обмазанный извешкою, помѣщеніе обширное, но некрасивое, не смотря на его прекрасную галерею съ колоннами. Недалеко отсюда, постепенно осматрѣлъ я присущивенныя мѣста, шюрму, таможеню, ботаническій садъ, больницу, и множество складочныхъ анбаровъ. Каждая часть города, одна за другою, привлекали мое вниманіе: на востокъ отъ рѣки, поле *Бугійское* и поле *Арабское*, съ своими мечетями; на западъ, поле *Китайское*, съ улицами Макао и Кантонъ, храмами и любопытнымъ кладбищемъ; поле *Чуліа*, заселенное Индійцами, и наконецъ, поле *Малайское*, лежащее далѣе всѣхъ отъ торговаго средоточія, и состоящее изъ скромныхъ хижинъ, расположенныхъ

но берегу небольшой, но судоходной рѣки. Туземцы живущіе здѣсь крошче и образованнѣе всѣхъ другихъ поколѣній Малайскаго народа. Подобно Сумапрійцамъ, они надѣваютъ на себя куртку съ рукавами, и фаршукомъ около пояса, и обвертываютъ голову плашкомъ. Обыкновенный нарядъ женщинъ юбка, съ цвѣтными квадрашами, казакинъ, и лоскутъ шкани, закинутый на плеча, въ видѣ шарфа. Обувь состоятъ изъ деревянныя колодки съ двумя подставками, опдѣляющими ногу отъ земли; эти колодки завязываются на ногѣ простую шесемкою, которая проходитъ между большимъ и вторымъ пальцемъ ноги. Только всегдашняя привычка можетъ приучить человека ходить на этой колодкѣ, такъ, чтобы она не сваливалась безпрестанно съ ноги.

Окрестности Синкапура представляютъ мѣстоположенія плѣнительныя. Вокругъ самаго города устроены аллеи и гулянья, гдѣ каждый вечеръ, по захожденіи солнца, Креольскіе щеголи разъѣзжаютъ въ красивыхъ экипажахъ, запряженныхъ маленькими Яванскими лошадами, стройными и ловкими. Далѣе, выше попопленныхъ водою долинъ, занимаемыхъ Малайскими домиками, начинается подъемъ въ гору, опѣненный деревьями. На вершинѣ его видны самыя прелестныя, какія только можете представитъ себѣ, жилища, очаровательныя *villas*, гдѣ Европейскіе купцы отдыхаютъ послѣ своихъ торговыхъ занятій и дышатъ воздухомъ болѣе свѣжимъ и болѣе здоровымъ, нежели воздухъ приморья. Видъ отсюда превосходный. Сквозь купы

зелени, Синкапуръ бѣлѣетъ у вашихъ ногъ съ своими рядами правильныхъ улицъ, рѣкою, оживленною лодками и судами; далѣе рисуется входъ въ гавань, съ нѣсколькими пушками башарей; потомъ самая гавань, полукругъ, заспавленный мачшами кораблей и лодокъ; наконецъ, на краю обзора—нѣсколько Малайскихъ островковъ, уничтожаемыхъ огромными и высокими размѣрами Суматры. Загородные домики на сей возвышенности почти всѣ въ одинъ этажъ; поставленные на высокихъ подпоркахъ, они безопасны отъ гадовъ и насѣкомыхъ, споль многочисленныхъ въ здѣшнемъ жаркомъ и дождливомъ климатѣ. Меблировка домовъ удобна, богата и красива. Сады и рощицы окружаютъ дома, а молодая коричная и гвоздичная деревца унижаютъ своею зеленью покапоси холмовъ.

Разсмапривая землю, гдѣ расшутъ всѣ эти новыя насажденія, легко замѣтитъ, что недавно еще начался на ней прудъ человѣка. Скелеты обгорѣлыхъ деревьевъ и огромные пни, покрывающіе землю, свидѣтельствуютъ, что шопоръ и огонь едва шолько уничтожили здѣсь дикое, первобытное произрашаніе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ расчищенныхъ пространствъ, это дикое произрашаніе является, съ его толстыми спержнями деревьевъ, и ихъ вѣшвислыми, высокими вершинами. Въ этихъ величественныхъ лѣсахъ рука человѣческая ничего еще не пронула; всюду мракъ и безмолвіе; дикіе звѣри, всегда убѣгающіе отъ сосѣдства человѣка, удалились мало по малу къ

внушреннимъ землямъ острова, и пошому развѣ изрѣдка какой нибудь забѣглый звѣрь осмѣливаешся здѣсь шревожишь, опъ времени до времени, шишину и безопасность человѣческаго жилища, и бѣгаешь по сосѣднему лѣсу.

Основанный со вчерашняго дня, Синкапуръ не пріобрѣлъ еще земледѣльческихъ средствъ, кошорья равнялись-бы съ его промысленными средсшвами. Колонисшы здѣшніе, заняшы дѣломъ спекуляншвовъ и посредниковъ, не имѣюшъ ни времени, ни охоты заняшся извлеченіемъ шого, что могутъ извлечь изъ богатой, орошенной водами почвы здѣшней, и климата крошкаго и здороваго. Пошому, сѣшшные припасы здѣсь не обильны, всегда дороги и нерѣдко очень плѣхаго качесшва. Только Кишайцы занимаюшся здѣсь садоводсшвомъ, и съ большими барышами обрабошываютъ клочки земли, расположенные въ городскихъ окрешностяхъ. Безъ сомнѣнія, черезъ нѣсколько лѣшъ, эши первые опышы замѣняшся рабошами, исполняемыми по большему размѣру. Синкапуръ не будетъ имѣшъ неудобности просишъ у окрешныхъ острововъ и машериковъ припаса, необходимаго для снабженія приходящихъ сюда кораблей; достащочно будетъ его собсшвенныхъ средствъ. Эшо смѣшанное народонаселеніе, сбѣжавшееся со всѣхъ шпоронъ, безъ сомнѣнія, возрастетъ въ такой степени, что можно будетъ части его опдѣлишся на рабошы земледѣлія; выгодный сбышъ, конечно, привлечетъ сюда новыхъ рабошниковъ къ шакому заняшію, а соревнованіе займешся уже у-

лучшеніемъ произведеній , и приведеніемъ ихъ въ цѣну умѣренную и настоящую.

Основаніе Синкапура есть дѣло современное , и его можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Послѣ заключенія практаша , кошорымъ возвращены Голландіи всѣ ея владѣнія въ Малайскомъ архипелагѣ , бывшія во время послѣднихъ войнъ во временномъ обладаніи Англичанъ , послѣдній Англіійскій губернаторъ Бапави , Сиръ Спамфордъ Раффлесь , разсудилъ , что весьма было-бы выгодно и сообразно съ политическими видами ушвердить для Англіи какое нибудь мѣсто поближе къ Китайскому морю. Для этого обозрѣвалъ онъ поочередно всѣ лучшія мѣста , думалъ выбрать Ріу , Каримонскіе острова , полуостровъ Джоорскій , и кончилъ ушверженіемъ колоніи на островѣ Синкапурѣ. Уполномоченный отъ Бенгальскаго генераль-губернатора , маркиза Гаспингса , онъ , вмѣстѣ съ полковникомъ Фаркугаромъ , принялъ Синкапуръ во владѣніе Англіи , 6 Февраля 1819 года. Спранное спеченіе случайностей открылось послѣ того : именно , что за сто лѣтъ прежде , царь Джоорскій уступилъ Синкапуръ капишану Гамильшону , кошорый не могъ нахвалиться выгодой эшой уступки и плодоносіемъ острова. Англія не внимала словамъ Гамильсона , и Синкапуръ занятъ былъ другими колоніями , по новымъ договорамъ съ шугземными владѣльцами. Впрочемъ , колоніи занимали здѣсь только берега острова , и о договорахъ окончательныхъ и швердыхъ мало помышляли. Ихъ заключили уже въ послѣдствіи , когда новая

Англійская колонія спала усиливашься, около 1824 года. Договоръ-заключень былъ между наслѣдниками Джоорскаго сулшана Мугаммеда (умершаго въ 1810 г.) и Англійскимъ Резиденшомъ въ Синкапурѣ. Островъ уступленъ былъ Англїи за единовременную уплату 60,000 піаспровъ , съ ежегодною платою каждому наслѣднику по 24,000 піаспровъ.

Синкапуръ , сдѣлавшійся такимъ образомъ владѣніемъ Англїи, и могущій по времени бытъ одною изъ самыхъ важнѣйшихъ ея колоній , въ эллиптической своей окружности простирается на 37 миль въ длину и на 15-ть въ ширину. Отъ полуострова Малакки отдѣляетъ его узкій проливъ ; на южной оконечности его цѣль острововъ , обитаемыхъ дикими туземцами , и вовсе необитаемыхъ. Общность Синкапура представляетъ землю неровную и холмистую ; ближайшія къ колоніи мѣста песчаны , но плодородны. Островъ обилуетъ спроевыми лѣсами ; въ нихъ водятся всѣ виды звѣрей Малакки , разнородныя обезьяны, дикія кошки, выдры , бѣлки , дикобразы , лѣнивцы , козы , и наконецъ, *moschus rugosus* , родъ зайца безъ ушей, обыкновеннаго въ тропическихъ земляхъ. Дикіе звѣри, какъ-то : шигры , леопарды, и проч., почти неизвѣстны въ Синкапурѣ. Птицъ множество и многоразличныхъ ; самыя обыкновенныя сушь лапчатая и ползуны. Пресмыкающіяся составляютъ одно изъ большихъ неудобствъ и золь ; Г-нъ Крауфордъ, во время своего здѣсь пребыванія , видѣлъ до со-

рока породъ змѣй; впрочемъ, только двѣ изъ нихъ оказались ядовиты.

По императору постояннѣй, и перемѣняющейся едва-ли отъ 20-ти до 27° (солнечнаго термометра), Синкапуръ пользуется, вмѣстѣ съ Пуло-Пенангомъ, славою особенно здороваго и благопріятнаго для больныхъ мѣста. Англичане, если поносы и лихорадки гонятъ ихъ изъ Бенгала и Короманделя, спѣшатъ на островъ Сира Сшамфорда Раффлеса искать излеченія и здоровья. Произведенія здѣшнія не менѣе климата помогаютъ самымъ тяжкимъ больнымъ. Померанцы, манги здѣшнія вкуса и запаха превосходнаго. Всякая зелень, всѣ мучнистые корни экваторіальной зоны растутъ здѣсь превосходно; но старанія развести произведенія Европы, какъ-то: аршишюки, цвѣшнюю капусту, картофель, дыни оказывались совершенно безуспѣшны.

Понятно, что столь недавно возникшій, Синкапуръ не можетъ еще имѣть промышленности мануфактурной, всегда бывающей плодомъ образованія постепеннаго и постояннаго. Нѣсколько строильныхъ заведеній и фабрикъ перловаго сагу—воплъ все, чѣмъ до 1830 года ограничивался капиталъ здѣшнихъ промышленныхъ работъ. Но торговая мѣна и складочные обороты уже далеко превзошли самыя дерзкія надежды, какія только имѣли при началѣ Синкапура. При обширныхъ привиллегіяхъ, уступленныхъ здѣсь Ост-Индскою Компаніею, Европейскіе корабли, Малайскія лодки, Сіамскія барки, жонки изъ Кишай, Ко-

хинхины, Японіи, корабли Бугійскіе и Филиппинскіе, какъ будто избрали теперь мѣстомъ взаимнаго сполкновенія Синкапурскую гавань, родъ неупральной земли для всѣхъ торгующихъ народовъ и для всякой торговли. Ежегодно сотнями счисляющъ здѣсь грузы, привозимые прямо изъ Англійскихъ портовъ, Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Швеціи, Голландіи, Ганзеатическихъ городовъ, Генуи, Тріеста, Данцига, на корабляхъ всѣхъ флаговъ и всѣхъ размѣровъ, охотно посѣщающихъ новую колонію, лежащую гораздо далѣе мыса Доброй Надежды. Номенклатура мѣстъ, торгующихъ прямо съ Синкапуромъ съ разныхъ почекъ Индійскаго Океана, еще многочисленнѣе: Иль-де-Франсъ, Цейланъ, Мадрасъ, Калькутта, Бомбай, Бапавія, Падангъ, Пуло-Пенангъ, всѣ колоніи Европейцевъ, привозятъ сюда свои и пребываютъ въ обмѣнъ другихъ произведеній. Кантонъ въ Кишаѣ, Квингонъ, Файфо и Гюе въ Кохинхинѣ, Сайгунъ, Кангкао въ Камбоджіи, Банкокъ въ Сіамскомъ заливѣ, Манилла, Целебесъ, Борнео, Ява, всѣ образовали здѣсь свои промѣны и поспешенно увеличивающъ торговые сношенія. Мало производящій самъ по себѣ, Синкапуръ, какъ складочное мѣсто, имѣетъ товары всего міра. Здѣсь Бенгалъ и Европа, за желѣзо, олово, бумажныя и шерстяныя ткани, берутъ китайку, шелкъ, лакъ, бумагу Кишайскую, перламутръ, камфару, кассію, драконовую кровь, Малайскій перецъ, Сіамскій сахаръ, Японскую мѣдь, кофе, слоновую кость, ревень, гвоздику, мушкетъ, черепаху, мускъ, орпиментъ разныхъ мѣстъ

Азіи, Океаніи и Америки. Такое движеніе торговли, едва замѣтное въ началѣ, увеличилось споль быстро, споль чудесно, что торговый оборотъ оцѣняющъ нынѣ въ 150-мъ милліоновъ франковъ ежегодно. Равный-же успѣхъ оказало здѣсь и народонаселеніе: въ 1819-мъ году едва-ли 150 Малайцевъ, частію рыбаковъ, частію пиратовъ, занимали Синкапуръ, а черезъ пять лѣтъ попомъ, въ Январѣ 1824 г., по ревизіи, сдѣланной шрудями Г-на Крауфорда, число обитателей составило—10,683 души! — Въ 1825 г. было здѣсь жителей 11,851, въ 1826 г. 12,905, въ 1827 г. 13,732; въ 1830 г. насчитали здѣсь уже 16,850, а въ 1832 г. болѣе 19,000, всякихъ народовъ, копорыхъ по числу можно расположить такъ: Китайцы, Малайцы, Бугисы, Индійцы, Европейцы, Яванцы, Сіамцы.

Дѣйствительно, изъ числа всѣхъ сихъ, споль различныхъ породъ, по числу двѣ самыя главныя въ Синкапурѣ: *Китайцы* и *Малайцы*, составляющіе вмѣстѣ пять шестыхъ долей всего народонаселенія. Синкапурскіе Китайцы дѣлятся на пять разрядовъ; всѣ они торговцы, но различны по нравамъ, обычаямъ и языкамъ. Самые уважаемые изъ нихъ суть *Китайцы Фокіенскіе*; за симъ слѣдуютъ переселенцы *Кантонскіе*. За тѣмъ шужемцы изъ *Макао*, и другихъ тамошнихъ острововъ. Потомъ рыбаки изъ прибрежной области *Айа*, и наконецъ, *креолы Китайскіе*, или Китайцы смѣшанныхъ породъ. Все это народъ дѣлательный, терпѣливый, работающій, умный и плутованный въ дѣлахъ. Имъ не чуждо никакое ремесло, только

быль-бы прибышокъ; они опшовщики, скупщики, разнощики, лавочники, маклера, прикащики, земледѣльцы, моряки, и проч. Спрогѣе наблюдашели родныхъ обычаевъ, Кишайцы и на чужбинѣ всегда старающіяся жить такъ, чшобы житье ихъ напоминало имъ родину. Въ Синкапурѣ кладбища Кишайскія такъ-же украшены зеленью и цвѣтами, какъ и въ Кишаѣ. На каждомъ изъ Кишайскихъ домовъ снаружи увидите симметрическую раскраску, а внутри найдете маленькій жершвенникъ, на которомъ безпрестанно горятъ благоуханія и золоченая бумага. Конфуцій изображенъ бываетъ подлѣ жершвенника, съ геніемъ семейства, шепчущимъ ему что-то въ уши. Любовь къ родинѣ столь сильна, столь упорна въ Кишайцѣ, что ни одинъ изъ нихъ не располагаетъся умереть на чужбинѣ. Дѣйствительно, едва пріобрѣтешъ Кишаецъ что нибудь, онъ спѣшитъ оставить иноземную область и доживъ старость свою въ Кишаѣ. Если бы законъ, запрещающій Кишайцамъ переселяться въ чужія земли, былъ строго исполняемъ противъ такихъ возвращающихся на родину бѣглецовъ, то они подвергались-бы въ Кишаѣ наказанію жестокому. Но плаха за помилованіе извѣсна и успановляется предварительно. Посредствомъ уступки Кишайскимъ судьямъ половины всего пріобрѣтеннаго имѣнія, возвратившійся эмигрантъ спокойно владѣетъ другою половиною, и законъ его не преслѣдуетъ, потому что исполнили закона молчали. Какъ ни тяжело подобное условіе

возвраща въ опчизну, оно никогда не останавли-
ваешъ Кипайцевъ.

Дѣятельностью и умомъ, Малайцы Синкапурскіе
уступаютъ Кипайцамъ. Вообще раздѣляютъ ихъ
на двѣ части: морскіе Малайцы, или *Орангъ-Лаутъ*,
и сухопутные, или *Орангъ-Даратъ*. Вторые сушь
дровосѣки, земледѣльцы, расчищали земель, а
первые лодочники, мапрозы и рыбаки. Называютъ
еще *Орангъ-Саллатъ*, Малайцевъ, служащихъ для
разныхъ работъ въ проливѣ Синкапурскомъ. Почти
все они происходятъ отъ шугемцевъ Джоорскихъ,
и все при рода ихъ мало разнясь, въ общихъ
чертахъ, отъ другихъ Малайскихъ, уже описан-
ныхъ мною поколѣній. Выше всехъ однакожь на-
добно поставитъ *Бугисовъ*, или Малайцевъ воспоч-
ныхъ, переселенцевъ съ Целебеса, народъ отлич-
но промышленный и мореходный.

Хотя въ колоніи здѣшней считается не болѣе
45-ти Европейскихъ домовъ торговыхъ, но въ
нихъ должно полагать жизненное начало колоніи.
Безъ нихъ, не было-бы капиталовъ, порядка, до-
вѣренности и дѣлъ торговыхъ. Присутствіе Ре-
зиденца самой могущественной изъ Европейскихъ
націй въ Индіи придаетъ дарованнымъ Синкапуру
льготамъ прочные источники благоденствія. Въ
этомъ опдаленномъ уголкѣ свѣта, гдѣ прозорли-
вость Англичанъ явно хотѣла сдѣлать опытъ но-
вой торговой и колоніальной системы, надлежало
подумать о томъ, чтобы выгоды каждаго были
чужды опасенія и не встрѣчали никакихъ препят-
ствій. Поэтому, вмѣстѣ съ порто-франко, съ сво-

бодною складкою , съ пошлиною на погрузку, равною для всѣхъ и вовсе незначишелою, здѣсь ушпанолены безприспрасшно правосудіе и спрогоя полиція , единспвенныя средства упрочить равенство въ опношеніяхъ и связяхъ. Въ первые годы, Резиденшъ Англійскій былъ единспвеннымъ судьей, и приговоры его исполнялись однакожь съ должнымъ уваженіемъ. Пошомъ Синкапуръ присоединенъ къ управленіямъ Малакка и Пуло-Пенанга , а судебныя мѣста образованы здѣсь по образцу другихъ владѣній Англо-Индійскихъ. Единспвенная характериспическая черта , ознаменовавшая это нововведеніе , состояла въ томъ , что число тяжбныхъ дѣлъ умножилось между колониспами , болѣе другихъ образованными ; доказано ежегодными реэспрами , что тяжбъ между Европейцами и Кишайцами въ десятеро болѣе , нежели между Бугисами и Малайцами.

Городъ Синкапуръ ешпешвенно дѣлился на три части : *Китайскую , Европейскую , Малайскую*. Двѣ послѣднія въ долину , прилегающей къ морю; прешья повыше къ правому берегу рѣки. Торговая часть города образуешъ небольшой полуостровъ , выходящій въ заливъ ; сосредоточенные здѣсь , рынки , складки , магазины даюшъ этому мѣсту видъ безпрерывной ярмарки. Осташокъ города состоишъ изъ прямыхъ , правильными углами разбишыхъ улицъ , обспавленныхъ прекрасными спроеніями.

Хотя владычество Англичанъ уважается въ Синкапурѣ не менѣе другихъ , самыхъ укрѣпленныхъ мѣстъ владычества Англійскаго въ Индіи , но воен-

ная сила , находящаяся подъ начальствомъ здѣшняго Англійскаго Резиденца, состоишь вся едва-ли изъ полшораспа Сипаевъ , содержаніе кошорыхъ стоишь въ годъ нѣсколькихъ тысячъ піаспровъ. Для вознагражденія издержекъ по здѣшней колоніи , надобно было образовашь какой нибудь казенный доходъ , и въ 1826 г. эшощъ доходъ , по исчисленію Г-на Крауфорда, простирался до 80,000 піаспровъ. Нѣкоторыя пошлыны на дробную продажу опиума , пошлына съ домашней выдѣлки крѣпкихъ напитковъ , пошлына съ игръ , и доходы съ разныхъ мѣлкихъ льготъ , передачь частныхъ имѣній и почтовой пересылки , оказались достаточны для прикрытія расходовъ по колоніи , хошя они вовсе не тягостны и почти незамѣтны.

При такихъ-шо распоряженіяхъ и средствахъ , Синкапуръ въ два года осуществилъ для современныхъ лѣтописей торговаго міра чудеса преуспѣвающаго благоденствія, кошорыя Исторія изображаешъ для насъ въ царствѣ Финикійскомъ , бывшемъ главною торговою складкою Древнихъ народовъ. Создатель Синкапурской колоніи умѣли основашь ее , и пошомъ управляшъ ею, слѣдуя законамъ науки государственнаго хозяйства , а не своекорыстнымъ видамъ временной политики. Въ то-же время , когда удовольствовались они администраціею , основанною на простыхъ началахъ , и установленіемъ пошлинъ чрезвычайно легкихъ , они усранили ошъ себя всѣ заблужденія и предразсудки стариннаго распорядка колоніями , какъ шо, первенство флага владѣтеля колоніи , и только

покровительство другимъ , что всегда кончилось монополіею для одного , исключеніемъ для всѣхъ. Фискальство, необходимое при торговыхъ ограниченіяхъ и запрещеніяхъ, сдѣлалось здѣсь не нужно. Всунувъ въ дѣло широкимъ и плодотворнымъ пушемъ , слѣдующимъ изъ нравственности и экономіи общественной, здѣсь осуществили космополитизмъ торговый и мореходный , призывая къ нему всѣ народы уравниемъ правъ и обязанностей , дополняя все это введеніемъ тарифа однороднаго и умереннаго , опирая все это на основанія тѣ самыя , какія уже болѣе вѣка приняты Европою для религіозной терпимости. Разсмаприваемый съ сей точки зрѣнія , Синкануръ есть жестокая кришка на колоніальный успавъ другихъ заведеній Англіи, Франціи, Испаніи и всѣхъ Европейцевъ. Должно опасаться , чтобы Британское правительство и Остъ-Индская Компанія не подумали объ этомъ рано или поздно, и не рѣшились бы уничтожить примѣръ , столь прошиворѣчающій общему правилу въ управленіи ихъ колоній. Можно называть мечтами и несбыточными Упоціями всѣ теоріи Политической Экономіи , но что скажутъ порицатели сего знанія прошивъ примѣра на практикѣ ? Что пропивоположатъ они выводу цифръ и явному успѣху небольшого опыта ? Чемъ сражатся прошивъ эмпирическаго доказательства , которое расшентъ передъ глазами, которое десятиками доказываетъ истину теперь прошивъ 1827 года, и сошными докажетъ ее въ 1840 году? — Надобно , или молчанье , или хипришь. Конечно ,

защитники монополій не дадутъ себя побѣдить безъ защиты; они сыщутъ какую нибудь причину, по которой осудятъ и образцовую Индо-Малайскую колонію. Во всякомъ случаѣ, если даже благоденствіе Синкапура и должно будетъ исчезнуть въ ихъ рукахъ—примѣръ предшествовавшего остается для насъ навсегда, и практика всегда оправдываетъ имъ теорію необходимости и пользы свободной торговли и промышленности (*).

(*) Если Авторъ разумѣетъ здѣсь торговлю *порто-франко*, этотъ вопросъ давно рѣшенъ въ отношеніи городовъ, подобныхъ Синкапуру, складочныхъ, проѣзжихъ мѣстъ, какъ равно доказана бесполезность подобнаго учрежденія для такихъ мѣстъ, гдѣ можетъ быть только транзитная торговля, или единственно мѣстный сбытъ. Вопросъ о свободѣ колоній могъ-бы рѣшиться положительно, если-бы великое неуравненіе колоніальныхъ владѣній, на примѣръ, Франціи и Англіи, тому не препятствовало. Какимъ образомъ, при такой несоразмѣрности, Англіи уступить свою колоніальную монополію цѣлаго свѣта? Еще сомнительнѣе рѣчь о *свободѣ торговли вообще*, затрудняемой неуравненіемъ промышленнаго состоянія разныхъ народовъ. Мнѣнныя каждое свое на чужое, и не старайтесь замѣнить чужаго хорошаго своимъ дурнымъ. Прекрасно; но почему спаль, кожи, сукно, бумагу Англія считаетъ *своими*, если дѣло только въ томъ, что, на примѣръ, мы, Рускіе, еще не научились хорошо дѣлать спаль, кожи, сукно и бумагу? Экономисты смотрятъ на теорію, не думая объ Исторіи, Географіи, и вообще не спрашиваясь практики. Отъ того они совершенно правы въ общихъ началахъ, но рѣшительно неправы въ приложеніяхъ частныхъ. *Прим. Перев.*

ГЛАВА XXIV.

ЦАРСТВО СІАМСКОЕ. — БАНКОКЪ.

Въ Синкапурѣ, для моего журнала путешествія начались такія главы, въ расположеніи копорыхъ надобно мнѣ было совершенно предашься случайно-спямъ. До сихъ поръ я могъ слѣдовать одною непрерывною дорогою. Теперь, во всѣхъ направленіяхъ, на всѣхъ почкахъ компаса открывались передо мною направленія, по копорымъ желалъ и долженъ былъ я спремиться. Архипелагъ и материкъ, Малезія и Азія, Ява, Борнео, Филиппинскіе острова, Кишай, Тонкинъ, Кохинхина, Сіамъ — надобно было выбирать изъ множества всѣхъ эсихъ любопытныхъ шпоронъ, гдѣ бышь прежде, гдѣ пошомъ. Я не смѣлъ еще положишь для себя рѣшенія окончательнаго, колебался; *служай* все рѣшилъ за меня, и услужилъ мнѣ превосходно. Посѣтивъ однажды Англійскаго Резиденца, я вспрѣшилъ у него какого-то незнакомца, чловѣка еще не спарыхъ

лѣнъ, но носившаго на своей физіогноміи оппечашокъ мизантропической усалосши жизни. Русые волосы, уже вышерпые суешою жизненною, прикрывали лицо сухощавое; голубые глаза незнакомца, уберегшіе еще блескъ свой, оживлялись иногда, но въ минушы спокойствія являли какую-шо усалую задумчивосшь; чершы лица, сохранившія благородство и правильносшь, не смощря на расходы души и шѣла, вѣрояшно, нѣкогда были у него образцомъ прекраснаго, совершеннаго лица. При первомъ взглядѣ, эшощъ человекъ поражалъ васъ, не увлекаая къ себѣ; что-шо было презирающее и насмѣшливое въ его холодной улыбкѣ, гордомъ разговорѣ, хошя чрезвычайно вѣжливымъ. Ни-что не показывало въ немъ ни большаго барина, ни гордаго богача; напрошивъ, что-шо говорило шолько, что эшощъ человекъ не придется всякому подѣ цару; что это философъ, по жизни опышной и шумной, богашый памяшью, шакъ, что можешъ обойдшишья безъ новыхъ опышовъ; что эшощъ незнакомецъ что-шо шакое въ родѣ Спрансшвующаго Жида, бѣгающаго по всему земному шару, для шого, чтообы спасшисъ ошъ своей роковой и неизбѣжной мысли. Эшо сказывали глубокія и раннія морщины на лбу, углубленные глаза, обхожденіе, доказывавшее привычку къ шону всѣхъ общесшвъ; изысканные, оппборные манеры, вмѣспо свободной грубосши, какою оппличающся обыкновенные моряки и пушешешвенники. Я чувсшвовалъ, какъ эшощъ человекъ увлекалъ меня чѣмъ-шо къ себѣ. Нашъ взаимно оппрекомендовали, завязался

разговоръ, и сначала вершѣлся на незначиштельныхъ приличіяхъ, но, мало по малу, по мѣрѣ того, какъ разшевеливались общія намъ струны, согласіе раждалось между нами, принужденіе пчезало, и недоувѣрчивосшь уступала мѣсто онпкровенносши. Казалось, что незнакомецъ, привыкшій издавна все видѣшь съ самой дурной стороны, изумлялся, найдя человека, кошорый смолрѣлъ иначе, и умѣлъ онпкрывать нѣчто хорошее въ самомъ злѣ. Пропивоположносшь-ли запрогала его любопышсшво, или моя просшоша понравилась ему, но черезъ часъ не болѣе, незнакомецъ пересшалъ смрѣляшь въ меня своими мизанпропическими выходками, пропаянулъ руку и сказалъ мнѣ: «Извините меня, м. г., въ моихъ смранносшихъ, и позволите мнѣ счишать васъ смарымъ знакомымъ.» Онъ объявилъ мнѣ, что онъ Баронъ Норбергъ, богатый Шведскій дворянинъ, жилъ душою и шѣломъ, шакъ, что въ сорокъ лѣтъ не умѣлъ ничего лучше найдши, для оживленія осшальной жизни, кромѣ пушешесшвій, безъ всякой опредѣленной цѣли. Для этого проѣхалъ уже онъ сухимъ пушемъ изъ Швеціи въ Бенгалъ, черезъ Россію и Персію, подвергаясь смо разъ опасносши погибнуть, и смо разъ спасаемый счасшливою своею звѣздою. «Изъ Бенгала до Синкапура — продолжалъ онъ — я совершилъ прибрежное пушешесшвіе, и онсюда хочу сдѣлать шо-же по Кишайскому морю.» Тупъ взяла меня смрашная охоша вызваться въ сопущники Барона; вѣрояшно, онъ замѣшилъ это, и продолжалъ съ привлекаштельнымъ кокешсшвомъ свѣнскаго человека: «Счасшливая звѣзда

моя послужила мнѣ здѣсь превосходно ; я нашелъ въ Синкапурѣ Кишайскаго морехода , который не зналъ куда ему дѣваться съ своею прекрасною и прочною жонкою, деревяннымъ корабомъ, въ кошорый укладываеиця шесць тысячъ пикулей груза. Мы поладили съ нимъ, и онъ взялся плыть со мною вмѣстѣ груза, въ Сіамъ, Банкокъ , Пуло-Кондоръ, Камбоджію , Кохинхину , посѣтивъ Филиппинскіе острова, пошомъ бросить меня въ Макао, или Кантонъ, и вездѣ ждаль и сшояль сколько мнѣ угодно.»—Тутъ я не вышерпѣлъ болѣе. «Не будешь-ли, Баронъ, мѣспечка на вашей Кишайской жонкѣ для одного смиреннаго пассажира?»—Мѣспа пропасль, мнѣ и — вамъ! — ошвѣчалъ онъ улыбаясь. — Мы ударили по рукамъ. Барону нѣчего было долго шорговаться о плашѣ за провозъ меня.

И на другой-же день, 18-го Іюля 1830 года, мы ошправились вмѣстѣ на шлюпкѣ, на всегда распрощившихся съ Синкапуромъ. Вскорѣ, среди множесшва Европейскихъ разнообразныхъ кораблей, ошискали мы нашу величественную , тяжелую жонку, съ ея полудикою оснашкою. Эшо былъ шрехъ-мачшовый корабль, но задняя мачша, посшавленная на рангоушѣ, могла служить только для высшавленія флага, а на передней былъ только узенькій фокъ; средняя мачша украшалась парусомъ преогромнымъ , и сверхъ его болшался еще лоскупъ , вмѣстѣ марсъ-зейля. Сквозь всѣ эши паруса, сдѣланые изъ бумажной шкани, или сплешенные изъ кокосовыхъ волокну, продѣшны были шонкія бамбуковины, соединявшія различныя ихъ полошница. Па-

луба жонки была опрятна и свободна, кромѣ того мѣста, гдѣ устроены были помѣщенія мореходцевъ и пассажировъ, нагроможденные безъ всякаго порядка и удобства. Самое главное помѣщеніе имѣло около 18-ти фузовъ сверхъ палубы. Это почешное мѣсто должны были занять мы съ Барономъ.

Баронъ путешествовалъ со всею роскошью набаба. Тюковъ съ книгами и математическими инструментами и припасовъ такое множество, что я не зналъ куда уладушъ ихъ; толпа слугъ, переводчикъ, знающій языки Индійскіе, Малайскіе, Китайскіе и всѣ ихъ нарѣчія, Французскія вина, Турецкій табакъ, трубки, розовая эссенція, и даже немного опиума для развлеченія Европейской хандры — вошъ что представили мнѣ свѣта и поклажа Барона. У меня было всего этого гораздо меньше — слуги ни одного, а поклажи только два шюлька съ бѣльемъ и плашемъ, да дорожный портфель. Но не смотря на дробь и ужасное количество вещей, необходимыхъ Барону, все было прибрано, убрано, положено въ свое мѣсто, кромѣ нѣсколькихъ бутылкокъ вина и нѣсколькихъ трубокъ: одинъ изъ Китайскихъ мапировъ успѣлъ украситъ то и другое; доискиваясь вора было нѣкогда и не сполло труда. — Важный Г-нъ Тзингъ-Фонгъ, капишанъ жонки, почелъ обязанностью встрѣпитъ и привѣщивать насъ при вступленіи нашемъ на его корабль. Онъ не прежде удалился отъ насъ, какъ тогда только, когда все было приведено въ порядокъ. Баронъ пребывалъ, чтобы моя койка на-

ходила въ его каютѣ; шупъ помѣспились мы, на 40 фусахъ длины и 6-ти ширины ; все оспальное заняли припасы и вещи.—Вышедъ на палубу, уже въ одеждѣ Авспиральныхъ путешеспвенниковъ , въ кишайчашыхъ курскахъ и соломенныхъ шляпахъ, мы увидѣли нашу жонку на полномъ ходу; западный мысъ Синкапура закрывалъ ошъ насъ гавань, бѣлые дома города и загородные домики, находившіеся на висопахъ.—Скоро вспунили мы въ Индійское море, на Кишайскомъ кораблѣ , окруженные Кишайцами.—Эшо былъ для меня новый міръ, и любопышный предметъ наблюдений: два Европейца, среди толпы спранныхъ моряковъ Азіятскихъ , на кораблѣ уродливой фигуры, съ нелѣпыми парусами, могли бытъ предметомъ превосходной каршины. Хопя болѣе моего невнимательный къ прошивоположностямъ корабля , насъ и нашихъ спутниковъ , Баронъ не могъ удержаться и не сказать мнѣ: «Кто подумалъ-бы, смощря на эшошъ народъ, что онъ прежде Европейцевъ зналъ компасъ, шипографію и порохъ ? Чѣмъ больше смощришь , шѣмъ меньше вѣришь наружности ! « —

На другой день , Ю. З. муссонъ вздулъ наши паруса ; высокія вершины Малаккского полуоспрова пропали изъ вида, и на слѣдующее утро усмопрѣли мы съ кранбалки шпирборда вершины новыхъ земель. Мы приблизились къ *Анамбасскому архипелагу*, островамъ, рѣдко посѣщаемымъ Европейцами. Бугенвиль и Лапласъ осмашривали и описывали ихъ. Нашъ Кишайскій Капитанъ, безъ пособія Европейскихъ картъ, мастерски пробирался

здѣсь между утесами, находящимися при берегахъ. Опѣ мыса къ мысу, благополучно достигъ онъ довольно хорошей гавани, на западномъ берегу *Джимаджа*, главнаго изъ острововъ Анамбасскихъ. Длина его будетъ около пяти льѣ; поверхность неровная и гористая. По всѣмъ сторонамъ, куда мы ни оглядывались, долины покрыты были насаженіями. Сахарный тростникъ и сарачинское пшено росли повсюду, подъ шѣнью саговыхъ деревьевъ, доставляющихъ главное пропитаніе жишелямъ; дерево это, изъ рода пальмъ, до чрезвычайной высоты выдвигаетъ сволъ свой, увѣнчанный небольшою зеленою листвѣю. Для добыванія бѣловашаго и клейкаго вещества, извѣстнаго подъ именемъ *сагу*, рубящъ дерево въ полѣнья; тогда гладкая и толстая кора его шелушится, и изъ подъ нея достаютъ бѣловашую гущу, кошорая, высыхая на солнцѣ, превращается въ порошокъ, а сваренная въ пару, дѣлается вязкою и подобится лапшѣ. Успуная нѣжноснью и чистотою пригошовленія Яванскому, Анамбасское сагу почитается болѣе липашельнымъ.

Западный берегъ Джимаджа доступнѣе и безопаснѣе восточнаго берега. Тутъ находящіяся многіе заливы, изъ коихъ одни защищены опѣ муссона С. В., другіе опѣ муссона Ю. З.

Едва остановились мы передъ мѣстечкомъ, гдѣ живетъ раджа, владѣтель острова, множеству лодокъ покрыли заливъ и посѣщили предложивъ намъ съѣстные припасы. Свиныи, курицы, ушки, козлята, кокосы, наполняли легкія и красивыя лод-

ки оспровишянъ. Ничего не можешь бышь живо-
писнѣ эшихъ лодокъ, съ ихъ бѣлыми боками, по-
крытыхъ рашаномъ и обведенныхъ красною поло-
сою. Одного человѣка, съ его *пагаемъ*, при помощи
мальчика, достаточно для управленія лодкою.—
Оспровишяне здѣшніе принадлежатъ къ породамъ
Малайцевъ. Ихъ шѣло, коренастое и мощное, ихъ
физіогномія гордая и подозрительная, не говоряшъ
ничего въ пользу ихъ. Пошому, какъ ни хошѣ-
лось намъ побывашъ на оспровѣ, мы почли болѣе
благоразумнымъ не осшавляшъ нашего корабля. При-
шомъ и нѣкогда было: нашъ почтенный Тзингъ-
Фонгъ спѣшилъ осправившся далѣе.—До насшупле-
нія ночи, мы увидѣли оспрова *Сіантангъ*, *Пуло-
Мата*, *Пуло-Мобуръ*, и множесшво другихъ, неболь-
шихъ и безыменныхъ. Весь эшомъ, а шакже и *На-
тунаескій* архипелагъ планяшъ данъ Ріускому сул-
тану.

Осшашокъ нашего спранствованія, до самага Сі-
амскаго залива, не предсшавилъ ничего замѣчатель-
наго. Всегда на виду высокихъ горъ полуосшрова
Малаккескаго, мы были однакожь не шакъ близко
къ берегу, чшобы можно было замѣшинъ на немъ
чшо нибудь. Сшрасшный къ наукѣ, Баронъ имѣлъ
съ собою лучшіе морскіе инспруменшы и новѣй-
шія каршы. Каждый полдень, онъ опредѣлялъ шо,
чшо называешся моряками *тогкою*, или мѣсшомъ
корабля (point). Вооруженный сексшаномъ, онъ
слѣдовалъ за восходящимъ движеніемъ солнца, пока
не досшигало оно своего апогея; пошомъ скорымъ
и вѣрнымъ вычешомъ выводилъ широшу, въ кошо-

рой былъ на то время корабль. Однажды при этомъ занятіи, Капитанъ нашъ приблизился къ Барону, и, казалось, любопытствовалъ узнать, что значили это занятіе и этотъ инструментъ? Баронъ изъяснилъ ему, сколько могъ изъяснить черезъ переводчика, прошелъ съ нимъ небольшой курсъ о дѣленіи земли на градусы и о морскихъ вычетахъ. Капитанъ нашъ показывалъ глубокое вниманіе. Починая его убѣжденнымъ, и хотъ въ половину понявшимъ дѣло, Баронъ распроспранился о томъ, какъ посредствомъ рефрактора и цвѣтныхъ стеколъ приводится лишенное лучей солнце на линію горизонта. Этотъ физическій опытъ поразилъ Капитана болѣе всего: онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ и видѣлъ, что солнце проводится по небу, спускается въ море, по волѣ мѣднаго масштаба, на которомъ означены его эволюціи. Все это удивило и поразило Капитана. Нѣсколько разъ принимался онъ самъ удостовѣряться во всемъ, бралъ инструментъ, водилъ алидадою; потомъ снова заставилъ изъяснить себѣ пользу инструмента. Баронъ былъ въ восторгѣ; это было завоеваніе въ пользу знаній, это было убѣжденіе Азіяца въ превосходствѣ Европейскихъ свѣдѣній. Но почтенный Тзинъ-Фонгъ вдругъ задумался, покачалъ головою, и—что-же вы думаете?—«Да,» сказалъ онъ, «хорошо, очень хорошо: ты заставляешь солнце сойдти въ уровень моря, и черезъ это узнаешь на какой оно находится высотѣ? Это я понимаю. Но если ты считаешь такимъ образомъ *высоту*, то долженъ ты счесть и *глубину*. Скажи:

на сколько шеперь воды подъ кораблемъ?» — При такомъ неожиданномъ требованіи, Баронъ чуть не расхохотался, и секстантъ чуть не выпалъ у него изъ рукъ.» Что?» продолжалъ горделиво Капишанъ, «вѣдь не умѣешь сказать? А?» — Охъ! ты, Кишаецъ, пройной Кишаецъ, неподобный Кишаецъ! — шепнулъ мнѣ Баронъ, удерживаясь ошъ хохота. Тзинъ-Фонгъ ничего не замѣшилъ, и продолжалъ съ важностью: «Изъ этого видишь ты шеперь, что всѣ твои знанія щета, и что вы, Европейцы, знаете не больше нашего!» — Послѣ того, почтенный Капишанъ жалосно улыбался, смотря на занятія Барона, и извлекъ себѣ изъ нихъ новое доказательство въ превосходствѣ Кишайскихъ навигаціонныхъ свѣдѣній, не уступающихъ Европейскимъ, не смотря на хвастовство Европейскихъ ученыхъ.

Два внутреннія прошенія Сіамскаго залива не означены еще ни на одной картѣ вполнѣ и вѣрно. Во время путешествія своего, въ 1821 году, Г-нъ Крауфордъ осмошрѣлъ восточную сторону ихъ, Пуло-Уби, и длинную цѣпь островковъ, продолжающихъ его. Желая пользоваться муссономъ и вѣтеркомъ съ моря, мы слѣдовали около полуострова Малаккскаго до Пуло-Лозина, и потомъ повернули къ Сіамскому мысу Ліаншу, проходя среди множества обитаемыхъ и пустыхъ острововъ, и бросили якорь въ Сіамской гавани, 31-го Іюля. — Безъ высокихъ горъ Бангъ-Пазое, остававшихся у насъ влѣво, мы могли-бы подумать, что все еще находимся въ открытомъ морѣ: такъ были низки и по-

поплени водою берега , простиравшіеся передъ нами.

Назавтра, опять подняли мы якорь , и перешли по мѣлководью съ наступившимъ приливомъ. Въ шрехъ лѣе далѣе, жонка вошла въ устья рѣки *Мейнанъ* , пробираясь въ нѣкошорыхъ мѣстахъ черезъ груды мягкой и глинистой земли. По прибытіи въ *Пакъ-Чамъ*, первую деревню, находящуюся на лѣвомъ берегу рѣки, въ шрехъ миляхъ отъ устья , надобно было раздѣлаться съ Сіамскими присавами, опредѣленными для спражи съ сей стороны Сіама. Баронъ имѣлъ важныя рекомендаціи. Письмо Лорда Беншинка, въ случаѣ надобности, могло отворить ему двери, даже въ черпогъ Банкокского власпишеля. По всему этому , Пакъ-Намскіе чиновники обошлись съ нами чрезвычайно вѣжливо. Главнымъ изъ нихъ былъ спарикъ, еще крѣпкій и свѣжій, путешествовавшій по Азіи, посѣщавшій Кведу, Пенангъ и Бенгалъ; онъ изрядно говорилъ по-Малайски, а въ доказательство , что ему не совсѣмъ чужды были обычаи Европейцевъ , онъ жалъ намъ руки по-Англійски , и въ изъявленіе особенной дружбы, весьма сильно.

Послѣ остановки, продолжавшейся цѣлыя сутки, Тзинъ-Фонгъ получилъ дозволеніе плыть далѣе по рѣкѣ, и немедленно воспользовался дозволеніемъ. За Пакъ-Намомъ , Мейнанъ, до сего мѣста простирающійся почти на милю въ ширину, сдвигаетъ берега. Въ разстояніи полусуточного плаванія далѣе, на берегу рѣки видны остатки Голландской крѣпости, спроенной лѣтъ за полшорасна , въ цвѣ-

пущее время Голландской торговли съ Сіамомъ. Эти развалины, нынѣ покрытыя водою, и песчаная отмѣль около нихъ, суть единственныя опасности для плаванія по рѣкѣ. Пройдя ихъ, можешь плыть по водамъ Мейнана куда угодно, около обоихъ береговъ, даже цѣпляясь снастями за прибрежныя деревья, безъ опасенія повредишь что нибудь. Между Накъ-Намомъ и Банкокомъ, мы замѣтили двѣ каменные крѣпости, вокругъ которыхъ расселились колоніи Пегуанцевъ и Лаосцевъ, переселившихся сюда въ слѣдствіе послѣднихъ войнъ между Сіамомъ и Бирманами. Миль на 20-ть отъ устья Мейнана, земли Сіамскія представляютъ зрѣлище дикихъ и неспособныхъ къ обработкѣ земель, но далѣе за сею неблагоприятною полосой начинаются обильныя долины, съ богатыми насажденіями сарачинскаго риса и многочисленными селеніями. Купы пальмъ, сады, рощицы разнообразятъ пространство, оживленное стадами буйволовъ.

Августа 4-го, послѣ продолжительной прогулки нашей по Мейнапу, явился передъ нами Банкокъ, нынѣшняя столица Сіама, мѣстопробываніе царя Сіамскаго, съ шѣхъ поръ, какъ Сіо-Тіа раззорено нашесловіемъ Бирманскимъ. Находясь на берегахъ Мейнана, опоясывающаго оный со всѣхъ сторонъ, Банконъ издали свѣшится позолоченными шпицами своихъ пагодовъ, восходящихъ въ высоту конусами и пирамидами. По берегамъ протягивающіяся дома, съ кокосовыми и баніановыми крышками; ближе къ намъ множество лодокъ, опережая одна другую, спѣшили продать намъ съѣстныхъ припасовъ,

или предложишь услуги; вдали, для дополненія общности картины, дворецъ царскій, подъ коническою пирамидою главнаго зданія, возвышалъ опроски стѣнъ своихъ, какъ будто вѣрѣ. Около обоихъ береговъ видѣли мы множество плывучихъ жилищъ, успроенныхъ на бамбуковыхъ площадъ, прицѣпленныхъ къ берегамъ; это были лавки Кишайскихъ торговцевъ, опряжныя и красивыя, подлѣ кошорыхъ останавливались купческія жонки. Издали можно было разслушать шумъ голоса неушомимыхъ поргашей, во все горло провозглашавшихъ призывъ покупателей, похвалы своей свѣжей свининѣ, соленой рыбѣ и глиняной посудѣ. Согласно съ желаніемъ Барона, нашъ Капишанъ не располагался долго оставаться въ Сіамѣ. Предупрежденный объ этомъ, я хотѣлъ воспользоваться немедленно краткостью времени, и лодка поспѣшь повезла насъ на берегъ, гдѣ остановились мы прямо противъ дома Португальскаго Резиденша, съ которымъ хотѣли видѣться прежде всего. Не безъ труда пробрались мы сквозь толпу учтиваго, но слишкомъ любопытнаго народа, тѣснившуюся вокругъ насъ. Женщины и мужчины, старики и дѣти, *талапуаны* и царскіе чиновники, все сбѣжались глядѣть на насъ, и осматривать насъ съ ногъ до головы. Двери въ домъ почтеннаго Дона Сильвеира отворились и избавили насъ отъ скучнаго любопытства шужемцевъ.

Донъ Сильвеира принялъ насъ самымъ вѣжливымъ образомъ; попеременно подносили намъ чай, бетель, Кишайскіе конфекты, какъ будто желая

приучить насъ къ спраннымъ земли, хозяинъ хошѣлъ показати намъ предисловіе здѣшнихъ обычаевъ своимъ угощеніемъ. Онъ разговорился съ нами о нынѣшнемъ Царѣ Сіамскомъ, о недавнемъ посольствѣ Г-на Крауфорда въ Сіамъ, и аудіенціи, какой удостоился эпонъ Англіійскій посланникъ отъ Его Сіамскаго Величества. « Не безъ труда согласился повелитель Сіама принять Англичанъ. Нѣкошорые изъ Кишайцевъ увѣрили Пракланга (перваго министра), что Европейскій народъ всегда начинается ласковостью; пошомъ попросить позволенія выпроить себѣ домъ; пошомъ обвесить его сѣбною; пошомъ на сѣбѣ поставитъ пушки: такъ поступили Европейцы въ Бенгалѣ, такъ поступаятъ и въ Сіамѣ. Послѣ множества недоумѣній, рѣшились однакожь выслушать Англичанъ, сохраняя въ дѣлахъ съ ними величайшую ошоруженость. Апрѣля 8-го, 1821 года, Г-нъ Крауфордъ и чиновники посольства ошправились во дворецъ, въ носилкахъ, прикрытыхъ коврами и несомыхъ каждыя двумя чиновниками царскими. Безчисленное множество народа покрывало все пуши, по кошорымъ надобно было проходить; два ряда солдатъ царскихъ не въ состояніи были удерживать народной толпы. При входѣ во дворецъ, Посланникъ и чиновники его вышли изъ носилокъ, и должны были снять съ себя оружіе; передъ залю пріема пошребовалось еще пожертвованіе: надобно было скинуть башмаки. Тогда Посланника Его Великобританскаго Величества оглушили громомъ музыки, составленной изъ гонговъ, барабановъ,

флейшъ и дудокъ. Едва всшупилъ онъ въ залу пріема, явился и Его Сіамское Величешво. При видѣ Царя, всѣ присушествовавшіе привѣшествовали своего владыку поднашіемъ надъ головою рукъ, и преклоненіемъ головы при раза, шакъ низко, чшобы лбомъ можно было свободно спукнушся объ землю. Посланникъ уволилъ себя ошъ эшого слишкомъ низкаго поклоненія, но исполнилъ первый знакъ учшивосши, поднимая руки надъ головою.

«Зала пріема (продолжалъ Донъ Сильвеира) ешъ обширный, продолговашый чешыреугольникъ, фушовъ на восемьдесятъ въ длину и фушовъ на сорокъ въ ширину. Два ряда деревянныхъ пиласпръ ведутъ ошъ входа въ залу къ шрону, кошорый возвышенъ надъ поломъ. Спѣны и пошолокъ раскрашены краснымъ цвѣшомъ; карнизы хорошо позолочены, и золошья звѣзды изображены на пошолкѣ. Тронъ, весь вызолоченный, и въ половину прикрытый занавѣсами, золошомъ шишыми, походитъ на каеэдру, или, лучше сказаши, на кіошъ. Тунъ возсѣлъ Царь Сіамскій, съ золошымъ жезломъ въ рукахъ; налѣво ошъ него находились подарки, кошорыми Бенгальскій начальникъ привѣшествовалъ Его Сіамское Величешво. Когда одинъ изъ секрешарей прочишалъ реэспръ подаркамъ, родъ дипломатическаго донроса начался ошъ имени Царя Англійскому Посланнику черезъ переводчика. Важнѣйшіе изъ вопросовъ были слѣдующіе: «Кшо васъ послалъ ко миѣ? Англійскій Король знаешъ-ли, чшо вы поѣхали ко миѣ? Кшо сшарше, Англійскій Король, или вашъ Генераль-Губерна-

шоръ? Куда поѣдете вы изъ Сіама? Будете-ли вы въ Туранѣ? Посѣтите-ли вы Гуче?» и проч. и проч.— Наконецъ рядъ безконечныхъ вопросовъ Его Величества исшощился, и онъ заключилъ его словами: «Счастливымъ себя считаю, что видѣлъ Посланника Индійскаго Губернашора. Если вы чтонибудь хотите мнѣ сказать, перескажите это моему министру Сузивунгъ-Коза. А если хотите вы сдѣлать мнѣ угодное по возвращеніи вашемъ, то привезите намъ оружія; въ этомъ только и имѣемъ мы надобность.» Едва были сказаны сіи слова, неслышимъ ударомъ пискливаго и разноголоснаго хора музыки огласилась вся зала; шронъ и Царь задержались занавѣсками, а придворные снова преклонились до земли. — Вотъ все, чего могло добиться Англійское посольство отъ Сіамскаго Царя. Потомъ, Г-нъ Крауфордъ доснигъ, правда, заключенія торговаго пракшана черезъ министра, но съ Азіатскими властителями договоръ ничего не значить; приходъ какогонибудь вельможи, своевольство какогонибудь чиновника, не говоря уже о самомъ властителѣ, могутъ мгновенно уничтожить договоры, съ величайшимъ трудомъ заключенные.»

Резидентъ взялся провожать насъ въ прогулку нашей по городу. Дворецъ царскій былъ по соседству жилища Дона Сильвейра, и прежде всего мы оправились туда. Подлѣ вѣшней ограды, насъ ожидало любопытное зрѣлище: Пра-клангъ, первый министръ, на великолѣпно убранномъ слонѣ, ѣхалъ во дворецъ. По сторонамъ, спереди и сзади, ска-

кали всадники и шли солдаты. Всѣ эти провожа-
 ные министра, въ своемъ полу-Европейскомъ,
 полу-Азіяшскомъ одѣяніи, представляли самое за-
 бавное шествіе. Мундиръ солдатъ Сіамскихъ со-
 ставляеиъ куршка, изъ плохаго краснаго сукна,
 зашегнушая спереди. Широкія, висящія шаровары
 просшираются только до колѣнъ. На головахъ
 странныя шляпы, въ видѣ остроконечнаго конуса,
 съ широкими полями, сдѣланныя изъ носороговой
 кожи, покрытой лакомъ, споль крѣпкія, что сабля
 не пробиваетъ ихъ. Общее оружіе всѣхъ солдатъ
 составляютъ длинныя пики; у нѣкоторыхъ есиъ
 ружья безъ штыковъ, и даже безъ шомполовъ. Все
 это шествіе церемоніально вступило во дворецъ
 царскій, который, съ своими крыльями, образу-
 етъ рядъ обрѣзанныхъ поршниковъ, восходящихъ
 ступенями до круглаго шшица.

Послѣ дворца, мы заглянули въ капища. Самое
 красивое построено *Кромъ-Шіатомъ*, нынѣшнимъ
 власишелемъ Сіамскимъ; это великолѣпный пагодъ
 Буддійскій, наполненный богатыми свяшшищами и
 кельями для его шалапуановъ, подъ шѣною де-
 ревь. Вѣрованіе *Будды*, или *Фо*, обще Сіамцамъ,
 Браминамъ и Цингалезамъ, а пошому формы духов-
 ныхъ построекъ, шакъ-же какъ обычаи и обряды
 къ нимъ принадлежащіе, почти одинаковы у сихъ
 народовъ. Послѣ пагодовъ Цейланскихъ и Бирман-
 скихъ, здѣшніе не могли возбудишь моего удивле-
 нія, и пошому не обращалъ я особенной внима-
 тельности на пагоды Банкокскіе, кромѣ одного
 однакожь, ошдѣльнаго и уединеннаго небольшого

пагода, ошличнаго своею спройносшію и формамн. На каждомъ углу его видны символическія изображенія вѣры Буддѣйской и Браминской. Направо, налѣво и впереди храма построены *прау*, или часовни по обѣщаніямъ, напоминающія формою своею Саррацинскія башенки. Немного далѣе находишся кеношафъ (*), посвященный Гушаму, нынѣшнему Буддѣ, также заслужившій вниманіе наше; онъ сдѣланъ изъ Кипайскаго мрамора, и работы превосходной; на верху его усроенъ родъ крыши, подъ кошорою изображенъ Будда, лежащій; одинъ изъ учениковъ его предсавленъ сномъ съ видомъ благоговѣнія. Этошъ памятникъ благочеснія Буддѣйскаго, характера проснаго и самобышнаго, сномъ бышъ оспопрѣннымъ.

Приближаясь къ срединѣ города, мы входили въ нѣкошорые дома; они почши все построены изъ бамбука и покрышы пальмовыми лиспьями; окошки съ рѣшешками, для большей прохлады; небольшая загородка, усаженная фрукшовыми деревьями, служишъ дополненіемъ почши каждому дому. Передъ однимъ изъ нихъ, мы увидѣли чешу Сіамскую, мужчину и женщину; онъ былъ обвернушъ въ лоскушъ шкани, закрывавшій его спереди до икръ; женщина сидѣла на рашановой канаше, держа въ рукѣ вѣеръ; волосы у нея были обсприжены, какъ

(*) *Кенотафъ*, гробница, воздвигнушая въ памяшъ чью либо, когда самыя останки того, въ чью памяшъ она воздвигнуша, не находяшся въ ней. *Прим. Пер.*

у мужчины; доскушъ полосающей шкани, драпированный на ея плечѣ, оставлялъ половину груди открытою; довольно широкія шаровары оканчивались ниже колѣна. Физиогномія этой женщины была крошкая, пріятная, привлекательная, а спрже-ная голова ея, простой и спранный нарядъ восхищили моего Барона; онъ непременно захошѣлъ войдши въ домъ этихъ смиренныхъ супруговъ; насъ встрѣтили сначала съ маленькою недовѣрчивостью, но потомъ были къ намъ радушны и гостепріимны.

Домы богатыхъ купцовъ и чиновниковъ, храмы и дворцы спроясны здѣсь обыкновенно изъ матеріаловъ болѣе прочныхъ, нежели бамбукъ и пальмовые листья. Мраморъ, камень, кирпичъ, извешка, спроевой лѣсъ входящъ въ сооруженіе ихъ. Крыши дѣлающъ изъ красной черепицы, иногда изъ листового олова, или калина (Китайскаго олова), блистающихъ отъ лучей солнца.

Упомянутые нашею прогулкою по Банкоку, мы посѣщили къ берегу Мейнана, гдѣ просились съ услужливымъ Дономъ Сильвейромъ. На завтра, Баронъ разбудилъ меня весьма рано. «Пойдемте,» сказалъ онъ — «опянь смошрѣнь Банкокъ, но на эиопъ разъ пойдемъ одии; надобно разглядѣнь эиопъ народъ ближе вчерашняго, и потомъ подумаешь, что сказаешь объ немъ. Не люблю ни пережеванныхъ изъясненій, ни испеченныхъ другими сужденій.» Черезъ нѣсколько минушъ мы были уже на одномъ изъ прибрежныхъ плошовъ, и вскорѣ

услужливое народонаселеніе окружило насъ, и слѣдовало за нами, непрерывно увеличиваясь. Насъ вспрѣтали, или смѣшаннымъ шумомъ, или вопросами, споль глупыми, что вмѣсто ошвѣта, переводчикъ нашъ только что пожималъ плечами. Толпу всего болѣе занимало желаніе знать: изъ чего сшиты наши плашья, и къ чему служатъ разныя мѣлочи, составляющія Европейскій нарядъ. Въ шаткомъ сопровожденіи, обошли мы по самымъ многлюднымъ частямъ города; видѣли Кишайскій базаръ, высланный кирпичемъ, гдѣ разложены шовары Европы и Азіи, Кишайскіе крепы, любимое одѣяніе Сіамокъ, Бенгальскія шкани и Англійскія сукна; прошли около крѣпости, безъ рововъ и пушекъ; посѣпили шюрму, пороховой заводъ, и публичныя гостиницы, нѣсколько похожія на Индійскія *шатри*.

Банкокъ построень на наносной землѣ, однакожь сухой и швердой. Широкіе каналы, съ маленькими прошоками, раздвинушы по всему городу и дѣлають его похожимъ на Венецію; всѣ они покрышы купеческими лодками, нагруженными сарачинскимъ пшеномъ, хлопчатною бумагою, солью, масломъ, соленою рыбою, составляя такимъ образомъ магазины для опшовой и мѣлочной шорговли. Отъ одного мѣста до другаго, на эшихъ водяныхъ переконяхъ наброшены грубые мостики, составленные изъ древесныхъ пней, и возвышающіеся до 30-ти фушовъ въ вышину; чнобы перейдши по нимъ безъ страха, надобны смѣлосшь и ловкосшь балансора.

Уже часа два ходили мы, а Баронъ не говорилъ еще мнѣ ни одного слова. Казалось, что погруженный въ свою роль наблюдателя, онъ совершенно забылъ обо мнѣ. Вдругъ молчаніе его прервано было восклицаніемъ: « Все эшо гадосъ — люди, домы, промышленносъ, нравы, характеръ! Полуобразование испоршило эшошъ народъ; лучше бышъ совершеннымъ варваромъ, подобно Монголамъ. Трусосъ, лѣносъ, щеславіе, низосъ — вошъ что написано на всѣхъ эшихъ рожахъ! Не шрудно повѣришъ, что здѣсь умѣюшъ привѣтствовать шолько спуча лбомъ о полъ! »

Мы старались пробиться сквозь толпу Сіамскихъ зѣвакъ, и одинъ изъ нихъ предложилъ переводчику проводить насъ къ *бѣлымъ слонамъ*, предмету особеннаго почтенія на всемъ Индо-Китайскомъ, или Восточно-Индійскомъ полуостровѣ. Баронъ обрадовался развлеченію его досады. Мы пошли немедленно.

Нынѣшній Царь Сіамскій обладаетъ шестью бѣлыми слонами—благополучіе, неслыханное въ лѣтописяхъ государсва, и пошому считающъ его признакомъ особеннаго благословенія нынѣшнему Царю. Мы видѣли чешырехъ слоновъ; два оспальные были споль дики, что не безопасно было сморѣшъ ихъ. Всѣ видѣнные нами имѣли шерсшъ совершенно бѣлую, кромѣ немногихъ мѣспъ шѣлеснаго цвѣша, шамъ, гдѣ волосы вывалились. Никакого признака нѣшъ, чтобы эша бѣлизна означала болѣзнь. Величина сихъ животныхъ простиралась отъ

6-ти до 9-ти фузовъ. Родословіе ихъ, тщательно собранное, показывало, что всѣ они родились въ царствѣ Лаоскомъ, и ни одного не было изъ нихъ ни Сіамскаго, ни Малайскаго. Рѣдкость бѣлыхъ слоновъ есть, безъ сомнѣнія, единственная причина чрезмѣрнаго почтенія, имъ воздаваемого. Послѣдователи Буддизма, при своей сиспемѣ переселенія душъ, должны думать, что столь необыкновенное живошное, въ такихъ сѣранахъ, гдѣ водился такое множество слоновъ, должно быть причислено къ живошнымъ самымъ чистымъ и совершеннымъ. Въ шѣлѣ бѣлаго слона, говорятъ они, должна быть заключена самая знаменишая душа; народное суевѣріе выдумало къ этому, что эта душа долженствовала прежде принадлежать великимъ царямъ. Такъ и называютъ бѣлыхъ слоновъ, съ опличіемъ по характеру каждаго: *Царь гистый, Царь грозный, Царь добрый*, и проч.—Каждый изъ этихъ четвероногихъ полубоговъ имѣетъ особенное опдѣленіе для жишья, и по десяти человѣкъ для прислуги. Клыки самцовъ украшаютъ золошными колокольчиками; верхушку головы обвязываютъ золошою цѣпочкою; маленькая бархатная, вышитая золошомъ подушка, покрываетъ спину. Въ особенной опгородкѣ подлѣ этихъ великихъ живошныхъ, пушеводисель нашъ показалъ намъ еще двухъ бѣлыхъ обезьянъ, высокаго роста, съ длинными хвостами. Ихъ почищаютъ необходимыми для прогнанія всякой болѣзни опъ бѣлыхъ слоновъ.—Опсюда перешли мы въ спойла другихъ слоновъ, копорые, по обыкновенности цвѣта своего, осуждены на ра-

бонны. Они не оплечаются ничѣмъ, средняго роста, съ довольно большими головами, но корнаки ихъ съ восторгомъ говорили намъ объ умственныхъ, драгоценныхъ свойствахъ этихъ живописныхъ Царя Сіамскаго; нѣкоторые изъ нихъ были съ бѣлыми пиянами, особливо на головахъ.

Случай привелъ насъ послѣ того на похороны, куда сбѣжалось множество праздныхъ зрителей. Обрядъ происходилъ подъ обширнымъ баніановымъ деревомъ, распростиравшимъ вѣтви свои на дворъ одного пагода. Гробъ стоялъ шумъ, возвышенный на шесть футовъ отъ земли, подъ балдахиномъ, украшеннымъ жасминами. Когда шумная музыка гонговъ и барабановъ прогремѣла въ свой чередъ, начались молитвы, подъ предводительствомъ шалапуана. Онъ былъ произносимъ на Палийскомъ языкѣ, и присутствующіе повторяли ихъ, чиня по пальмовымъ листочкамъ. Нѣсколько женщинъ, сидѣвшихъ на площадкѣ за священникомъ, держали въ рукахъ свѣчи. Послѣ молитвъ приблизились къ покойнику шалапуаны, сняли съ гроба суконную крышку и раздѣлили между собою; пошомъ передали тѣло служителямъ, долженствовавшимъ обмыть и пригословить его къ сожженію. Пока исполнялся сей обрядъ, мы могли разсмотрѣть положеніе присутствовавшихъ; они все казались важны и благоприсойны, но ничто не показывало въ нихъ большой печали. Только одна женщина была глубоко огорчена — жена молодого покойника, которому едва-ли совершилось еще двадцать лѣтъ; въ знакъ траура, голова ея была обстрижена, а

плащье бѣлое. Она сидѣла подлѣ гроба, плакала и рыдала. Погребальный костеръ составили изъ груды горячихъ веществъ, и на него поставили гробъ. Послѣ повиновенія молитвы, шалапуаны раздѣлили присутствующимъ факелы и зажженные куски дерева. Баронъ и я получили также по и другое, на ряду съ прочими, и въ свой чередъ должны были поджечь костеръ покойника. Кругомъ собрались родственники подлѣ костра, сдѣлали связку изъ своихъ одеждъ, шесть разъ подносили ее къ огню, съ осторожностью, чтобы она не загорѣлась. Когда костеръ представлялъ уже только пепелъ и уголья, каждый удалился, представляя исполнить остальные обряды вдовѣ покойника. — Этого послѣднѣй долгъ, ошданный мершвому, расстрогалъ моего безстрашнаго Барона. Благоговѣнне шалапуановъ, молчаливое почтеніе толпы, скорбь молодой и красивой вдовы, расшевелили немного его холодность. «И у этого народа есть хорошія стороны» — сказалъ я. Баронъ видѣлъ, что я угадалъ его чувство. «Вздоръ!» ошвѣчалъ онъ — «все это комедія — шумъ плакали и хныкали, а завтра наследники подерутся за его наследство, а вдова унѣшится съ другимъ мужемъ!» — Ты неисправимъ! — подумалъ я.

Мы были уже на обратномъ пути къ рѣкѣ, посѣтивъ еще развалины двухъ крѣпостей, Французской и Голландской, и уже приближались къ при-
снани, когда встрѣшилъ насъ какой-то человекъ. Это по видимому былъ Сіамецъ, но его одѣяніе, полу-здѣшнее, полу-Европейское, придавало ему

такой смѣшной видъ , что мы не понимали , кто-бы могъ это быть въ самомъ дѣлѣ. «Я посланъ къ вамъ — сказалъ намъ эношъ чужакъ , на какомъ-то едва поняшномъ Французскомъ языкѣ — отъ Каполическаго Епископа. Не угодно-ли пожаловать со мною къ Его Святѣйшесству?» Хотя форма приглашенія и видъ приглашающаго не представляли ничего много общаваго , но мы обрадовались случаю видѣть остатки прежнихъ знаменитыхъ миссій Французскихъ въ Сіамѣ, и узнать нынѣшнее ихъ состояніе. Вскорѣ очутились мы въ жилищѣ Епископа , семидесятилѣтняго старца , сохраниваго еще силы душевныя и тѣлесныя, уроженца Авиньонскаго, сорокъ лѣтъ пребывающаго въ Сіамѣ и Кохинхинѣ. Онъ именовался Г-нъ Созополисъ , принадлежалъ къ ордену Доминикановъ, и заключалъ собою длинный рядъ іерарховъ, которыхъ содержалъ здѣсь Римскій первосвященитель съ 1659 года. Власть здѣшняго Епископа простирается на всѣхъ Каполиковъ, находящихся въ Сіамѣ и на Малаккѣ. Около 3,000 христіанъ составляютъ спадовѣрныхъ, подчиненныхъ сему достопамятному пастырю. Въ Банкокѣ находятся три Каполическія церкви : *Успенія* , *Св. Анны* и *Крестовская*. Первая счисляется соборною, а бѣдный домъ, гдѣ мы нашли старца, называется Епископствомъ. Видъ земляка сдѣлалъ на добраго Епископа впечатлѣніе, котораго не берусь я описывать. «Говорите , М. Г. — сказалъ онъ мнѣ — говорите со мною по-Французски: хочу слышать звуки роднаго языка, звуки милой отчизны моей! Въ странствующемъ бытіи мо-

емъ, по десяти, по пѣнадцати лѣтъ не слышу я эсихъ сладосныхъ звуковъ. Скажите, не видали-ль вы Авиньона? Бывали-ль вы тамъ? Таковъ-ли онъ, какъ прежде? А наша милая Рона? Я посвятилъ всю жизнь мою служенію Бога, но воспоминаніе опчизны мнѣ драгоцѣнно—Богъ прости мнѣ, что я грущу объ ней—не могу забыть ее!»—Я опвѣчалъ почтенному прелату, сколько могъ удовлетворительнѣе, и за-спавилъ его плаканъ моими подробностями раз-сказа объ Авиньонѣ, гдѣ былъ недавно. Попомъ за-говорили мы о политическихъ происшествіяхъ, и мнѣ казалось, что я говорю съ пришельцемъ изъ другаго міра; изумленіе заснуило мѣсто другихъ чувствъ на лицѣ Епископа; Г-нъ Созополисъ слу-шалъ меня такъ, какъ будто я рассказывалъ ему небывалыя сказки. Но это не было пришествіе: дѣйствительно, со времени своего пріѣзда въ Сіамъ, съ 1787 года, ни одно изъ новѣйшихъ событій не доспигало до него. Начавъ, немедленно по при-бытіи, снранническую жизнь миссіонера, онъ де-сятки лѣтъ провелъ въ Тибетѣ, Лаосѣ, Кохинхинѣ внутренней, и только недавно ворошилъ въ Бан-кокъ. Я былъ первый землякъ, котораго онъ уви-дѣлъ черезъ много лѣтъ. Вообразите себѣ удиви-тельное состояніе человѣка, который не слыхивалъ даже имени *Наполеона*! Баронъ сначала думалъ, что Епископъ шушитъ, или помѣшался, но скорѣ увѣрился онъ, что то и другое подозрѣніе были несправедливы. Епископъ зналъ, что во Франціи начались какіе-то бунты, были какія-то перемѣны, но слыша обо всемъ этомъ опъ здѣшнихъ тузем-

цевъ, онъ почти не вѣрилъ этому. Когда разсказалъ я ему сокращенно исторію Франціи за послѣдніе сорокъ лѣтъ, мыпостепенно могли видѣть на почтенномъ лицѣ сшарика выраженія сшраха, удивленія, гордосши и скорби....

Въ свой чередъ, я хошѣлъ слышать разсказъ о сшраннической жизни и шрудныхъ его пушешествіяхъ въ глубинѣ Азіи, сшараясь уловить кой-какія языческія подробности въ его духовныхъ шрудахъ. Епископъ ошкровенно признался, что почти всѣ сшаранія его о расшросшраненіи Христіансшва ошшаются безплодны. «Языческіе жрецы управляютъ здѣсь повсюду—говорилъ онъ — и Слово Божіе погибаетъ шунѣ для ослѣпленныхъ и покорныхъ заблужденію народовъ. Нравсшвенные законы язычсшва, сшоль плоскіе, сшоль приспособленные къ нравамъ и обычаямъ здѣшнихъ обиташелей, ошвращаютъ шужемцевъ Азіи ошъ божесшвеннаго ученія. Впрочемъ, въ Сіамѣ есть еще другое препяшсшвіе: жишели здѣшніе шщеславны и горды; почишаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ, первымъ и совершеннымъ въ наукахъ, искусшвахъ и вѣрованіяхъ. Они ошвергаютъ Евангеліе не сшолько по ошвращенію ошъ правилъ его, сколько по своей гордосши. Демонъ шщеславія непобѣдимъ въ сердцахъ ихъ, огрубѣвшихъ въ предразсудкѣ.»

Наши разговоры продолжились до самаго вечера. Желая продлить еще сколько нибудь бесѣду съ нами, Епископъ просилъ насъ раздѣлить съ нимъ умѣренный ужинъ, состоявшій изъ шщицы, сарачинскаго шшена и Кишайскихъ конфектовъ. Для

дополненія роскоши пира , Г-нъ Созополисъ самъ пошелъ и опыскалъ у себя бушылку, съ заплѣсневѣлымъ ерлычкомъ, на кошоромъ едва можно было прочиташь: *Vin de Frontignan*. Вино было плохое, выдохнувшееся и испорченное климашомъ и временемъ. Въ награду за то, Баронъ опослалъ къ Епископу на другой день десятокъ бушылокъ Конспанцскаго, кошорое, безъ сомнѣнія, нерѣдко приводило попомъ на память доброму спарцу наше посѣщеніе.

Было уже девять часовъ вечера , когда мы разсхались. Прошивъ обыкновенія, весь городъ находился еще въ движеніи, и толпы народа шѣснились особенно въ прибрежныхъ часяхъ его. Взглядъ на рѣку объяснилъ намъ загадку: Кишайцы праздновали *новый годъ* ; цѣпи фонарей, изъ цвѣшной, пропишанной масломъ бумаги, развѣшенныхъ по всѣмъ пловучимъ домамъ и площадямъ Кишайцевъ на Мейнанѣ, опражались огненными ошблесками въ водахъ рѣки. Жонки по всей рѣкѣ, въ шомъ числѣ и наша, были иллюминированы шакимъ-же образомъ ; мачшы, снаспи, палуба, все блиспало разноцвѣшными огнями, между шѣмъ, какъ шумъ оркесшровъ, сосшавленныхъ изъ гонговъ и барабановъ, соединялся повсюду съ пѣснями. Мы доспигли нашего корабля при звукахъ музыки и огняхъ увеселишельныхъ.

Въ шеченіе слѣдующихъ двухъ дней не сходили мы на берегъ; Баронъ жаловался на болѣзнь и опдыхалъ , а мнѣ надобно было привесши въ порядокъ все, что я замѣшилъ и слышалъ. Мнѣ надобно было сообразить *исторію и географію Сіама* —

исторію, во времена Людовика XIV-го споль сближенную съ Францією, и географію, споль еще мало-извѣстную, что до сихъ поръ не согласились географы даже въ настоящихъ предѣлахъ Сіамскаго государства.

ГЛАВА XXV.

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ СИАМА.

Подобно множеству другихъ именъ , имя Сіама до сихъ поръ сбиваетъ съ толку этимологовъ. Сіамцы называютъ страну свою *Тай* (*Thai*), Бирманы именуютъ ее *Шанъ*, Кипайцы и Малайцы *Семъ*. Названіе прежней столицы, *Сіо-Тіа*, кажется, имѣло начало свое въ мифологическомъ источникѣ, происходя отъ *Сри-Айудія* — Санскритскаго наименованія царства Божескаго и Индійскаго Царя *Рама* , споль славнаго въ легендахъ Сіамскихъ. Отсюда , безъ сомнѣнія , происходили величайшія измѣненія имени , какія перпѣла Сіамская столица на различныхъ картахъ; ее называли: *Сіамъ*, *Ютія*, *Одія*, *Жюдія*. Лалуберъ раздѣлялъ Сіамцевъ на два народа — *Тай-Яй* и *Тай-Ное* , великихъ и малыхъ Тайевъ ; первыми почишалъ онъ Сіамцевъ-собственно, извѣстныхъ подъ симъ именемъ Европейцамъ; вторыми полагалъ народъ гораздо древнѣй-

шій и болѣе неизвѣстный. Это дѣленіе до сихъ поръ ни утверждено, ни опровергнуто; знаемъ только, что жили Лаоса по-Сіамски называющіеся *Тай-Яй*.

Достоверная Исторія о Сіамѣ восходитъ не далѣе нѣсколькихъ столѣтій. Стараясь идти въ древность болѣе отдаленную, находимъ только, что около 638 г. нашей эры, вѣра *Гутама*, или *Буддизмъ*, внесенъ былъ въ Сіамскую землю съ острова Цейлана, въ царствованіе Крека, послѣ котораго, до нашихъ временъ, царствовали одинъ за другимъ *шестдесятъ царей*; въ 1187 г., придцавъ прешій изъ нихъ обиталъ въ Лаконшай, городъ, находящемся близъ предѣловъ Лаоса, подъ 20° широты; потомъ столица была перенесена въ *Сіотіа*, на берега Мейнана, придцавъ шестымъ царемъ, существовавшимъ около 1350 года отъ Р. Х.

Съ 1502 г. суземныя извѣстія смѣняющіяся для насъ Европейскою повѣстью. Съ сего времени Сіамъ вмѣшался въ дѣла Индійскія; одинъ изъ Царей его сдѣлалъ неудачное нападеніе на царство Малаккское, около 1511 года, и тогда начались сношенія между тамошней Португальскою факторіею и владѣніями Сіамцевъ на полуостровѣ Малаккскомъ. Полтора вѣка прошли потомъ для Сіама во внутреннихъ смѣшеніяхъ и внешнихъ нашествіяхъ; только около конца XVII-го столѣтія Сіамскія лѣтописи являютъ намъ болѣе жизни и занимательности.

Эта была та эпоха, когда ревность къ распространенію Христіанства далеко разсыпала миссіи ревностныхъ и безспрашныхъ проповѣдниковъ. Общество Французскихъ миссій едва было основано, какъ уже три духовные особы, мужи отличенные родомъ и дарованіями, отправились въ Сіамъ, съ намѣреніемъ кончить благочестивое дѣло, начатое тамъ Францисканами и Доминиканами, жившими въ Гоа. Сии три проповѣдника были: *Ламоттъ-Ламберъ*, епископъ Беричскій, *Паллю*, епископъ Геліополискій, *Котоленти*, епископъ Мешеллополискій. Одинъ за другимъ, отправлялись они изъ Марселя, выходили на берегъ Сирійскій, и подвергались опасностямъ сухопутнаго странствованія черезъ внутреннюю Азію. Путешествія ихъ до Сіама продолжались по два года; черезъ степи Аравійскія, Персію, Индію, Малакку, первый изъ нихъ прибылъ въ Сіамъ въ 1662 году, а другіе вскорѣ пошомъ. Тогда царствовалъ въ Сіамѣ пятидесять второй царь, *Чау-Нарайя*, человекъ умный, готовый на нововведенія, превывавшій понятіями своихъ подданныхъ, и не отрицавшійся испытать пользы, могущихъ произойти отъ Европейскаго образованія. Пріемъ отъ него миссіонерамъ-Епископамъ былъ весьма ласковый; Царь уступилъ имъ поле, или часть земли, на которой основали они семинарію *Св. Іосифа*. Христіане, бѣжавшіе изъ Кохинхины, въ слѣдствіе гоненія, тамъ воздвигнушаго, прибѣгли подъ покровительство Епископовъ Сіамскихъ и образовали начало Христіанства въ Сіамѣ. Но сии первые успѣхи ничего не значили

прошивъ шого , что пригошовлялъ Европейцамъ случай.

Просто случай привелъ ко Двору Чау-Нарайя одного искашеля приключеній, *Константина Фалькона*, уроженца Кефалонійскаго. Онъ былъ увезенъ, въ молодыхъ лѣтахъ , въ Лондонъ ; попомъ пробрался въ Индію съ своимъ покровишелемъ; попеременно былъ онъ шущъ купцомъ , солдашомъ Англійской милиціи, шоргашемъ, маклеромъ , прикащикомъ. Послѣ множества удачныхъ и неудачныхъ спранспивованій, бурей заброшенъ былъ Фальконъ въ шакое мѣсто, гдѣ находился шогда Сіамскій Посланникъ , опшправленный къ Персидскому Двору. Нѣкошорыя услуги, оказанныя эшому чиновнику , были началомъ полишической жизни Фалькона. Опшравясь съ посланникомъ въ Сіо-Тіа , Фальконъ жилъ шамъ нѣсколько времени въ бѣдности, получая пропишаніе въ семинаріи Св. Іосифа, на счетъ Беришскаго Епископа. Но на аудіенціи , какою удостоилъ его Царь Сіамскій, Фальконъ умѣлъ показатъ шолько ума, раскрылъ шоль новыя и вѣрныя соображенія, касашельно Сіамской полишики, что Чау-Нарайя опредѣлилъ его къ себѣ въ службу , и вскорѣ сдѣлалъ его первымъ миниспромъ своимъ и шайнымъ совѣшникомъ. Доспигнувъ шакихъ высокихъ званій черезъ посредство Французскихъ Епископовъ, Фальконъ не забылъ своихъ покровишелей. Бывши хрисіаниномъ Греческаго исповѣданія, по рожденію, онъ принялъ въ Лондонѣ Протестантскую вѣру , а въ Сіамѣ , больше по разсчету, нежели сердечному убѣжденію,

сдѣлался Каполикомъ. Честолюбивый и хитрый, онъ покровительствовалъ прудамъ миссіонеровъ, выпросилъ имъ отъ Царя многія преимущества и пособія, построилъ церкви и дома. Но главная мысль Фалькона была не религіозная, а политическая: черезъ Французскихъ Епископовъ хотѣлъ онъ пробраться къ Людовику XIV-му, выславляя на видъ заслуги, могущія обратитъ вниманіе сего честолюбиваго монарха.

Дѣйствительно, вскорѣ заговорили въ Парижѣ о посольствѣ, которое отправляетъ Царь Сіамскій къ Французскому Королю, хотя Франція не приложила о томъ никакой предварительной заботы. Сначала слухъ этотъ считали пустыми вѣстями; но доказательства Ваше и Паскаля, миссіонеровъ Индійскихъ, не оставили надолго сомнѣнія въ истинѣ. Они представили письма Французскихъ Епископовъ изъ Сіама, гдѣ подробно говорилось о посольствѣ и важныхъ степеняхъ двухъ Сіамскихъ чиновниковъ, отправляемыхъ полномочными Послами къ Французскому Двору. Тогда дѣло почтено было государственнымъ; заговорили о пріемѣ, эшикетѣ, аудіенціи, и рѣшили, что для пораженія наружнымъ блескомъ людей, недоступныхъ никакому другому вліянію, Король долженъ явиться имъ въ наивозможномъ великолѣпіи. Людовикъ XIV-й нарядился въ плащъ до такой степени обремененное золотомъ и драгоценными каменьями, что блескомъ одежды оправдывалъ выбранную имъ эмблему солнца. Пословъ приняли въ Версали, среди самаго блестящаго Двора; они привѣщивали Короля по-

Сіамски, подмешая прахъ ногъ своихъ шапками, увѣшанными золомомъ. Пошомъ обѣдали они съ Королемъ, и всѣ фоншаны Версальскіе были для нихъ приведены въ дѣйствіе. Братъ Королевскій далъ имъ праздникъ въ Сень-Клу, а Принцъ Конде угощалъ ихъ большою охошою въ Шаншильи. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ безпокойной и шумной жизни, кошорую бѣдные Сіамцы принуждены были вести въ Парижѣ, ихъ обременили сполькими наслажденіями, сполькими шоржесшвами и праздниками, что они ошправились обратно совершенно восхищенные и полумершвые ошъ ушомленія. Людовикъ XIV-й не хошѣлъ оспашься въ долгу передъ учшвымъ Царемъ Сіама. Сентября 27-го 1687 г. явилось на берегахъ Мейнана посольство Французское. Его составляли: *шевалье Де-Шомонъ, Де-Сербере и Далуберъ*, начальники посольства, пять миссіонеровъ и четырнадцать Іезуитовъ. Въ числѣ послѣднихъ находился опецъ *Ташаръ*, подъ званіемъ машемашика скрывавшій званіе главнаго агента, съ насшавленіями и полномочіемъ, превосходившими порученія и полномочія самихъ пословъ. Это былъ повѣренный Г-жи Меншенонъ и опца Лашеза, взявшійся склонить Его Сіамское Величество на шоржесшвенное принашіе христіанской вѣры.

Послѣ первыхъ привѣтствій и праздниковъ, Послы Людовика XIV-го начали насшоятельно говорить о желаніи Французскаго монарха — видѣть брата его, могущаго Царя Сіамскаго, обращеннымъ въ вѣру христіанскую. Много переговоровъ происходило по сему случаю. Чау-Нарайя ошвѣчалъ

вѣжливо , даже удостоилъ вступити въ пренія о вѣрахъ, и въ одномъ изъ ошвѣшовъ, вѣрояшно, составленномъ рукою Фалькона , объяснялся такимъ образомъ: «Быспрая перемѣна можешъ произвесъ возмущеніе, и мнѣ не лзя безнаказанно ввести новую вѣру , оставивъ прежнюю , исповѣдуемую въ царствѣ моемъ уже 2229 лѣтъ. »

Выводы Сіамской логики не трудно было опцу Ташару опровергнувъ, но всѣ споры его о религіи съ учпивымъ царемъ кончились однакожь шолько спорами и взаимными возраженіями. Обѣ спороны ошались при своемъ мнѣніи. Полишическіе переговоры оказались гораздо успѣшнѣе. Снисходительность Сіамскаго государя была шоль велика, что онъ согласился принять Французскіе гарнизоны въ Банкокъ и Мергуи, два охранныя мѣста Сіамскихъ пограничныхъ обласей. Въ семъ случаѣ Конспаншинъ Фальконъ дѣйствовалъ въ свою пользу, какъ дипломатъ искусный и полишникъ предусмотрительный. Единственную опору его составлялъ Царь Сіамскій. Чау-Нарайя защищалъ любимца своего ошъ ненависти всѣхъ другихъ вельможъ и не-любви народной. Принятіе христіанской вѣры могло возбудити возстаніе даже и прошивъ Царя, а не шокмо погубити Фалькона; пошому онъ прошивился эшому дѣлу всѣми силами. Но шракташъ союза , и особенно требованіе вспомошательныхъ войскъ было особеннымъ его желаніемъ , ибо, въ случаѣ немилости Царя, или народнаго возстанія, въ войскѣ Французскомъ находилъ онъ опору и спасеніе. Небольшой ошрядъ Французовъ переве-

зень былъ немедленно въ Сіамъ, и въ шайныхъ по-
 спановленіяхъ, Фаржу, начальнику его, приказано
 было повиноваться Фалькону при всѣхъ важнѣйшихъ
 случаяхъ. Французская гвардія, изъ 24-хъ солдатъ,
 была особенно отдѣлена Министру; нѣкоторые изъ
 офицеровъ Французскихъ почислены въ разныхъ пол-
 кахъ Сіамскихъ. Начальникъ эскадры Французской,
 Форбенъ, добродушный морякъ, но человѣкъ даль-
 новидный и подозрительный, согласился принять
 шишуль Генералиссимуса и Адмирала Сіамскаго.
 Сквозь поддѣльный блескъ, скоро замѣшилъ Фор-
 бенъ жалкое состояніе Сіама, за накладнымъ зо-
 лошомъ и серебромъ увидѣлъ лоскушья нищеты.
 Онъ даже не очень удивился тому, что черезъ нѣ-
 сколько дней послѣ шоржесствъ, Царь принялъ его
 сидя на рогожкѣ, и вынулъ изъ кармана огарокъ
 свѣчки, для освѣщенія залы аудіенціи. Генералис-
 симусу подарили придцать шесть невольниковъ,
 двухъ слоновъ, небольшой домъ, плохо мебелиро-
 ванный, двѣнадцать серебряныхъ шарелокъ, двѣ
 чашки, чепыре дюжины салфетокъ, и опредѣлили
 для освѣщенія по двѣ восковыя свѣчи на день. «Но
 это еще ничего не значило (говоритъ Форбенъ въ
 своихъ запискахъ) въ сравненіи съ злоупотребле-
 ніемъ власпи Чау-Нарайя противъ его придвор-
 ныхъ и вельможъ; шѣмъ, кошорые говорили мало,
 онъ приказывалъ раздирать ротъ до ушей; кто
 говорилъ много, тому ротъ зашивали; неоспо-
 рожное шѣлодвиженіе наказывалось опрубленіемъ
 руки, а неловкій шагъ опсѣченіемъ ноги. Безъ
 Фалькона, не осмался-бы я и на сушки при эшомъ
 нищенскомъ и варварскомъ Дворѣ.»

Форбенъ водворился въ Сіамъ, а шевалье Шомонъ отправился во Францію, въ 1688 году, съ прѣмѣя посланниками Сіамскими, копорымъ вручили подарки для Французскаго Короля. Имъ препоручено было просить инженеровъ и доспашочнаго войска.

Фальконъ продолжалъ владычествовать. Смѣло и счастливо упишилъ онъ бунтъ Макассарскихъ бѣглецовъ, угрожавшихъ столицѣ Сіамской, и думалъ бытъ теперь тверже, нежели когда нибудь прежде, въ своемъ великомъ званіи, какъ неожиданная буря собралась надъ его головою. Любимецъ счастья слишкомъ поспѣшно предпринялъ важныя перемѣны. Открыто покровительствовалъ онъ христіанскому духовенству противъ шалапуановъ; слишкомъ явно старался споспѣшествовать ревности Іезуитовъ въ обращеніи Сіамцевъ; учреждалъ каѳедры, строилъ церкви, основывалъ училища христіанскія, отнимая доходы у пагодовъ и Буддійскаго духовенства. Сколько поводовъ къ возбужденію ненависти туземнаго духовенства не могли бытъ оставлены безъ возмездія. Народъ, тайно возмущаемый, только искалъ средствъ и ждалъ случая взбунтоваться противъ своевольнаго министра. Но видя всѣ прежніе признаки наружнаго благоговѣнія, Фальконъ былъ ослѣпленъ, не замѣтилъ опасности, и полагалъ, что тайныя интриги другихъ вельможъ ничего не значатъ. Царь сдѣлался боленъ; наслѣдниковъ у него не было, и двое сильныхъ вельможъ, *Монпитъ* и *Питрарха*, помышляли о завладѣніи престола. Фальконъ объявилъ себя сообщникомъ перваго; Питрарха умерш-

вилъ шайно своего соперника, и собственною рукою схватилъ горделиваго министра, когда онъ явился во дворецъ къ умирающему Царю. Напрасно Де-Форжъ спѣшилъ на помощь Фалькона. Испуганный извѣстіями миссіонеровъ, онъ остановился на половинѣ дороги изъ Банкока въ Сіо-Тіа, и возстаніе народное довершило участь Фалькона. По договору, съ Французскими войсками условились, что они безопасно оставляютъ Банкокъ и Мергуи. Миссіонеры подверглись жестокому оскорбленію, и самые Епископы едва могли спастись отъ насильственныхъ посягательствъ. Несчастнаго Фалькона подвергли жестокому пытку; потомъ отрубили ему голову, безъ всякаго суда. Жена его, возбудившая спросъ въ сынѣ новаго Царя, была обезчещена; потомъ продана, какъ невольница, и умерла въ должностныхъ поварихи, въ царской кухнѣ. Въ первомъ пылу народнаго мщенія, участь Христіанъ въ Сіамѣ сдѣлалась ужасна. Жилища христіанскія разграбили; женщинъ предали неистовству солдатъ; миссіонеровъ жестоко били, и нѣкоторыхъ казнили. Опець Ламошъ-Ламберъ цѣлый день былъ терзаемъ народомъ; ему выщипали бороду по волоску, таскали его по улицамъ, и бросили въ шюрму полумертваго. Монахиню, пріѣхавшую изъ Маниллы, возили по улицамъ, привязавъ ей подъ ноги крестъ, чтобы сказать, будто она попираетъ ногами своего Бога.

Неистовства прекратились понемногу, и совершенное спокойствіе возстановилось, когда опець Ташаръ, въ 1690 г., явился изъ Франціи съ Послан-

никами, шуда ошправленными въ 1688 году. Начались новые переговоры, и въ слѣдствіе ихъ, Епископовъ вывели изъ заключенія, предославивъ имъ управленіе Каполиками, какіе оспавались въ Сіамѣ.

Пишрарха владычеспововалъ до 1700 года; шогда заспунилъ мѣсто сынъ его. Пошомки похишишеля власпововали одинъ послѣ другаго до 1767 года. Сношенія съ Европою были прерваны, но за шо Сіамское царство подверглось жестокиѣ нападеніямъ сосѣдей и внушреннимъ смяшеніямъ. Около 1759 г., побѣдишель Пегу, Аломпра, возсшановишель силы Бирмановъ, рѣшилсѣ покорить Сіамъ. Онъ напалъ сначала на Маршабанъ, пошомъ занялъ Мергуи и Танассеримъ, а наконецъ, въ 1760 г., двинулся къ Сіо-Тіа, опустошѣя, грабѣя и изшреблѣя все въ своемъ нашесшвіи. Только въ шрехъ дняхъ пуши находился онъ ошъ шшоліцы Сіамской, когда заболѣлъ жестоко и умеръ, заключивъ шѣмъ свои нападенія на Сіамъ. При наслѣдникѣ Аломпры, Бирманы оспавались спокойны, но Шембуанъ снова обрашилъ шеспшлюбивые замыслы на Сіамъ. Въ 1765 г. снова взявъ былъ Бирманами Мергуи, и вскорѣ пошомъ ошѣвъ разграбленъ Тенассеримъ. Завоеватель пошелъ прошивъ Сіамскаго войска, разбилъ его на голову, опустошилъ берега Мейнана, и въ Апрѣлѣ 1767 г. спалъ лагеремъ передъ Сіо-Тіа. Присшупомъ взята была шшоліца Сіамская, разграблена, сожжена, опустошена, до шѣкой шшепени, что въ развалинахъ еѣ не лѣзя было узнать древняго мѣшшопребыванія Сіамскихъ государей. Храмы были разрушены до основанія, шалапуаны пере-

рѣзаны , Царь казнень , родспвенники его увезены въ Бирманію , вельможи повергнушы въ оковы , а народонаселеніе сполицы уничпожено . Удаляясь послѣ грабежа , Бирманы не думали даже укрѣпишь власпи своей въ опустошенномъ государствѣ .

Среди смяшеній , бывшихъ слѣдспвіемъ нашеспвія Бирмановъ , какой-то Кишайскій Князь воспользовался общимъ недоумѣніемъ , овладѣлъ пресполомъ , и провозгласилъ себя царемъ , подъ именемъ *Фіа-Така* . Сполицею новаго Царя былъ объявленъ Банкокъ . Фіа-Такъ показалъ себя въ началѣ государемъ умнымъ и храбрымъ ; онъ вновь успроилъ раззоренное государсшво , привелъ къ повиновенію обласпи Пи-са-лакъ и Лигоръ , но въ послѣдніе годы правленія явилъ споль прихотливые припадки жестокости и суевѣрія , что они показались народу рѣшишельнымъ безуміемъ . Шакри , одинъ изъ знашнихъ вельможъ Сіамскихъ , возспалъ прошивъ своего Царя , возмушилъ войско , осадилъ Банкокъ , побѣдилъ Фіа-Така , казнилъ его , и сдѣлался его преемникомъ . Не смопря на безпрерывно возобновлявшіяся нападенія Бирмановъ , до 1809 года царсшвовалъ Шакри ; сынъ его , владѣвшій до 1824 года , съ успѣхомъ защищаль Сіамъ опъ нападенія сосѣдей и укрощаль внушреннія смяшенія . Заговоръ шалапуановъ принудилъ его вооружитъся прошивъ духовенсшва ; семьсопъ шалапуановъ были захвачены , но Царь не рѣшилъ подвергнушь ихъ спрогому наказанію ; шолько главныхъ виновниковъ лишили ихъ духовныхъ достопиисшвъ , и опредѣлили ко-сипъ шраву для бѣлыхъ слоновъ . Умирая 20-го Ію-

ля, 1824 года, Царь оставилъ пронъ сыну своему, безпрепятственно восшедшему на мѣсто опцовское, и мирно владѣющему Сіамомъ донынѣ.

Среди столь различныхъ политическихъ переворотовъ, Сіамское государство никогда не могло имѣть и не имѣло предѣловъ постоянныхъ и хорошо установленныхъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, можно полагать Сіамскими всѣ области между Китайскими областями Юнь-Нанъ и Анъ-Нанъ на сѣверъ и на воспокъ, Китайскимъ моремъ и независимою частью восточнаго Индійскаго полуострова на югъ, проливомъ Малаккскимъ и Англійскими владѣніями въ Бирманіи на западъ. Сіамъ дѣлился на четыре опличительныя части: собственно-Сіамскую землю, часть земли Лаоской, часть Камбоджіи и подвластныя Сіаму Малайскія области. Общее пространство всего этого можетъ составить около 490,000 квадр. миль.

Кромѣ нѣкошорыхъ обильныхъ земель наносныхъ, области Сіамскія гористы и неровны. Высокія горы, простираясь къ сѣверу, раздвигаютъ меньшія отрасли свои въ направленіи къ югу. Среди сихъ-то горныхъ цѣпей текутъ три великія рѣки: *Мейнанъ*, *Салуенъ* и *Камбоджъ*.

Мейнанъ, подобно Гангу и Нилу, разливается по орошаемымъ имъ землямъ обильными и періодическими наводненіями. Таинственный, подобно двумъ упомянутымъ рѣкамъ, онъ до сихъ поръ скрываетъ свои источники отъ географовъ, и потому начало его служитъ источникомъ баснослов-

ныхъ разсказовъ между туземцами. Только около Сіо-Тіа, прежней столицы, Мейнанъ дѣлается сухоходнымъ, но опсюда до самаго Океана онъ глубокъ и безопасенъ, даже въ самое мѣлководье. Разлишїе его бываешъ въ Сенсябрѣ; въ Декабрѣ вода сливается. Во все эшо время, поля покрышы лодками, на копорыхъ жишели опсправляющыя на сборку сарачинскаго пшена. Жилища около Мейнана, поспроенныя на сваяхъ, безопасны опъ наводненія, доходящаго иногда до 18-ши фушовъ вышины. Такимъ образомъ долины Сіамскія покрывающыя слоемъ грязи, наносимымъ рѣкою, и дающимъ произраснанію дѣяшельность и силу изумишельныя. Но эшо не помогаетъ горамъ, копорыя опшася сухи и безплодны. Опъ Сіо-Тіа до Банкака берега Мейнана хорошо населены; далѣе вглубь обласшей проспирающыя сшепи—убѣжище безчисленнаго множесшва обезьянъ и обшалище мусшиковъ. По извѣсшїямъ Лалубера, собшвенно зима сосшавляетъ въ Сіамѣ шолько два мѣсяца, Декабръ и Январь, коими начинается у Сіамцевъ годъ; при слѣдующіе мѣсяца называющъ они *малымъ лѣтомъ*, а *большое лѣто* ихъ обѣмлетъ опшальные семь мѣсяцевъ. Впрочемъ, самое холодное время года въ Сіамѣ соопвѣшшсшвуешъ лѣшу во Франціи.

Драгоценными деревьями обилуютъ лѣса Сіама; дерево *фаангъ* даетъ красную краску, а кора дерева *тонки* служишъ къ дѣланію бумаги. Сарачинское пшено, какъ на Сумаптрѣ, бываешъ шрехъ родовъ: луговое, горное и дикое. Пшеница хорошо

распешть въ ненаводняемыхъ мѣсахъ , а горохъ и овощи обилуютъ всюду.

Всѣ роды живошныхъ Бирманіи, и вообще Индо-Китайскаго полуострова, находящагося въ Сіамѣ. Слоны здѣшніе славятся красою и понашливоспью; лошади плохи; въ рогащой скопинѣ недоспашокъ. Напрошивъ обильно кабановъ и обезьянъ. *Нокто*, здѣшняя бѣгающая пшца, превосходитъ величиною спрофокамила. Ядовитыхъ пресмыкающихся всюду множесиво, и во время дождей и бурь, они вползаютъ въ жилища обитателей. Свѣтящимися мухами покрыты лѣса по берегу Мейнана, и странная эпи насѣкомыя могутъ по произволу скрывать и показывать свѣтъ свой, съ замѣчательною разстановкою. Воды Мейнана скрываютъ въ нѣдрахъ своихъ крокодиловъ, изъ коихъ нѣкоторые бывають даже до 40-ка фушовъ въ длину. Всѣ путешественники, посѣщавшіе внутреннія области, съ удивленіемъ говорятъ о какихъ-то прекрасныхъ пшцахъ съ розовыми и бѣлыми хохлами, но до сихъ поръ неопредѣленъ еще родъ эшихъ пшцъ. Споль-же мало извѣсны намъ ископаемыя богатства Сіама. Олово, мѣдь, аншимонія и свинецъ здѣсь весьма обыкновенны; изъ камней замѣчательны красивые мраморы, магнитъ, агатъ и сафиръ.

Топографія Сіама такъ-же темна, какъ и географія сей земли. Приморье, обозрѣнное въ новѣйшее время г-мъ Крауфордомъ, представляеть нѣсколько извѣстныхъ почекъ, но внутреннія страны, куда донынѣ ни одинъ Европейецъ не заносилъ еще ноги, остаются неопредѣленными, и вѣдомы

намъ только по разногласнымъ разсказамъ путеш-
цевъ.

Собственно Сіамъ , или побережье по теченію
Мейнана отъ Пе-Ше до моря, представляеть мно-
го значительныхъ городовъ. Важнѣе всѣхъ *Банкокъ*
(по-Сіамски *Фонъ*), расположенный на обоихъ бере-
гахъ рѣки , но болѣе на лѣвомъ , гдѣ находится
дворецъ Царскій. Трудно опредѣлишь народонасе-
леніе Банкока: путешцы возводятъ число жителей
въ немъ до 150,000 ; г-нъ Крауфордъ считаетъ
50,000; другіе географы берутъ что-то среднее—
90,000.—Послѣ Банкока слѣдуетъ древняя столи-
ца *Сіо-Тіа*, многолюдный, великолѣпный городъ во
времена Чау-Нарайа , а нынѣ упавшій и незначи-
тельный. Если вѣришь прежнимъ путешественни-
камъ, ничто не равнялось съ величіемъ Сіо-Тіа во
времена его благоденствія. Опець Жервезъ и
Кемпферъ , впрочемъ во многомъ опровергаемые
Лалуберомъ , оспавили намъ описаніе тамошнихъ
Буддійскихъ храмовъ, увѣряя, что число ихъ про-
спиралось не менѣе двухъ сотъ. Сіи памятники
опличались своими входами и кровлями , нагоро-
женными одна на другую , поршиками , золошыми
идами, оспроконечными пирамидами, покрышми
калиномъ и бѣлымъ оловомъ , блисавшими отъ
лучей солнца. «Подлѣ дворца—говоритъ Кемпферъ
—возвышается храмъ въ видѣ креста , съ пяшью
куполами , покрышми калиномъ ; онъ поставленъ
на нѣсколькихъ основаніяхъ, поддерживающихъ со-
рокъ чешыре пирамиды разнаго размѣра, обремен-
енныя украшеніями, съ вызолоченными вершинами,

кошорья оканчивающа, по оспрымъ шпицомъ, по куполомъ. Внутренняя галлерея храма представляешъ зрѣлище 400-тъ спашуй, хорошо изваянныхъ и превосходно вызолоченныхъ.»—Въ окрестностяхъ города видны были другіе замѣчательные памятники : храмъ Пегуанскій, съ огромною спашуею Будды, сидящею, такой величины, что если-бы она поставлена была на ноги, то достигла-бы до 420 фушовъ въ вышину; храмъ Беркламскій, украшенный опличною рѣзбою; наконецъ пирамида Пука-Фонъ, воздвигнушая въ память побѣды надъ Пегуанскимъ царемъ, величественное, хоша и тяжелое зданіе, въ 420 фушовъ вышины. На вершину его всходили опкрышою лѣспницею. Пьедесталъ верхней часши составлялъ восьмиугольникъ, оканчиваясь шпицомъ; выпуклости, карнизы, колонны съ капшелями и шары украшали это спранное зданіе.—Нынѣ уже нѣтъ ни одного изъ сихъ чудесъ Сіамскаго зодчества. Нашествіе Бирманское пролетѣло надъ Сіамомъ, какъ буря опустошительная, и въ основаніи низпровергло всѣ древніе памятники Сіо-Тіа. Не смотря на совершенное разрушеніе этого города, еще въ 1767 году, новѣйшіе географы постоянно описываютъ донынѣ его великолѣпіе, и, слѣдуя Лакруа, писавшему въ 1780 году, увѣряютъ, что число жителей въ немъ простирается до 600,000!

Послѣ сихъ двухъ городовъ, въ долинѣ Мейнанской находящся еще: *Пи-са-лакъ*, на берегу рѣки, съ кирпичною спѣною; *Луво*, мѣстопробываніе древнихъ царей Сіамскихъ, на половинѣ дороги между

Сіо-Тіа и Банкокомъ ; далѣе, *Пра-Батъ*, мѣсто благочеспивыхъ путешесствій Буддійскихъ , гдѣ , какъ на Адамовой горѣ въ Цейланѣ , показывающъ слѣдъ ноги Будды ; *Шантибонъ*, превосходный портъ въ Сіамскомъ заливѣ , населенный почти сплошь Кишайскими купцами; *Купенгбетъ*, *Чайнатъ*, *Пакъ-намъ*—первое мѣсто остановки на Мейнанѣ , по прибытіи со стороны моря.

Земля *Лаосъ*, гдѣ говорятъ языкомъ Сіамскимъ , кажется, раздѣлена между царемъ Сіамскимъ , богдыханомъ Кишайскимъ и Бирманами. Она состоишь изъ множества небольшихъ областей, подчиненныхъ каждому изъ трехъ упомянутыхъ владѣтелей. Чешыре особенно повинующся Сіаму: *Шангъ-май*, *Ланъ-Шангъ*, *Пасакъ*, и *Луангъ-Фра-Банкъ*. Всѣми правящъ наследные государи; первая изъ нихъ, кошорой имя обезображивали въ *Зимай* и *Джонгъ-Май* , имѣетъ столицу свою на Мейнанѣ , въ разстояніи 30-ти дней ѣзды отъ Банкока. *Ланъ-Шангъ*, донынѣ признаваемая многими столицею всего Лаоса , находишся подъ 15° 45' с. ш., на великой рѣкѣ Камбодже , столь-же широкой подъ симъ городомъ , какъ Мейнанъ подъ Банкокомъ. По разсказамъ Сіамцевъ, городъ эшотъ хорошо населенъ, туземцами и Кишайскими выходцами , изъ пограничной области Юнъ-Нанъ. Неясныя извѣстія говорятъ еще о значительномъ городѣ *Сіангъ-Куангъ* , будто-бы находящемся въ 15-ти дняхъ пути , на С. В. отъ Ланъ-Шанга.

Въ Камбоджіи , Сіамцы обладаютъ только прекрасною областью *Батабангъ* ; оспашокъ сей зем-

ли принадлежатъ Кохинхинцамъ, которые остав-
ляютъ пишуль Царя шамошнему Камбоджійскому
власпишелю, подъ надзоромъ своего чиновника и
охраннаго войска.—Къ числу Малайскихъ владѣній,
принадлежащихъ Сіаму, причисляются царства: *Ли-
горъ*, *Кведа*, *Патани*, *Бонделонъ*, *Калантанъ* и
Трингану. Кромѣ Кведа, всѣ они болѣе независи-
мые, хотя и платящіе дань вассалы, нежели наспо-
ящіе подданные Сіама. Дополненіемъ къ нимъ слу-
житъ островъ *Юнкъ-Цейлонъ*, находящійся въ Бен-
гальскомъ заливѣ; прежде цвѣшущій, онъ былъ раз-
зоренъ высадкою Бирмановъ, и нынѣ составляетъ
вовсе неважное владѣніе.

Различные роды населяютъ Сіамское царство,
разбитое на столь много частей. Въ числѣ ихъ
находятся Сіамцы, Камбоджійцы, Малайцы, Лаосцы,
Каріанги и *Лавы*: два послѣдніе суть кочующіе на-
роды, переселяющіеся попеременно изъ Бирманіи
въ Сіамскія владѣнія и обратно въ Бирманію; *Ка*,
горный и горделивый народъ, живущій между Лао-
сомъ и Камбоджіею; *Шангъ*, народъ промышленный,
занимающій возвышенныя мѣста на воспокъ отъ
Сіамскаго залива; *Шамангъ*, дикое, звѣрское поко-
лѣніе, подобное роду *Негръ*, бродящему въ верхнихъ
обласяхъ Малаккскаго полуострова. Ко всему
этому надобно причислить чужеземцевъ, пересе-
лившихся въ Сіамъ, какъ-то: Кипайцевъ, Мугам-
меданъ, Индійцевъ, Пегуанцевъ и Португальцевъ.
По счету г-на Крауфорда, основанному на вѣрныхъ
по возможности и щашельно сдѣланныхъ наблю-
деніяхъ, можно уравнишь итоги различныхъ оби-

пашелей государства Сіамскаго слѣдующимъ образомъ : Сіамцевъ 1,260,000 , Лаосцевъ 840,000, Пегуанцевъ 25,000, Камбоджійцевъ 25,000, Малайцевъ 195,000, Китайцевъ 445,000, пришельцевъ съ Англо-Индійскаго полуострова 3,500 , Португальцевъ 2,000 , а все вмѣстѣ составишь до 2,790 , 500 человекъ, то есть, по соображенію пространства, отъ 14-ти до 15-ти обитателей на квадрат. льѣ.

Собственно-Сіамцы носятъ физическій отпечатокъ рода Монгольскаго. Широкое, съ выдавшимися скулами лицо составляетъ болѣе искривленный кругъ, нежели овалъ. Маленькіе, слабые глаза углубляются къ вискамъ. Яблоко глаза черное, но отпечатокъ глаза совершенно желтый, вмѣсто бѣлаго. Ротъ огромный , обезображенный прищомъ полными, блѣдными губами. Сіамцы чернятъ себѣ зубы и иногда покрываютъ еще ихъ листочками золота. Цвѣтъ шѣла желтоватый съ красниною. Общность фیزیогноміи унылая и мрачная, выраженіе мягкое , беспечное, и безъ всякой пріятности. Впрочемъ , понятія Сіамцевъ о красотѣ совсѣмъ не походятъ на наши. Красавицы Европейскія не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Описывая посольство 1687 г., Лалуберъ говоритъ , что онъ показывалъ при Сіамскомъ Дворѣ поршрешны прелестнѣйшихъ женщинъ Двора Людовика XIV-го , но никто не изъяснилъ прищомъ нима-лѣйшаго удивленія ихъ красотѣ. Напрошивъ, полсная кукла шакъ пришла по вкусу Сіамцевъ, что одинъ важный вельможа, оцѣняя достоинство женщинъ по своему , говорилъ , что готовъ запла-

пишъ 5,000 эку, еслибы только нашлась женщина такой фигуры и толщины.

Односложный языкъ Сіамцевъ кажется труднымъ и запутаннымъ. Въ азбукѣ ихъ 38, или 39-ть согласныхъ буквъ. Гласныя и двугласныя многочисленны и почти неувовимы для Европейцевъ и Индійцевъ. Пишутъ они съ лѣвой стороны къ правой. Особенное опличіе Сіамскаго языка, шакъ-же, какъ всѣхъ языковъ восточной Азіи, естъ величайшая просшопа грамматическихъ уравненій. Почти во все нѣшъ измѣненій въ именахъ и глаголахъ, шакъ, что Сіамцы, чтобы выразишь : *Отге нашъ , иже еси на небеси*, должны, буквально переводя, говоришь: *Отець—мы—быть—небо.*—Священныя книги ихъ писаны, какъ у Бирмановъ , на Палійскомъ языкѣ.—Лишшерашура Сіамская далеко ниже Персидской и Индійской, по духу и изобрѣшенію. Она дѣлишся на двѣ часши: лишшерашуру на просшонародномъ и лишшерашуру на Палійскомъ языкѣ. Первая, риѣмическая, сосшоиптъ изъ множесшва пѣсенъ, романсовъ, поэмъ, писанныхъ съ безконечнымъ разнообразіемъ мешровъ; любовь главное содержаніе всѣхъ эшихъ сочиненій, иногда вакхическая, иногда скромная; писанныхъ драмъ у Сіамцевъ вовсе нѣшъ: при сценическихъ позорищахъ предосшавляющъ акшерамъ импровизировашъ разговоры и монологи по своей волѣ.—Палійско-Сіамская лишшерашура опличаешся изящностъю языка и важностъю предметовъ; она объемлешъ священныя предметы, пѣсни, посвященныя богамъ , гимны шалапуановъ и благочесшивыя изрѣченія.

Нравы Сіамскіе , подобно Бирманскимъ , описывающіяся географическимъ мѣстоположеніемъ сей земли между Индіею и Кипсамъ. Униженные, ползающіе передъ высшими , дерзкіе , гордые передъ низшими , прусливые, щеславные , гибкіе , корыстолюбивые, обманчивые, плушны, воры, и—немного добродѣтелей предспавяшъ Сіамцы въ замѣнъ всѣхъ эшихъ пороковъ. Аббатъ Жервезъ , наблюдавшій ихъ за сто лѣтъ прежде нашего, совсѣмъ не омрачилъ испины, выражая характеръ Сіамцевъ такимъ образомъ: «Какъ непріятелей, ихъ нѣчего бояшся, но какъ на друзей , на нихъ опнюдь полагашся не должно.» Онъ справедливо прибавилъ еще , что Сіамцы «вообще презирающъ всѣ другіе народы , и увѣрены , что вовсе неправы шѣ , кшо думаешъ оспоривашъ у нихъ преимущесство передъ всѣми народами въ мірѣ.» Каждый Европеецъ, прибывшій въ Сіамъ , каку-бы плашу ни расположенъ былъ онъ давалъ , развѣ съ большимъ шрудомъ опыщешъ Сіамца, которій нанялся-бы у него въ услуженіе. Послѣдній мужикъ здѣшній счищашъ себя выше знашныхъ людей другихъ спранъ. Поняшъ невозможно причинъ , по которымъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ , и самыхъ опспавшихъ изъ всей Азіи восточной народовъ , ешъ въ шже время самый хваспливый и самый высокомѣрный. Хорошую сторону характера Сіамцевъ соспавляющъ нѣсколько оприщательныхъ добродѣтелей: они презвы , шерпѣливы , миролюбивы. Во всѣхъ областяхъ Сіама , даже по деревнямъ и въ лѣсахъ , иносшранецъ , совершенно беззащитный , не под-

вергаеяся никакой опасности. Смертоубійства, споль обыкновенныя на полуостровѣ и архипелагѣ Малайскомъ, вовсе неслышны въ Сіамѣ.

Домашніе нравы Сіамцевъ опличаюся кротосью. Женщины не живутъ здѣсь зашворницами, какъ въ другихъ спранахъ Азіи. Даже Царскія жены прогуливаюся въ лодкахъ по Мейнану безъ покрывалъ. Впрочемъ, эта свобода естъ единственное преимущесво Сіамокъ, соспавляющихъ самое нисшее, работающее званіе. Всѣ шяжелыя занятія лежатъ на нихъ: онѣ носятъ шягоспи, обрабатывающъ поля, правящъ лодками по рѣкамъ, пасущъ спада буйволовъ, раздѣляющъ и внѣшніе шруды и заботы по хозяйству; однимъ словомъ, онѣ содержатъ домъ и семейство, шакъ, что мужчина не беретъ на себя ни малѣйшей заботы. Онъ ограничиваея наслажденіемъ послѣ шруда женщины, какъ полный и высшій ея господинъ; ѣстъ ошдѣльно, и жена служишъ ему за споломъ; она и дѣши должны пошомъ довольсшвовашься его обѣдками. Никогда Сіамецъ не посадишъ съ собою жены, прогуливаясь въ лодкѣ, и даже на пошелѣ его подушка жены, положенная ниже, свидѣтельсшвуешъ преимущесво мужа. Многоженствомъ, позволеннымъ въ Сіамѣ гражданскими и духовными законами, пользующя шолько богаше, въ соразмѣрносшъ своему соспоянію. Нынѣшній Царь Сіамскій имѣешъ до 300, а Пра-Клангъ его до 40-ка женъ. Супружесство въ Сіамѣ естъ совершенно простое гражданское условіе; шалапуаны вмѣшивающя шущъ шолько для шого, чтобы заплашили имъ за молиш-

вы, копорья чишають они при семъ случаѣ. Невѣ-
ста цѣнишь, какъ шоваръ, и принадлежишь тому,
кто ее купишь. Разводы, весьма обыкновенные ме-
жду Сіамцами, дѣлаются безъ всякаго шруда. Для
эшого доспашочно согласія съ обѣихъ споронъ; мужъ
и жена всшупають послѣ сего опдѣльно въ обла-
даніе имѣніемъ, копорое каждый изъ нихъ поло-
жилъ въ общее хозяйство.

Сіамское уголовное уложеніе представляешь
много сходства съ Кишайскимъ, особливо во все-
общемъ и безразличномъ приложеніи палочныхъ
ударовъ ко всѣмъ родамъ пресшупленій. Малая мо-
шенническава наказывающа придцашь ударами,
воровство позначишельнѣе шесшьюдесятью, вось-
мьюдесятью, сошней ударовъ, и соразмѣрнымъ за-
ключеніемъ, смотря по важности вины. За поджи-
гательство назначено ошрубленіе кисти у руки,
а за убійство ошсѣченіе головы; слонъ, или шигръ,
бываешь палачемъ пресшупника въ случаѣ государ-
ственной измѣны. Свяшопашество, если вѣришь
стариннымъ писателямъ, было прежде наказуемо
ужаснымъ образомъ: придвигали голову виновнаго
къ грудѣ горящихъ угольевъ, и по данному знаку,
двумя мѣхами начинали раздувать уголь, сжигая
шакимъ образомъ пресшупника мало по малу, по-
ка онъ не задыхался отъ жестокой боли. Спраш-
ное наказаніе—садишь на колъ, кажеша, шакже
было нѣкогда въ употребленіи въ Сіамѣ, но те-
перь оно опмѣнено. Надобно опдашь честь Сіам-
скимъ законамъ, что при наказаніи у нихъ нѣтъ
различія по званіямъ пресшупника: шалапуаны и

знапные чиновники подвергающа пѣмъ-же самымъ казнямъ , какимъ подвержены ремесленникъ и мужикъ. Неравенство соспояній уничтожаеша равенствомъ общеспвенныхъ опношеній. Гражданскіе законы гораздо хуже въ семъ случаѣ уголовныхъ ; судъ нерѣдко производися по различію званія различно, и рѣдко уважаешъ права безсильнаго противъ сильнаго. Вообще для судебныхъ дѣлъ нѣшъ здѣсь ни особенныхъ судовъ , ни особеннаго производсва. Власпи военныя и администраціонныя рѣшаешъ все , и каждое новое правленіе приносешъ новую судебную систему , опличную опъ прежней.

Основаніе всякой власпи въ Сіамѣ, неподсудное никакому опчешу , неподверженное никакой опвѣспвенности, ешъ Царь Сіамскій. Сіамъ принадлежешъ къ числу пѣхъ Азіяпскихъ земель , гдѣ въ знакъ благоговѣнія, равняющаго Царя Богу, запрещено называешъ его именемъ собспвеннымъ ; имя Царя Сіамскаго бываешъ неизвѣспно народу; знающъ его только высшіе чиновники , и сохраняющъ въ величайшей тайнѣ. Народъ и всѣ вообще , говоря о власпишелѣ своемъ , употребляющъ разныя прилагашельныя и шишулы: *«Повелитель нашихъ головъ, властитель всѣхъ насъ, великій, безконечный, непогрѣшающій владыка.»* Все въ немъ почишаеша священно—ноги, руки, голова, рошъ, носъ, уши.

Эпо обожаніе основываеша, не шолько на земной власпи Сіамскаго государя , но происходишъ и опъ религіозныхъ опъ немъ понятій. Слѣдуя мнѣнію Сіамцевъ , шѣло каждого государя ихъ за-

ключаетъ въ себѣ душу самую близкую къ небесному блаженству, и тѣмъ награждается за прежнее добродѣтельное житіе въ другихъ видахъ. Поэтому безмѣрное разсояніе опредѣляетъ Царя Сіамскаго опъ самыхъ высшихъ вельможъ его. Различіе между ними опредѣляется у Сіамцевъ выраженіями довольно спранными. Такъ, на примѣръ, если Царь Сіамскій хочетъ назвать князя царской крови, или знашнаго человѣка, то придерживается порядка живошныхъ, болѣе или менѣе благородныхъ, упошребляя пришомъ приличное прилагательное: одного называетъ онъ *благороднымъ псомъ*, другаго *знаменитымъ котомъ*, прешьяго *велигественнымъ буйволомъ*—и каждое изъ такихъ наименованій есть предметъ зависти и искашества придворныхъ.

Съ малыми исключеніями, въ Сіамѣ почти нѣтъ наслѣдшвенныхъ почешей; здѣсь не знаютъ ни аристократіи имѣній, ни аристократіи рода; деспотизмъ власшителя равенъ для всѣхъ чашныхъ опличій между его подданными. Народъ есть вещь, подлежащая безошечной власши правительсшва; народъ долженъ безъ разбора работашъ, служишъ, повиновашься. Опъ военной службы не исключается никшо, кромѣ палапуановъ, чужеземцевъ и должностныхъ людей; всѣ ошальные подданные Сіамскаго Царя сущъ и солдаты его. Каждый долженъ прослужишъ не менѣе преша года, или ошкупитьсѣ, заплашвъ положенную плату, либо поставѣ за себя рекруша напурою.

Все это военное народонаселение дѣлился по службѣ на двѣ части, одну называемую *правою рукою*, другую называемую *лѣвою рукою*. Дальнѣйшую дробь составляющъ десятки, сотни, тысячи, съ начальниками для каждой изъ сихъ дробей. Десятникъ именуется *Найсилъ*, сотникъ *Найрое*, тысячникъ *Найпамъ*. Первое достоинство въ государствѣ есть званіе *Шао*; оно принадлежишь дѣшамъ и брашьямъ Царскимъ. За шѣмъ идушь, въ строгой поспешенности, званія: *Фріа*, *Луангъ-Хунъ*, *Муанъ*, и проч.

Съ незапамятныхъ временъ, два главные государственныхъ чиновника въ Сіамѣ были — *Кала-омъ* и *Шакъ-ри*. Первый, военный и гражданскій *нагальникъ правой руки*, начальствовалъ также судебнымъ правосудіемъ; второй, военный и гражданскій *нагальникъ лѣвой руки*, соединялъ свою должность съ званіемъ министра финансовъ, торговли и иностранныхъ дѣлъ; онъ облеченъ былъ кромѣ того власною начальникою надъ обласями Ю. В. Помощниками *Кала-ома* были два знашныя чиновника: *Юма-ратъ*, первый судья государства, и *Таръ-ма*, губернаторъ столицы и великій маршалъ дворца. Помощниковъ *Шакъ-ри* составляли: *Фулатъ-эссе*, начальникъ сборовъ, и *Пра-клангъ*, управляющій дипломатическими сношеніями. Къ сему послѣднему относились посланники иностранныхъ, и это званіе путешественники Европейскіе означали испорченнымъ наименованіемъ: *Баркалонъ*. Обласные чиновники, хотя носили шишулы, подобные столичнымъ, но были почишаемы въ степеняхъ низшихъ, и находясь при Дворѣ должны были усту-

пашь мѣсто , оказывая публичное почтеніе къ чиновникамъ, хошя и нисшимъ по шишулу, но высшимъ по мѣсту ихъ.

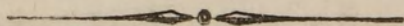
Таковъ былъ прежде соспавъ государшвенной іерархіи Сіама , но нынѣшній государь , по извѣстіямъ г-на Крауфорда , измѣнилъ все старинное чиноначаліе. Чешыре вновь учрежденные чиновника, подъ именемъ *Кромовъ*, облечены въ высшія званія, и управляющъ всѣми другими чиновниками , соединя въ себѣ исполнишельную власшь государшва.

Доходы Сіамскаго правишельства сосшояшъ въ акцизахъ съ крѣпкихъ напишковъ, съ игръ и съ рыбныхъ ловель; таможенныя сборы, монополіи нѣкоторыхъ произведеній , поголовная плаша съ Китайцевъ, подашь съ чужеземцевъ и поборы съ земель дополняющъ бюджетъ Царя Сіамскаго. Впрочемъ, великій власпишель Сіамскій не только монополисшъ , но даже и шорганшъ; присвоивая себѣ исключишельную привиллегію на шопъ или другой предметъ, онъ беретъ кромѣ шого часшь и съ продажи сего предмета. Олово, слоновая кость , кардамонъ , орлиное дерево , саланганъ , или пшичьи гнѣзда , упошребляемыя въ пищу, черепашия яйца , сушь предметы казенной монополіи , а сахаръ и перецъ ошдающа чашнымъ шорговцамъ, но съ особливою подашью. Правишельство посылаешъ кромѣ шого въ Яву, Кишай, и даже Бенгалъ, особыя жонки, нагруженныя Сіамскими , принадлежащими ему произведеніями. Такіе грузы освобождающа опъ всякихъ ошвозныхъ и шривозныхъ пошлинь , когда всѣ шривозы и вывозы Сіамцевъ и чужеземныхъ

купцовъ , приходящіе съ Азіянскаго материка и Малайскаго Архипелага, обременяющіеся тяжкою по-
дашью. Впрочемъ, привозы Европейцевъ облагаю-
ся пошлиною по цѣнности (*ad valorem*), сообраз-
но предсавляемой ими факшурѣ. — Съ помощію
всѣхъ этихъ финансовыхъ распоряженій, Сіамское
правительство успѣваетъ составить себѣ годовой
доходъ около 46-ми или 47-ми милліоновъ ; рас-
ходы его составляютъ почти такую-же сумму,
такъ, что едва-ли остается что нибудь въ запасъ
на черный день у Его Сіамскаго Величества. Со-
держаніе 30,000 постоянного войска составляетъ
одну изъ тягостныхъ обязанностей Сіамскаго го-
сударя. Между тѣмъ, войско Сіамское, худо во-
оруженное, худо одѣтое, и не имѣющее въ замѣну
дисциплины и тактики врожденной храбрости,
опиравшей Бирмановъ, составляетъ толпу жал-
кихъ и безсильныхъ шуровъ. Почти все оно со-
стоитъ изъ пѣхоты; только Лаосцы ставятъ не-
значительную часть конныхъ воиновъ. На знаме-
нахъ Сіамскихъ изображается гербъ государствен-
ный—бѣлый слонъ въ красномъ полѣ. Считающъ во
всѣмъ государствѣ около двадцати крѣпостей,
называя симъ именемъ города, окруженные стѣна-
ми безъ рововъ. На валахъ самаго Банкока нѣтъ
оружій; пушки крѣпостныя спрятаны въ сараи,
чтобы не испортились, какъ говорятъ здѣшніе
военные люди. Поэтому, для безопасности Сіамска-
го царства, строго повелѣвается Европейскимъ
кораблямъ снимать пушки и оставлять ихъ на бе-
регу, прежде вступленія въ Мейнанъ.

Сіамъ торгуесть съ Малезією, Индією, Малаккою, но главнѣйшая мѣна производится съ Кишамъ, особенно съ Каншономъ, Эмуи, Лимпо, Сіангъ-Гаи и островами Гайнамскими. Торговлю производятъ Кишайскія жонки, привозя въ Банкокъ глиняную посуду, фарфоръ, ршущъ, чай, лапшу, сухіе плоды, шелкъ-сырецъ, ашласы, и другія шелковыя шкани, кишайку, башмаки, вѣера, зонтики, писчую бумагу, бумагу для жертвоприношеній, душистыя палочки, и другіе мѣлкіе предметы. Въ обмѣнъ берутъ бѣлый перецъ, сахаръ, олово, кардамонъ, орлиное дерево, сапанъ, хину, хлопчатую бумагу, слоновую кость, арекъ, соленую рыбу, кожи бычьи, слоновыя, носороговыя, шигровыя, леопардовыя и проч., змѣиныя шкуры, буйволыи рога, саланганъ, сандалъ, кожи крашенныя, и проч.— Торговля Сіамская особенно усилилась при нынѣшнемъ государѣ. Во времена Лалубера, едва-ли при Кишайскія жонки являлись на Мейнанъ въ цѣлый годъ; нынѣ приходитъ ихъ ежегодно болѣе 200. Кишайское народонаселеніе, въ концѣ XVII-го вѣка, не составляло въ Сіамѣ 4,000 человекъ, а теперь составляетъ оно, какъ выше было упомянуто, значительную часть народа Сіамскаго. По вычисленіямъ г-на Крауфорда, новѣйшаго и основательнѣйшаго наблюдателя Сіамской земли, торговлю между Сіамомъ и Индією можно положить въ 24,562 тонны, что, полагая по 20-ти человекъ на каждыя 100 тоннъ, даетъ ипогъ 4,912 человекъ, упражняемыхъ сею торговлею. Прибрежная торговля съ Кохинхиною, полагая по 16-ти чело-

вѣкъ на 400 шоннѣ, даешъ ипогъ 4,500 человекъ, шакъ, что вся торговля Сіама съ Кипаемъ и Кохинхиною можешъ занимашь около девяти съ половиною тысячъ человекъ (9412). Если присовокупишь къ этому машрозовъ, плавающихъ на Китайскихъ судахъ, то выходишь, что около 11,518 человекъ сославляють сумму народа, образующаго собою торговую дѣятельность Сіамскаго государства.

ГЛАВА XXVI.

КОЖИНХИНА. — ПУЛО-КОНДОРЪ. САЙГОНГЪ.

Время отъѣзда наступило. Нашъ Китайскій Колумбъ, гошовой выступишь въ море, оставиль немного часовъ на прощанья наши. Мы воспользовались эшимъ, чшобы еще разъ увидѣшь почтеннаго Епископа Сіамскаго и поблагодаришь за ласковосъ дона Сильвеира. Г-нъ Созополисъ обнялъ насъ со слезами. «Я никогда не увижу моего опечесшва,» говорилъ онъ, «но послѣдній взглядъ мой въ здѣшнемъ мірѣ будешъ обращенъ къ нему.» Онъ записаль мнѣ имена нѣсколькихъ своихъ родспвенниковъ, прося меня, когда я возвращусь во Францію, посѣшишь ихъ; далъ мнѣ письма къ Восшочнымъ миссіямъ, и пошомъ, послѣ эшихъ мірскихъ знаковъ внимашельнаго учаспія, оказалъ благочеспивые знаки душевнаго умиленія, напушесшвуя меня благословеніемъ и молишвою. — Отъ него опправились мы къ Резиденшу. Тушъ вспрѣшился намъ человекъ, и очень жалѣли мы, что не узнали

его прежде : это былъ нѣкто *Паскаль Рибеиро де-Альвергаріасъ* , попомокъ первобышнихъ Португальскихъ христіанъ, поселившихся въ Камбоджіи, одинъ изъ почешныхъ вельможъ при Сіамскомъ Дворѣ. Умный и ловкій , этошъ человекъ дополнлъ ученіемъ и размышленіемъ недоспапки воспитанія, котораго не могъ получить въ здѣшнихъ варварскихъ спранахъ. Онъ говоритъ и пишетъ , не только на Португальскомъ , Камбоджійскомъ и Сіамскомъ языкахъ, но знаетъ и Лаинскій языкъ. Поселеніе предковъ его въ здѣшнихъ споронахъ ошносилось къ 1685 году; предокъ жены его былъ Англійскій купецъ , Карлъ Лисперъ , жившій при Камбоджійскомъ Дворѣ съ 1704 года, и прославившійся тамъ своими медицинскими познаніями.

Пока Паскаль-Рибеиро предлагалъ намъ пособія своего вліянія при Сіамскомъ Дворѣ , вошелъ еще незнакомецъ — Французскій священникъ , восьмидесятилѣтній сшарецъ , уже сорокъ восемь лѣтъ прожившій въ Банкокѣ. Этошъ человекъ превосходно зналъ здѣшнюю спорону, былъ личнымъ свидѣтелемъ новѣйшей исторіи Сіама , и рассказалъ намъ множеспво подробностей , особливо о гоненіяхъ на миссіонеровъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. Тогдашній похититель престола *Піа-Метакъ* , Кишаецъ по своему происхожденію , при концѣ жизни оказался совершенно безумнымъ варваромъ , и его безуміе особенно приняло характеръ изувѣрнаго изсшупленія , шакъ , что жрецы Гушама умѣли исхишисъ у него большія суммы денегъ, въ видѣ благочеспивыхъ приношеній и обѣ-

шовъ. Однажды вздумалось ему, что если онъ еще болѣе усиливъ ревность свою къ религіи, то Богъ дастъ ему способность лезать по пшпчъему, и такимъ образомъ за-живо вознесется онъ на небо. Обладаемый этою мыслью, созвалъ онъ на совѣтъ шалапуановъ, и они объявили, что мысль его нельзя почестъ нелѣпостью, но Епископъ и Французское духовенство не хотѣли пошакать безумію, и рѣшились доказать шпрану, что подобное дѣло несродно человѣческой слабости. Ихъ упорство возбудило величайшій гнѣвъ его и жестокія преслѣдованія; безумецъ опредѣлилъ было дать по спу ударовъ бамбукомъ Епископу и другимъ миссіонерамъ, а послѣ сего выгнать ихъ навсегда изъ Сіама. Смерть шпрана спасла спрадалъцевъ.

Наше посѣщеніе Дону Сильвейру такъ продолжилось, что когда возвратились мы къ своимъ Кпшайцамъ, якорь былъ уже поднятъ и жонку зашпали мы на ходу. Таможенные чиновники осмашривали всѣ уголки нашей жонки, для полного удостовѣренія, что ни одинъ изъ подданныхъ Его Сіамскаго Величества не былъ увозимъ вмѣсто коншрабанды изъ его владѣній. Вечеромъ шого-же дня, Августа 5-го, осшановились мы прошивъ мѣшечка *Кіонгъ-Фое*, окруженнаго садами и рощами. Прогулка на берегъ показала намъ земледѣльческіе способы обрабошыванія земли и удобренія полей по здѣшнему. Жители окрестностей являлись повсюду добры и миролюбивы; одни, среди множества ихъ, въ полѣ, мы были шакъ-же безопасны здѣсь, какъ-бы въ самой просвѣщенной споронѣ Европы.

Назавтра проплыли мы мимо крѣпостей, называемыхъ *Пегуанскими*, по причинѣ Пегуанскихъ колонистовъ, поселившихся въ этомъ мѣстѣ. Легко различить этихъ переселенцевъ отъ природныхъ Сіамцевъ по длиннымъ и заплешеннымъ волосамъ женщинъ и по испещренному знаками шѣлу мужчинъ. Накалываніе шѣла доходитъ у Пегуанцевъ до безразсудства. Почетный человекъ долженъ имѣть не только испещренныя спранными чертами ноги, но и на груди должна быть у него надпись изъ Пегуанскихъ буквъ, величиною каждая, по крайней мѣрѣ, въ дюймъ. Нѣсколько часовъ скорого плаванія довели насъ отсюда до Пакъ-Нама и устья рѣки. Здѣсь раскрылось передъ нами самое оживленное зрѣлище: море, оканчивающееся угломъ въ заливъ, высокія горы на востокъ, болотистыя плоскости на западъ, все это, при множествѣ барокъ и лодокъ, подымавшихся и спускавшихся по рѣкѣ, каравановъ, идущихъ по берегамъ, зеленыхъ, высокихъ деревьевъ, земныхъ и морскихъ птицъ, ловавшихъ надъ объемомъ этого зрѣлища, соединеніе шума и тишины, зелени и воды, восхищало наши глаза, упомянутые однообразнымъ позорищемъ внутренняго Сіама. Одно мѣшало наслажденію — несносные мушки, издававшіе намъ покоя, ни днемъ, ни ночью.

Съ выступленіемъ въ открытое море, разлестались отъ насъ докучливые эти провожаемые. Мы остановились у острововъ *Си-Шангъ*, которые были называемы отъ прежнихъ путешественниковъ *Голландскими островами*. Ихъ всего восемь, и глав-

ный изъ нихъ будетъ около мили въ ширину; берега каменисты и крупы, съ небольшими песчаными отмѣлями. Кромѣ нѣсколькихъ голыхъ вершинъ, земля покрыта лѣсомъ; основаніе острововъ составляетъ гранитъ, смѣшанный съ глыбами кварца и прикрытый известковымъ слоемъ, на которомъ лежатъ слои чернозему. Гора здѣшняя представляетъ въ своихъ обрывахъ фантасмическую кристаллизацию слалакшиновъ и слалагминовъ. Два единственные рода чешвероногихъ, водящихся здѣсь, сушь — родъ огромной крысы и маленькая бѣлка, не болѣе фуша въ длину. Населеніе острововъ Си-Шангъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семей Китайцевъ и Сіамцевъ, обрабатывающихъ клочки земли по побережью. Здѣсь Англіійскій ботаникъ Финлейсонъ нашелъ исполинскій *ямъ*, у котораго стволъ не толще пера, но стелется безконечно, подымаясь на деревья, покрываетъ ихъ своими листьями и вѣтвями; корни его лежатъ почти наружѣ, и являютъ собою такіе громадныя наросты, что нѣкоторыя изъ нихъ вѣсятъ 440 фунтовъ, будучи $9\frac{1}{2}$ футовъ въ окружности.

Періодическіе вѣтры здѣшняго моря были намъ болѣе прошивны, нежели благопріятны, и мы наиболѣе придерживались береговъ, откуда навѣвали намъ прибрежные вѣтры. Такъ обогнули мы мысъ Ліаншъ, послѣ чего з. ю. з. вѣтерокъ сдѣлался намъ попутнымъ, и плаваніе пошло успешное. Августа 9-го, мы были на виду острова, Кохинхинцами называемаго Фу-Кокъ, Сіамцами Ко-Дудъ, Камбоджійцами Ко-Троль, и отъ шого названнаго

Квадроль на старинныхъ картахъ. Вообще онъ представляешь берегъ крушой и обрывистый; прибрежье населено немногими Кохинхинцами, а внутреннія горы покрыты лѣсомъ. На другой день появился передъ нами спранный архипелагъ Гонъ-ко-пру, или правильнѣе *Гонъ-ко-тре*, состоящій изъ одного большого острова, вокругъ котораго лѣспницею обсаждено 20-ть островковъ маленькихъ. Августа 11-го, нашъ Кишайскій мореходъ указалъ намъ на *Пуло-Уби* и мысъ Камбоджійскій, мѣсто низкое и песчаное, угломъ выдавшееся въ море; одна сторона его омывается водами Кишайскаго моря, другая волнами Сіамскаго залива. *Пуло-Уби* утесистый, зеленѣющій островъ, гдѣ двѣ, при семьи Кохинхинцевъ обрабатываютъ поля съ мансомъ и продаютъ свиней кораблямъ, осна-навливающимся въ гавани острова. Г-нъ Крауфордъ, бывшій здѣсь въ 1829 г., видѣлъ храмъ, посвященный *Ма-шо-По*, Кишайской Амфиридѣ. Старый жрецъ, поселившійся здѣсь лѣтъ за двадцать, былъ единственнѣйшимъ служителемъ сего храма. Множество островковъ окружаютъ *Пуло-Уби* и соединяютъ цѣпь свою съ другими островами, ограничивающими весь восточный берегъ залива.

Обошедши Камбоджійскій мысъ, мы всупили уже въ Кишайское море. Жонка наша проплыла на виду островковъ, или лучше сказать, утесовъ, называемыхъ *Братьями*; на другой день шли мы на якорь въ заливъ *Пуло-Кондорскомъ*, видъ котораго печаленъ, но величественъ. Амфишеспръ островоконечныхъ утесовъ оканчивается его на югъ и

западъ ; къ сѣверу и востоку есть пущь множество безопасныхъ споянокъ, за шесстью оспровками различной величины. На песчаномъ прибрежѣ видны развалины Англійской факторіи. Можно еще различить слѣды крѣпости, остатки цѣнного завода и полусгнившихъ строеній. Уже сто придцать лѣтъ прошло со времени раззоренія сего мѣста. Прогнанные возмущеніемъ Макассарскаго гарнизона изъ Пуло-Кондора, колонисты основали было попомъ на берегахъ Борнео селеніе Банжермессинъ, но были тамъ большею частію перерѣзаны туземцами Целебесскими, которыхъ нанимали себѣ въ службу. Опытъ заселенія произведенъ былъ здѣсь также Французами, и также неудачно. Теперь Пуло-Кондоръ обитаемъ только одними Кохинхинцами.

Купа, извѣстная подъ названіемъ *Пуло-Кондора*, образуется изъ двѣнадцати оспрововъ разной величины. Одиннадцать изъ нихъ собственно огромныя скалы, и только одинъ заслуживаетъ вниманіе, будучи около 12-ти миль въ длину и чепыре въ ширину. Имя: *Кондоръ*, означаетъ на Малайскомъ языкѣ *тыквенный горшокъ*, и спранно при входѣ въ Камбоджію и Кохинхину встрѣишь землю съ Малайскимъ названіемъ. Безъ сомнѣнія, въ древнѣйшія времена это мѣсто было убѣжищемъ морскихъ разбойниковъ, откуда лодки Малайскаго архипелага нападали на Индо-Китайскіе берега. Видъ сихъ оспрововъ являетъ что-то дикое и угрюмое. Земля, изрытая пропастями, рѣзко возвышается въ иныхъ мѣстахъ на 1500 фушовъ; она

нагая со всѣхъ сторонъ , обращенныхъ по направленіямъ муссоновъ ; за то въ другихъ сторонахъ богата произраспаніемъ сильнымъ и обильнымъ. Въ мѣстечкѣ , лежащемъ внутри залива, находилось до 300 жилищей. Это главное изъ прехъ Пуло-Кондорскихъ селеній , такъ , что все число жилищей , по извѣстіямъ туземцевъ , состоишь здѣсь изъ 800 Кохинхинцевъ. Обозрѣніе острова заспавило насъ почестъ ложными извѣстія прежнихъ путешественниковъ о нравахъ здѣшнихъ обитателей. Мы видѣли ихъ крошкихъ , довѣрчивыхъ и гостепріимныхъ. Они обитають совсѣмъ не на проклятой землѣ , какъ увѣряли многіе ; ничто не показываетъ между ними слѣдовъ бѣдности, или спраданія. Жилища , построенныя вровень съ землею , защищены отъ влажности сухою и песчанною почвою. Климатъ хотя непосояненъ и дождливъ , но здоровъ , судя по сильному и здоровому виду островищанъ. Главнѣйшее занятіе ихъ состоишь въ обработкѣ майса , овощей и кокосовъ. Но произведеній острова недоставало-бы жилищамъ , если-бы они не запасались припасами изъ Сайгонга. Искусные рыбаки , они ѣздятъ на машерикъ , вымѣнивають сарачинское пшено и шкани на соленую рыбу , морскихъ живошныхъ , или *трепанговъ* , и черепахъ. Они добываютъ еще особеннаго рода , рыжую , пахучую и горючую смолу изъ красиваго деревца , обильно распускаго въ горныхъ ущельяхъ Пуло-Кондора. Островъ управляется начальникомъ , кошорый , кажешся , независимъ отъ Кохинхинскаго правительсва.

Наше пребываніе у Пуло-Кондора ограничилось нѣсколькими часами, и мы спѣшили обогнуть пошомъ мысъ св. *Іакова*. На углу его остановила насъ лодка, въ кошорой находился чиновникъ, невысокаго роста шарикъ, но еще свѣжій и бодрый; онъ явился для свидѣтельствва нашего корабля, и выдалъ намъ пропускъ, безъ чего мы не могли явиться въ Кандьюской гавани.—*Кандью* есть приморская пристань Сайгонга, еполицы Кохинхинской, или южной, Камбоджіи. Только мѣстоположеніе придаетъ нѣкошорую важность этому мѣстечку, гдѣ живетъ одинъ изъ знашнихъ Кохинхинскихъ чиновниковъ. Не смотря на бѣдность Кандью, легко можно было замѣшшь при первомъ взглядѣ, что мы прибыли въ страну, образованную болѣе Сіама. Чиновники здѣшніе были одѣшны въ длинныя плашья изъ шелковыхъ шканей, гладкихъ, или мушчашыхъ. Уборка головъ ихъ имѣла уже форму Кишайскую. Всѣ эти люди были веселы, говорливы, умны и учшвы. Когда мы вышли на берегъ, шуземцы не смолрѣли на насъ, какъ въ Банкокѣ, будшо на диковинныхъ звѣрей; напрошивъ, каждый спѣшилъ вызваться на услугу намъ, и всѣ спорили о шомъ, кшо будетъ нашимъ пушеводишелемъ по городу.

Кандью мѣсно споль незначительное, что довольно поверхношнаго взгляда узнашь его совершенно. Онъ находится при зашшѣ, образуемомъ впаденіемъ рѣки Сайгонгъ въ море. Двѣ тысячи человекъ, наиболѣе рыбаковъ, обитающъ здѣсь. Единственныя замѣчательныя зданія суть два храма,

находящіеся въ милѣ отъ Кандю. Одинъ , красивый болѣе другаго , построень изъ кирпича и извешки , съ красною черепичною крышею , у которой на верху воздвигнуто что-то въ видѣ лодокъ , оканчивающееся чудовищными рыбами. Двѣ комнаты сославляютъ внутренность храма. Въ первой находится жертвенникъ , съ изображеніемъ двухъ аисовъ , смотрящихъ одинъ на другаго ; во второй , гдѣ устроены какія-то надгробные памятники , по стѣнамъ видны изображенія шигровъ , рыбъ , драконовъ , и разныхъ вымышленныхъ животныхъ. Впрочемъ , ничто шущъ , ни статуи , ни рисунки не походятъ на предметы религіознаго обожанія. Намъ сказывали , что эшотъ храмъ построенъ Кандюсцами въ честь морскихъ чудовищъ , покровителей рыбной ловли. Возвращаясь отъ сихъ зданій , встрѣтили мы трехъ жрецовъ , вѣроятно , служителей при храмахъ. Шедшій впереди казался главнѣе двухъ другихъ , былъ одѣтъ въ широкое платье съ висющими рукавами , сверхъ рубашки , просширавшейся до земли. Туфли его были съ загнутыми носками , а калпакъ оканчивался срѣзомъ. Два нисшіе жреца были съ голыми , бранными головами , одѣты въ длинные платья , и шли за старшимъ почтительно. Одинъ изъ нихъ имѣлъ въ рукахъ священную книгу и жезлъ ; другой несъ цвѣшокъ , въ спеклянномъ кувшинчикѣ.

Не лзя было не вспомнишь здѣсь о любопытномъ , но бесполезномъ путешесствіи , или посольствѣ , которое совершилъ въ Камбоджію г-нъ Крауфордъ.

Уполномоченному отъ Бришанскаго Генераль-Губернатора Индіи, представивша Англійскаго величія, отказали, но отказали такъ учтиво, провели его обрядами, праздниками, церемоніями, столь почтительно и вѣжливо, что ему нельзя было сердиться. Въ Сайгонѣ, на примѣръ, гдѣ Посланникъ почелъ необходимымъ видѣться съ *Шао-Куномъ*, губернаторомъ южной Камбоджіи, однимъ изъ значительнѣйшихъ вельможъ Кохинхинскаго государства, все было употреблено для развлеченія скучныхъ досуговъ Посланника Англійскаго. Едва Шао-Кунъ получилъ извѣстіе о прибытіи его въ Кандю, какъ онъ отправилъ къ нему двѣ лодки, съ сорока гребцами, одѣтыми въ красныя плаща съ желтыми рукавами, въ шапки, украшенныя перьями. Приблизившись къ Сайгону, Посланникъ увидѣлъ на берегу пять слоновъ, уже готовыхъ къ перевозу его во дворецъ, гдѣ Шао-Кунъ встрѣтилъ его торжественнымъ пріемомъ. Славный этотъ вельможа былъ эвнухъ, хилый, изуродованный, но состарѣвшійся въ дѣлахъ. Послѣ множества предварительныхъ переговоровъ, черезъ посредство чиновниковъ, онъ согласился, что грамаша, которую везъ Посланникъ, была дѣйствительно отъ Генераль-Губернатора Индіи. Когда это было кончено, Кохинхинскій дипломатъ разсмапривалъ дѣло со всѣхъ сторонъ, и заключилъ свое продолжительное обдумываніе вопросомъ г-ну Крауфорду: «Какъ-же Генераль-Губернаторъ Индіи можетъ посылать грамашу Кохинхинскому Государю? Къ Царямъ пишутъ только Цари.» На этомъ крѣпко остановился онъ,

и швердилъ , что подобная смѣлость дошолъ была неслыхана въ Кохинхинѣ. Послѣ насшойчивыхъ убѣжденій, Шао-Кунъ подался немного въ своемъ упорствѣ, согласился, чтобы списокъ съ граматы Генераль-Губернашора , законно и точно засвидѣтельствованный , былъ опкрышо посланъ въ Гюе , столицу государства. Узнавши въ то-же время , что главная цѣль переговоровъ состояла въ укрѣпленіи торговыхъ сношеній , онъ утверждалъ , что не за-чѣмъ было приходить издалека , ибо Государь его и безъ того покровительствуетъ всѣхъ торговцевъ , и что корабли всѣхъ народовъ свободно могутъ являться во всѣ Кохинхинскія гавани. — Среди такихъ церемоніальныхъ основовъ и приводящихъ въ опчаяніе формъ, Шао-Кунъ и чиновники его осыпали Посольство вѣжливостями и учтивостями , изобрѣшали для него праздники, и опкровенно показывали всѣ подробности нравовъ , обычаевъ и законовъ своей земли. Послѣ торжественной аудіэнціи , Шао-Кунъ хотѣлъ , чтобы г-нъ Крауфордъ удостоилъ взглядомъ своимъ бившу шигра съ слонами.

« На лугу , около полумили квадратной пространствомъ , » говоритъ Г-нъ Крауфордъ , описывая это зрѣлище — « поставили, въ нѣсколькихъ рядахъ , опъ 45-ши до 50-ши слоновъ ; при каждомъ находился его магу, или корнакъ. Шао-Кунъ, чиновники и шолпа солдатъ сидѣли въ опдѣльной загородкѣ, а другіе зрители находились на противоположной споронѣ. Тигръ , связанный около шеи крѣпкою веревкою, былъ привязанъ другимъ

концомъ ея къ сполбу, врышому посрединѣ луга. Мы вскорѣ увидѣли, что бивва будетъ неровная. У бѣднаго звѣря были обрѣзаны когти и губы зашипы, такъ, что онъ не могъ оповорити рта. Когда опустили веревку, которою шигръ былъ привязанъ къ сполбу, онъ старался сильными прыжками перебраться за загородку, но увидя безполезность своихъ усилій легъ на землѣ, и только приближеніе слона, угрожавшаго ему своими клыками, заставило его подняться на ноги, для предупрежденія опасности. Грозное положеніе и ужасное рыканіе звѣря ужаснули непріятеля; онъ испугался и бѣжалъ. Тигръ преслѣдовалъ его, и ударомъ лапъ по спинѣ заставилъ ускорить бѣгство. Магу успѣлъ однакожь снова оборотиться слона, и на эпошъ разъ слонъ напалъ съ такою яростью, что подхватилъ шигра мгновенно на клыки, и бросилъ почти на придцашъ фушовъ въ спору. Тигръ растянулся на правѣ, какъ будто мершвый, но онъ однакожь не получилъ опасной раны, при вшоричномъ нападеніи спалъ защищающа, бросился слону на голову и уперся задними лапами въ его хоботъ. Рана, имъ нанесенная, была споль жестока, что ни угрозы, ни увѣщанія не могли ворошить слона къ бою; онъ пробился сквозь всѣ преграды и убѣжалъ. Тутъ раздался крикъ негодованія, что магу худо исполняетъ свою должность, и бѣднякъ, приведенный передъ Шао-Куна, съ руками связанными на спину, получилъ спю ударовъ рашановыми палками за шрусость своего слона. Явился другой слонъ, напалъ въ свой

чередъ, и уступилъ мѣсто прочимъ. По мѣрѣ продолженія битвы, несчастный шигръ защищался слабѣе и слабѣе. Каждый разъ противники его находили средство схватывать и бросать его, и каждый шаковой ударъ истощалъ силы несчастной жертвы этого безчеловѣчнаго позорища. Когда звѣрь издохъ, одинъ изъ слоновъ приблизился къ нему, обхватилъ его своимъ хоботомъ, качалъ нѣсколько времени и бросилъ шаговъ на 30-ть отъ себя. Это была послѣдняя сцена кровавой драмы.»

«Потомъ увидѣли мы сраженіе совсѣмъ другаго рода: намъ захошѣли показать, съ какимъ беспрашіемъ ряды слоновъ ниспровергающъ непріятельское войско. Для этого былъ построенъ родъ укрѣпленія, и впереди его находились деревянные рѣшешки, покрытыя разными возгорающимися веществами и фейерверочными шпугами, съ присокупленіемъ нѣсколькихъ небольшихъ пушекъ; вдругъ все это было зажжено и произвело значительный огонь. Слоны приблизились въ стройномъ порядкѣ, скорымъ и швердымъ шагомъ, но когда увидѣли себя близъ огня, то у немногихъ доспало охоты и отваги идти далѣе; большая часть побѣжала назадъ въ безпорядкѣ, во всѣхъ направленіяхъ. Вторичное покушеніе, столь-же неудачное, положило конецъ забавѣ.»

Сайгонъ, столица Кохинхинской Камбоджіи, состоятъ изъ двухъ различныхъ городовъ, находящихся въ трехъ миляхъ одинъ отъ другаго, на берегахъ рѣки Дунаи. Новый городъ, *Пинге*, гдѣ крѣпость и жилище правителя, лежитъ на запад-

номъ рукавъ рѣки, а старый, *Сайгонъ*-собственно, на восточномъ, не столь широкомъ и глубокомъ. Здѣсь живутъ Китайскіе купцы, хотя большія жонки принуждены бывають идти въ Пинге. Крѣпость тамошняя построена въ видѣ продолговашаго чешыреугольника, и въ длину ея будетъ около трехъ чешвершей мили. Начата подъ смотрѣніемъ Европейскихъ инженеровъ, эта обширная крѣпость прикрита гласисомъ, эспланадою, ровомъ чрезвычайнаго размѣра, валами и правильными бастіонами. На ней нѣтъ пушекъ, но въ арсеналахъ крѣпости хранился ихъ нѣсколько сотъ.

Народонаселеніе обоихъ городовъ, уравнивающееся одно противъ другаго, можно опредѣлить только по догадкамъ: Уайтъ полагалъ его до 180,000, другіе уменьшали до 100,000, а г-нъ Крауфордъ, новѣйшій изъ путешественниковъ, не говоритъ объ этомъ ничего. Посрединѣ города есть дворецъ Царскій, гдѣ жилъ знаменитый *Гіа-Лонгъ*, власишель *Кохинхины*, во время послѣднихъ переворошовъ въ его государствѣ. Главный базаръ составляетъ широкую и обширную улицу, по которой пуземныя и иноземныя произведенія выставлены на продажу. Предметы торговли заключающія здѣсь главнѣйше въ обработанныхъ шелкахъ, въ чаѣ низкихъ доброшъ, пшницѣ, свиньяхъ, и проч. — Недостатокъ произведеній Европейскихъ довольно показываетъ, сколь рѣдки и ограниченны сношенія отсюда съ Бенгаломъ и Англіею. Нѣсколько стекляннй посуды и немного суконъ — вошъ почти все, что можно найдти здѣсь изъ Европей-

скаго шовара. Женщины занимающа продажею припасовъ и сперегушъ лавки.

Домы въ Сайгонгѣ, большею часпію, деревянные, съ крышками изъ лисъевъ пальмовника и соломы сарачинскаго пшена. Немногіе построены изъ кирпичей, съ черепичными крышками, но всѣ въ одинъ этажъ. Жилища Кипайцевъ опличающа опъ другихъ опряшноспью, щегольспвомъ и успройспвомъ. До 4,000 человекъ насчиывающъ въ Сайгонгѣ жителей Кипайскаго происхожденія, предки копорыхъ ушвердились здѣсь уже съ нѣсколькихъ сполѣній. Госспрімные, предупредишельные, умные и дѣяшельные, эти поселенцы были и сущъ одни изъ самыхъ дѣйспвишельныхъ средствъ образованія Кохинхины.

ГЛАВА XXVII.

КОХИНКИНА. — ТУРАНЪ. ГЮЕ.

Съ избыткомъ запаслись мы въ Кандю превосходными плодами здѣшней спороны. Въ обмѣнъ нѣсколькихъ піаспровъ Барона, намъ дали множество корзинъ съ померанцами, бананами, яблоками, и нѣсколько огромныхъ плешушекъ съ рыбою всякихъ соршовъ. Сытые и освѣженные пустились мы въ путь, въ шопъ-же самый день. Вѣшеръ былъ добрый, плаваніе скорое. Мы проплыли въ недале-
немъ разстояніи отъ гориспаго берега, проспи-
рающагося отъ С. В. къ Ю. З., прошли проли-
вомъ между островомъ *Кау* и утесомъ *Брито*,
названнымъ по имени Поршугальскаго морехода,
здѣсь погибшаго, и обогнули мысъ Пандаранъ, бие-
мый волнами, подобно мысу Доброй Надежды, об-
шекающими его съ великимъ спремленіемъ. Мысъ
эшопъ составляетъ какъ будто переломъ для пла-
ванія въ Кишайскомъ морѣ; прошедши его, мы
вдругъ перемѣнили направленіе и пошли прямо на

сѣверъ. По мѣрѣ приближенія нашего къ пропоку, продолжающемуся между Кохинхинскимъ берегомъ и островами, извѣстными подъ именемъ *Парасельскихъ*, вѣтеръ ошъ Ю. З., прерванный высокими горами машерика, долеталъ до насъ только неравными порывами; но, погруженный въ проливахъ, онъ выходилъ въ направленіи почти С. З., но, обвиваясь около береговъ, дѣлается почти Ю. В., перевершываясь почти по всѣмъ шочкамъ компаса. Среди такихъ непрерывныхъ переходовъ вѣтра, мы свободно могли разсмаширивать землю, прошигивавшуюся параллельно съ кораблемъ, высокую и зубчашую; по этому можно было догадываться о многочисленныхъ пристаняхъ въ ея углубленныхъ впадинахъ. Весь этотъ берегъ былъ хорошо изслѣдованъ Кохинхинскимъ офицеромъ, Дайо, природнымъ Французомъ, кошорый былъ значительнымъ чиновникомъ при Дворѣ Кохинхинскомъ. Наша жонка посшепенно проходила мимо залива *Я-трангъ*, находящагося подъ $42^{\circ} 6'$ С. Ш., гдѣ построена крѣпость Французскимъ инженеромъ Олльве; мимо *Конъ-Кое*, гдѣ по словамъ Дайо, есть превосходная гавань; мимо пристаней *Фюинъ* и *Квинъ-онъ*, острова *Пуло-Кантонъ*, называемаго шужемцами *Каллао-Рай*, безплодныхъ, скалистыхъ острововъ *Шамъ-Калао*, и наконецъ, при благопріятной погодѣ, вошли мы въ Туранскій заливъ, спокойное, обширное зашище, заключенное, какъ будто озеро, между высокими горами, кошорья кажутся ошдѣляющими его ошъ моря. Нашъ Кишаецъ ошановился на якорѣ въ полумилѣ ошъ бе-

рега. Съ этого мѣста, двѣ прѣши окружности береговъ представляли намъ базальшовую стѣну, опъ 1500 до 1800 фушовъ въ вышину, усѣянную въ разныхъ мѣстахъ мощными деревьями, спарыми, какъ мѣрь. Всюду здѣсь природа казалась грозною и дикою, являя произраспаніе первобытное и дѣвственное; можно было догадываться, что эти негоспепріимные лѣса соспавляли еще обипалища дикихъ звѣрей. Но къ Ю. В. берегъ понижался; лѣса, болѣе рѣдкіе, были перерѣзаны зелеными плоскостями. Насажденія сарачинскаго пшена, майса, и крышки домовъ, показывавшіяся между зеленью, возвѣщали присущствіе и прудъ человѣка. Въ сей спонронѣ находишся *Фай-фо*, городъ, гораздо значительнѣе Турана, опдѣленный опъ него небольшимъ, но судоходнымъ прошокомъ.

Едва спали мы на якорѣ, десянь лодокъ приплыли къ нашей жонкѣ, и всѣ спорили о чеспи свезши насъ на берегъ. Мы опправились въ шой, кошорая показалаь намъ лучше другихъ. Это была красивая, легкая лодка, снабженная по краямъ длинными мачшами, на кошорыхъ раскинушы были паруса, въ видѣ вѣровъ. Менѣ нежели въ полчаса, мы придвинулись къ прибрежью, и доспигли его въ лодкѣ съ веслами, безъ мачшъ. Передъ нами было узкое усъе ручья, впадающаго въ заливъ Туранскій. Тушъ вышли мы на землю, подлѣ небольшого моспика, ушвержденнаго на чепырехъ обрубкахъ. Пропивъ сей пристани пѣсно сдвинушы были дома мѣспечка, защищенные укрѣпленіемъ, кошорое означала мачша съ флагомъ.

Случайно пришлось, что мы приплыли къ дню торжественнаго праздника Кохинхинцевъ. По мѣрѣ приближенія нашего къ городу, шумныя толпы встрѣчались намъ во всѣхъ направленіяхъ. Тутъ дюжина молодыхъ Кохинхинцевъ играли въ мячъ, перебрасывая надутый пузырь; тамъ другіе прыгали черезъ палку, посшавленную горизонтально; направо происходило въ толпѣ зритель побойще пѣшуховъ; на-лѣво дѣши справляли на бой зеленыхъ куропашокъ, и даже кузнечиковъ; въ иномъ мѣстѣ играли въ каршы и въ косши, или ловко подбрасывали ногами родъ мячика. Видя Кохинхинцевъ, показывавшихъ во всѣхъ эшихъ играхъ удивительную ловкость, Баронъ напомнилъ мнѣ анекдотъ, кошорый рассказываетъ Барровъ: одинъ изъ мапрозовъ съ корабля *Левъ*, принадлежавшаго къ посольству Маккаршней, заспорилъ съ Кохинхинцемъ, и захопѣлъ кончить споръ по Англійскому обычаю — кулачнымъ боемъ. Онъ лихо спалъ въ положеніе боксѣра, поднялъ къ лицу свои непобѣдимые кулаки, расчишалъ, какъ опличный мастеръ, ударъ, и хошѣлъ нанести его сопернику; Кохинхинецъ вдругъ перевернулся, оборотясь спиною, прыгнулъ, и далъ такой ударъ пяшами ногъ своихъ Англичанину, что тотъ полетѣлъ вверхъ ногами.

Туранъ мѣспечко споль ничтожное, что черезъ нѣсколько минушъ мы дошли уже до главной его площади, гдѣ также мѣсто и главнаго рынка. Тутъ шѣснилась толпа мужчинъ и женщинъ, покупателей и продавцевъ, предлагавшихъ шоваръ и шре-

бывавшихъ его. Въ одномъ мѣстѣ, рыбаки шацилъ на рапановой палкѣ свою вершу, наполненную рыбою, держа въ другой рукѣ связку банановъ; здѣсь двѣ женщины, въ длинныхъ плащяхъ, босоногія, въ соломенныхъ шляпахъ, похожихъ видомъ на шампиньонъ, сперегли, разложенныя порядкомъ на рогожкѣ, глиняную посуду, рыбу, плоды, сахарные пирожки и Китайскія конфекты. Далѣе, купцы перемѣривали въ мѣшки сарачинское пшено, а другіе предлагали купить пшницъ и свиней; на-право торговали бумажными и шелковыми шканими, на-лѣво фарфоромъ и бешелемъ. Со всѣхъ сторонъ зрѣлище эшо опличалось живоспью и странностью.

Въ одеждѣ туземцевъ, видѣнныхъ нами на эшомъ базарѣ, мы не замѣтили никакого однообразія. Уборка головъ, плаще, шаровары различались, смотря по званію, а еще болѣе по желанію каждаго. Болѣе упошребительное одѣяніе женщинъ состоишъ изъ бумажной, синей или темной, рубашки, сходящей до икръ, и изъ широкихъ шароваровъ черной кишайки. Женщины знашнѣ опличающся шелковымъ, или бумажнымъ плащемъ, съ широкими рукавами, заспегнутымъ до подбородка, длинными, и широкими шароварами, чалмою, подъ кошорою скрышы ихъ волосы, и загнутыми шуфлями на ногахъ. Одежда мужчинъ высшихъ званій совершенно походишъ на женскую. Иныя женщины оспавляютъ волосы висящими до земли въ длинныхъ, заплешеныхъ косахъ, или собирающъ ихъ въ огромный пукъ, ушверждая греб-

немъ на верхушкѣ головы. Короткіе волосы естъ знакъ нисшаго званія. Мужчины иногда повязываютъ на голову плашокъ, въ видѣ чалмы; иногда надѣваютъ шляпу, калнакъ, разнообразной формы, но всегда однакожь защищающіе лицо отъ солнечнаго свѣта. Для этого имѣютъ они еще съ собою широкія перья, или зонтики изъ швердой бумаги, пальмовыхъ и лашаньеровыхъ лисневъ. Въ одеждѣ рабочихъ званій стараются наиболѣе о томъ, чтобы одѣяніе не мѣшало занятіямъ. Такъ самыя женщины, занимаясь обработкою полей сарачинскаго пшена, надѣваютъ только короткія до колѣнъ шаровары, и прикрываютъ себѣ грудь лоскутомъ шкани. Иногда закутываются онѣ въ плащъ съ капишономъ, а на ногахъ носятъ плоскія и возвышенныя отъ земли сандалии, подобныя шѣмъ, какія видны на Малайскомъ архипелагѣ; короткая рубашка, шаровары до половины ноги, плашокъ вмѣсто чалмы, дополняютъ принадлежностей различныхъ одѣяній Кохинхинца нисшихъ званій.

Но общимъ опличіемъ туземцевъ, всѣхъ кого мы ни видали, мужчинъ и женщинъ, была неопрятность, выше всякаго описанія. Одежда въ лоскуткахъ, наполненныхъ нечислыми насѣкомыми, и еще болѣе—снранное лакомство эшою гадосью, удаляющъ всякаго Европейца отъ любви къ Кохинхинскимъ женщинамъ, еслибы даже толстыя губы, всегда испачканныя сокомъ бешеля, и зубы отъ употребленія его почернѣлые, сдѣлались средствомъ для шого недоспащочнымъ. Впрочемъ, физіогномія

Кохинхинокъ показываешъ что-то крошкое, и формы шѣла ихъ не лишены гибкости и пріятности. Мужчины, худощавые и низенькіе, съ расплюснутымъ носомъ, съ узкими Кишайскими глазами, мѣднымъ цвѣшомъ шѣла, выдавшимися скулами, также не лишены выраженія пріязни, особливо въ нисшихъ званіяхъ.

Замѣшанные въ эшой шумной и спранной толпѣ, мы продолжали наблюденія за ея нравами, одеждою, языкомъ, какъ совершенно неожиданная встрѣча прервала наши занятія. «*Bon jour, messieurs!*» сказалъ намъ кто-то Гасконскимъ нарѣчіемъ. — Баронъ прыгнулъ въ спорону ошъ невольнаго изумленія. «Не уже-ли Французы распушъ вездѣ, какъ грибы?» вскричалъ онъ. — Видно шакъ, и къ вашимъ услугамъ — ошвѣчалъ незнакомецъ. Эшо былъ невысокій человекъ, одѣшый по-Кохинхински, мѣднаго цвѣша, какъ Мавръ, съ умными, плушовскими глазами. Онъ разсказалъ намъ, что родился въ Бордо, въ молодыхъ лѣшахъ уѣхалъ въ Индію, и живешъ въ Туранѣ уже около пашнадацаши лѣшъ. Эшотъ Кохинхинскій землякъ мой соспавлялъ значительное лицо въ здѣшней споронѣ, но предложилъ намъ свои услуги съ шакимъ радушіемъ, что мы охотно согласились руководствовашься его знаніями. «Вы кшаша пріѣхали,» сказалъ онъ — «сегодня здѣсь большой праздникъ; наши мандарины даюшъ всѣмъ намъ угощеніе, и вы должны посмошрѣшъ на все эшо.» Мы извинялись недосугомъ, но должны были согласисься.

Жилища Туранскихъ правителей находятся недалеко отъ города. Дорога, ведущая туда вдоль залива, усеяна домами туземцевъ, почти сплошь состоящими изъ четырехъ земляныхъ стѣнъ, съ крышами изъ пальмовыхъ листьевъ, или соломы. Вскорѣ достигли мы одной деревушки, откуда открылись передъ нами всѣ строенія Туранскія, расположенныя на небольшомъ полуостровѣ, а вдали, въ гавани, видны были мачты жонкъ, казалось, выходившія изъ волнъ залива.

Дорога повернула отсюда вправо, и длинною аллею, насажденною изъ прекрасныхъ деревьевъ, довела насъ до двухъ зданій, обширнѣе и лучше построенныхъ, нежели всѣ тѣ, копорыя видѣли мы здѣсь до сихъ поръ. Это было мѣстопробываніе двухъ начальниковъ Кохинхинскихъ, гражданскаго и военнаго. Оба они скоро явились передъ нами. Первый имѣлъ на головѣ калпакъ, показывавшій званіе знашнаго чиновника, украшенный спереди золопою, въ нѣсколько дюймовъ длины, бляхою, гдѣ вырѣзано имя Царя Китайскими буквами. Туля калпака была украшена съ обѣихъ сторонъ крыльями, дюймовъ по девяти вышиною, шире къ верху, сдѣланными изъ чернаго флера, и ушверженными на латунной проволоки. Шелковое платье, зеленого цвѣта, вышитое узорами, шаровары изъ красной шелковой ткани, и бабуши, составляли ошальную одежду. Военный чиновникъ опличался нѣсколько своимъ одѣяніемъ: платье его было невышитое; на калпакѣ, вмѣсто гражданскихъ крыльевъ, находилось по бокамъ украшеніе изъ мѣдной

проволоки, похожее на рога оленя, и какой-то еще прибавокъ, въ видѣ вилки, торчалъ на верхушкѣ. Оба эти сановника не имѣли въ выраженіи лицъ своихъ ничего, ни правильнаго, ни благороднаго, но за то можно было разсмотрѣть на лицѣ одного что-то лукавое и недовѣрчивое, а на лицѣ другаго жестокое и свирѣпое. Когда нашъ пушеводитель извѣстилъ этихъ чиновниковъ о присутствіи нашемъ, мы замѣтили, что фizioгноміи обоихъ мандариновъ приняли выраженіе церемоніальной благосклонности. Сколько могли мы понять, ибо разговоръ шелъ по-Кохинхински, надобно было намъ особенное позволеніе присутствовать, какъ гостямъ, при угощеніи, которое давали въ этотъ день Ихъ Кохинхинскія Превосходительства.

До начала пира, нашъ чичероне хотѣлъ показатъ намъ разныя принадлежности жилища мандариновъ. Прежде всего посѣтили мы родъ гауптвахты, гдѣ находился опрядъ шуземнаго войска, для чести и безопасности правителей. Солдаты вооружены были ружьями, съ штыками и курками, по примѣру Европейскихъ. Какъ на Сіамскихъ, на нихъ были конической фигуры шляпы, изъ носороговой кожи, съ красными и желтыми плюмажами. Мундиры ихъ родъ блузъ, синяго цвѣта, надѣтыхъ сверхъ нижняго плащя; на перевязи изъ буйволовои кожи висятъ пороховница и сумка. Одежда артиллеристовъ разнилась отъ простыхъ солдатъ тѣмъ, что коническія шляпы ихъ безъ плюмажей, плащъ длиннѣе и шире, а вмѣсто мушкетеровъ у нихъ

длинные копья, перевишья красными и желтыми шелками. — Съ гауптвахты прошли мы въ загородку, окруженную живымъ плетнемъ, по срединѣ которой возвышалась пирамида, съ четырехугольнымъ верхомъ. Это была гробница, складенная изъ кирпичей и камней, гдѣ покоялся останки предмѣстника нынѣшнихъ правителей, всѣми сожалѣмаго; памятникъ воздвигла ему общая благодарность народа. — Неподалеку отсюда, сквозь вѣшвы деревъ, бѣлѣлись слоновыя конюшни — обширный сарай, состоящій изъ толстыхъ земляныхъ стѣнъ, покрытый пальмовыми листьями. Десять внутреннихъ стойлъ, раздѣленныхъ толстыми бревнами, показывали число живошныхъ, здѣсь сберегаемыхъ. Каждое отдѣленіе образовывало собою покашость, съ особеннымъ возвышеніемъ, служившимъ для слона подушкою, и подставкою, когда онъ подымается на ноги. Конюшни вообще не показались намъ ни обширными, ни хорошо содержимыми; полъ былъ неровенъ, нечистъ внутри, а для пойки слоновъ находилась снаружи подлѣ конюшенъ грязная лужа. Деревья, лишенные листьевъ, хилыя, изуродованныя, кривыя, являли на себѣ слѣды запущенія. Только одно бросалось въ глаза своею красивою фигурою: родъ кіоска, гдѣ правители сядяся иногда, и смотряшъ, какъ играютъ слоны, выпущенные на долину. Нашъ пушеводишель рассказывалъ намъ чудеса о Кохинхинскихъ слонахъ, едва-ли не самыхъ смысленыхъ и красивыхъ изъ всѣхъ породъ слоновыхъ. «Въ дикомъ состояніи — говорилъ онъ — эти живош-

ныя соспавляютьъ величайшее зло для здѣшной земли — бѣгають по полямъ , опустошаютъ жашвы , раззоряютьъ фруктовые сады , въ одну ночь губяють прудъ цѣлаго года ; но приученные къ домашней жизни съ людьми , они дѣлаются самымъ вѣрнымъ союзникомъ человека , способнымъ на все , для ѣзды , перевоза тяжестей , парада , войны. Посмотрише до какой огромности они здѣсь достигаютъ — 12 , 13-ми , иногда 14 фузовъ. Туловище ихъ корошко , сжато , некрасиво , но если показашъ вамъ ловкость и силу ихъ , вы изумитесь , какими великими средствами обладаетъ для того и другаго слонъ. Онъ не боится встрѣчи съ шигромъ въ лѣсу , предупреждаетъ его , самъ нападаетъ , и почти всегда одерживаетъ побѣду. Въшъ другая порода ихъ , менѣе ростомъ. Но собственно въ Гве-Фу надобно изумляться слонамъ , употребляемымъ на войнѣ , настоящимъ подвижнымъ башнямъ , напоминающимъ походы Александра и поэпическія битвы древняго Воспока. Нынѣ употребляются здѣсь слоны почти единственно только для перевозки тяжестей и артиллеріи ; но до введенія огнестрѣльнаго оружія , Кохинхинцы всегда водили съ собою въ походы слоновъ , и эти громадныя звѣри ходили у нихъ на полки непріятельскіе съ удивительною и упорною храбростью. — Кромѣ различныхъ способовъ , употребляемыхъ для ловли слоновъ въ Индіи и Цейланѣ , Кохинхинцы употребляютъ для этого съ успѣхомъ еще особенныя средства. Иногда , замѣшивъ дерево , на кошорое обыкновенно опи-

рается слонъ во время ночи, они подпиливаютъ его, оставляя чужь держащимся на пнѣ, и когда слонъ, по привычкѣ, обопрется на замѣченное дерево, оно ломается, валишь слона, потерявшаго равновѣсіе, и охотники нападаютъ на него. Тогда связываютъ его съ двумя слоновыми самками, которыя бьютъ его хоботами, укрощаютъ такимъ способомъ, и по неволѣ заставляютъ смиренно идти въ назначенную конюшню. Иногда, упавши въ приготовленный ровъ, закрытый сверху вѣтвями и листьями, животное укрощается голодомъ, и повинуется человѣку отъ истощенія силъ. Тогда начинаютъ для покорнаго плѣнника курсъ домашняго воспитанія. Корнакъ, или *магу*, берется за него, ходишь за нимъ, кормишь его, садишься на его толстую шею, водишь его на привязи, ласкаешь, наказываешь, не оставляешь ни на одну минушу, и доводишь наконецъ ученика своего до того, что воля и жизнь его дѣлаются чѣмъ-то общимъ и нераздѣльнымъ съ волею и жизнью учителя. Не одному только спрау повинуется слонъ, и не ограничивается къ своему магу однимъ только отрицательнымъ чувствомъ покорности: когда представляется случай, слонъ оказываетъ всѣ признаки умной привязанности и дѣятельнаго усердія. Если солнце печетъ сильно, слонъ опламываетъ хоботомъ гущия вѣтви деревъ и подаетъ ихъ своему корнаку, чтобы сдѣлать изъ нихъ защиту отъ солнца. Если, упомянутый жаромъ, корнакъ заснетъ, слонъ уменьшаетъ свой шагъ, чтобы не распростоитъ

покая своего повелишеля, удерживаетъ даже свое дыханіе, боясь обеспокоить своего друга. Бываетъ однакожь время въ году, когда слонъ дѣлается совершенно буйнымъ и неукротимымъ, приходитъ въ продолжительный припадокъ бѣшенства, все бьетъ и ломаетъ, деревья, дома, людей, даже убиваетъ своего корнака. Такіе припадки спаряющіяся предугадать, предупреждая полное ихъ развитіе. При первыхъ признакахъ, окружающъ бѣшеннаго слона самками, и онѣ бьютъ его хобошами; если эшо окажется недосшаточно, чшобы не подпастъ тяжкой отвѣтственности, корнакъ убиваетъ своего слона, вонзая въ черепъ его иглу, посредствомъ кошорой обыкновенно управляетъ онъ слономъ. »

Хошя всѣ шакія подробности были не новы для насъ, путешествовавшихъ по Цейлану, Индіи, Бирманіи и Сіамскимъ землямъ, мы дали свободу говорить нашему чичероне, пока не пришли къ залѣ пиршества. Подъ обширнымъ сараемъ, построеннымъ изъ бамбука и защищеннымъ спѣнками изъ рогожь, шридцать, или сорокъ небольшихъ квадратныхъ споликовъ представились нашимъ взорамъ, до шого обремененные кушаньями, или лучше сказать, горшками, чшо въ буквальномъ смыслѣ были покрышы ими. Въ эшихъ горшкахъ заключались венигрешы изъ говядины, свинины, куряшины и рыбы: все эшо, разрѣзанное въ кусочки, смѣшанное съ овощами, соспавляло чшо-шо въ родѣ *оллаподриды*, смоченное бульонами и соусами, приправленное разными приносшями, на разные манеры

Когда полпорасла, или двѣсти почешныхъ Кохинхинцевъ засѣли за сполики, мы заняли мѣсто въ ошдаленномъ углу залы съ нашимъ представителемъ. Каждый гость неподвижно оставался на своемъ мѣстѣ, и никто не прикасался къ кушаньямъ, которыми были заснавлены спола. «Чего-же ждущъ?» спрашивалъ я у своего чичероне. — Мандариновъ—опвѣчалъ онъ.—Черезъ минушу пошомъ явились оба правишеля, или мандарины, какъ привыкли Европейцы называть всѣхъ вельможъ и чиновниковъ Кишайской Индіи и Кишая. Но высокое достоинство хозяевъ не позволило имъ раздѣлишь шрапезы съ гостями, какъ думалъ я сначала; они хопѣли шолько почшишь ее своимъ присуществіемъ. Оба правишеля легли на рогожкахъ, облачиваясь на мягкія подушки, курили шрубки, жевали бешель, а между шѣмъ чешверо невольниковъ махали вокругъ нихъ огромными опахалами, сдѣланными изъ павлиныхъ перьевъ. Вспущеніе въ залу Ихъ Превосходительства было знакомъ начала Кохинхинскаго угощенія. Всѣ гости бросились къ ѣдѣ, и прежде всего наполнили желудки варенымъ сарачинскимъ пшеномъ, кошорое подали имъ въ чашкахъ, вмѣсто хлѣба. Сарачинское пшено здѣсь, какъ и въ другихъ Воспочныхъ земляхъ, служишь основою всякой другой пищи. Желая приняшь участие въ обѣдѣ, мы искали вилокъ и ножей, но нашли передъ собою шолько глиняную чумичку и нѣсколько палочекъ, или шросшинокъ, изъ бамбука, розоваго и сандалнаго дерева, похожихъ на употребляемыя при сполѣ Кишайцами. Не слишкомъ

надѣясь на вкусъ и опрятность Азіятскихъ венигровъ и окрошекъ, мы ожидали, пока подадутъ намъ что нибудь цѣликомъ вареное, либо жареное, но ожиданіе было напрасно, ибо такія кушанья не входящъ въ составъ Кохинхинскаго угощенія. Для соблюденія приличій, проглотили мы поне-многу пшена, и вдругъ радостный крикъ собранія возвѣстилъ намъ появленіе чуда повареннаго искусства. «А это жареный слонъ,» сказалъ намъ мой землякъ — «кушанье, почищаемое Кохинхинцами за святое, и сберегаемое для самыхъ торжественныхъ угощеній.» Изъ любопытства хотѣлъ я опробовать слоновины, но не могъ проглотить ни кусочка—такъ была она жестка и вонюча.

Послѣ обѣда поподчивали почтенное собраніе другимъ угощеніемъ: драматическое представленіе ожидало насъ въ особенномъ сараѣ, еще болѣе обширномъ, нежели зала пиршества. Едва вошли мы туда, началась *комедія*. Она состояла изъ крикливаго разговора, при звукахъ гонговъ, цымбаловъ, барабановъ, дудокъ и трубъ. Самую забавную часть составлялъ родъ импермедіи, выполненной тремя молодыми женщинами, первыми артистками изъ всей труппы. Онѣ явились въ платьѣ древнихъ царицъ, а старый эвнухъ, одѣтый въ шутовскую одежду, игралъ при нихъ роль арлекина, или скарамуша. Въ этой сценѣ, разговоръ, вмѣсто однозвучнаго и медленнаго Кишайскаго речитатива, сдѣлался вдругъ живъ и порывистъ, былъ перемежанъ съ веселыми ризурнелями, и кончился общимъ хоромъ. Въ иныхъ мѣстахъ, мелодія принимала

риѣмъ, унылый и тихій, подобно Шотландской балладѣ, и тогда голоса пѣвицъ возвышались какимъ-то дрожащимъ пискомъ, не совсѣмъ безъ пріятности. Музыка Восточная никогда не бываетъ безъ пляски, и при каждомъ началѣ хора, Кохинхинскія пѣвицы начинали двигать руками и ногами, снанивались шакъ, что выказывали свои легкія шали, составляли группы, расходились, сходились опять, и всѣ ихъ движенія ни одного раза не поразнили съ музыкальнымъ шакшомъ.

Въ Кохинхинѣ, шакъ-же какъ въ Кишаѣ, не берутъ ничего за входъ въ театръ. Актеры пробиваются своимъ ремесломъ двояко: или представляя частнымъ образомъ, по приглашенію въ дома, или представляя публично, подъ сараями, куда приходишь всякой; въ этомъ случаѣ плата зависить отъ великодушія зрителей; они бросаютъ на сцену мѣлкую монету, если остаются довольны спектаклемъ. За представленіе, которымъ увеселялись, надобно было актерамъ получить плату такимъ образомъ; мой Баронъ, очарованный Малибра-нами Кохинхинской оперы, захопѣлъ поступить, какъ прилично знатному барину; онъ бросилъ на сцену нѣсколько піаспровъ, и такая щедрость его была столь неожиданное дѣло, что актеры чуть не подрались за дѣлежъ. Принуждены были для успокоенія ихъ призвать спражей спокойствія въ коническихъ шапкахъ.

Довольно было для насъ увеселеній и праздниковъ въ одинъ день. Мы возвратились на нашу

жонку , рѣшась на другое утро перейти узкій перешеекъ , который находится между Тураномъ и Фай-Фо. Едва проглянулъ день, мы были уже на этой песчаной , но хорошо обработанной землѣ. Деревни , лежащія по дорогѣ , представляли видъ опрыпности и довольства , происходившій , безъ сомнѣнія , болѣе отъ качества земли, нежели дѣятельности обитателей. Насажденія сарачинскаго пшена, фисташекъ , шелковицы, пересѣкали обширныя плантаціи майса. Воспитаніе шелковыхъ червей, кажется, составляетъ одно изъ занятій здѣшнихъ жителей ; корзины , наполненныя коконами , мы замѣтили у дверей многихъ хижинъ. Пусть нашъ , по трудной дорогѣ , продолжался почти пять часовъ , и потомъ открылся намъ Фай-Фо, на право, въ концѣ неглубокаго залива. *Фай-Фо*, есть Китайское торговое мѣстечко , обѣ одной улицѣ , продолжающейся почти на четверть мили ; постоянное народонаселеніе его простирается до 5,000 человекъ , но во время прихода жонкъ почти удвоается спешеніемъ прѣзжихъ мореплавателей и торговцевъ. Сахаръ и киннамонъ (родъ корицы) составляютъ здѣсь два главнѣйшіе предметы вывоза.

Дома Китайцевъ въ Фай-Фо построены изъ кирпичей съ извешкою , покрыты черепицею , и кажется должны-бы заставить туземцевъ спыдаться ихъ неопрыпныхъ лачугъ. Здѣсь есть много храмовъ ; мы посѣтили нѣкоторые ; лучший посвященъ Китайской богинѣ покровительницѣ торговли и мореплаванія. Онъ построенъ около ста лѣтъ по-

му, какимъ-то богатымъ Кишайскимъ купцомъ который вывезъ матеріалы и масперовъ изъ Кантона. Во внутренности огромная желѣзная чаша, восьми футовъ вышиною, поставлена передъ жертвенникомъ, а сзади въ фоншанѣ держашъ до 30-ти живыхъ земляныхъ черепахъ. Въ Фай-Фо видѣли мы также самый лучший изъ всѣхъ находящихся въ Кохинхинѣ Буддѣйскихъ храмовъ. Тушъ поставлена спашуя Будды, фигурою и одеждою отличная отъ Цингалезскихъ, Бирманскихъ и Сіамскихъ спашуй этого божества. Чертами Монгольскими замѣнены въ ней черты Индѣйскаго лица. Доказываешь-ли это, что Азія дѣйствительно имѣла нѣсколькихъ Буддъ, что это родовое имя, прилагаемое всѣмъ духовнымъ законодателямъ, или должно видѣть въ этомъ просто своевольство спашуищиковъ, которые въ Индіи даютъ Буддъ Индѣйское, а въ Кишаѣ Монгольское лицо?

Фай-Фо не главный городъ обласпи, въ которой онъ находится. Губернапоръ здѣшній живетъ въ укрѣпленномъ мѣстечкѣ *Фу-Шіамъ*, лежащемъ въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда. Имя всей обласпи *Шамъ*; она протягивается до цѣпи горъ, ограничивающихъ къ Ю. В. заливъ Туранскій, и населеніе ея будетъ до 50,000 душъ.

При возвращеніи изъ Фай-Фо, Кишаецъ, провожавшій насъ, предложилъ намъ посмотрѣть одно изъ чудесъ здѣшней спороны — *Мраморныя горы*. Громкое имя это придается здѣсь нѣсколькимъ мраморнымъ утесамъ, находящимся на почкѣ соединенія полуострова съ материкомъ. Мы согласи-

лись, и около полудня издали увидѣли выходящія изъ песчаной долины пять громадъ мраморныхъ, похожихъ на спицы пирамидъ, основаніе кошорыхъ погружено въ песокъ. Для доспигенія къ главному изъ ушесовъ, надобно было идти по бесплодной землѣ, покрытой во многихъ мѣстахъ бѣловою, блестящею и твердою пылью, которая почти вся была составлена изъ раздробившихся въ порошокъ, черныхъ, вулканическихъ горъ здѣшнихъ. При взглядѣ опѣ подошвы представлялись намъ сіи горы продолговатыми массами, вышиною въ нѣсколько сотъ футовъ. По спусенькамъ, выбитымъ въ круглой пустотѣ, мы взобрались на одинъ ушесъ, до того мѣста, гдѣ лавки, изсѣченныя въ широкой полосѣ, дали намъ средство опдохнуть. Отсюда—вулканическія горы, вода, сверкавшая вдали, чешыре ушеса, вздымавшіе къ верху свои черныя, зубчатныя вершины, песокъ, свѣплѣвшій своею бѣлизною, обломки каменьева, деревья, раздирающія своими корнями мраморъ, куспарники, распенія, развѣсившія плечи свои внутри расѣлинъ, обезьяны, какъ будто на качеляхъ, качавшіяся на вѣтвяхъ ліановъ, все это, общность и подробности, походили на что-то волшебное, на оперную декорацію.

Послѣ довольно продолжительнаго отдыха, вошли мы въ ущелье, украшенное садиками, разбросанными по скаламъ. Небольшія часовни и нѣсколько хижинъ украшали собою это ландшафтъ, поражающая взоръ неожиданностью и противоположностью. Изъ одной хижины вышелъ человекъ, и предложилъ намъ прогуляться въ подземельный пагодъ, допол-

неніе чудесъ эшого мѣста. Дѣйствительно, онъ повелъ насъ по узкой галлерей, длиною почти на 200 фушовъ, съ кельями на право и на лѣво. Галлерей, оканчиваясь на сѣверной споронѣ ушеса, продолжается дорожкой, накрышою непроницаемыми лисьями; потомъ, черезъ разные, искривленные переходы, корридоръ, пробившій въ цѣльномъ ушесѣ, и по лѣстницѣ въ 36-ть ступеней, приблизились мы къ шайншвенному пагоду. Входъ составлялъ родъ портика, обшавленнаго съ обѣихъ споронъ пѣдесталами, на копорыхъ шояли изображенія вымышленныхъ живошныхъ, а сверху накрывалъ все эпо фронтонъ, съ символическими коровьими рогами. Надъ эшою дверью новый рядъ ступенекъ сводилъ во внутренность подземнаго храма. Здѣсь была громадная пустоша, 50-ти фушовъ въ длину, 40-ка въ ширину, около 45-ти въ вышину. Свѣшъ проходилъ сюда сквозъ природное ошверзшіе въ верху свода; лучи солнца и вѣшерокъ разыгрывались шущъ по гирляндамъ ліановъ, индѣ висѣвшихъ прямо, индѣ округленныхъ и обхваченныхъ въ арабески. Когда вошли мы сюда, солнце ударяло прямо сверху ушеса, по его блестящимъ зернамъ и алмазнымъ кришаламъ, и лучи солнечные опражались съ такою яркостью золоша и серебра, чшо намъ показалось, будто мы всшупили въ фаншасшическія пещеры волшебныхъ сказокъ Воспока.—Подлѣ двери, въ кошорую вошли мы, находились двѣ огромныя сидящія фигуры; у ногъ ихъ видны были чудовищныя живошныя; далѣе, въ углубленіи, возвышенномъ кирпичнымъ помоспомъ,

поставленъ былъ огромный жершвенникъ, съ под-
свѣчниками и красными свѣчами. На немъ возвыша-
лась спашуя Будды, въ при фуша вышиною. Идолъ
эпошъ изображаетъ сидящаго человѣка; онъ окру-
женъ символическими принадлежностями; его оде-
жда, оспрая шапка, сложенные вмѣстѣ и пропяну-
тыя ноги, руки, положенныя на ляшки, напомина-
ютъ Гушама Сіамскаго и Бирманскаго. Другія спа-
шуйки представляютъ здѣсь учениковъ Будды, а
сидящая каменная женщина, вѣроятно, изображаетъ
богиню ушеса. Спашуи, привѣски къ нимъ, алпа-
ри, находящіеся во впадинѣ съ гранишнымъ порши-
комъ, увеличиваются для зрѣнія опраженіемъ свѣ-
ша, и спранно поражаютъ при безмолвіи мѣста.—
Нашъ проводникъ разсказалъ намъ, что нѣкогда
власшитель Кохинхинскій самъ удостоилъ своимъ
посѣщеніемъ это святое уединеніе. Въ доказа-
тельство справедливости разсказа о семъ знаме-
нишомъ событіи, указали намъ въ сводѣ, посреди
чернаго кружка, желшое, свѣщаящееся пашно, увѣ-
ряя, что это кусокъ золота, принесенный Его
Величествомъ въ память его благочесшиваго спран-
сшвованія. Мы повѣрили на слово.

Изъ передней пещеры перешли мы въ другую,
находящуюся въ эшихъ-же ушесахъ. Менѣ про-
спрансшвомъ, она также заключаетъ въ себѣ храмъ,
съ идоломъ женщины, похожимъ на находящійся
въ первомъ подземельномъ капищѣ. Для выхода
отсюда надлежало пробраться по узкому проходу,
составленному изъ двухъ мраморныхъ спѣнъ, вы-
рубленныхъ пиласпрами, и увѣнчанныхъ огромными

деревьями. Отсюда, подъ сводомъ , пробишымъ въ утесѣ, въ широкое отверзніе появились передъ нами, вдали, острова Шамъ-Калао, а ближе видна была гавань Туранская , совершенно спокойная на то время и покрытая рыбачьими лодками.—Общій взглядъ на скалы кончилъ разсмотрѣніе ихъ подробностей ; всѣ онѣ совершенно голыя , но кушарниковыя распенія покрываютъ каждое мѣстечко , гдѣ только можешь завеспись и удержишься на нихъ хоть маленькій клочекъ земли. Камень , составляющій сіи утесы, кажется, есть известковая кристаллизація, или мраморъ, въ которомъ не замѣтно никакой правильности въ слояхъ. Описанными столбами высяхся многія громады , и вѣрная мѣра высоты нѣкоторыхъ оказывается 275 фузовъ для самой высокой, 495-ть для самой низкой.

Хотя долина, простирающаяся у подножія Мраморныхъ горъ , представляетъ взору бесплодный и песчаный грунтъ , но много селеній находится кругомъ въ окрестности. Обитатели почти все рыбаки, а въ неспособное для рыбнаго промысла время дѣлаютъ кухонную утварь изъ каменьевъ, которые достаютъ въ ближнихъ скалахъ. Небольшое строеніе , украшенное деревьями и цвѣтами , видѣнное нами неподалеку , служило долгое время , по рассказамъ нашего вожака, убѣжищемъ сестрѣ одного изъ Кохинхинскихъ государей, проведеншей здѣсь нѣсколько лѣтъ въ уединеніи и благочестивомъ безмолвіи.

Для возвращенія на нашу жонку, мы взяли одну изъ лодокъ , сплывшихъ въ протокахъ , образуе-

мыхъ рѣкою Туранскою. Ошдыхая на рогожкахъ , любовались мы на разспилавшіяся передъ нами богатыя , хорошо обработанныя поля. Здѣсь видно было насажденіе сахарныхъ просей ; шамъ поле съ мансомъ ; далѣе фисшашковъ садъ , а въ споро-нѣ зеленое , волнующееся поле сарачинскаго пшена. Окреситъ жилищъ , являвшихъ видъ довольства , бананники , померанцы и лимоны соединяли свои вѣтви и плоды , ананасы росли подлѣ дерева , называемаго *ломбу* , плоды кошораго рѣдки и сберегающія почти единственно для сшоловъ Царскихъ. Они не болѣе орѣха , висятъ кистями , и ихъ ѣдятъ свѣжіе ; подъ толстою , желтоватою кожею , заключаея бѣлое вещество , вкуса превосходнаго , похожаго на вкусъ мангу. Говорятъ , что для предоспорожности , чтобы эшотъ отличный фруктъ всегда былъ на Царскомъ сшолѣ , особенные чиновники опрѣжающія , въ сопровожденіи солдатъ , ошмѣчаютъ всѣ деревья , приносящія *ломбу*. Когда бываетъ положена на дерево Царская печать , хозяинъ не только уже не имѣетъ права на обладаніе деревомъ , но даже ошвѣщиваетъ за сбереженіе каждаго зернушка до времени сборки.

На вершинахъ деревъ , опоративающихъ собою прошки , по копорымъ мы плыли , замѣчали мы *мухъ-птицъ* , съ крылушками огненнаго цвѣта ; полки обезьянъ съ шумомъ бѣжали изъ кустарниковъ , скрываясь въ горахъ , цѣпляясь на опдаленныхъ ушесахъ. Подумаете , что вы прѣхали въ царство обезьянъ—шакъ много ихъ здѣсь. Самый обыкно-

венный родъ съ сѣрою блестящаго цвѣта кожею и кашшановыми ногами.

Неподалеку ошсюда вплыли мы въ рѣку, и черезъ нѣсколько времени потомъ лодка направилась черезъ гавань къ нашей Кишайской жонкѣ. Плывя около берега, мы увидѣли деревянный крестъ, почти подмытый волнами. Видъ его удивилъ насъ. Мы захошѣли осмопрѣшь эшотъ знакъ чьей-то памяши, и почти сшерстное имя показало намъ, что нушъ находилась могила послѣдняго генералъ-капитана Манильскаго, *Мартинеза*. Жершва придворныхъ инпригъ, послѣ долговременной службы, посвященной шруду и пользамъ ошечеслва, Марпинезъ умеръ, переѣзжая изъ Манилла въ Европу, и въ Туранѣ погребены были бранные его оспанки. Кто знаетъ: не думалъ-ли эшотъ человекъ, совершая свои обширные замыслы, что великолѣпныя похороны и богатый памятникъ означашъ для современниковъ могилу его...

Почши ночь была, когда явились мы на нашей жонкѣ, но за шо, въ два дня увидѣли мы все, что шолько могъ намъ предсавить замѣчательнаго Кохинхинскій городъ и окружающая его спорона.

ГЛАВА XXVIII.

КОХИНХИНА.—ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ.

Происхождение Кохинхинцевъ, о которомъ говорили уже довольно много, все еще остается вопросомъ неконченнымъ. Самое достоверное предположеніе, кажется, должно быть похоже на мнѣніе Баррова, который почитаетъ Кохинхинцевъ переселеніемъ Кипайцевъ, принужденныхъ удалиться изъ опечесива во время нашествія иноземныхъ варваровъ на Кипай. Въ подтвержденіе мнѣнія своего, Барровъ не прибѣгаетъ къ напущенному произведенію слова: *Кохинхина* отъ *Когинъ-джинна*, по есть *западный Китай*, извлекаемому изъ Японскаго языка, и употребляемому Европейцами. Онъ основывается на обычаяхъ, нравахъ, письменахъ, религіозныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ Кохинхинцевъ, показывающъ, въ чемъ они сближаются съ Кипайскими, и въ чемъ и почему оплчаются отъ всего этого, принадлежащаго нынѣшнимъ Кипайцамъ.

Барровъ хорошо изъясняетъ причину, почему сіи бѣглецы народы могли, въ своей кочующей жизни, потерять нѣкоторыя черты своего Китайскаго происхожденія, по соображенію успѣховъ образованности, какіе сдѣлала послѣ нихъ первобытная опчизна ихъ. Такимъ образомъ, если черты лица не представляють нынѣ одинакаго типа, языки не имѣють одинакой азбуки у того и другаго народа, если привычная опрятность Китайцевъ разнишя отъ привычной грязности Кохинхинцевъ, столько опшрашительной, если, наконецъ, много различнаго видимъ въ домашней жизни, въ опношеніи женщинъ къ мужчинамъ, законахъ, предразсудкахъ, преданіяхъ, все эшо должно приписать принужденному переселенію, смѣшенію съ Малайскими народами, дикому и военному быту въ началѣ, и трудному заселенію на землѣ, кошорую надобно было опспорить у первобытныхъ обитателей нынѣшней Кохинхины.

Дѣйствительно, не безъ борьбы Китайскіе бѣглецы могли утвердиться въ нынѣшнемъ ихъ опечествѣ. Они нашли здѣсь черныя племена, многочисленные, воинскія, подобныя тѣмъ, какія должно было Мавританамъ побѣдить на Филиппинскихъ островахъ. Первобытные туземцы, называвшіеся *Мойе*, защищались съ опчаянною храбростью, и бились долгое время. И когда, истощенные войною, разбиые, разсѣянныя, они принуждены были уступить приморье новымъ пришлецамъ, убѣжаясь въ неприступныя внутреннія горы, сдѣлались дикими, подобно звѣрямъ, тамъ обитающимъ, они являлись

и послѣ того, какъ ужасное привидѣніе, какъ опасность, непрерывно угрожающая Кохинхинѣ. Еще недавно, сіи дикари жестоко превозжили Кохинхинцевъ; сходя толпами съ дикихъ горъ своихъ, они опустошали поля, жгли селенія, рѣзали жищелей. Нынѣ, при охраненіи значительными военными силами, Кохинхинское приморье не спрашивая силы горцевъ, и Мойе, преслѣдуемые въ ихъ дремучихъ лѣсахъ и на самыхъ неприступныхъ горныхъ спремнинахъ, дославляющъ Кишайскимъ владашелямъ приморья невольниковъ для шрудныхъ занятій. Вообще эти черные горцы народъ крѣпкій и шпротный. Кажется, судя по нѣкоторымъ сходствамъ, они принадлежатъ къ Меланезскимъ племенамъ, находящимся на Лусонѣ, на великомъ материкѣ Новой Голландіи, и на многихъ другихъ окружныхъ островахъ, племенамъ, копорья, по шипу и характеру, относяшся болѣе къ Африканскимъ, нежели Азіатскимъ народамъ. Впрочемъ, Кохинхинскіе Мойе народъ дикій въ удивительной степени, живущій только добычаніемъ нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ деревьевъ, копорыми обилуютъ ихъ горные лѣса.

Когда колоніи Кишайскихъ выходцевъ опняли себѣ земли у черныхъ шужемцевъ, онѣ основали на сихъ земляхъ *царство Анъ-Намъ*, или *Анамъ*, какъ называютъ себя Кохинхинцы. Желая узнать событія времени, послѣдовавшихъ за сею эпохою, надобно читать Кишайскія лѣтописи. Въ нихъ находимъ, что въ Кохинхинѣ происходили пошомъ непрерывныя бшвы, возмущенія, завоеванія. По-

лагають, что съ 263 г. по Р. Х. Кохинхинцы сдѣлались уже независимы и самобытны. Но около 1280 года, Монголы, покорили Кишай, захотѣли и ихъ присовокупить къ своей обширной имперіи. Покушеніе оказалось неудачно. Въ 1406 г. Кишайскіе государи успѣли подчинить себѣ Тонкинъ, но удовольствовались взятіемъ ежегодной дани, а въ 1474 г. Тонкинцы напали, съ помощью Кишайцевъ, на Кохинхину, и покорили ее. Владычество ихъ продолжалось до 1540 года, когда новое нападеніе Кишайцевъ подвергло Тонкинъ владычеству *небесной имперіи*, а Кохинхинцы, пользуясь случаемъ, возвратили свою независимость. Опять послѣдовало много перемѣнъ. Пользуясь смятеніями, одинъ изъ Тонкинскихъ полководцевъ захватилъ власть въ своей землѣ, и преобразовалъ Тонкинъ по образцу Японскаго государства, или союза Марашовъ. Учредилось два владѣтеля: одинъ по имени, другой по дѣлу; первый, подъ названіемъ *Буа*, наследовалъ протъ и имя царя безъ власти; другой, подъ названіемъ *Шуа*, обладалъ властію, признавая себя подчиненнымъ. Такая форма правленія продолжалась около двухъ столѣтій, и кончилась въ 1748 году, когда Буа, государь по шипулу, успѣлъ соединить съ нимъ и дѣйствительную власть.

Періодъ безначалія начался съ сего времени въ Кохинхинѣ и Тонкинѣ, продолжавшійся до 1774 года; тогда новая общая революція измѣнила все дѣла. Начальниками ея были шрое брашьевъ, урож-

денцы горной области Квингонъ, вообще извѣстные подъ именемъ *Тайзоновъ*. Старшій изъ нихъ былъ кузнецъ; младшіе, люди необыкновенной храбрости, земледѣльцы. Несправедливыя приписанія сборщиковъ казенныхъ податей заставили ихъ бѣжать, и сдѣлались апиаманами шайки разбойниковъ. Вскорѣ это ремесло доставило имъ славу и богатства, соединивъ подъ власнѣ ихъ множество опчаянныхъ удалцовъ. Они рѣшились изъ разбойниковъ сдѣлались государями, подняли знамя бунта, призвали на Кохинхину Тонкинцевъ, кошорые такимъ образомъ опять учинились власнѣшелями Кохинхинцевъ. Войско Кохинхинскаго государя было разбиено, самъ онъ попался въ плѣнъ, и былъ казненъ, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ. Едва успѣли спастись бѣгствомъ вдова государя и второй сынъ его, сдѣлавшійся наслѣдникомъ послѣ смерти старшаго брата. Подъ защитою Французскаго миссіонера *Георгія-Петра-Іосифа Пиньо де-Бегема*, Францисканца, уроженца Лаонскаго, и вообще извѣстнаго въ послѣдствіи подъ именемъ *Адранскаго епископа*, остатокъ царственнаго семейства бѣжалъ въ область Тсіампа, или южную Кохинхину, гдѣ столицею почитается Сайгонгъ. Тамъ, соединивъ подданныхъ, оставшихся вѣрными законному государю, и особенно христіанъ, находившихся въ области, Епископъ провозгласилъ защищаемаго имъ князя Царемъ Кохинхины, подъ именемъ *Гіа-Лонга*. Старшій изъ трехъ мятежниковъ, *Нгакъ*, утвердилъ между шѣмъ власнѣ свою въ области Квингонъ, совершенно покорившейся

ему, за исключеніемъ Гую-Фу и сѣвернаго края, доставшихся во власть Тонкинцевъ.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла нѣсколько лѣтъ, и въ 1781 году, Кохинхина, истощенная войною и междоусобіями, находилась въ самомъ жалкомъ и несчастномъ состояніи. Во многихъ приморскихъ городахъ, народъ питался только морскими правами; даже человѣческое мясо продавали на рынкѣ Гую-Фускомъ. Законный государь Кохинхины рѣшился прекратить бѣдствія своихъ подданныхъ, или погибнуть.

Нѣсколько Португальскихъ кораблей, находившихся въ Сайгонгской гавани, предложили ему помощь, были наняты въ службу Кохинхинскую, вооружены, и съ помощью благопріятнаго муссона отправлены на изгнѣніе нечаяннымъ нападеніемъ флота похищателя, находившагося въ Квингонгской гавани. Предпріятіе являлось удачно въ началѣ, но кончилось несчастливо. Разбитый и обращенный въ бѣгство, Гіа-Лонгъ едва могъ укрыться въ Сайгонгѣ, и отсюда, со всѣмъ своимъ семействомъ и Епископомъ Адранскимъ, спѣшилъ искать убѣжища на чужбинѣ. Островъ Фу-Кокъ, или Квадроль, сдѣлался мѣстомъ его изгнанія, гдѣ укрылся бѣгствующій власишель (а не *Пуло-ве*, и не *Пуло-уби*, какъ писали многіе). Изъ сего бѣднаго пристанища, находящагося въ заливѣ Сіамскомъ, Гіа-Лонгъ отправился въ Банкокъ, и лично участвовалъ въ походахъ и битвахъ тамошняго государя, надѣясь, что за услуги ему окажутъ помощь. Но вмѣсто дружбы, скорѣ оказались несогласія между изгнан-

никомъ и его покровителемъ. Одни говорили, что неудовольствіе началось за красивую племянницу Гіа-Лонга, кою прѣбывалъ Сіамскій государь себѣ въ наложницы, и въ чемъ горделиво отказалъ ему изгнанникъ Кохинхинскій. По другимъ извѣстіямъ, интрига Сіамскихъ придворныхъ возснала прошивъ дѣятельнаго и мужественнаго Гіа-Лонга. Какъ бы то ни было, но Гіа-Лонгъ могъ погибнуть; увѣдомленный объ опасности, почти въ то самое время, когда бѣда гошова была разразилась надъ его головою, и спасая жизнь свою, онъ успѣлъ пробраться, съ тысячею человекъ, сквозь все Сіамскія войска, прошелъ по берегу Мейнана, захватилъ нѣсколько прибрежныхъ лодокъ, и на нихъ достигъ своего острова Фу-Кока, гдѣ наскоро построенныя укрѣпленія оградили его отъ непріязненныхъ покушеній.

Адранскій Епископъ, опчаявшійся въ возстановленіи Кохинхинскаго государя другими средствами, или помощью Азіатскихъ власнителей, рѣшился просить заступленія Франціи, какъ единственнаго способа въ опчаянномъ ихъ положеніи. Бѣдный островъ Фу-Кокъ, куда стѣснились тысяча пять сотъ изгнанниковъ, едва могъ пропитывать обитателей, и голодная смерть угрожала всемъ сопутникамъ Гіа-Лонга. Епископъ уговорилъ Кохинхинскаго власнителя оппустить съ нимъ старшаго своего сына и наследника во Францію, пробрался съ молодымъ княземъ въ Пондишери, опплылъ отсюда немедленно во Францію, и прибылъ въ Парижъ около 1787 года. Блестящія надежды

онъ союза съ опдаленнымъ государемъ Азійскимъ обольстили Вержана и Монморена. Дружескій пактъ подписанъ былъ между Людовикомъ XVI-мъ и царемъ Кохинхинскимъ, представившими кошараго были сынъ его и Епископъ Адранскій. Франція обязалась прислать въ Кохинхину 20-ть кораблей военныхъ и семь полковъ войска, изъ коихъ пять Европейскихъ и два колоніальныя; кромѣ того, ссудить мильонъ піаспровъ, половину деньгами, половину селипрою, пушками, ружьями и другими военными снарядами. Съ своей стороны, царь Кохинхинскій уступалъ Франціи обласъ Ганъ, заливъ Туранскій, и островъ, лежащіе онъ Фай-Фо на югъ, а онъ Гай-Венъ на сѣверъ, бесплодную и узкую полосу машерика, на 40 миль въ длину, и онъ 8-ми до 40-ти въ ширину. Въ случаѣ непріятельскаго нападенія на означенную уступку, 60,000 Кохинхинцевъ должны были двинуться въ защиту Французовъ, а 40,000, на содержаніи Франціи, должны были идти и пособить въ окончаніи предпріятій Французовъ на западномъ полуостровѣ Индійскомъ. Кромѣ сихъ политическихъ и военныхъ условій, многія выгоды предсоставлялись мореплаванію и торговлѣ Франціи.

Пока Епископъ Адранскій и наслѣдникъ Гіа-Лонга приговаривали такимъ образомъ вдали средства для побѣды и спасенія, важныя событія произошли въ Кохинхинѣ, и, казалось, укрѣпили болѣе нежели когда либо прежде владычество похищителей. Младшій изъ Гайзоновъ, *Лонгъ-Нгунгъ*, властвовавшій подъ именемъ *Квангъ-Трунга*, смѣлый и дѣя-

шельный болѣе другихъ брашьевъ , не только захватилъ всѣ обласи въ срединѣ и на сѣверѣ Кохинхины, но, пользуясь междоусобіемъ, начавшимся въ Тонкинѣ, покорилъ даже и это государство , и удержался въ немъ , не смотря на всѣ усилія Кишайскаго Богдыхана. Войско Кишайское , посланное противъ завоевателя , было совершенно разбито имъ на предѣлахъ Кишай , въ 1789 году.

Но изъ самыхъ успѣховъ произошло начало гибели для Тайзоновъ. Зависнь и власполюбіе раздѣлили брашьевъ. Междоусобная война между ними послужила лучшимъ пособіемъ изгнанному государю Кохинхины. Не дожидаясь возвращенія сына своего изъ Европы , онъ поспѣшно отправился въ вѣрную ему обласъ Тсиампу. Приняшый съ воспоргомъ , Гіа-Лонгъ пошелъ по Донъ-Наи , и съ шоржесствомъ вступилъ въ Сайгонгъ. Едва утвердился онъ здѣсь , какъ возвратились къ нему изъ Европы сынъ его и Епископъ Адранскій.

Сколь удачны были дѣла посольства Кохинхинскаго въ Европѣ , столь-же неудачны оказались слѣдствія его въ Азіи. Пондишерійскій губернаторъ, Конвай, слѣдуя совѣтамъ какой-то женщины, ненавидѣвшей Епископа , отказался идти на помощь Кохинхинцамъ, пока не получитъ подробныхъ повелѣній изъ Франціи. Но этихъ повелѣній щещенно могъ онъ ожидать. Революція Французская заставила Людовика XVI-го позабыть объ опдаленныхъ предпріятіяхъ. Единственное пособіе , пріобрѣшенное шракшомъ между Франціею и Кохинхиною, состояло въ двадцати офицерахъ Фран-

цузскихъ, въ числѣ копорыхъ находились *Шеньо*, *Байо*, *Ольве*, *Ванье* и *Баризи*, отправившіеся съ Епископомъ въ качествѣ просыхъ волонтеровъ. Нѣсколько Англичанъ, Ирландцевъ, Датчанъ просили также позволенія участвовашъ въ опасномъ подвигѣ. Такимъ образомъ, человекъ придалъ Европейцевъ, но всѣ люди отважные и опытные, инженеры, артиллеристы, моряки, присоединились къ *Гіа-Лонгу*, взялись устроить и учить его войско.

Этой помощи оказалось совершенно достаточнымъ для измѣненія всѣхъ дѣлъ. Первые опыты Европейскихъ знаній показаны были въ Сайгонѣ, долженствовавшемъ еще нѣсколько времени служить убежищемъ и оградой государю Кохинхинскому. Инженеры укрепили правильно это важное мѣсто, устроили въ немъ арсеналы и магазины. Сильнымъ болѣе искусствомъ, нежели числомъ войска, *Гіа-Лонгъ* завоевалъ свое царство мало по малу, при помощи времени. Едва въ теченіе двѣнадцати лѣтъ могъ онъ достигнуть конца своихъ предприятий. Разсмапривая, сколь терпѣливо, последовательно и умно поступалъ *Гіа-Лонгъ*, надобно удивляясь способностямъ и твердостью этого властителя Кохинхины, но должно также заключить, что и правленіе Тайзоновъ, похищителей, укреплялось пособіями ума и душевной силы, если столь трудно было искоренить ихъ умному *Гіа-Лонгу*.

Однимъ изъ счастливыхъ событій для Сайгонскаго владѣльца была смерть прешьяго Тайзона, *Квангъ-Трунга*, умершаго въ *Гуе-Фу*; мѣсто его

заснупилъ сынъ. Gia-Лонгъ немедленно рѣшился упорно напасъ на осшальныхъ брашьевъ, оширавился въ 1792 году къ флоту Нгака, споявшему въ Квингонской гавани, сжегъ его почти весь, и съ побѣдою ворошилъ въ Сайгонгъ. Въ 1796 г. нападеніе учинено было на самый городъ Квингонгъ. Gia-Лонгъ лично пошелъ въ бишву, былъ на при-супѣ, и послѣ взятія города споялъ замѣшанный съ Французскими офицерами въ толпѣ своихъ воиновъ; 50,000 человекъ непріятелей не могли защищисъ отъ него города. Черезъ пять лѣтъ по-томъ, Гуге, осажденный въ его очередь, покорился храброси побѣдшеля, а въ 1802 году, счасшлшвая кампанія прошивъ Тонкина дополнила покореніе всего государства Тайзоновъ. Черезъ семь лѣтъ пошомъ, обширность владѣній Gia-Лонга умножилась часшю Камбоджі, покоренной сколько оружіемъ, сполько и хипросшю.

Таковы были жизнь и дѣла знаменишаго Gia-Лонга, союзника Людовику XVI-му, друга Епископу Адранскому. Хотя хвасшливосш людей, учасшвовавшихъ въ его предпріятіяхъ, слишкомъ высоко превознесла его имя, но должно однакожь согласисъ, что онъ дѣйствштельно былъ человекъ необыкновенныхъ дарованій, храброси и швердоси душевной. Важное преимущество его передъ другими Азійскими государями сосшало еще въ томъ, что не шолько не имѣлъ онъ глупой гордоси сшависъ Азію выше всего, но умѣлъ оши-чашъ полезность знаній и образованія Европы, и пользоваться ими. Французскіе офицеры, жившіе

при его Дворѣ, находили въ немъ умнаго государя, понимавшаго ихъ, и полководца, умѣвшаго употреблять въ дѣло ихъ способности. Сухопутная и морская тактика, правильное употребленіе артиллеріи, обученіе и дисциплина войска, скоро сдѣлались дѣломъ знакомымъ Кохинхинѣ и рѣшительнымъ средствомъ для побѣдъ ея государя. Въ Фенъ-Танѣ учрежденъ былъ селипранный заводъ; всюду усроены дороги, заведены военныя училища, основаны лишейныя для пушекъ, оружейныя заводы, верфи корабельныя, на которыхъ построили 300 канонерскихъ лодокъ, 5-ть люгеровъ и одинъ прехъ-мачшовый корабль, оснащенный по Европейски. Самъ надзирая за верфями и арсеналами, подобно Петру, императору Россійскому, Гіа-Лонгъ являлся съ шопоромъ въ рукахъ, и никакая работа не была предпринята безъ его личнаго разсмотрѣнія и участія въ дѣлѣ.

Такая дѣятельность, такія качества должны заслуживать насъ причислить Гіа-Лонга къ числу знаменитыхъ преобразователей Азійскихъ; но ему недоставало качествъ гражданскаго правителя и дальновиднаго политика. вмѣсто того, чтобы ознаменовать свое правленіе обществеными улучшениями и усиленіемъ земледѣлія и промышленности, сколько необходимыхъ для его раззоренной земли, Гіа-Лонгъ помышлялъ только о морскихъ и сухопутныхъ войскахъ своихъ, корабляхъ, пушкахъ, мундирахъ. Французскіе офицеры, всѣ спрасшныя къ занятію военнымъ дѣломъ, поощряли и усиливали еще болѣе склонность Гіа-Лонга, а Епи-

скопъ Адранскій не смѣлъ упошреблять своего вліянія для сопрошивленія любимой спраспи его. Упрекали еще Кохинхинскаго преобразовашеля за то, что онъ унижилъ свое достоинство варварскимъ и бесполезнымъ мщеніемъ прошивъ Тайзоновъ. Только съ смертью всѣхъ шрехъ брашьевъ, побѣда перешла окончашельно къ Гіа-Лонгу. Онъ приказалъ вырыть шѣла ихъ, рубить имъ головы, позорить и шерзать ихъ бездушные останки. Семейства, родсшвенники Тайзоновъ, были осуждены погибнуть, разшерзанные слонами. Женщины, дѣшпи, взрослые, спарики, шолпою приведены были въ опидѣльный циркъ, раздавлены и умерщвлены разъяренными живошными. Обезображенные останки несчастныхъ жертвъ разбросали повсюду.

Гражданское образованіе государства, ушверженное Гіа-Лонгомъ, мало различается опъ древшйшаго образованія Кохинхины, явно перенесеннаго изъ Кишай. Два рода чиновниковъ допускаются къ опшправленію власпи, военные и гражданскіе, шо есть, солдашпы и ученые. Первымъ подчиняется милиція, ополченіе, опчаспи напоминающее Нѣмецкіе *ландверы*. Каждый Кохинхинецъ есть солдашъ; онъ долженъ прослужить шесшнадцать лѣшъ своему государю, получая за шо пищу, небольшое жалованье и мундиръ. Но служба его не ограничивается однимъ военнымъ заняшіемъ, и часто бываетъ совсѣмъ не военная; эшо опшличаетъ Кохинхинскую милицію опъ всякой другой: изъ нея берутся сборщики подашей, почшари, эшашныя команды, служили для чиновниковъ, и

даже земледѣльцы, обрабатывающіе поля, принадлежащія государю. Ученые чиновники имѣютъ обязанность важную, не менѣе военныхъ. Они собираютъ таможенные пошлины и подаши съ имѣній подданныхъ; объѣзжаютъ обласни, какъ прежде дѣлалось это въ Англіи, производя подвижной судъ гражданскій и уголовный; представляющъ лицо государя, всегда и всюду, гдѣ пошребно дѣйствіе его власни и имени.

Надъ этими чиновниками, Гіа-Лонгъ установилъ высшій трибуналъ, состоявшій изъ шести министровъ: *духовныхъ дѣлъ, архивовъ, войны, правосудія, водъ и лѣсовъ, государственной казны*; флотъ подчиненъ министру водъ и лѣсовъ. Всѣ сіи чиновники опять подчиняются премоу избраннымъ сановникамъ, именуемымъ *Куны*. Одинъ изъ кунъ есть Вице-Король Тонкинскій, другой Камбоджійскій, третій *нагальникъ всѣхъ слоновъ*. Эпоу послѣдній можетъ почестся предсѣдателемъ соединенныхъ министерствъ *Кохинхинскихъ*.

Какъ-бы ни велико и ни важно было званіе какого-либо чиновника, величіе и важность его совершенно уничтожаются властью царя, неограниченною, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Родовое, старинное, вновь данное дворянство не имѣютъ никакого вліянія на почешность, не даетъ никакихъ правъ противъ государя. Уничтожаемое волею его, оно составляетъ почешность, пока угодно царю, и прекращается, едва только захочетъ онъ уничтожить его.

Всѣ эши мѣры политическаго образованія государства заняли Гіа-Лонга, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ утвердился онъ на прронѣ своемъ. Упрочивъ единство власти въ Анамскомъ государствѣ, укрѣпивъ его войскомъ и флотомъ, онъ сдѣлался споль важенъ въ глазахъ своихъ сосѣдей, что самый Китай не смѣлъ оскорблять его. Вспомоществуемый во всемъ Французскими офицерами, Гіа-Лонгъ не осмался къ нимъ неблагодаренъ; Дайо, Шенъ и Ванъе возведены были въ первыя степени чиновниковъ. Епископъ Адранскій много лѣтъ былъ совѣшникомъ царя и душою всѣхъ дѣлъ въ Кохинхинѣ.

Гуе-Фу, названный столицей государства, сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія Гіа-Лонгова, шакъ, что онъ пожертвовалъ новой столицѣ прежнюю свою резиденцію, Сайгонгомъ, о которомъ забошлся до шого времени. Даже большая часть манеріаловъ, собранныхъ въ южной Кохинхинѣ, была перевезена въ сѣверную область. Крѣпкій по своему мѣстному положенію, Гуе-Фу былъ еще болѣе укрѣпленъ обширными инженерными работами; на спѣны его поставили 4,200 пушекъ разнаго калибра. Исполинскій замокъ построенъ былъ для личнаго пребыванія Гіа-Лонга, со рвами и спѣнами, заключаая въ объемѣ своемъ цѣлый городъ, гдѣ находяшся сады, увеселишельные дворцы, парки, пруды, казармы и арсеналы. Портъ, вырышый на рѣкѣ Гуе, можетъ вмѣщать до 500 галеръ, Верфи, манерскія, лишейныя обогатили Кохинхинскую столицу; цѣлая улица, усироенная Гіа-

Лонгомъ, сдѣлалась инвалиднымъ домомъ , ибо все строеніе ея были отданы офицерамъ, оплотившимся въ послѣднюю войну. Хотя на самую столицу, воздвигаемую такимъ образомъ всеми усиліями государства, обращались все труды и пособія, но и окрестности ея воспользовались при этомъ улучшениями; всюду проложены были къ Гукъ дороги, прорыты каналы; выдѣлка сахара, дошолъ ничтожная, усилилась, и привлекла торговцевъ Китайскихъ и Европейскихъ.

Этотъ періодъ успѣховъ гражданственности продолжился до кончины Епископа Адранскаго. Пока продолжалось его вліяніе на дѣла въ Кохинхинѣ, почтенный прелатъ не забывалъ искалъ всехъ средствъ быть полезнымъ своей настоящей, незабываемой имъ отчизнѣ. Но не такое было время для Франціи, чтобы она могла воспользоваться усердіемъ ревностнаго сына своего. По заключеніи всеобщаго мира, поручено было однакожъ какому-то купеческому капитану отвезти въ Кохинхину письмо Людовика XVIII-го, и вручить ничтожные подарки тамошнему властительству. Ни подарки, ни посланникъ не могли произвести никакого дѣйствія при Дворѣ, гдѣ можно было взять только пышностью и великолѣпіемъ. Въ Декабрѣ 1817 года явился передъ Туранскою гаванью 40-ка пушечный фрегатъ Французскій, *Цибелла*. Начальнику его, Ахиллу Кергарью, поручено было дѣло, довольно важное и обширное, но—вовсе нелѣпое. Рѣчь шла—ни больше, ни меньше—объ исполненіи пражскаго 1787 года, по силѣ котораго Франція пре-

бовала опдаци Турана и другихъ земель , такъ , какъ было тогда положено. Опъ побѣдительнаго монарха, не оказавши ему въ печеніе 30-ти лѣтъ даже никакого знака, хошя-бы безплоднаго усердія, пребовали выполненія того, что обѣщаль онъ за пособіе ему, бывши несчастнымъ изгнанникомъ. Гіа-Лонгъ видѣлъ во всемъ эшомъ неумѣстную дерзость , и шѣмъ холоднѣе принялъ Французскаго повѣреннаго, что Епископъ Адранскій тогда уже скончался.

Сѣшованіемъ о пошерѣ его, Гіа-Лонгъ доказалъ, что былъ достоинъ эшого мудраго друга. Великолѣпный памятникъ воздвигнушъ былъ Епископу въ Гуге-Фу , и эшопъ знакъ общей признапельности являлся шолько слабымъ выраженіемъ общей печали. Черезъ два года пошомъ , въ 1819 году, преобразовашель Кохинхины послѣдовалъ въ могилу за почтеннымъ Епископомъ.

Незадолго до смерти, онъ ушвердилъ порядокъ наслѣдсшва послѣ себя. Законный сынъ Гіа-Лонга, воспитанникъ Адранскаго Епископа , бывшій съ нимъ во Франціи , и сшараніемъ его обращенный въ Кашолическую вѣру, умеръ въ 1799 году, опъ жестокой болѣзни. Прямое наслѣдсшво прекрашилось эшою преждевременною смершію, и Гіа-Лонгъ рѣшилсѣ назначишъ въ преемники побочнаго сына своего *Мигуесъ-Мана* , вопреки правамъ внучашъ ; онъ исполнилъ эшо предположеніе , не смошря на предусмошрительное противорѣчіе нѣкошорыхъ совѣшниковъ своихъ.

Мигуесь-Манъ наследовалъ Гіа-Лонгу безспорно. Ему было тогда около 30-ти лѣтъ; росла былъ онъ небольшого, почти безбородый, лицо имѣлъ испорченное оспою. Не сопровивляясь волѣ Гіа-Лонга, Тонкинъ, Тсіампа и внутреннія области признали однѣ за другими власть новаго царя; Кохинхинская Камбоджія почла также долгомъ при семъ случаѣ ознаменовашъ расположеніе свое къ покорности присылкою особеннаго депушапа.

Мигуесь-Манъ совсѣмъ не оказалъ, подобнаго опцовскому, характера смѣлаго и воинскаго. Его считали оплично ученымъ человекомъ, по его обширнымъ свѣдѣніямъ во вкусѣ Кишайцевъ. Превосходно обладая книжнымъ языкомъ Кишайскимъ, онъ сочинилъ даже много книгъ на этомъ языкѣ. Уваженіе къ мудрости Кишай, при мирномъ характерѣ, природныхъ предразсудкахъ и склонностяхъ, немедленно поставили Кишайское вліяніе на Кохинхину выше Европейскаго. Явное доказательство этого увидѣли въ путешествіи, какое совершилъ Кохинхинскій власпишель въ Тонкинъ, около 1821 года: безъ всякой надобности, по собственнѣйшей волѣ, Мигуесь-Манъ подвергъ себя шамъ унизишельному обряду подданства Кишаю, и промѣнялъ званіе независимаго государя на званіе Вице-Короля Кишайскаго Богдыхана. Въ этомъ поступкѣ все было для него униженіемъ, когда, по обрядамъ подданства, просые чиновники Кишайскіе явились выше Кохинхинскаго царя мѣстомъ и званіемъ.

Слѣдствіемъ новаго направленія въ порядкѣ го-

сударственныхъ дѣлъ, было, прежде всего, неблаговоленіе къ Французамъ, чиновникамъ Гіа-Лонга, сначала не столько оказываемое въ дѣлахъ, сколько въ личныхъ отношеніяхъ, а потомъ сдѣлавшееся открытымъ и тягостнымъ. Христіане, покровительствуемые Гіа-Лонгомъ, основали при посолствахъ его множество различныхъ заведеній: не только покровительства своего лишилъ ихъ Мигуесь-Манъ, но началъ еще преслѣдовать всякими припѣсненіями. Впрочемъ, обращеніе новаго государя отъ Европейцевъ вообще не ограничилось Французами. Англійское посольство, отправленное къ нему Бенгальскимъ Генераль-Губернаторомъ, и явившееся въ Гую въ концѣ 1824 года, встрѣшило въ дѣлѣ своемъ препяшенію, не менѣе затруднительныя, и обращеніе, не менѣе упорное, оказанныхъ Французскому повѣренному.

Я говорилъ уже о томъ, какъ принятъ былъ г-нъ Крауфордъ, посланникъ Англійскій, въ Сайгонгѣ. Въ Гую поступали съ нимъ точно такимъ-же образомъ. По рѣкѣ, ведущей въ столицу, плылъ онъ на лодкѣ, присланной отъ мандарина слоновъ, или перваго вельможи Кохинхинскаго Двора. «Справа окрестная (говоритъ Г-нъ Крауфордъ), перерѣзанная рѣчками и каналами, представляла зрѣлище прелестное, и едва-ли можно представить себѣ что нибудь живописнѣе береговъ рѣки Гую. Селенія, всюду разбросанныя, домики, опрятные и чистые, сады, исполненные благоухающей зелени, или обремененные плодами, жишело, рослые и

мощные, все это составляло картину восхищительную.»

При выходѣ на берегъ, посланника встрѣтила почешная спража. Французы, бывшіе тогда чиновниками при Кохинхинскомъ Дворѣ, Г-да Ванье и Шеньо (послѣдній имѣлъ еще званіе Французскаго Консула) явились въ тотъ-же день къ Англійскому посланнику. Они были въ плашѣ Кохинхинскомъ. Немедленно условились объ открытіи переговоровъ, и старались привести ихъ къ насущному дѣлу, но легко можно было замѣтить, что власишель Кохинхинскій соглашается на договоры неохотно, и что формы уничтожатъ дѣло. Три препяшствія, дѣйствительно, основали пошомъ всѣ сношенія. Первое происходило отъ слишкомъ частаго назначенія посольства, кошорому поручено было говорить только о торговлѣ. Второе отъ недостатка въ представительности посланника, кошорый прибылъ отъ Генераль-Губернатора, а не прямо отъ Англійскаго Короля. Третье отъ неосторожности посланника, допустившаго хитрому Сайгонгскому начальнику открытъ и прочесть предварительно письмо Генераль-Губернатора. Все это рѣшительно воспрепятствовало г-ну Крауфорду лично объясняться съ самимъ Мигуесь-Маномъ, кошорый объявилъ, что почитаетъ недостойнымъ для своего званія говорить о торговыхъ сношеніяхъ, получаешь граматы, если онѣ присланы не отъ государей, и еще меньше, если ихъ предварительно читалъ его подданный. Благодаря столь ничтожнымъ причинамъ, от-

казали во всемъ Г-ну Крауфорду; онъ принужденъ былъ опсправившись обрашно, и даже увезши подарки, не имѣвъ чеспи бытъ представленнымъ Кохинхинскому государю, и не удостоясь даже слышашъ лично опказъ его. Можно-бъ было подозрѣвашъ Французовъ, что они присовѣщовали употребитъ дипломатію Азіятскую, для уничтоженія посредствомъ ея предложенія Бришанцевъ, если-бы въ то-же время не были подобнымъ образомъ опвергнушы предложенія чиновниковъ, присланныхъ опъ имени Франціи, и если-бы кредитъ г-дъ Шеньо и Ваннье не находился тогда уже въ явномъ упадкѣ при Дворѣ Кохинхинскаго государя.

Двухъ лѣтъ не прошло попомъ, какъ положеніе ихъ сдѣлалось совершенно несносно; они принуждены были распрощаться съ Кохинхиною послѣ сороколѣшняго въ ней пребыванія, и въ 1823 году возвратились во Францію. Съ тѣхъ поръ, всѣ покушенія Французскаго правительсва ворошитъ ушраченное вліяніе Франціи на Кохинхину, можно было рѣшительно назвашъ бесполезными спараніями. Сюда опносятся посылка корабля *Сенъ-Мишель*, опсправленнаго изъ Бордо въ 1830 году, на кошоромъ находился г-нъ Шеньо сынъ, въ званіи Французскаго консула въ Кохинхинѣ. Экспедиція кончилась кораблекрушеніемъ на скалахъ Парасельскихъ; экипажъ, спасшійся при разбиіи корабля, влачилъ попомъ бѣдную жизнь въ Туранѣ, претерпѣвая, сколько опъ недоспашковъ, сполько-же и опъ нагой подозрительности мѣспнаго начальсва. Появленіе военной корвешши *Любилица*,

подъ начальствомъ г-на Лапласа, спасло бѣдняковъ, защишивъ ихъ уваженіемъ къ Французскому флагу. Но въ сношеніяхъ и переговорахъ, г-нъ Лапласъ видѣлъ удачи не болѣе того, сколько видѣли ее прежде Кергарью, и попомъ г-нъ Курсонъ, начальникъ корабля *Клеопатра*. Одинъ выводъ можно было извлечь изъ всѣхъ эсихъ неудачныхъ попытокъ: тошъ, что государь Кохинхинскій не хочетъ брать примѣра съ предшествовавшего ему царствованія, и напрошивъ, по примѣру Пекинскаго Двора, рѣшается сдѣлать Кохинхину недосступною для дипломатіи Европейской.

За недоспашокъ сговорчивыхъ дипломашовъ, г-нъ Лапласъ былъ съ излишкомъ вознагражденъ обиліемъ любопытныхъ надсмощрщиковъ и неспернимыхъ шпіоновъ, во все время пребыванія своего въ Туранѣ. Вотъ опрывокъ изъ его рассказовъ о пушешеспвіи въ Кохинхину :

«Переговоры наши должны были кончиться обоюдною холодношью, ибо обѣ спороны осшавались недовольны, но чшобы удалишъ всякое подозрѣніе о неудовольспвіи съ моей спороны, я принялъ быковъ, свиней, пшицу и вино, предложенныя мнѣ опѣ имени царскаго; предварительно увѣдомленный о томъ, что мандаринъ, соображаясь съ Кохинхинскимъ эшпикешомъ, а, можешъ бышъ, и по особенному повелѣнію своего государя, намѣренъ посѣшшъ меня на кораблѣ, я послалъ особенно пригласишъ его и просилъ удостоишъ такой чесши мой корабль. Черезъ два часа, проведенные въ ожиданіи, мы увидѣли наконецъ медленно выходящую

изъ Туранской рѣки галеру, кошую съ шрудомъ приводили въ движеніе два ряда многочисленныхъ гребцовъ, всѣ солдаты гвардейскіе. Ихъ желтые мундиры, ихъ оспрокопечныя шапки, съ желтыми и красными плюмажами, сославляли зрѣлище любопытное, и его дополняли еще мандаринъ, важно сидѣвшій среди своей свиты, на помостѣ галеры, поджавъ ноги подъ-себя по Воспачному обыкновенію. Поздравленный девятию выпрѣлами пушечными въ минушу прибытія, великій мандаринъ, непрерывно сопровождаемый своимъ совѣшникомъ, опдыхалъ нѣсколько времени въ моей каютѣ, гдѣ пригошвлено было ему угощеніе. Пошомъ пошѣшилъ и осмопрѣлъ онъ всю внутренность корвешны. Экипажъ былъ всюду распавленъ шочно шакъ, какъ распавляющъ его пригошвляясь къ бишвѣ. Но ни блескъ оружія, ни великолѣпное зрѣлище корабля, гошоваго къ сраженію, зрѣлище совершенно новое для нашихъ госшей, не могли распшроишъ изученной важности ихъ физіогномій. За шо явно видимо было, что они шщашельно все осмашпривающъ и счишающъ людей. Почшечные сошладашай могли замѣшшшъ между корабельными деками много народу, кошораго назначеніе было имъ неизвѣшно, а пошому я былъ увѣренъ, что они пошхали обрашно съ донесеніемъ, что въ шрюмѣ, кошорый былъ запершъ, заключался у насъ еще немалый опрядъ. Дѣйшвишельно, вскорѣ по возвращеніи госпя моего въ Гуде-Фу, особеннымъ повелѣніемъ Двора совершенно спѣсна была небольшая свобода, кошороу мы до шого времени

пользовались; всѣ поступки наши подчинили инквизиціи, болѣе прежняго ширанической, такъ, что большая часть мѣстъ, куда прежде позволяли намъ ходишь, была строго запрещена для нашихъ посѣщеній.»

Спранная система подозрительной недовѣрчивости, принятая Мигуесь-Маномъ, не осталась безъ пагубнаго дѣйствія на политическое состояніе его государства. Послѣ преяшшвій, положенныхъ иностранной торговлѣ и удалившихъ изъ гаваней Кохинхины иноземные корабли, лишенное вывоза, ограниченное мѣстнымъ потребленіемъ, земледѣліе начало упадать и гибнуть. Обширныя насажденія сахарнаго просника, главное богатство земли, остались безъ обработки, за недосмотромъ средства сбытъ съ рукъ произведенія, и по причинѣ низкой цѣны, не прикрывавшей даже цѣны обработки. Мигуесь-Манъ нашелъ средство усилить еще болѣе это невыгодное положеніе своей земли, назначивъ безмѣрныя пошлины, копорыя велѣлъ онъ собирать съ вывоза въ свою казну.

Среди усиливающихся непрерывно бѣдности и упадка народнаго благоденствія, власпицель спрашивая послѣдствій, и какъ будто предчувствуешь бѣдственное окончаніе своихъ политическихъ распоряженій. На сѣверѣ Тонкинцы, доведенные до непослушанія и непокорности, на югѣ народы Тсіампы, гдѣ подъ покровительствомъ Вице-Короля собрались Кохинхинскіе христіане, во внутреннихъ областяхъ обѣднѣвшіе и спраждающіе подданные—шаково безпокойное зрѣлище, представляе-

мое нынѣ Кохинхинскимъ государствомъ. Довольно проницательный, такъ, что можетъ понимать свое невыгодное положеніе, Мигуесь-Манъ пререкаетъ будущности, осперегается власни своихъ чиновниковъ, силы своей гвардіи, состоящей изъ 12,000. человекъ отборнаго войска; онъ содрогается въ своихъ чертогахъ, хотя эти чертоги составляютъ неприступную крѣпость, съ запасами на два года; у него всегда на-гошовъ слоны, для побѣга, въ случаѣ крайности. Рассказываютъ, что находясь въ пригошовленіи къ бѣгству недовольно вѣрными, недовольно могущими способствовать его ускоренію, недавно выписалъ онъ изъ Калькутты Англійскую лошадь, бѣгуна самой лучшей породы, съ которою не можетъ уравниваться никакая другая лошадь въ Кохинхинѣ. Лошадь эта, недавно привезенная въ Сайгонъ, была предметомъ заботъ и предосторожностей самыхъ странныхъ. Въмѣсто того, чтобы вести ее въ столицу обыкновеннымъ образомъ, велѣно было поспроить для драгоценнаго живошнаго клѣшку, и запереть его въ эту клѣшку: отряды, по сну человекъ каждый, разсѣянные на извѣстныхъ разстояніяхъ, везли пошомъ клѣшку до самаго Гье-Фу. Можно судить, въ какомъ жалкомъ состояніи получилъ Мигуесь-Манъ своего знаменишаго бѣгуна, послѣ морскаго путешествія и подобной перевозки сухимъ путемъ. . . .

Будучи близорукій полищикъ и плохой власнитель своего народа, Мигуесь-Манъ опличается добродѣтелями чашными. За все царствованіе, не

лѣзя упрекнушь его ни въ одной жеспокоши ,
 сноть обыкновенныхъ у Азіяскихъ деспотовъ.
 Разсказываютъ примѣры личной его храбрости, дѣ-
 лающіе ему честь. Дорожа пріобрѣтенною славою
 ученаго человѣка, онъ занимается лишперашурою
 и знаніями, не смотря на великій санъ свой; мно-
 го книгъ переведено съ Французскаго для его соб-
 ственнаго упошребленія, и особенно сочиненій ка-
 сашельно Географіи. Не обладаемый спрасшью къ
 военнымъ знаніямъ, подобно Гіа-Лонгу, онъ не оп-
 вергаетъ никакого нововведенія и по сей часши,
 если предсшавишся къ шому случай. При владѣніи
 опща его, флотъ Кохинхинскій состоялъ только
 изъ большихъ военныхъ галеръ, и ни одного ко-
 рабля, построенаго на манеръ Европейскій, не
 являлось подъ Кохинхинскимъ флагомъ. Недоспа-
 вало къ эшому ни машеріаловъ, ни спроишелей;
 были и лѣсъ, и желѣзо, и руки, и оснашка, но не
 было модели, образца передъ глазами. Случайно,
 Европейскій корабль пошонулъ въ Туранскомъ за-
 ливѣ, и эшого событія явилось досшашочно, чшобы
 дать средшво къ новому успѣху Кохинхинскаго
 кораблеспроенія. Пошонувшій корабль вышацили,
 разобрали по часшямъ и перевезли въ сполицу.
 « Тамъ — говоришь Г-нъ Лапласть — передъ глазами
 самого Царя, при спараніи одного изъ корабель-
 ныхъ машеровъ, Кохинхинцы построили прекрас-
 ный шрехъ-мачшовый корабль, кошорый, конечно,
 не сравняешся съ его Европейскою моделю, ни
 красошою, ни внушреннымъ расположеніемъ, но
 прочень, и обладаетъ всѣми качесшвами Европей-

скаго корабля. Рудники Кохинхины и Тонкина доставили мѣдь и желѣзо, въ лѣсахъ нашлись хорошія корабельныя деревья, а въ Тсіампѣ мачшовыя деревья, цѣну копорымъ давно уже знали Кишайскіе корабельщики; изъ одного распенія южныхъ Кохинхинскихъ областей ссучили веревки, не уступающія въ крѣпости нашимъ, шолько не шоль прочныя, ибо онѣ не принимающъ смоленья, и онѣ шого гнѣютъ скоро. Такой счастливый опытъ не могъ бытъ послѣднимъ, и пошому считающъ шеперь въ гавани Гве-Фу 42-тъ шрехъ-мачшовыхъ кораблей и 20-тъ бригговъ, вооруженныхъ мѣдными и желѣзными пушками,»

Такова нынѣшняя Кохинхина, если смопрѣшь на нее съ полишической шочки зрѣнія. Вѣрояшно, что государство, жребій коего былъ шоль измѣнчивъ доннѣ, не на долго сохранитъ свое единство, начашое шоль недавно и разрушаемое неблагоразумною полишикою. Въ будущемъ ожидаешъ Кохиншину, можешъ бытъ, раздробленіе на при части, явно различенныя въ обширномъ государствѣ Анамскомъ—*Камбоджію, Тонкинъ и Кохиншину*—собшвенно.

Что будешъ, шо будешъ, но въ насшоящемъ положеніи своемъ Анамское государство граничитъ къ сѣверу съ Кишайскими областями, Каншономъ, Квангъ-Зи, Юнаномъ на западъ, и Сіамомъ, Камбоджіею, Лаосомъ и Кишайскимъ моремъ со всѣхъ другихъ шпоронъ. Двѣ крайнія области Анамскія, Тонкинъ и Камбоджія, сосшоятъ изъ наносныхъ земель, почти въ уровень съ моремъ, но

собственно-Кохинхина обласъ горная, у кошорой шолько узкая и длинная покашосъ на восшокъ составляетъ землю плодоносную.

Рѣки, омывающія Тонкинъ и Камбоджію, значительны. Но въ Кохинхинѣ всѣ онѣ текутъ на небольшомъ пространствѣ, подобно Гуче.

Кромѣ шройнаго главнаго раздѣленія земель, о кошоромъ я упомянулъ, есть еще другія, впороспеченныя: обласи *Тсиампа*, обитаемая народомъ воинскимъ и независимымъ; часть *Лаоса*, гдѣ столица *Гань-Ніешъ*, по извѣстіямъ де-ла-Биссашера; царство *Бао*, подвластное Тонкину; наконецъ, независимыя земли, занятыя племенами *Мойе* и *Лойе*.

Кохинхина-собственно дѣлится на семь обласей, кошорыя, начиная съ юга, суть: *Бинъ-Туонъ*, касающаяся Камбоджіи, спрана гористая, замѣчательная своимъ алоэвымъ деревомъ; *Нга-Трангъ*, гдѣ главный городъ сего имени укрѣпленъ Французскимъ инженеромъ Ольве; *Фу-Іенъ*, одна изъ обильныхъ Кохинхинскихъ обласей, богатая сарачинскимъ пшеномъ, маисомъ и овощами; *Квингонъ*, бывшая долгое время мѣстопробываніемъ Тайзоновъ, обласъ богатая и людная, гдѣ главный городъ составляетъ укрѣпленное мѣсто; *Квангъ-Ай*, горная обласъ, производящая сахаръ, и подверженная нападеніямъ независимыхъ *Мойе*; *Кванъ-Нанъ*, или *Ганъ*, къ кошорой принадлежитъ заливъ Туранскій; наконецъ, *Гуче*, заключающая въ себѣ столицу государства. Эта знаменитая столица, называемая иначе туземцами *Пушнау*, а Китайцами

Сунъ-Ва, находящаяся на рѣкѣ, именуемой по ея названію, и расположена почти въ шести миляхъ отъ моря. Она тянется на четыре мили въ длину, при весьма небольшой ширинѣ; рѣка обтекаетъ и защищаетъ ее со всѣхъ сторонъ. Отъ времени до времени воздвигающіяся въ Гукъ кирпичныя строенія, покрытыя черепицею, но большая часть, или почти сплошь дома суть ничто иное, какъ бѣдныя хижины, построенныя изъ соломы и бамбука. Народонаселеніе, включая постоянное войско, простирается до 60,000 человекъ. Впрочемъ, Гукъ собственно военный городъ. Его жилища, магазины, арсеналы, казармы построенны на берегу судоходнаго канала, суть зданія дѣлающія честь Европейскому искусству. По словамъ Уайша, 400,000 человекъ работали здѣсь непрерывно цѣлые пятнадцать лѣтъ. Ровъ, окружающій крѣпость, восьмидесяти футовъ въ ширину, простирается на двѣ лѣ въ окружности; стѣны выведены въ вышину на 50 футовъ.

Вице-королевство Тонкинское образуетъ самую населенную и самую важную часть государства. Столица его, *Кего*, находится на рѣкѣ Сонгъ-Кой. Извѣстія противорѣчаютъ касательно народочисленія и обширности этого города: Ришаръ уравниваетъ его величину Парижу; Биссашеръ говоритъ, что въ немъ только 40,000 жителей. Это противорѣчіе можно помирить разсѣяніемъ и опдаленіемъ жилищъ одного отъ другаго, раздѣленныхъ обширными садами. Г-нъ Крауфордъ сказывается, будто Кишайскіе купцы, много разъ бывавшіе въ

Кечо, полагають народонаселеніє его впрое прошивъ Гуче, чшо должно соснавишь, по крайней мѣрѣ, 150,000 человекъ. Такія-же прошиворѣчія вспрѣчаемъ касательно обласей Тонкинскихъ. Дампьеръ счишаетъ ихъ восемь, Ришаръ одиннадцать, Шеньо девять, Крауфордъ пятнадцать, слѣдуя показанію путешественъ, именно: обласи *Кего*, *Тень-Лонгъ*, *Вай-Такъ*, *Сангъ-Зай*, *Кингъ-Пакъ*, *Сингъ-Кивангъ*, *Генгъ-Ва*, *Копенгъ*, *Леонгъ-Сангъ*, *Шингъ-Ва*, *Ла-Намъ*, первый и вшорой, *Гай-Лонгъ*, *Ань-Квонгъ* и *Манингъ-Шао*. Только двѣ изъ сихъ обласей, граничныя съ Кохинхиною, находяшяся подъ непосредственною власшю царя Анамскаго; другія зависятъ ошъ Вице-Короля, живущаго въ Кечо, и подчиненнаго власшителью Анама на условіяхъ.

Камбоджія, спрана мало извѣстная Европейцамъ, играла нѣкогда важную роль въ исторіи западнаго Индійскаго полуострова. Сильная въ X-мъ столѣтїи, она завоевала Кохинхину; потомъ, подверженная нападенію Сіама и спасенная помощью Кохинхинцевъ, сдѣлалась данницею сего народа, претерпѣвала много измѣненій, была присоединена къ Сіаму съ 1786-го по 1809 годъ, когда Та-Кунъ, правая рука Гіа-Лонга, присовокупилъ ее рѣшительно къ владѣніямъ монарха Гуче-Фускаго.

Камбоджія плодоносная земля, хошя и счислается въ ней значительныхъ городовъ шолько два, *Пеномъ-Пенгъ*, или *Ка-Ломпе*, новая столица, и *Понъ-тай-Претъ*, прежняя столица, болѣе вѣдомая подъ именемъ *Камбодже*. Сія послѣдняя находишяся почти подъ 12° с. ш., на рѣкѣ Камбодже, въ 80 льѣ ошъ

устья, кошорымъ Камбодже вливаеися въ море. Нынѣ эшотъ городъ совсѣмъ неваженъ. — Новая столица пашнадацашъ лѣе далѣе по рѣкѣ; говоряшъ, что она значительна, и населена 30,000-ми жителей.

Область Тсіампа, граничная съ Камбоджіею, объемлетъ пространство отъ мыса Св. Іакова, простираясь даже за область Фу-Іенъ. Жители отличны отъ Кохинхинцевъ религіею и обычаями; они имѣютъ много сходства съ народами Малайскаго архипелага. По Яванской лѣтописи, одна изъ царицъ Яванскихъ была урожденная княжна Тсіампская. Присоединеніе этой земли къ Кохинхинѣ не восходитъ далѣе 1730-1740 годовъ.

Такимъ образомъ, четыре различныя между собою племена составляютъ нынѣ Анамское государство: *Кохинхинцы*, *Тонкинцы*, *Камбоджійцы* и *Лойе*, туземцы Тсіампы, не считая переселенцевъ Китайскихъ, Малайскихъ, Португальскихъ, и дикія племена Мойевъ. Каждое изъ главныхъ племенъ имѣетъ свой наружный обликъ и свой характеръ. Кохинхинцы народъ воинственный, крошки и общительны, презвы, не знаютъ болѣзней, происходящихъ отъ неумѣренности. Рыба, сарачинское пшено, иньямы, фиспашки составляютъ ихъ обыкновенную пищу. Въ праздники присоединяютъ къ этому свинину, утокъ, но не ѣдятъ ни курицъ, ни бычьяго шѣла, а еще меньше шѣла коровы, не смѣя даже пить молока коровьяго.

Главный праздникъ Кохинхинцевъ отпразднывается въ началѣ ихъ года, что есть, неопредѣленно, по-

слѣ 12-го, или 13-го новолунія. Тогда весь народъ веселился безъ памяти; родственники собираются въ гости другъ къ другу; гомятъ свинину и ушокъ; большими чашками пьютъ крѣпкій напитокъ, состояваемый броженіемъ изъ сарачинскаго пшена, праздничаятъ и радуются, какъ будто въ награду за недоспашокъ вчера, и въ задашокъ за скудосъ завшра.—Другой поводъ къ праздникамъ составляетъ опшравленіе свадебъ и похоронъ.

Каковы-бы ни были прошивныя тому извѣстія разныхъ путешественниковъ, Кохинхинцы нисшихъ званій народъ болѣе веселый, нежели печальный, умный и говорливый болѣе, нежели угрюмый и молчаливый. Слыша непрерывное лепешанье въ ихъ хижинахъ, можно подумать, что это самый счастливый уголъ въ цѣломъ свѣтѣ. А между тѣмъ, споль велика подозрительность здѣшняго деспотическаго правленія, что слишкомъ опкрытыя изъясненія радости и веселья народнаго укрощаются бамбуковиною!

Главный порокъ Кохинхинцевъ составляетъ ихъ удивительная неопрятность, выше всякаго описанія. Покрытые лоскушками и гадкими насѣкомыми, они неразборчивы въ выборѣ кушанья: ѣдятъ мясо аллигатора, дѣлаютъ лакомый соусъ изъ квашеной гнилой рыбы, глошаютъ съ наслажденіемъ яйца, изъ которыхъ почки вылупляются цыплята, опмщаютъ своимъ всегдашнимъ мучителямъ, пожирая ихъ вмѣсто конфетовъ—словомъ—Кохинхинцы не только неопрятны, но опврашительны. Менѣе небрежны въ семъ опношеніи, знашны Кохин-

хинцы обладающія другими пороками : они безсовѣстны, скупы, хищны, тщеславны, подобно Сіамцамъ, только лучше ихъ скрываютъ свою гордосць, и угрюмосць одѣваютъ прошивъ чужеземцевъ привѣшливою уклончивосцью. — Вообще нравы Кохинхинцевъ довольно распушны. Многоженство, какъ въ Сіамѣ, позволено, но немногіе имъ пользуются, потому, что надобно плащись за жену. Кшо въ соспояніи, шомъ покупаешь женъ сколько угодно, и располагаешь ими, какъ угодно. Самыя тяжелыя работы падаютъ на женщину, кошорая униженно кормишь лѣнивую празднось мужа своего. Мужья имѣють право наказывать своихъ женъ, и нерѣдко можно видѣть бѣдную жену, распянушую передъ домомъ, и супруга, поучающаго ее смиренію шолсною бамбуковиною. Дѣвки пользуются большою свободою, и могутъ употреблять во зло свою свободу, шакъ, что никто эшимъ не оскорбляется, и шалосць не бываешь препяшпвіемъ къ замужеству.

Тсіамцы мало похожи на Кохинхинцевъ. Нравы ихъ смѣсь Азіятскихъ и Малайскихъ нравовъ. Менѣе лѣнивые, и болѣе дѣльные, нежели Кохинхинцы, они любящъ чистоту и опрятность. Сосѣди ихъ Камбоджійцы рослы и сильны. Занятые земледѣліемъ, обипая въ спранѣ обильной и богатою, въ долинахъ, ошкрытыхъ непріятельскому пашеспвію, шѣмъ не менѣе, они миролюбивы, крошки и ласковы ошъ природы. Такія-же свойства замѣчающія въ Тонкинцахъ, предспавляющихъ собою смѣсь Кишая съ Кохинхиною. Лицо у Тонкинца

плоское, овальное, не столь темно, какъ у другихъ Индійцевъ; волосы длинны, черны, густы; кафшанъ, нисходящій до пятокъ, сославляеиъ почти единственное его одѣяніе.

Правленіе Анамскаго государства сосредоточено въ самыхъ деспотическихъ и совершенно опданныхъ на произволъ правишеля формахъ, хошя царь Анамскій подобно Кипайскому Богдыхану, придаеиъ всему эшому видъ опеческаго, папріархальнаго правленія. Можно сказаиъ, что въ Анамѣ всѣмъ управляетъ бамбуковина, народомъ, вельможами, даже семействомъ царя. Бамбукъ равно приводится въ движеніе маленькими ошибками и великими пресшупленіями, лешаетъ надъ головою послѣдняго бѣдняка и перваго министра. Ни одинъ Европеецъ, посѣщившій Кохинхину, не уѣзжаетъ безъ того, чтобы на дѣлѣ не увидѣиъ приложенія эшого доказательства неограниченной власши Кохинхинскаго власшишеля. Г-нъ Крауфордъ видѣлъ, какъ бамбукомъ наградили драматическихъ аршишновъ, имѣвшихъ несчастіе не понравиться Его Превосходительству, господину министру слоновъ, во время представленія драмы въ черпогахъ эшого вельможи. Бѣдняковъ просто разложили на сценѣ, въ ихъ великолѣпныхъ костюмахъ, и наградили, къ общему удовольствию зришелей, извѣстнымъ числомъ ударовъ, за нѣсколько ошибокъ въ діалогахъ и паншомимѣ. Любовникъ получилъ 50 ударовъ, арлекинъ 20, а старикъ опецъ 10-ть.— Г-нъ Лапласъ былъ еще счастливѣе въ эшомъ случаѣ: онъ сдѣлался причиною, что бамбукъ порядоч-

но порабощалъ надъ пятами одного мандарина. И за что-же? За то, что этотъ чиновникъ согласился проводить г-на Лапласа къ Мраморнымъ горамъ, и позволилъ ему осмолръшь шамоннй подземельный пагодъ, не получивъ предварительнаго позволенія высшаго начальства. Бамбукъ, бамбукъ—вошь двигашель законовъ и полишки Кохинхины! Съ его помощію, Гіа-Лонгъ создалъ флоты и воздвигъ сѣны Гукъ, а Мигуесъ-Манъ соорудилъ корабли по модели Европейской. Бамбуку подчинены всѣ горделивые воины Кохинхинскіе съ красными и желтыми плюмажами; онъ уравниваетъ передъ трономъ царя Кохинхинскаго перваго вельможу съ послѣднимъ рабомъ.

Другія наказанія, какъ то: опсѣченіе головы, канга и шюрма, употребляюща рѣдко, и только въ случаѣ воровства, убійства, измѣны. Въ сужденіи о дѣлахъ такого рода, даютъ обвиняемому полную свободу защищаться, и нѣсколько апелляцій предоставляется ему прежде окончательнаго опредѣленія.

Народонаселеніе Анамскаго государства было различно опредѣляемо Европейскими наблюдателями. Въ 1812 году, Г-нъ Биссашеръ полагалъ его въ 22 милліона (18-шь въ Тонкинѣ, $4\frac{1}{2}$ въ Кохинхинѣ, милліонъ въ Камбоджіи и другихъ мѣстахъ). Шеньо считалъ $17\frac{1}{2}$ милліоновъ всего, то есть, $5\frac{1}{2}$ милліонами менѣе. Г-нъ Ванье сказывалъ Крауфорду, что никакъ не лзя полагать во всемъ Анамѣ болѣе десяти милліоновъ. Разумѣется, что всѣ эти исчисленія суть гадашельныя; настоящее число

жителей составляетъ величайшую тайну при Дворѣ Гье-Фускомъ. Съ нѣкоторою достоверностью извѣстно одно, что христіанское населеніе превышаетъ 400,000, изъ числа которыхъ 300 въ Тонкинѣ, а остальные въ Кохинхинѣ и Камбоджѣ.

Господствующая вѣра Анамскаго государства Буддизмъ, или религія Фо. Нѣкоторые изъ знаменѣйшихъ вельможъ, и вообще ученые люди, слѣдуютъ вѣрованію Конфуція, но народъ почти сплошь ходитъ въ пагоды обожаетъ Будду. Пагоды здѣшнія, говоря вообще, не равняющіяся великолѣпіемъ прошивъ капищъ западной Индіи, и жрецы не столько уважающіяся и не столь многочисленны, какъ тамъ. Видно явное уклоненіе жителей отъ религіозной набожности Индійцевъ. Между самыми низшими званіями встрѣчаются расколы, нерѣдко нелѣпыя и непонятныя. Нѣкоторые изъ Анамцевъ поклоняются добрымъ и злымъ духамъ, наподобіе Кишайскихъ раскольниковъ, и сожигаютъ въ честь ихъ лоскутья золоченой бумаги. Единственное изъ духовныхъ вѣрованій народа здѣшняго, возвышающее душу къ истинному благочестію, есть почитеніе, оказываемое тѣнямъ предковъ. Правительство особенно покровительствуетъ этому почитенію, какъ пособію общественной тишины и нравственности.

Занимая около 15-ти градусовъ широты, Анамское государство представляетъ большія измѣненія и мѣстные уклоненія въ климатѣ. Въ Камбоджѣ и Тонкинѣ, плоскихъ и открытыхъ, времена

года походятъ на Бенгальскія; дождливое время начинается въ Іюнѣ и кончится въ Сенсябрѣ. Въ Кохинхинѣ, напрошивъ, горы, идущія отъ сѣвера къ югу, останавливаютъ дожденосныя шуты Ю. З. муссона, и измѣняютъ порядокъ временъ года; дожди начинаются въ Октябрѣ и кончаться въ Іюнѣ.

Произведенія земель уравниваются по широтамъ, но всего обильнѣе и общнѣе повсюду сарачинское пшено, майсъ, иньямы и кокосы. Арекъ, бешель и табакъ, находящіеся во всеобщемъ употребленіи, даютъ также хорошіе сборы. Самые лучшіе фрукты сушь померанецъ и *лиши*. Сахарный проспникъ началъ было хорошо разводиться всюду, и могъ-бы доставить до 40,000 пикулей (*) для вывоза за границу. Зеленое индиго, или *дина-ксаагъ*, могло-бы быть также однимъ изъ источниковъ богатства; хлопчатая бумага, корица, чай, черный перецъ, кардамонъ, киннамонъ] производятся весьма удачно. Насажденія бѣлой шелковицы даютъ среднство къ воспитанію шелковыхъ червей, и выдѣлкѣ нѣкоторыхъ шелковыхъ тканей, впрочемъ далеко уступающихъ Китайскимъ. Жители употребляютъ въ пищу разныя солянныя расшенія, какъ-то: со-

(*) Сіамскій *пикуль*, или *пекуль*, содержитъ въ себѣ 100 кашпи, 2000 палей, 8000 пикалей, и равняется почти $61\frac{1}{3}$ килограммамъ. Китайскій *пекуль* содержитъ 100 кашпи, по 16 пазельсовъ, или лянговъ, и равняется 60-ти килограммамъ, съ малою дробью. *Прим. Пер.*

лянку, пасочникъ, морской бакаль, и ѣдящъ еще нѣкошорыя водорасли (*fucacées*). Кромѣ рыбы, обыкновенной пищи здѣшней, ловящъ также моллюсковъ, особливо морскихъ кубышекъ (*holothuries*), называемыхъ по-Малайски *трипанъ*, а по-Португальски *bichos do mar*. Эшо самое лакомое кушанье Малайскихъ народовъ. Пшичьи, или салангоновыя гнѣзда, роскошь Кишайскихъ объѣдалъ, обилующъ на всѣхъ упесиспыхъ приморьяхъ Анама.

Горы, кромѣ рудниковъ желѣза, золоша и серебра, прикрыты еще прекрасными густыми лѣсами, состояющими богашснва Анамцевъ, приобретаемыя безъ всякаго предварительнаго труда. Здѣсь распушъ деревья: розовое, желѣзное, гебенное, сапановое, сандальное, орлиное, каламбакъ—последнее драгоцѣннѣе и дороже всѣхъ другихъ; въ Бю-Кіангѣ распушъ эшо дерево, извѣстное еспешвоиспышашелямъ подъ названіемъ *Aloexylum vegum*; изъ него извлекается смолистое, благовонное вещество, именуемое *каламбакъ*, а по-Кохинхински *кинанъ*; изъ коры дерева дѣлаюшъ бумагу.—Лѣса здѣшніе снабжаюшъ и другими драгоцѣнными веществами, каковы: лаковая гуммъ, состоящая муравьями изъ сока дерева *Croton lacciferum* (лаковая клещевина); гуммъ драконовой крови, извлекаемая изъ многихъ деревъ, особливо изъ *Drasaena ferrea*; наконецъ, сальное дерево, изъ кошораго густое, бѣлое масло печешъ и виснешъ сосульками красиваго вида.

Зоологія Кохинхины считаешъ немного подраздѣленій, кошорыя не были-бы общи сей странѣ съ

другими Индійскими спранами. Дикіе звѣри здѣшніе замѣчательны по ихъ силѣ и красотѣ. Слонь достигаетъ роста необычайнаго; шигръ такъ свирѣпъ и опасенъ, что за убишаго шигра правительство платишь охотнику 45-ть піаспровъ награды; носорогъ, пятнистый леопардъ и олень населяютъ здѣшніе лѣса въ изобиліи. Вообще всѣ эти звѣри сославляютъ предметъ глубокаго почтенія туземцевъ; самымъ шѣламъ и костямъ ихъ приписываютъ здѣсь разныя полезныя качества: говорятъ, что порошокъ изъ когшей шигра придаетъ храбрости, мозгъ слона прибавляетъ ума, а пещель оленьихъ рогъ есть средство для гибкости членовъ. Между живошными домашними, въ Кохинхинѣ находящіяся быки, буйволы, лошади. Въ хлѣвахъ жителей всегда множество свиней, куръ, утокъ и гусей.

Употребительнѣйшій языкъ въ Анамѣ есть нарѣчіе изъ односложныхъ словъ, похожее на Китайскія нарѣчія. Лишенное переливовъ голоса черезъ гласныя, обильное гортанными звуками, произношеніе Кохинхинцевъ почти неуловимо для иностранцевъ. Впрочемъ, говоря собственно, это нарѣчіе прослудимовъ, ибо въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ письменный языкъ есть Китайскій.

Нѣсколько словъ о внѣшней торговлѣ Кохинхины дополняютъ собраніе моихъ наблюденій и замѣтокъ.

Если-бы Гіа-Лонгъ прожилъ долѣе, безъ сомнѣнія, успановились-бы его стараніемъ большіе и полезныя промѣны между гаванями Анамскаго го-

сударства и приморскими городами другихъ земель. Но своенравная полишика, смѣшная недовѣрчивость, сисхема раззорительныхъ пошлинъ его преемника, закрыли, почти рѣшительно, рынки Кохинхинскіе для кораблей Франціи, Англіи и Бенгала. Едва нѣсколько судовъ, и то мимоходомъ, на пуши въ Макао, заходящъ въ Туранскую гавань. Только Кишайскіе торгоши, безъ всякаго соперничества другихъ народовъ, продолжаютъ торговлю, плавая между Синкапуромъ и Фай-фо. Другіе Кишайцы захватили торгъ рынковъ Кохинхины съ Филиппинскими островами, гаванями своей Небесной Имперіи и различными мѣстами Сіама. Предметы ввоза, требуемые Кохинхиною, суть сырой хлопокъ, олово, перецъ, желѣзо, свинецъ, сукно, выбойка, опиумъ, селипра, огнеспрѣльное оружіе, и разныя Малайскіе шовары, какъ-то, камфара, моллюски, и проч. — Въ обмѣнъ этого берутъ: сырецъ шелкъ Ше-Кіангскій, зеленый чай, кишайку Кіангъ-Намскую, сахаръ, киннамонъ, серебро въ монетѣ. — Мѣры и вѣсы въ Кохинхинѣ тѣ-же, что въ Кишаѣ; главный вѣсъ *пикули* и *кати* — одинъ пикуль, или 400 кашпи, равняюща $433\frac{1}{3}$ Англ. фунтамъ. — Наиболѣе общая монета *санекъ*, цинковая, стоящая около 12-13 су; шестидесять санековъ составляютъ *масъ*, десять масъ *кванъ*.

ГЛАВА XXIX.

ОСТРОВА ФИЛИППИНСКІЕ. — МАНИЛАА.

Хошя мой Баронъ сопуществовалъ мнѣ въ разныхъ прогулкахъ по Турану, Фай-фо, и къ Мраморнымъ горамъ, но собственно мнѣ одному надобно было все разсматривать, обсуживать и выискивать на Кохинхинской землѣ. Со времени пріѣзда нашего въ Банкокъ, шоварищъ мой не походилъ на себя. Старая болѣзнь превожила его, и вредила душевному расположенію его, не менѣе шѣлеснаго спраданія. Съ прудомъ, ошъ времени до времени, могъ я вырвать у Барона какую нибудь злую насмѣшку на шо, чшо мы видѣли передъ собою. Но эша злосшь была шакъ желчна, шакъ горька, шакъ болѣзненна, чшо, не производя даже смѣха, шолько сжимала сердце. Я не смѣлъ сражашься съ ипохондрическимъ расположеніемъ больного, и спарался не давать шолько ем уповодовъ къ раздраженію, молчаніемъ предупреждая выходки, самыяприхошливыя и вздорныя. Впрочемъ, ничшо не из-

мѣнялось въ Баронѣ, касательно частныхъ его отношеній: эпо былъ по прежнему товарищъ предупредительный, добрый, баринъ, съ свѣтскими манерами и ловкостью человѣка бывалаго. На одной только почкѣ сдѣлался онъ совсѣмъ безразсуденъ и неумѣренъ: говоря объ Азiи, Баронъ не находилъ въ ней ничего достойнаго вниманiя, и всѣ эти Индо-Кишайцы, нравы, характеры ихъ, были ему гадки — что въ самомъ дѣлѣ, почти правда — и не любопытны для наблюдашеля, по словамъ Барона, а эпо была уже совершенная несправедливосшь. Сильные споры происходили у насъ обо всемъ эпомъ; я переносилъ ихъ терпѣливо, ждалъ прошиводѣйсвiя, и — оно не замедлило.

Августа 15-го поднялись мы изъ Туранскаго залива. На другой день, при маленькомъ вѣтрѣ съ береговъ, жонка наша обошла скалы Парасельскiя, и направилась по Кишайскому морю, такъ, чтобы пройдши на югъ опѣ *Маклесфильдской* мѣли. Ю. З. муссонъ, бывшiй тогда въ полной силѣ, мчалъ нашу тяжелую ладью споль быспро, что эпо даже пугало нашего спараго Колумба Кишайскаго. Не безъ робосши поглядывалъ онъ на мачшы, снасши, паруса свои, и, конечно, охотно согласился-бы на плаванiе болѣе медленное. Но среди игры вѣтровъ и волнъ, въ эпомъ морѣ, опвсюду окруженномъ прекрасными землями, я видѣлъ моего хвораго Барона, мало по малу, переходившаго къ здоровью, веселосши и своему обыкновенному характеру. Сцены на кораблѣ, пищицы, кругомъ

насъ лешавшія, даже слѣдъ корабля по волнамъ, и маленькія событія нашего плаванія, все это, всѣмъ для насъ не новое, увлекало и занимало Барона. Дѣло шло къ лучшему, и я радовался этому болѣе его самаго, видя, какъ онъ, самъ этого не замѣчая, уступалъ невольно вліянію атмосферы, болѣе прежнихъ здоровой. Когда, Августа 23-го, указали намъ на-лѣво высокія горы Лусонскія, выздоровленіе Барона было почти совершенное; онъ нешерпѣливо желалъ скорѣе опсправиться на берегъ.

Никакое другое мѣсто въ свѣтѣ не сравнится съ Филиппинскими островами, особливо съ *Лусономъ*, въ климатѣ, прелести мѣстоположеній и плодоносіи почвы. *Лусонъ*—это самый прекрасный, самый чистый алмазъ, найденный Испанскими спранствовавшими; неограниченнымъ оспался онъ въ рукахъ Испанцевъ: едва проведено по немъ нѣсколько граней; но опдайше его дѣятельности и терпимости Англичанъ, или, еще лучше, работающему упорству въ дѣлахъ Голландскихъ креоловъ, и вы увидѣли-бы, что за диво вышло изъ этой драгоцѣнности!

Заливъ Манильскій, куда мы вступили, представлялъ зрѣлище обширное и величественное. Оспровокъ *Коррежидора*, снабженный башареями и сильнымъ гарнизономъ, дѣлилъ входъ въ этотъ заливъ на двѣ ровныя половины, и кажется нарочно пославленнымъ шухъ, какъ будто передовой ведетъ, или военный маякъ колоніи. На-лѣво и направо опъ этого выброшеннаго впередъ прикры-

нія, красивою дугою раздвигается заливъ, въ объемѣ своемъ на 45 льё окружности, при 15-ти льё поперечника. Едва поравнялись мы съ линіею острова Коррежидора, сигналомъ велѣли намъ остановиться, для обозрѣнія Испанскою полиціею. На корабль нашъ явился алькадъ, принялъ допросы отъ Тзинъ-Фонга нашего, и далъ намъ лоцмана. Черезъ нѣсколько часовъ потомъ, вошли мы въ устье рѣки *Пассигъ*, на берегахъ которой построены городъ *Манилла*, и къ ночи бросили якорь передъ таможеню, высокимъ и обширнымъ зданіемъ, гдѣ складываются всѣ привозимые грузы. Только на другой день получили мы позволеніе выйти на берегъ. Туземная шлюпка перевезла насъ на Манильскую пристань, гдѣ Баронъ, за четыре піаспра въ день, нанялъ небольшой домикъ, довольно запачканный и дурно меблированный. Въ нѣсколько часовъ устроивъ свое хозяйство, Баронъ договорилъ повара, приврашника, кучера, *socatero*, или конюшаго, нанялъ *birloché*, здѣшнюю карешу, и родъ особеннаго паланкина, для прогулокъ недалёкихъ. Можно-бы сказать, видя, какъ запасается Баронъ всѣми прихотями креольской жизни, что онъ надолго останется въ здѣшней колоніи, между тѣмъ, какъ все пребываніе должно было ограничиться нѣсколькими днями. Вѣроятно, при видѣ полу-Европейскаго города, будучи такъ близко къ горделивой важности Испанской, Шведскій Баронъ почувствовалъ возраждающуюся въ душѣ его аристократическую гордость; ему не хотѣлось унижись передъ Манильскими гидальго, ни своего

Скандинавскаго званія , ни своего Сѣвернаго богашества .

Едва всѣ приготовленія къ нашему жишью-бышью были кончены, Баронъ пошацилъ меня въ карешу. «Поѣдемъ смотрѣшь городъ» — говорилъ онъ — по крайней мѣрѣ, здѣсь мы наконецъ въ образованной землѣ.» Приказано было ѣхать шагомъ, и каждый разъ, когда предсавлялось намъ что нибудь достойное любопытства, мы выходили изъ карешы, и все подробно разсматривали. На первый взглядъ, Манилла показался намъ порядочно посроеннымъ; улицы здѣсь широкія, прямыя; дома правильны, хоща и жалкой архитектуры.

Прежде всего посѣпили мы крѣпосные валы. Укрѣпленія досматочны удержашься прошивъ шуземнаго народа, но имъ невозможно выдержашь Европейскихъ пушекъ. Со времени взятія города, въ 1762 году, Англійскою эскадрою, Испанцы спарались было оградить себя впередъ онъ подобнаго событія; много новыхъ работъ прибавлено было съ этою цѣлю къ старымъ редушамъ; цитадель окружили тогда ровомъ; увеличили арсеналь, удвоили Испанскій гарнизонъ, но пошомъ лѣнивый и заспойчивый характеръ здѣшнихъ колонистовъ, принялся опдыхашь, какъ будшо упомленный усиліемъ на работу, и, вѣроятно, до новыхъ хлопотъ съ непріятелемъ, ничего не прибавяшъ къ сдѣланному прежде. Европейскія войска въ Манилла соснавляютъ до 1400, или 1500 человекъ; шолько они имѣюшъ право жишъ въ казармахъ крѣпости. Въ шуземныхъ бапальонахъ здѣшнихъ счишаюшъ

до 5000 человекъ подѣ ружьемъ ; недавно переведены эти батальоны въ предмѣстїя, за крѣпостной валъ , и такое распоряженіе подало поводъ къ зависти и ненависти между ними и Испанцами.

Мимоходомъ взглянули мы на чертоги Генераль-Капитана , неподалеку отъ казармъ крѣпости. Зданіе обширно , но тяжело , низко и грубо. Съ позволеніемъ осмотрѣвъ внутренность его , мы увидѣли огромнѣйшія комнаты, почти безъ мебели; все убрано безъ вкуса , обито велюромъ , и недостойно бытъ обиталищемъ высокаго намѣстника Испаніи. Нашъ переводчикъ сказалъ намъ , что генераль-капитанъ *Рикка-Форте* , спрдающій отъ ранъ, обыкновенно живетъ въ своемъ увеселительномъ домѣ, въ окрестностяхъ. Послѣ насъ смѣнилъ дряхлаго старика донъ Генрихъ. Главнымъ фасадомъ, Ген. Кап. домъ выходитъ на обширную площадь, составляя одну изъ четырехъ сторонъ ея. Напротивъ него поставленъ Городской Судъ , красивый по наружности ; по двумъ остальнымъ сторонамъ параллелограмма тянуція дома горожанъ. Все это , вмѣстѣ взятое , угрюмо , печально , старо , пустынно. Можно-бы сказать , что здѣсь живой образъ Испанской знати, холодной и расчищенной.

Домы, видѣнные нами, всѣ были въ одинъ этажъ; нижняя часть ихъ строилась изъ камня , образуя собою тяжелую основу , фустовъ двадцати въ вышину; за нею начинается деревянная надстройка, легкая и прихотливая — единственное спасеніе въ здѣшней сторонѣ при ужасныхъ землетрясеніяхъ. Входъ въ дома дѣлается некрасивый , но кругомъ

верхняго этажа устроиваются галлерей, похожія на Индійскіе верандасы, чешвероугольные кіоски, украшенные жалузьями и дорогими рогожками. Подъ защиною эпихъ воздушныхъ прибавокъ къ домамъ, креолы и креолки, послѣ сіеспы своей, нѣжашся въ беспечномъ ошдыхѣ, и забываютъ время, наслаждаясь дымомъ сигарокъ.

Съ главной площади, нашъ чичероне повелъ насъ по церквамъ. Было время службы, и мы посѣпили сначала самую огромную изъ здѣшнихъ церквей, святаго Франциска. Какъ произведеніе зодчества, она не важна. Длинный и узкій проходъ оканчивается зданіемъ съ фроншономъ; колокольня устроена восьмиугольными уступами, довершаясь кресомъ, и сославляя одну изъ боковыхъ часшей зданія. На боку колокольни устроена папершь, предназначенная, вѣрояшно, для укрьшія проходящихъ. Во внушренности (это было воскресенье) толпа шѣснилась вокругъ каѳедры. Францисканскій монахъ говорилъ проповѣдь на Испанскомъ языкѣ. Европейскія женщины опличались своими маншильями и черными плашьями; мешиски своими цвѣшными камбаями и босыми ногами; шуземныя Тагалки щеголевыми понявами, кошорыя придерживаютъ ихъ юбку и обрисовываютъ формы ихъ шѣла.

Послѣ церквей, самое замѣчательное въ Европейскомъ ошдѣленіи Манилла монашеры. Обширные и мрачныя грѣмады, они не принадлежатъ собсшвенно ни къ какому роду зодчества. Можно-бы сказашь, что для монашерыей здѣшнихъ складывали чешвероугольниками, безъ плана, и безъ всякаго

предварительнаго порядка, по чешуре толстые, высокія стѣны, а пошомъ, какъ попало, пробивали въ нихъ отверзтія, чтобы пропустишь сколько нибудь свѣта и дасть возможность дышать обитателямъ. Мы насчитали въ Манилла десять церквей, пять монастырей мужескихъ и три женскихъ, въ числѣ ихъ полагая монастырь *Беатрисъ*, который болѣе составляетъ мѣсто убѣжища, нежели монастырь настоящій, ибо живущіа въ немъ не дають монашескихъ обѣщаній.

Подавленная такимъ образомъ своими церквами, монастырями, коллегіями, госпиталиями, Европейская часть Манилла оставляетъ въ душѣ наблюдателя впечатлѣніе односпоронное и грустное. Послѣ двухъ-часовой прогулки, Баронъ началъ уже бранишься, и все добро ошъ переѣзда по морю готово было для него исчезнуть. Я поспѣшилъ воротить его домой. Обѣдъ, довольно сносный, вкусныя фрукты и усадишельныя сигарки успѣли развлечь начало досады. «Да!» заговорилъ онъ — надобно познакомиться съ здѣшними почешными людьми. У меня есть письма ошъ одного славнаго Калькушскаго негоціанта. Пересмотримъ адреса: донъ Хозе Маседо, Антоніо Соларо, Яго Ареллано — поѣдемъ къ дону Яго Ареллано. Рекомендація, думаю, будетъ достойна его вниманія, и по ней узнаемъ мы Испанское госшепріимство.» Я согласился провожать Барона въ его визишъ. Кареша наша покапшлась ошъ, и мы осшановились подлѣ дома, довольно порядочной наружности, ошдѣльно сшоящаго, какъ всѣ здѣшніе дома, и окру-

жепнаго садами. « Славно ! » вскричалъ Баронъ — я удачно выбралъ — мы попали на жилище Манильскаго набаба ! » — Двери растворились , и насъ ввели въ какую-то прихожую , довольно запачканную. Когда Баронъ объявилъ причину своего пріѣзда, нерѣшимельность и замѣшательство распространились между всѣми служителями дома. Видно было, что появленіе двухъ незнакомцевъ было для нихъ дѣломъ совершенно необыкновеннымъ. Землетрясеніе , бунтъ народный , затмѣніе солнца не распрянули-бы длиннѣе рожъ людей , насъ окружавшихъ. Наконецъ, что-то въ родѣ управителя, спарый мешисскій креоль , осмѣлился доложить объ насъ хозяину. Если-бы , хоть сколько нибудь поболѣе имѣли мы опытности въ здѣшнихъ обычаяхъ , то, конечно, вспомнили-бы, что это былъ часъ во все непригодный для визитовъ — часъ *сіесты* : разстроились Испанца въ его сіестѣ — это непросительное , ничѣмъ неизвинимое нарушеніе всякихъ приличій ! — Насъ приняли однакожь, и провели сначала къ хозяйкѣ ; въ галлерей сидѣла благородная *донна*, и курила сигарку. Нѣтъ ! я не найду словъ, копорыми могъ-бы передать впечатлѣніе, какое произвели на меня это прекрасное , гордое лицо , эти суровые , черные глаза , эти чистые очерки Каспиланской фізіогноміи , и все это въ облакѣ табачнаго дыма , какъ будто въ облакахъ небесныхъ ! Сигарка въ алыхъ , прелесныхъ губкахъ женщины — не ужасъ-ли ? Но между тѣмъ , въ этой дымной атмосферѣ , въ этой шумной сферѣ , съ своимъ небрежнымъ видомъ , съ своею

изысканною, щегольской одеждою, донна Ареллано была очаровательнѣе, оригинальнѣе всякой Европейской дамы — по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось. — Но едва успѣли мы перекинуть по нѣскольку учпивыхъ словъ, старикъ, угрюмый хозяинъ дома, донъ Яго Ареллано, явился передъ нами. Не говоря ни словечка, поклонился онъ, взялъ письмо отъ Барона, прочишалъ его съ видомъ совершеннаго безспрасія, и хладнокровно оборотился къ намъ, съ вопросомъ: « Чѣмъ могу бытъ вамъ полезнымъ, почтенные господа? Готовъ къ услугамъ г-мъ Джемсу Муру и Компаніи, и вамъ, М. М. Г. Г. — Не имѣете-ли надобности въ деньгахъ? — Усердная благодарность, сеньоръ Ареллано — ошвѣчалъ Баронъ — деньги не нужны, и намъ остается только благодарить васъ за вашъ привѣтъ. — Холодность донна Ареллано взбѣсила Барона. — « Яго! — сказала тогда донна, вступая въ рѣчь — господа пріѣзжіе не купцы; они, конечно, пожелающъ осмошрѣшь нашъ городъ — проводише ихъ въ Бидондо. » — Милосливое заскупленіе это не обезоружило досады Барона. Онъ извинился, что разспроилъ сіесшу мешодического Каспиланца, поклонился супругѣ его, и спѣшилъ уйдти. Я слѣдовалъ за нимъ. « Старый Каспильскій осель! » ворчалъ Баронъ, сидя въ каретѣ — онъ думаетъ, что его предки зашевелилися съ досады, если онъ будетъ поучивѣе спашуи съ Шведскимъ Барономъ! Посмошрѣшь-бы въ гербъ швой, съ корицею по сахарному полю, вмѣсто благороднаго орла Шведскаго — шарый скряга, гидальго —

торгашъ!» — Оспашокъ дня весь разговоръ нашъ вершился на спранномъ визитѣ нашемъ дону Ареллано. Когда прошло первое сердце Барона, я свернулъ рѣчь на супругу сеньора Яго, на это очаровашельное видѣніе въ табачныхъ облакахъ, кошорое заставилъ исчезнуть приходъ спарика мужа. «Она хощѣла, чшобы супругъ ея показалъ намъ Бидондо—сказалъ я—Бидондо ей нравишся. О! вѣрно эшо лучшее, что есть здѣсь! Поѣдемъ-те завпра шуда, Баронъ!»

Бидондо опдѣленіе Манилла, городъ торговыхъ людей и шума, какъ самый Манилла, гдѣ оспановились мы, городъ военного народа и безмолвія. Манилла мѣсшопребываніе высшихъ власшей, военная защита Лусона, жшшельство благородныхъ Испанцевъ, поже въ опношеніи къ Бидондо, что Парижскій городъ, и окрестные острова его, къ богатымъ и многолуднымъ часшямъ Парижа на обоихъ берегахъ Сены, и что называютъ городомъ въ спаринныхъ городахъ—Вѣнѣ, Лондонѣ, Москвѣ.

На другой день, послѣ шоколада, необходимаго завпрака Испанскаго, мы опсправились въ купеческое опдѣленіе Манилла. Намъ казалось, что по мѣрѣ приближенія нашего къ Бидондо, воздухъ спановился свободнѣе и живѣе, зелень была ярче, солнце было свѣшлѣе. Для доспиженія въ Бидондо, надобно переѣхашъ черезъ грозные подъемные мосты благороднаго города, за кошорыми начинаешся каменный мостъ, разрушенный посрединѣ, но посшроенный по-Европейски, съ угловатыми арками, съ парапешами, и вымощенною дорогою для

карешъ. Толпа народа шѣснилась по этому мосту; Испанцы и мешисы, съ огромными зоншиками, мѣшались между собою въ этой шочкѣ дѣятельнаго сообщенія. Креолы, провожаемые своими слугами, Тагальскіе простолюдины, Кишайскіе торгоши, Малайскіе ремесленники придавали собою видъ жизни и движенія. По мѣрѣ удаленія нашего, высокія колокольни Манилла, оспрокопечныя его укрѣпленія, длинныя ряды монастырей и высокихъ зданій сливались въ одну кучу камней, какъ будто брошенную въ волны рѣки. Прощай, мрачный городъ, гдѣ все дышитъ монастырскою угрюмостью! Прощайше, скучныя, темныя обители Лусонскихъ сеньоровъ! Прощайше, благородныя сѣтны, гдѣ едва наберется *тысячь восемь* великолѣпныхъ повелишелей и униженныхъ рабовъ ихъ! Вотъ раздвинулось передъ нами мѣщанское предмѣстье— *Бидондо*, съ его 140,000 жителей. Какое сравненіе! Цѣпи щегольскихъ, опряжныхъ домовъ, шма дѣловаго народа, безконечная набережная, гдѣ приспаюшъ лодки, движущаясь подъема, кашающія шюки, свезенныя со всѣхъ чешырехъ споронъ свѣта. Въ Бидондо нѣтъ дѣленій, нѣтъ ребяческаго исключенія: подлѣ магазина и щегольского жилища Американскаго купца хижина шуземнаго ремесленника, шрудолубиваго Тагала. Она мала, но видъ ея показываешъ довольство, и вы удостовѣряешесь, что хозяинъ ея всѣмъ одолженъ работою рукъ своихъ. Она построена изъ бамбука, покрыта пальмовыми лисьями, но въ ней видѣтъ какой-то порядокъ, какой-то вкусъ въ постройкѣ изъ матеріала столь

бѣднаго и дешеваго. Загляните во внутренность: нѣсколько мебели, нѣсколько грубо сдѣланныхъ образовъ Богоматери и свяиныхъ, Распяііе, запасъ домашній, кухонная посуда—вы чувствуете, что хозяинъ успѣлъ сберечь уже кое-что отъ работы, и употребилъ свой небольшой избытокъ по своему вкусу и по своимъ надобностямъ. Взгляните и на хозяевъ хижины: ничего лишняго въ ихъ одеждѣ. Съ неопшнупною сигаркою въ зубахъ, Тагалка набросила на свои волосы, поддержанные черепаховымъ гребнемъ, покрывало, закрывающее ихъ, и пошомъ развѣвающееся на плечахъ ея; канъзу изъ бѣлой шкани обхватило грудь ея, и оставило обнаженною часть шалии, кошорую обрисовываетъ полосатый камбай, падающій ниже колѣна. На камбаѣ окручивается понява, иногда вся одного цвѣта, но чаще полосатая; она выказываетъ формы шѣла, и придерживаетъ все одѣяніе Тагалки; родъ бабушъ, едва держащихся на обнаженныхъ ногахъ, дополняетъ нарядъ. Что касается до Тагала, одежда его Европейская, или почти Европейская. Видя его въ рубашкѣ, кошорая, какъ блуза, спущена на его паншалоны, въ легкомъ галсшучкѣ, въ войлочной шляпѣ съ толстыми полями, въ башмакахъ съ пряжками, какъ не подумать, что это просполоудинъ нашей южной Европы? Развѣ только шарфъ, или родъ *плада* (плаща), что накидываетъ онъ на плеча, дѣлаетъ небольшую разницу.

Тагалы, главные жишели Бидондо, суть шуземцы, кошорыхъ Испанцы нашли уже въ здѣшней обласши при самомъ началѣ ея завоеванія. Что они

были въ снгарину: Малайцы, Арабы, Индійцы, смѣшеніе всѣхъ эсихъ народовъ?—Этого никогда не изъяснятъ опдѣльно, и узнаютъ, можетъ бытъ, тогда только, когда найдутъ общій ключъ къ разгадкѣ происхожденія всѣхъ Океанійскихъ народовъ и племенъ. Тагалы владычествовали въ этой части Лусона во время появленія на рѣкѣ Пассигъ кораблей Жуана де-Сальседо, въ 1574 году. Съ этой опдаленной эпохи нравы Тагаловъ совершенно измѣнились, опъ сообщенія съ ихъ Европейскими повелителями. Препятствія, встрѣченныя для совершенія полной сплавки Европейцевъ съ туземцами на Азіатскомъ материкѣ, не существовали на островахъ Филиппинскихъ: у Тагаловъ не было, какъ было это у Индійцевъ, неизмѣняемой религіи, ставшей непреодолимою преградою между ними и ихъ завоевателями. Никакой религіозный фанатизмъ, никакое глубокое вѣрованіе, никогда не преобладали, какъ кажется, въ этомъ народѣ. Они приняли новую вѣру, какъ приняли-бы Исламизмъ, безъ принужденія, безъ преслѣдованія, безъ изувѣрнаго спраданія. Еще болѣе: всякая Испанская экспедиція считала тогда надъ собою двѣ различныя власти—*духовную и политическую*, но та, которая правила эпохою, которая все дѣлала въ Европѣ, была сильнѣе, дѣятельнѣе, имѣла болѣе вліянія и въ Индійскихъ колоніяхъ Испаніи. Духовные обрашили, образовали религіозно здѣшній народъ, не показавъ ему, даже предварительно, даже самыхъ первыхъ началъ Европейскаго образованія; учреждали приходы, не думая еще образовывать

области. Изъ такой системы вышло, что поколѣнія Тагалскія, подобно другимъ туземцамъ Лусона, сдѣлались полу-Испанскими, пошому, что религиозное дѣйствіе на народъ не скользишь на поверхности, но медленно и глубоко проникаешь въ душу, и уже ни чѣмъ не изглаживаешь. Туземцы заняли отъ своихъ покорителей важность, хладнокровіе, тяжесть, пониживость, презрость, такъ, какъ они заняли отъ нихъ вѣру, вѣрованія и обряды религиозные. На самомъ физическомъ складѣ ихъ опразилось Испанское завоеваніе, въ слѣдствіе-ли смѣшенія родственнаго, или даже по новымъ распорядкамъ домашняго и общественнаго быта. Въ Тагалѣ ошзывается нѣчто изъ Малайскаго шипа, такъ, какъ на островахъ Ява и Суматра; шоловище ихъ неспроино, крѣпко, лобъ малъ, носъ сплющенъ, скулы выдались, ротъ огромень, волосы черны, цвѣтъ шѣла мѣдный — и все это сушь опличія Малайской породы между Океанійскими племенами. Но въ лицѣ Тагала есь какое-то благородство и смѣлость; въ физіогноміи его есь, не знаю что-то такое, упреждающее въ пользу его, что ославляетъ его внѣ всякаго сравненія съ начальными родичами.

Большая часть Тагаловъ, видѣнныхъ нами, были въ войлочныхъ шляпахъ, но на головахъ иныхъ замѣчали мы *салакоты*, головную покрывку съ широкими полями, сплетенную изъ соломы, конической формы, и къ верху сведенную остреемъ, обдѣланную мѣдью, или спалью. Салакотъ вообще шляпа военная: убранный желѣзными полосками, и

крѣпко подвязанный внизу подбородка, онъ можеть защищать голову отъ сильнаго удара сабли.

Это шеземное населеніе, разсѣянное между другими въ Бидондо, явно сославляетъ одно изъ важныхъ пособій для дѣятельности и богатства города. Тутъ, вдоль судоходныхъ каналовъ, видишь лодки, управляемыя Тагальскими рабочими, и вотъ они-же тащатъ изъ лодокъ грузы, наполняя ими обширныя и богатныя кладовыя. Здѣсь Тагальскій плотникъ работаетъ попоромъ въ своей мастерской, и основа лодки, съ ея сквозными ребрами, показываетъ особенную способность его для подобныхъ работъ. Далѣе Тагальскій кузнецъ бьетъ молотомъ желѣзо; корзищикъ гнетъ камышъ для корзинъ; ткачъ выдѣлываетъ ткани изъ жилистой коры древесной. Во всемъ этомъ видны Тагалы ловкими и смелыми подражателями Европейскимъ ремесленникамъ.—Въ домикахъ ихъ, куда только мы ни заходили, насъ встрѣчали чрезвычайно какъ радушно. Ловкая, живая Тагалка, съ черными глазками, съ самою кокетливою уборкою головы, съ пріятною фигурою своею, поспѣшно бросалась, стараясь сколько можно лучше принять Европейскихъ посѣщителей. Она оставляла немолоченое сарачинское пшено, забывала домашнее хозяйство, спѣша предложить намъ пить и ѣсть. Если гдѣ заставали мы семейство за обѣдомъ, насъ почти принуждали садиться за столъ и раздѣлить непріхотливый обѣдъ. Сарачинское пшено съ перцомъ, рыба, овощи, у богатыхъ еще какая нибудь ушка — вотъ обыкновенная пища Тагаловъ.

Вода, кажется, ихъ единственное пище, хоть они любящъ крѣпкіе напитки. Всего болѣе удивили насъ при эсихъ посѣщеніяхъ огромнѣйшіе свершки табаку, служащіе для куренія цѣлому семейству; каждый куришь ихъ въ свою очередь, и эсихъ свершковъ во всякой хижинѣ такъ много, и они такъ огромны, что иной надобно, кажется, куришь нѣсколько недѣль. Огромныя сигары суть необходимые домашніе припасы, для развлеченія досуговъ Тагальской дамы. Однажды послужили онѣ для забавной шутки, кошую сыграли мапозы какого-то Французскаго фрегата, нѣсколько лѣтъ тому, съ курливыми Тагалками: огромнѣйшая сигара, въ нѣсколько фузовъ длиною, и соразмѣрной толщины, была пригошовлена насмѣшниками для шуточной маскарадной сцены. Устроивъ ее порядкомъ, насмѣшники отправились торжественнымъ шествіемъ по улицамъ Бидондо. Трое несли, какъ будто съ великимъ усиліемъ, исполинскую сигару, зажженную съ одного конца, а съ другаго конца шелъ мапозъ, одѣтый Тагалкою, въ камбаѣ и понявѣ, курилъ изо всѣхъ силъ, и пускалъ по воздуху спрашныя облака дыму. Тагалы смѣялись, но почтенныя супруги ихъ разсердились, и чуть было не вышло возмущенія между эшими раздраженными курильщицами.

Одаренные качествами характера болѣе лѣнивыми, нежели дѣятельными, Тагалы причастны до безумія одной слабости, кошая увлекаетъ и порабощаетъ ихъ всѣхъ: эшо спрашъ къ игрѣ. Европейское образованіе не научило еще ихъ ушон-

ченнымъ средсвамъ удовольстворяшь своей спраспи, и пошому она сосредоточивается для нихъ въ пѣшущемъ боѣ, при чемъ держашъ они самые безразсудные заклады. Надобно видѣшь, какъ при шакихъ случаяхъ, эти угрюмыя, важныя лица оживляющяся, безобразящяся, показывающъ совершенное изсипупленіе спраспи. Въ прогулкѣ нашей по Бидондо, въ двадцати мѣсахъ, несчастные пѣшухи, шерзавшіе одинъ другаго, увлекали вниманіе наше; но одно изъ этихъ явленій представило намъ особливо занимательное зрѣлище, по противоположности спорщиковъ: два хозяина двухъ пѣшуховъ сводили на опчаянный бой этихъ пернашихъ сподвижниковъ, и на распаленныхъ, заботливыхъ лицахъ самихъ хозяевъ выражались всѣ превожныя опасенія за сомнительную побѣду. Подлѣ, какъ закладчики, или просто какъ зрители, шѣснились еще четверо Тагаловъ, принимая жаркое участіе въ кровавой развязкѣ пѣшушиной драмы. Битва рѣшилась смершью одного изъ пернашихъ героевъ. Побѣжденный спорщикъ, кромѣ потери своего бойца, заплашилъ еще десяти реаловъ, цѣну заклада.

При всеобщей спраспи къ такимъ жестокимъ средсвамъ забавы, хорошій боецъ-пѣшухъ можетъ составишь богатство цѣлаго семейства Тагалскаго. Съ помощью убійственныхъ когшей его содержишя вся семья хозяйская; у хозяйки являющяся золошья и бусовыя ожерелья; у хозяина всегда изобиліе табаку. Пошому пѣшухъ нерѣдко бываешъ самымъ избалованнымъ любимцемъ цѣлаго хозяйства; Тагалъ предпочишаешъ его женѣ своей,

дѣшамъ, всему; ласкаешъ его безпрестанно, всегда носишъ его подъ рукою, идешъ-ли за дѣломъ, посѣщаешъ-ли своихъ знакомыхъ. Пѣшухъ сокровище его, товарищъ, господинъ — при жизни все даюшъ ему, плачушъ послѣ его смерти. Спрасишъ къ пѣшущимъ боямъ такова у жишелей Манилла, что Испанское правительствѣ получаетъ опъ нея довольно значительный доходъ. Сраженія пѣшуховъ бываюшъ зрѣлищемъ публичнымъ, чѣмъ-шо въ родѣ бывшъ Римскаго цирка. Главное внимательствѣ мѣснаго правленія состоишъ въ томъ, что для легчайшаго сбора подати устанавлены особенныя мѣста, гдѣ происходишъ любимое народное зрѣлище и опкрыша для пернатыхъ бойцовъ особенная, привилегированная арена. Здѣсь, когда наступишъ время побоища, особенный чиновникъ собираешъ при дверяхъ плашу за входъ, не съ чело-вѣка, но съ пѣшуха; плашашъ реалъ съ cadaго, если пѣшухъ не будетъ въ бою, и при, если его приносяшъ на драку. Надобно видѣшъ, какая шолна народа шѣснишъ на эши побоища, какое безмолвие пушъ сохраняется между зришелями, и что за бѣшенныя спраси оживляюшъ всѣ лица! Самый опчаянный *торреадоръ*, или герой воловьей бишвы въ Севиллѣ, или въ Мадридѣ, не возбуждаешъ въ Испанской публикѣ шоль шрепешныхъ ожиданій, шоль рѣзкаго движенія, шоль живой радости, какія побѣдоносный пѣшухъ производишъ въ публикѣ Тагальской. — Вошъ . . . поприще готово — шише! молчаніе! Вошъ, два противника, герои пѣшущаго рода — не изъ шѣхъ испорченныхъ поко-

лѣній, какими наполнены бывають задніе дворы нашихъ домовъ, не Султаны куриные, изнѣженные въ своихъ гаремахъ, предназначенные только для продолженія цыплячьихъ семействъ, нѣшъ — герои бивъ, крѣпкіе, сильные аплеши, пошомки крови чистой, неиспорченной примѣсю, съ дѣшсва пригошовленные на сраженіе, обреченные на жизнь воинскую и славную! Споръ идетъ важный. Вниманіе! Еще не пуская прошивниковъ одного на друга, пока они еще мѣряють другъ друга яркими глазами, посредники, выбранные изъ толпы присущсвующихъ, разсмапривають ихъ съ самымъ осторожнымъ безприсраспїемъ, взвѣшивають силы ихъ, сравнивають ихъ средства дѣйсвія, и какъ полновласные присяжные рѣшають: равна-ли и законна-ли будеть бивва, или естъ какое нибудь неравенство? Когда рѣшено, что избранныхъ пѣшуховъ можно пуспїи на сраженіе, хозяева привязываютъ имъ къ погамъ маленькія спальныя шпоры, длинныя, оспрыя, шонкія. При эшомъ пригошовленіи расшочаються пернашымъ героямъ послѣднія ласки и нѣжныя слова, вмѣстѣ съ словами побуждающими неукрошимыхъ гладіаторовъ на бивву неуступную. Наконецъ опредѣляютъ цѣну, раздвигаються на аренѣ, держащъ заклады, разсманавливаются, шакъ, чшобы всякому можно было слѣдовать взорами за каждымъ измѣненіемъ биввы. Знакъ поданъ — бойцы выпущены, перья ихъ щепинящся, гребни синѣють онъ злоспїи! Клювъ для нихъ такое оружіе, кошорымъ пренебрегаешъ опышнй пѣшухъ: поражая клювомъ, онъ подвергаетъ себя

опасности, не нанося ударовъ рѣшительныхъ. Лучшее пособіе пѣсуха въ спальныхъ шпорахъ его, оружіи придающимъ, но копораго цѣну понимаетъ онъ превосходно. Поэтому пѣсухи бросающіяся лапами впередъ, пока поражаютъ своихъ противниковъ, или сами упадутъ, пораженные ими. Раны, наносимыя поддѣльнымъ орудіемъ ихъ, бывающія жестоки и часто смертельны. Если бой продолжается нѣсколько времени безъ замѣтнаго преимущества съ той или съ другой стороны, опредѣляющія отдыхъ, чтобы сражающіеся могли немного отдохнуть; хозяева очищаютъ раны своихъ героевъ, вливаютъ въ горло усталыхъ бойцовъ немного теплаго, ароматическаго вина, и потомъ опять пускаютъ ихъ на арену, гдѣ схватывающіяся они съ удивительнымъ свирѣпствомъ. Когда одинъ изъ бойцовъ падаетъ наконецъ, хозяинъ побѣдителя забираетъ всѣ ставки денежныя, беретъ себѣ и пруть побѣжденнаго. Случается также иногда, что послѣ первой ошибки, если пѣсухъ замѣтилъ въ противникѣ своемъ несоразмѣрную силу, онъ оставляетъ поле битвы и бѣжитъ. Тутъ старающіяся его ворошить, возбуждаютъ, ободрить на сраженіе, но когда стараніе оказалось безуспѣшно два раза сряду, бой считается конченнымъ, и тогда пѣсухъ спрусь, объявляющійся проигравшимъ. Обыкновенно, пруть плашутъ за робость свою смертью отъ руки разъяреннаго хозяина.— Спроситъ къ пѣсушинымъ боямъ самый рѣзкій опытникъ характера Тагаловъ; кромѣ этого, все остальное въ нихъ блѣдно. Тоже должно

сказать о здѣшнихъ мешисахъ, смѣси Испанцевъ съ туземцами, поколѣніи еще болѣе посреднемъ и неопредѣленномъ. Мешисы вообще занимающія здѣсь земледѣліемъ и торговлею. Будучи дѣяшнѣе и хитрѣе креоловъ, они обираютъ ихъ во всѣхъ обмѣнахъ и промыслахъ; они успѣли образовавъ здѣсь сахарные заводы, соперничающіе съ Бенгальскими, захватили торгъ всѣми припасами въ Манилла, и раздѣлили всю морскую торговлю съ Китайцами и немногими Европейскими купеческими домами. Мешисы здѣшніе вообще складны, росшавыше средняго, съ чертами лицъ правильными и выразительными. Что касается до женщинъ этой породы, онѣ бывающъ такъ хороши, что выдерживаютъ сравненіе съ самыми прелестными Андалузками; ловкія, пріятныя, черноглазые, съ маленькими ножками, онѣ нравятся вообще, и не щеряющъ, если разсматривающъ отдѣльно красоту ихъ.

Мешисы, торговцы Испанскіе, нѣсколько Англичанъ, Французовъ, Португальцевъ, Американцевъ и Голландцевъ—вошъ всѣ ошличія обиташелей Бидондо, кромѣ Тагаловъ, и не считая еще Китайцевъ, самыхъ дѣяшнѣе двигашелей здѣшней промышленности и одного изъ главныхъ основаній здѣшняго народонаселенія. У Манильскихъ Китайцевъ, какъ вездѣ въ чужеземныхъ городахъ, гдѣ поселяющіяся Китайцы, есть свое отдѣленіе города, съ широкими, прохладными улицами, протянутыми по берегу рѣки Пассигъ. Дома, построенные отчаспи изъ бамбука, отчаспи изъ камня, покрывающіяся оспроконечными крышами, съ

деревяннымъ украшеніемъ на верху, въ видѣ желѣза аллебарды. Иногда такой домъ украшенъ живописью снаружи; иногда бываетъ при немъ галерея съ подвижными закрышками, какъ у Испанскихъ домовъ въ Манилла. Въ нижнемъ этажѣ Китайскаго жилища обыкновенно находится магазинъ, или, лучше сказать, лавка, гдѣ всякіе товары Азіи и Европы раскладываются съ умѣньемъ продать товаръ лицомъ, не уступаящимъ умѣнью лучшихъ Парижскихъ магазинщиковъ. Нигдѣ не найдете даже съѣстныхъ припасовъ, предлагаемыхъ съ такою утонченною опрятностью; нигдѣ не увидите болѣе щегольства въ выказываніи товара, болѣе ловкости въ продажѣ, болѣе обольщенія въ уборкѣ лавки торговца.

Между Китайцами здѣшними есть люди всякихъ званій и сословій, начиная съ богатаго корабле-хозяина, опущающаго и получающаго въ годъ по пяти, по шести жонкъ, или *кампановъ*, имѣющаго магазины, набиные товаромъ, богатый споль и щегольской домъ, до бѣднаго водоноса, копорый едва пропитывается небольшою добычею, довольствуется въ день горстью пшена, и проводитъ ночь въ какой нибудь гнилой лодкѣ. Китайцы, какъ вездѣ, все захватили въ Манилла. Прежде, по самому ошибочному расчету, имъ запрещали заниматься обработкою земель, но кромѣ этого, они дѣлали все, или почти все. Теперь Китаецъ свободно можетъ быть земледѣльцемъ, купцомъ, маклеромъ, мѣлочникомъ, опшовщикомъ, ремесленникомъ, фабрикантомъ. Какъ всѣ пересе-

ленцы на чужбину, Кипайцы оспаютсь здѣсь вѣрны своей непоколебимой общественности, и помогающъ взаимно другъ другу. Почти всѣ неженатые, пошому, что женщины не переселяющся съ мужчинами изъ Кипая, они живутъ иногда съ Тагалками писшихъ званій, кошорыя превозмогающъ свое опращеніе къ эшимъ язычникамъ. Когда религіозная власъ была здѣсь сильнѣе, въ Манилла не позволяли посшояннаго жшшельства Кипайцу, если онъ не принималъ хрисіанской вѣры, и еще весьма недавно опказались здѣсь опъ эшой неперпимости, производившей умноженіе не хрисіанъ, но ренегашовъ. Впрочемъ, принужденіе совѣсти едвали не всегда забошило Кипайцевъ гораздо менѣе, нежели подашныя и пошлинныя припязанія Испанскаго правшшельства. Прошивъ эшого промышленнаго и шерпѣливаго народа принята была сисшема строгаго управленія, довольно походившая на произвольныя припязанія, какими шерзали Жидовъ въ Европѣ въ Среднія времена. Недовѣрчивость, ненависъ, жадное корыстшлюбіе, попеременно и все вмѣстѣ, мучили несчастныхъ переселенцевъ съ Кипайскаго маперика. Даже и нынѣ, чущъ Генераль-Капишанъ замѣшипъ, что Кипайское народонаселеніе усилилось и разбогатѣло, подъ покровомъ временной шерпимости, онъ вдругъ объявляетъ какой нибудь нелѣпый налогъ, поголовную плату, или подашъ общую, кошорую каждый долженъ взнести неперемѣнно. Кто богаче, шощъ опдѣляется деньгами—бѣдняковъ сажашъ на цѣпъ и употребляющъ на казенную заработку, и не всегда

переносяшъ они подобныя испытанія — умираюшъ , либо бѣгушъ, если успѣюшъ.

Городъ шорговый , Бидондо , не похвасшаетъ публичными зданіями. Церквей и монастырей здѣсь меньше , нежели обыкновенно бываетъ въ Испанскомъ городѣ. Церковь св. Себастіана , изъ коной Англичане стрѣляли по Манилла , въ 1762 году , счищается соборною. Подлѣ нея , на берегу Пассига, мы видѣли развалины, нѣкогда сославлявшія , кажется , какое-то спаринное и огромное строеніе ; волны рѣки омывають ряды аркъ , и подъ сводами ихъ видно множество обширныхъ помѣщеній , между шѣмъ , какъ верхняя терраса показываетъ обломки зданія еще болѣе значительнаго.

Отсюда оправились мы на Королевскую сигарочную фабрику. Манильскія сигары пользуются въ Индіи, и даже въ Европѣ, большою и заслуженною извѣстностію. Послѣ Гаванна , споль знаменитаго между любителями сигаръ , Манилла занимаетъ первое мѣсто по производству ихъ. Пошому пребываніе на сигары здѣшнія дѣлается годъ опъ году значительнѣе, и Бидондская фабрика даже не успѣваетъ всѣ выполнять. Въ обширныхъ залахъ фабрики увидѣли мы 1500 мужчинъ и 3000 женщинъ занятыхъ работою ; шущъ обрѣзывали , перебирали , разбирали табакъ. Женщины , почти все молодыя Тагалки , и многія очень недурны , спояшъ длинными рядами , согнувшись за своимъ занятіемъ, набиваютъ крошеный табакъ въ опборные мокрые лиспочки, обрѣзанные по размѣру , и

когда сигарка скапана и гопова, облѣпливають кончики ея гуммью. При каждомъ опдѣленіи находилъ надзирашельница; она пересмашириваетъ всякую сигарку, прежде нежели вяжутъ ихъ въ пучки по тридцати по двѣ; попомъ паковальщикъ убираетъ связанные пучки въ ящики и полуящики, по 4000 и по 500 сигарокъ въ каждомъ. Всего болѣе удивили насъ въ этой смѣшанной толпѣ мужчинъ и женщинъ порядокъ и благоприсойность, строго наблюдаемые. Дѣвушки и женщины работаютъ здѣсь раздѣляясь по семействамъ, и опъ того происходилъ ежеминутный надзоръ старшихъ за поведениемъ младшихъ. Не думайте при томъ, чтобы работницы принадлежали къ нисшимъ званіямъ прослоюдинокъ: сюда приходятъ иногда Тагалки и мешиски даже довольно досташочнаго состоянія.

Намъ надобно было еще со многими видѣться въ Бидондо, но поѣздки наши по этому обширному городу и споль многое, что хотѣлось намъ разсмаширивать, такъ завлекли насъ, что только вечеромъ вспомнили мы о нашихъ визишахъ. Барону не хотѣлось идти къ кому-бы то ни было во время обѣда, и навязывавъ на чужой споль съ нашимъ аппешипомъ, а домашній обѣдъ былъ опъ насъ такъ далеко. Мы рѣшились обѣдать у Кишайца, копорый держитъ здѣсь родъ шракшира, и Кишаецъ угоспилъ насъ, какъ умѣлъ лучше. Съ роду моего не видывалъ я до такой степени рубленаго, перемѣшаннаго, залишаго въ соусы мяса разныхъ родовъ! Совершенство повареннаго искусства у Кишайцевъ состоитъ въ закрытіи сущности каж-

даго кушанья, такъ, чтобы ни коимъ образомъ невозможно было узнать, что такое вы ѣдите. Дѣйствительно, по нѣскольку разъ опробовывали мы инныя блюда, стараясь распознать, что это такое, мясо, или рыба? Безъ огромной пирамиды сарачинскаго пшена, намъ пришлось-бы вспасть изъ-за обѣда голоднымъ.

Былъ уже вечеръ, когда мы управились съ Китайскимъ обѣдомъ. Вечерній вѣтерокъ освѣжалъ воздухъ; пыль, увлажненная его прохладою, не поднималась густымъ шуманомъ, и прелесныя окрестности видны были все, какъ будто разноцвѣтный коверъ, разоспанный кругомъ города. Зеленъ сарачинскаго пшена опдѣлялась яркими полосами опъ мрачной зелени пальмъ, манговъ и померанцевъ. Баронъ былъ въ восторгѣ опъ этого зрѣлища природы, обильной и роскошной. «Что-же, поѣдемъ посмотрѣть на все это поближе» — сказалъ я Барону. Цѣлый часъ кашались мы пошомъ по дорожкамъ, опбняемымъ густыми сводами лиспьевъ, мимо Тагальскихъ хижинъ, населенныхъ веселымъ народомъ, и видѣли даже загородный домъ Генераль-Капипана, строеніе печальное и незначительное, какъ его Манильскіе черпоги. Все-го болѣе изумляло насъ въ нашей прогулкѣ то, что мы не встрѣтили шумъ ни одного горожанина, хотя были почти подлѣ городскихъ воротъ, а мѣстоположеніе въ этой сторонѣ являлось очаровательное, воздухъ вѣялъ шепломъ и благово-ніемъ, и дороги были превосходны. Съ удивленіемъ спросилъ я объ этомъ у нашего кучера. «Эхъ,

М. Г.,» отвѣчалъ онъ, «вошъ и видно, что вы поль-
ко со вчерашняго дня въ Манилла! Богъ знаетъ съ
чего, вздумалось вамъ ѣздить въ такой споронѣ,
куда не ѣздить прогуливаясь ни одинъ порядоч-
ный человѣкъ!»—Почему-же?—«Да, такъ ужъ заве-
дено, чтобы ѣздить не здѣсь, а шамъ, по крѣпост-
ному гласису.»—Вези-жъ насъ туда—вскричалъ Ба-
ронъ. Хладнокровно повернулъ карешу свою нашъ
возница, и черезъ полчаса мы пріѣхали на гулянье
свѣшскихъ людей Манилла. Передъ нами открылась
безплодная и нагая площадка крѣпости, мѣсто со-
всѣмъ открытое, вдоль залива, и во времена ура-
гановъ заливаемое солеными волнами моря. Длин-
ною цѣпью тянулись здѣсь экипажи. Всякій гидаль-
го благороднаго города, всякій чиновникъ, захав-
шій сюда изъ-за морей, алькады, креолы, Европей-
скіе купцы, мешисы, и даже богаше Тагалы и
Китайцы, каждый вечеръ выѣзжающъ на эшо скуч-
ное гулянье, щеголяющъ своими экипажами. Эшо
Манильское *корсо*, единственное мѣсто общаго
свиданія здѣшняго большого свѣша. Тутъ мужчины
курятъ свои сигары, женщины пересуживающъ и
заводящъ шашни. Мы пріѣхали уже слишкомъ позд-
но, но видѣли еще карешъ сошню, и въ одной
изъ нихъ явилась намъ донна Ареллано, улыбаясь
и кокетствуя съ знакомыми. Она ласково привѣш-
ствовала насъ своимъ вѣромъ; мужъ ея не замѣ-
шилъ насъ.

ГЛАВА XXX.

ЛУСОНЬ. ПОѢЗДКА ПО ОСТРОВУ. ОБЛАСТЬ ИЛОКО.
ПЕЩЕРА СВ. МАТѢІЯ. ОЗЕРО ЛАГУНСКОЕ.

На слѣдующее утро, когда мы сошлись за завтракомъ, меня удивилъ разсѣянный видъ Барона. Онъ былъ занятъ, задумчивъ, говорилъ мало, и не начиналъ даже разговора о томъ, какъ расположить намъ день, что обыкновенно опредѣляли мы по ушрамъ съ общаго согласія. Тогдашъ догадался я, что ему хочется быть одному, и спѣшилъ предупредить его желаніе. «Мнѣ необходимо повидаться съ землякомъ, негоціантомъ В***—сказалъ я—у меня есть къ нему рекомендацельныя письма. Извините меня, любезный Баронъ, если я разсѣянусь съ вами на нѣсколько часовъ.»—Прошу безъ принужденій! Долгъ приличій всегда исполнять надобно прежде всего—оповѣчалъ Баронъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ—и припомъ на Испанское гостепріимство, видно, не лзя надѣяться. Французъ, вѣроятно, обласкаетъ васъ, и вы позво-

лише мнѣ попомъ также познакомишься съ добрымъ пріятелемъ вашимъ. — Я засмѣялся ; мы разсѣлись, и я отправился въ Бидондо видѣться съ земляками , на адреса копорыхъ Верже надавалъ мнѣ самыхъ дружескихъ писемъ. Пріятель его В*** былъ изъ первыхъ, кого посѣтилъ я. Онъ занималъ въ Бидондо обширный , богатый домъ , и толпа служишелей дѣшательно оживляла его жилище. Во дворѣ, въ магазинахъ можно было замѣтить порядокъ и зажиточность хозяина ; вездѣ были видны слѣды дѣшательныхъ рукъ и умнаго надзора. Какое сравненіе эшой прудолубивой маленькой колоніи съ лѣнивымъ и беспечнымъ распорядкомъ въ конторѣ и магазинѣ Испанскаго негоціанта ! Нисколько не удивлюсь , если услышу черезъ нѣсколько лѣтъ попомъ , что всѣ выгодныя дѣла въ Манилла перешли въ руки какихъ нибудь десятковъ двухъ чужеземцевъ , принявшихъ посредничество между лѣнью и беспечносью здѣшнихъ Испанскихъ жителей.

Земляки мои приняли меня съ опшверзшими объятіями. Пріѣзжій Французъ вообще большая рѣдкость въ Манилла , и пошчасъ расположено было угощать меня обѣдами, концерсами, балами. Мнѣ показали Эраровы форшепіано , романсы Брюгьера и Пансерона , кучу Европейскихъ журналовъ , гдѣ могъ я узнатьъ всѣ новости нашего Парижа, нашей Франціи—все дышало милою родиною въ домѣ добраго моего земляка ! Назовише меня ребенкомъ , но—я признаюсь, что эшо почти до слезъ разпростало меня , и я не шуша заплакалъ-бы , если-бы не

побоялся казаться слишком санпименпальнымъ путешественникомъ , при поспороннихъ свидѣн-
 ляхъ. Никакъ не оппустили меня безъ завпрака ;
 попомъ я долженъ былъ осмопрѣть все любопыш-
 ное у моихъ добрыхъ хозяевъ—ихъ магазины, *пон-
 тины* , или суда , упопрѣбляемыя для прибрежнаго
 плаванья, ихъ лавки и хозяйсво. Все это заняло
 меня нѣсколько часовъ , и мое описисвѣе было
 шакъ продолжительно, что Баронъ имѣлъ доволь-
 но времени привесшъ въ исполненіе свои скрыш-
 ные планы. Когда ворошился я къ нему , дѣйсви-
 тельно, онъ все уже успѣлъ сдѣлать, и я заспалъ
 его совершенно распроеннаго. Опрометью бро-
 сился онъ на вспрѣчу. « Мнѣ надобно поговорить
 съ вами, добрый шоварищъ,» сказалъ онъ. «Что мнѣ
 теперъ начашъ ? Вообразите—я сдѣлалъ глупость
 величайшую, непросиштельную въ мои годы—дура-
 чесво, ребячесво! Мнѣ вздумалось посѣшить дон-
 ну Ареллано.»... — И вы исполнили эту странную
 прихощъ, Баронъ?—«Да, но, право—это было шоль-
 ко любопышсво , шакъ , вздоръ—и какія-же слѣд-
 сшвія ! Чупъ было не причинилъ я возмущенія въ
 благородномъ городѣ. Посѣщашъ жену, когда мужа
 ея нѣшъ дома , посѣщашъ въ десяшъ часовъ ушра ,
 публично? Такой соблазнъ случился, говоряшъ , въ
 первый разъ съ самага основанія великолѣпнаго
 Манилла. Едва явился я въ домъ благороднаго
 дона—надобно было видѣшъ , что за ужасъ рас-
 просиранился по всему дому! Разумѣешся, мнѣ было
 опказано , и каждый изъ домашнихъ скорѣ легъ-
 бы на мѣсшъ, нежели допустилъ меня увидѣшъ его

благородную госпожу, и—Богъ знаетъ, что заговорили, чѣмъ прославили меня повсюду!»—Да, неужели вы такъ худо знали Манилла, Баронъ? Какъ это можно: позволять себѣ такія шушки съ Испанцемъ!—«Что-жъ теперь дѣлать? Тсинъ-Фангъ будетъ гошовъ еще только черезъ нѣсколько дней—надобно покаместъ бѣжать куда нибудь.» . . — Ксшати: поншинъ моего земляка отправляется сегодня вечеромъ въ область Илоко. Поѣдемте туда, и пусть переговаряютъ и позабудутъ между тѣмъ въ общеспівахъ великолѣпныхъ доновъ о вашей непростительной шалости.

Баронъ съ радостью согласился. На другой день поуспру мы были уже въ гавани *Каньокао*, и пустились по Виганской дорогѣ, къ главному городку Илокоской области. Видъ мѣстъ, по которымъ проѣзжали мы, соотвѣтствовалъ молвѣ о плодоносіи и богатствѣ здѣшней спороны. Виганская *кабессера* соснавляется изъ пяти мѣстечекъ, одно близъ другаго. *Виганъ* главнѣйшее изъ нихъ, мѣстопробываніе епископа и алькада, управляющихъ всею областью Илоко. Дорога наша къ этой областной столице шла по шоссе, превосходно содержимому, съ обѣихъ сторонъ окруженному богатыми пажиями сарачинскаго пшена, и обсаженному по краямъ прекрасными деревьями, въ полной силѣ пропическаго произраспанія. Добрые земляки мои предварительно обо всемъ позаботились для нашего спокойствія; мы должны были остановиться по ихъ желанію у самого алькада. На сей разъ мы не зашли этого чиновника дома; онъ былъ въ разъ-

ѣздѣ; мы отправились по слѣдамъ его, и нашли ласковаго правителя въ Павойе, лежащемъ ошъ Вигана на сѣверъ.

Насъ ласково приняли въ этомъ городкѣ, одномъ изъ самыхъ значительныхъ здѣшней обласпи, и даже радушно угостили насъ праздникомъ по здѣшнему обычаю. Праздникъ начался появленіемъ женскаго полка, изъ двухъ сотъ молодыхъ дѣвушекъ, весьма опрятно одѣтыхъ, и не старше 13, 14-ти лѣтъ. Построясь правильными рядами, эти *balasas* (дѣвы) производили разныя военныя экзерциціи деревянными ружьями. Оружіе было неопасно, но маршируя подъ звуки барабана, воинственницы показали ловкость удивительную. Алькадъ не могъ располковать намъ ни начала, ни пользы шакаго обычая шужемцевъ, ни того, на какую войну готовились новыя Амазонки. «Такъ ужъ изстари здѣсь заведено» — сказалъ онъ. Послѣ дѣвушекъ явились мальчики, и въ свой чередъ представили разныя воинскія игры, дѣйствуя луками и стрѣлами. Послѣ полудня былъ приготовленъ большой обѣдъ, а пошомъ были комедія и музыка. Сполъ посшавленъ былъ подъ открытымъ небомъ, въ шѣни великолѣпныхъ померанцевыхъ деревьевъ. Насъ сѣло всего шестеро, и пшдешать служителей бѣгали вокругъ насъ и услуживали намъ—одни подавая кушанья, другіе наливая пить, прешьи гоняя прочъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Невозможно исчислишь всѣхъ кушаньевъ, которыя намъ подавали—оленину, шеляшину, говядину, свинину, баранину, цыплятъ, куриць — по крайней мѣрѣ, сто

различныхъ блюдъ, чшобы не сказашь болѣе, являлось на столѣ; только все это было пригото-
влено такъ спрранно, такъ набишо пряноснями,
перцемъ, примѣсью приправъ Испанскихъ, Индѣй-
скихъ, Китайскихъ и Малайскихъ, что благора-
зуміе заспавляло насъ почти ошъ всего воз-
держиваься. За то мы лакомились хлѣбомъ, бѣ-
лымъ и превосходнымъ, первымъ и единспвеннымъ
хлѣбомъ, изъ видѣнныхъ мною въ Азіи. — Во все
время обѣда не переставалъ играть скрипучій и
оглушающій оркестръ. За шѣмъ слѣдовалъ дѣтскій
балъ, и наконецъ пляска дикихъ *Тангіановъ*, пле-
мени, обитающаго въ сѣверной споронѣ Лусона.
Ее пляшутъ мужчины и женщины вмѣспѣ, изобра-
жая воинскія движенія, съ саблями въ рукахъ. Пля-
суны почти наги, но плясуньи всѣ одѣшны въ плашья,
довольно благопристойныя. Съ наступленіемъ ночи,
ошкрылась комедія. Пьеса была, вѣрояшно, произ-
веденіе какого нибудь знамениаго Илокоскаго
Мольера, пошому, что публика хохотала безпре-
спанно. Завязка состояла въ томъ, что какой-то
Кипаецъ, шрусъ и скупяга, волочился за хоро-
шенькою Тагалкою; разумѣется, ему не ошвѣчали
любовью, но, съ согласія мужа, Тагалка заводила
любовника въ запрудненія, съ большою ловкостью
и превосходнымъ кокешспвомъ. Надобно наконецъ
выкупиться ошъ сердитаго мужа, и, поспавленный
между ревностью и скупостью, Кипаецъ не знаетъ
что дѣлашь, колеблется, шакъ, что это служишь
поводомъ къ забавнымъ сценамъ, и все оканчивает-
ся къ спрашной досадѣ его.

Городокъ *Павоге*, гдѣ такъ роскошно угощали насъ, считаешь до 48,000 жителей. Въ городѣ *Батакѣ* находишься до 24,000. Оба эти мѣста богаты хлопчатой бумагой и сарачинскимъ пшеномъ.

Вообще алькадспво, или область, Илокое лучше изъ всѣхъ, находящихся на Филиппинскихъ оспровахъ; въ немъ считается до 320,000 жителей, включая сюда 40,000 Тангіановъ, которымъ Испанія оставляетъ политическую и религіозную независимость, получая съ нихъ небольшую дань.

Складные и красивые, Илокосцы одѣваются на манеръ Тагаловъ, но только доводятъ роскошь одежды до того, что по воскресеньямъ надѣваятъ на себя жилеты изъ черной шелковой ткани. По деревнямъ встрѣчали мы ихъ одѣтыхъ еще въ какую-то корешковую епанечку, покрывшую соломой, съ шароварами, убранными такимъ-же образомъ, такъ, что иного Илокосца можно было почестъ ходячимъ улемъ. Женщины одѣваются весьма просто: канезу, камбай, понява, все это надѣтое по Манильски, составляетъ одежду ихъ. На головѣ Илокосцы носятъ салакопы, и ходятъ почти всегда босоногіе.

Смышленные и дѣлательные, шуземцы здѣшніе занимаются обрабошкой шелка и хлопчатой бумаги. Они выдѣлываютъ ткань легкую, яркихъ цвѣтовъ, употребляемую женщинами на понявы. Здѣшній хлопокъ доброшы превосходной, и Кишайцы предпочитаютъ его Бомбайскому. Кромѣ тонкихъ тканей, выработка которыхъ заведена здѣсь мо-

нахомъ, священникомъ въ Батакѣ, рабошають еще шкань для парусовъ и дорогія одѣяла.

Лошади Илокоской обласпи малорослы, но сильны, хороши, и ихъ шакъ много, что въ иныхъ деревняхъ счишають по при на каждого жишеля. Жилища Илокосцевъ построены изъ бамбука; будучи пространіе Тагальскихъ, они шакже представляють видъ общаго довольства между обитателями.

Алькадъ Илокоскій начальствуешъ надъ всѣми *capitanes del pueblo*, или правителями городовъ; онъ назначаешъ и смѣняешъ ихъ, рѣшаешъ всѣ мѣспныя спяжбы, хошя спяжущіеся имѣють право брашъ апелляціи въ Великую Аудіэнцію Манильскую. Такія важныя преимущесства дѣлають алькада маленькимъ деспотомъ, и если онъ друженъ съ духовнымъ правителемъ обласпи, то можешъ управляшъ всѣмъ и брашъ все, какъ ему угодно. При маленькомъ жалованьѣ онъ правительства, алькады находяшъ средства получашъ онъ мѣспныхъ своихъ огромные доходы. Обыкновенно имъ, по привычкѣ, или изъ опасенія, продающся всѣ земельческія сборки, и по шакой цѣнѣ, что послѣ наспоющей продажи, въ рукахъ алькадовъ оспающся величайшіе барыши.

Послѣ небольшой оспановки въ Илокоской обласпи, мы возврашились на приморье. Поншинъ былъ уже совсѣмъ нагруженъ, и мы пустились на немъ обратно, держась около береговъ. Не обходя еще мыса, замыкающаго къ сѣверу Манильскій заливъ, мы проплыли мимо побережья *Маривельскаго*, гдѣ,

по разсказамъ Ренуара де-Сеншъ-Круа, можно видѣть любопытное физиологическое явленіе. Тупѣ , при подошвѣ горы, говоришъ онъ, вы найдете человека, дряхлѣющаго почти въ колыбели. Жишели этого мѣста шакъ рано приходятъ въ полный возрастъ, что едва по числу лѣтъ достигнутъ юноши, какъ уже сшановяшся дряхлыми спариками. Самое обыкновенное дѣло здѣсь видѣть дѣвушекъ десяти, одиннадцати лѣтъ уже маперями, а другихъ, кошорыя совершенно упомлены жизнью въ 18-ть лѣтъ; мужчины спарѣются немного медленнѣе женщинъ. Не лзя приписать этого, по замѣчанію Сеншъ-Круа, ничему другому, кромѣ свойствъ земли, и воды, пекущей съ горъ, при обыкновенно жаркомъ здѣшнемъ климатѣ, кошорый въ Маривелѣ непрерывно замѣняется сильною прохладою. Жишели здѣшніе переходятъ постоянно отъ 15° термометра къ 33°, а потомъ опять къ 14°, не минуемо каждый вечеръ, въ Маривелѣ идетъ дождь, шакъ, что шѣло человека находишся въ непрерывныхъ измѣненіяхъ тепла и холода, что естественнo должно оканчивашся быспрымъ испощеніемъ силъ его. Человѣкъ развиваешся здѣсь шакъ скоро, что всѣ десяти-мѣсячныя дѣти уже ходятъ и говорятъ. Всего изумительнѣе видѣть такой измѣненный образъ человека, когда повсюду на Филиппинскихъ оспровахъ, кромѣ Маривеля, народъ красивъ и здоровъ опмѣнно. Проходя близко мимо любопытнаго мѣста, можно было имѣть случай повѣришъ спранное явленіе природы, о кошоромъ благоразуміе велишъ еще сомнѣвашся, но

западный вѣтеръ крѣпчалъ, и нашъ корабельщикъ не хошѣлъ бытъ попомъ задержанъ имъ близъ берега; онъ спѣшилъ обогнуть мысъ и направишся прямо по заливу къ Манилла.

На возвращеніи пуши, положили мы съ Барономъ продолжашъ наши поѣздки. Внимательные къ доставленію намъ всякихъ удовольствій, земляки мои расположили для насъ планъ новаго пушешествія по острову: мы должны были прежде всего осмотрѣть пещеру *San-Matéo* (св. Матеіа), чудо здѣшней спороны; попомъ посѣтивъ Французскаго колониста г-на Жироньера, хозяина превосходной плантаціи, расположенной на берегахъ обширнаго озера во внутренней обласпи, называемаго *Лагуна* (la Laguna). Въ томъ-же день пуспились мы къ знаменистой пещерѣ, переправясь черезъ Пассигъ при Санъ-Педро-Маккапи, а отсюда взявъ дорогу, черезъ плодоносныя горы, къ Маи-Бонго. Мы ѣхали на маленькихъ, но рѣшивыхъ и сильныхъ лошадакахъ пуземныхъ. У лошадей этихъ почти одна шолько посшупъ, *Испанскій шагъ*, *sobro passo*, родъ иноходи, скорой и спокойной. Два Тагальскіе служители слѣдовали за нами пѣшкомъ.

Произраспаніе здѣшнихъ гориспыхъ обласпей являлось намъ богатымъ и прекраснымъ, не смошря на пуши *langostas*, родъ саранчи, пожиравшей не шолько праву, но даже деревья. — Первый городокъ, встрѣченный нами по дорогѣ, былъ *Маи-Бонго*, прелесно разбросанный по обѣимъ споронамъ пуши, среди опушки густыми деревьями. Попомъ явился *Марія-Кина*, на берегу Нанка, значитель-

ный городокъ, съ 9000 жишелей, мирное пребываніе пуземнаго священника; наконецъ, одну льё далѣе, на крушомъ берегу шой-же рѣки, показался *Санъ-Матео*, гдѣ надобно было ночевать. Здѣсь жишелей не болѣе 4000, но съ Манилла производися важный торгъ спроевымъ лѣсомъ. Наиболѣе предпочитаютъ изъ соршовъ здѣшняго лѣса дерево *tolavé*, такъ сильно проникнутое кислымъ сокомъ, что насѣкомыя не прогають его. Бревна эшого дерева, срубленныя и упошребленныя за 200 лѣшъ, кажутся споль свѣжи, какъ будто шопоръ шолько что вчера опдѣлилъ ихъ опъ корней. Для доставленія въ Манилла, сбрасываютъ эши бревна въ Нанка, и по водамъ ея сплавливаютъ ихъ, связанные плошами, до впаденія въ рѣку Пассигъ.

Пещера, цѣль нашего пушесешвія, находилась на часъ ѣзды опъ города. Превосходною дорогою прибыли мы къ ея подошвѣ, и опсюда, по горной пропинкѣ къ ея подземному входу. Невозможно изобразить красоны зрѣлища, кошорое раскрылось шогда передъ нашими взорами: цѣпь ближнихъ холмовъ скрывала опъ насъ море; лѣсною рамкою обведена была каршина, но въ эшой рамкѣ, что за богашья, чудныя красоны, что за полноша въ эшой долинѣ, съ эшою рѣкою, разоспланною серебриснымъ ковромъ, съ эшими лѣсистыми вершинами, съ эшими покашосьями — что за дивная гора, со всею роскошью жаркой пропиической природы!

Едва подошли мы ко входу пещеры — шуча летучихъ мышей выпорхнула на встрѣчу намъ. При

этомъ нападеніи надобно было видѣть бѣдныхъ нашихъ Тагаловъ, какъ они бросились ницѣ-лицомъ на землю, въ испугѣ крича, что *ноно* (злые духи), обитающіе въ пещерѣ, выпускаютъ на насъ свои страшные легіоны! Никакими убѣжденіями не возможно было склонить потомъ эшихъ бѣдняковъ слѣдовать за нами въ самую пещеру; они остались у входа, молясь за насъ, и думая, что покажутъ уже довольно опваги, если просянутъ въ темноту ея руки съ смоляными факелами, чтобы освѣтить намъ во мракѣ. Мы взяли факелы и вдвоемъ съ Барономъ вошли въ пещеру, прошли по всему ея пространству, и не видали даже ни одного маленькаго гада, который могъ-бы оправдывать страхъ, внушаемый пещерою окрестнымъ жителямъ. Путь пещеры составлялъ до 2000 шаговъ длины, при высотѣ весьма различной. Полъ пещеры составляютъ земля и камень, пересѣкаясь грязными болошами, куда чуть не уходили мы по поясъ. Впрочемъ, такъ мало неровностей, такъ мало окаменѣлостей въ этомъ подземельѣ, что сообразивъ все, пещера не стоила великой славы, какою пользуется въ Манилла. Напрасно старались мы, по возвращеніи, вразумить нашихъ проводниковъ, рассказывая имъ все видѣнное; они почти не слушали насъ. Когда мы говорили о совершенной необитаемости пещеры—они начинали исчислять всѣхъ злыхъ духовъ, видѣнныхъ въ ней прежде насъ другими посѣщителями; когда мы увѣряли ихъ, что пещера едва-ли простирается на 2000 шаговъ — они улыбались недовѣрчиво,

и ушверждали, что пещера проходитъ далеко сквозь землю, что по ней весьма недалеко отъ Кишай, и что славный пиратъ Кишайскій Лимагонъ обыкновенно проходилъ изъ Формоза въ Манилла эшою сокращенною дорогою.

Близъ горъ Санъ-Машео, въ прехъ льё отъ Манилла, пролегаетъ одна изъ границъ Испанскихъ владѣній на Лусонѣ. Земли далѣе не обозрѣны донынѣ, и оставлены дикимъ шужемцамъ, занимающимъ самыя возвышенныя мѣста въ горахъ. Тагалы называютъ здѣшнихъ дикарей *Игорото* и *Негрито*. Ловкіе на охотѣ, Негришо приходятъ иногда въ Санъ-Машео, мѣнявъ дичь на пшено; они совершенно нагіе; только закрываютъ средину шѣла банановою корою, и легко говорятъ по-Тагальски.

Краская, но любопытная поѣздка разохошила насъ на дальнѣйшія прогулки. Путешествіе къ Лагунскому озеру обѣщало намъ гораздо болѣе любопытнаго, нежели мы встрѣтили здѣсь. Изъ Бидондо поплыли мы въ лодкѣ, управляемой сильными Тагалами, но и они едва могли держаться прошивъ быстраго теченія. Въ первый еще разъ могли мы подробнѣе разсмотрѣть берега Пассига. Направо и налево убѣгали отъ насъ дома предмѣстія, отражаясь въ водахъ рѣки; мы любовались къ сторонѣ Бидондо прекрасными домашними купальнями, построенными въ самой рѣкѣ, для каждаго дома и каждаго семейства. Когда Манилла осмался далеко, и его колокольни и укрѣпленія исчезли изъ глазъ, окрестности развернулись передъ нами въ мѣстоположеніяхъ очаровательныхъ,

въ пажишихъ сарачинскаго пшена, колеблемыхъ вѣ-
 шеркомъ, рошицахъ пальмъ и бамбука, хижинахъ
 шужемцевъ, съ ихъ оспрыми кровлями, съ ихъ пле-
 шеными основаніями, повѣшенными на воздухъ. Въ
 волнахъ, увлекавшихъ нашу лодку, пысячи нагру-
 женныхъ и порожнихъ лодокъ лепѣли по теченію,
 или шли прошивъ него; куда мы ни оглядывались,
 всюду шумъ, жизнь, шакъ проспорно, свѣшло,
 свѣжо. — Первая оспановка наша была въ *Пассигъ*,
 мѣспечкѣ, по кошорому называется рѣка Маниль-
 ская. Пассигъ населенъ шолько рыбаками, кошо-
 рые привозятъ продаватъ въ Бидондо добычу сво-
 его лова. Далѣе, не вступая еще въ озеро, мы
 видѣли красивыя жилища, принадлежащія богашымъ
 Испанцамъ.

Наконецъ *Лагуна* округлилось передъ нами, Ла-
 гуна, эшо великолѣпное внушренное озеро, имѣю-
 щее, по крайней мѣрѣ, до 30-ши льѣ въ окружно-
 сти. Его раздѣляетъ на двѣ неравныя половины
 цѣпь необишаемыхъ оспрововъ, около кошорыхъ,
 шакъ, какъ и во всемъ озерѣ, глубина ошъ 25-ши
 до 30-ши фушовъ. Такое огромное собраніе за-
 пишной воды производятъ ручьи и рѣчки, спекаю-
 щіе съ окресныхъ плоскостей. Моженъ бытъ,
 шакже и внушренное расположеніе почвы устана-
 вливаетъ здѣсь подземное сліяніе всѣхъ водъ, сбѣ-
 гающихъ съ высокихъ внушренныхъ горъ. Ренуаръ
 де-Сеншъ-Круа, хорошо разсмапривавшій весь Лу-
 сонъ, полагаетъ, что озеро сообщается съ волка-
 нами, его окружающими. «Самое сильное доказа-
 шельство въ шомъ» — говоритъ онъ — «что во время

лѣшнихъ жаровъ 1800 года оказалось величайшее множесво мершвой рыбы на поверхности озера; не лзя было пить изъ него воды, провонявшей и сгнившей. Груды сонной рыбы плыли по рѣкѣ до Манилла, и заспавили шамъ опасаться заразы, или какой нибудь повальной болѣзни. Посылали врачей изслѣдовать, не окажется-ли гдѣ нибудь признаковъ подобнаго бѣдсвія. Правительство обнародовало приказъ, по кошорому запрещалось употреблять зараженную рыбу въ пищу. Къ счастью, все кончилось испугомъ и взятыми предосторожностями. Дѣло достойное замѣчанія состояло въ томъ, что большая часть испортившейся рыбы не была совершенно дохлою: шѣло казалось даже соблюдающимъ еще способность движенія и чувсва, когда голова подвергалась уже совершенной гнилости; шальвегъ рѣки былъ наполненъ такою спранною рыбою. Вообще думали, что отъ сообщенія горъ съ озеромъ, наполнилось оно множесвомъ сѣры, и что это было главною причиною необыкновенной смертности рыбы; дѣйствительно, сильнымъ сѣрнымъ запахомъ была пропитана вся вода. Я не позволилъ-бы себѣ—прибавляешъ Сеншъ-Круа—привести въ доказательство изложенныя мною подробности, если-бы онѣ не были засвидѣтельствованы всѣми обитателями колоніи и публичными акшами, кошорые находились у меня въ рукахъ.»

Первыя земли, видѣнныя нами по вступленіи въ озеро, были низки и пошоплены водою, но вскорѣ возвысились онѣ въ обрывистыхъ берегахъ, вершины кошорыхъ украшались лѣсомъ. Далѣ сцены

опять измѣнились: обрывы явились не сплошь рѣзки, и великолѣпныя заселенія, гдѣ бѣдѣли церкви и монастыри, показали намъ землю роскошную всякимъ обиліемъ. Это доказывали видъ обработанныхъ равнинъ, щегольство хижинъ, построенныхъ на покапосяхъ, и множество маленькихъ лодокъ и большихъ барокъ, оживлявшихъ собою заливы и приспани. Рыбная ловля и прибрежное плаванье для жишелей прирѣчья, земледѣліе для обитателей внутреннихъ—такъ раздѣляющія занятія въ этомъ народонаселеніи, извлекающемъ пользы и изъ своего удивительнаго озера, и изъ шучныхъ земель, окружающихъ его.

Заведенія г-на де-ла-Жироньера находящіяся въ самомъ внутреннемъ краю Лагуна. Мы прибыли туда послѣ полудня. Тутъ, на полуостровкѣ, противъ Санша-Круза, главнаго городка обласни, построены домъ помѣщика, съ прилежащими къ нему строеніями, почти по-Европейски, удобный, прохладный, въ два этажа. Магазины, сахарный заводъ, въ полномъ дѣйствіи, другія, менѣе значительныя принадлежности и Тагальская деревня, посажены около дома. Все это вмѣстѣ называется *Гала-Гала*, и принадлежитъ г-ну де-ла-Жироньеру, природному Французу; онъ создалъ, образовалъ, устроилъ здѣшнее заведеніе и далъ ему имя. За нѣсколько лѣтъ, тутъ были дикій лѣсъ, зараженное болото, и нѣсколько хижинъ морскихъ разбойниковъ. Теперь всюду богатые насажденія, цвѣтущая мануфактура, мирное, трудолюбивое заселеніе. Туземные жишели, привлеченные благосо-

стояніемъ мѣста , видимо сбѣгающа сюда , разра-
ботывающъ , плодотворяющъ окрестности. Такимъ
образомъ , одному изъ земляковъ моихъ довелось
начать примѣръ разработки здѣшнихъ Испанскихъ
земель. Но сколько недовѣрія , сколько зависши
надобно было побѣдить ему , для достиженія къ
своей цѣли! Обиная въ Манилла съ 1844 года ,
г-нъ де-ла-Жироньеръ могъ обезоружить мѣстное
оповращеніе отъ себя только продолжительнымъ
пребываніемъ и родствомъ съ креолами. То , въ
чемъ до этого времени упрямо отказывали даже
Испанцамъ , было позволено ему, Французу, хорошо
поспигшему силу и обиліе здѣшней спороны. При-
мѣръ его принесетъ добрые плоды. Внутреннее
озеро, судоходное по всему своему пространству,
и вокругъ этого озера земля , дѣвственная , дѣя-
тельная, гошова на всякое произведеніе, неровная,
и шѣмъ способная для обработки разнородной —
вошъ что, рано или поздно , должна усмошрѣть и
обращить въ пользу даже Испанская беспечность ,
но что можно было припомъ привестъ въ очевид-
ность только успешнымъ опытомъ на дѣлѣ.

Насъ встрѣтили въ Гала-Гала самымъ друже-
скимъ госпепріимствомъ. Французу, и съ добрыми
рекомендаціями, мнѣ легко было пріобрѣсть благо-
склонность помѣщика , человека превосходныхъ
качествъ ума и сердца. Ужинъ былъ продолжите-
ленъ, веселъ, обилень. Говорили о Франціи, о Лу-
сонѣ, и превосходнымъ Бордоскимъ пили за успѣхъ
нашихъ будущихъ спраншвованій и за благоден-
ствіе образцоваго заведенія.

На другой день начали мы поѣздки наши по окрестностямъ. Нашъ хозяинъ ссудилъ насъ куртками и панталонами изъ шолстой ткани, надѣлъ намъ на головы салакопы — покрывку, равно полезную прошивъ солнца и прошивъ дождя. Такъ одѣтые, мы отправились взглянуть на *Санта-Крузъ*, красивый, маленькій городокъ, поставленный на берегу озера, въ долину засѣянной жавками. Монастырь, церковь, бѣлые, опрятные домики опливались на зелени лѣсистыхъ горъ и увлекали зрѣніе наше. Средоточіе дѣятельной торговли пальмовымъ виномъ и кокосовою водкою, Санша-Крузъ населенъ Тагалами и Кипайцами — одни земледѣльцы, другіе торговцы. Къ сожалѣнію, мѣстоположеніе не совсѣмъ здорово: въ дождливое время года земля наводняется, и слѣдствіемъ этого бывають лихорадка и холера, ежегодно похищающіе значительный участокъ жертвъ.

Далѣе за Санша-Крузомъ, въ прелестномъ горномъ ущельѣ, находишся знаменитое маленькое заселеніе *Лосъ-Баньосъ* (Los Banos), первоначально привлекавшее Европейцевъ въ Лагунскую область. Самое имя его показываетъ, что здѣсь должны находишся минеральныя воды, и слава ихъ была нѣкогда въ Манилла чрезвычайная. Безпрестанно рассказывали о необыкновенныхъ, чудесныхъ исцѣленіяхъ, такъ, что медики не могли надивишся имъ. Гора, къ которой примкнуто селеніе, явно вулканическаго произведенія, и источникъ, выходящій изъ нея, горячъ, какъ кипяшокъ. Соннера увѣрялъ, что будто-бы видѣлъ въ немъ живую

рыбу: вмѣстѣ съ новѣйшими наблюдателями, извѣстіе это надобно причислить къ баснямъ. Сеншъ-Круа удостовѣрился, что въ здѣшнемъ кипящѣ не можешь прозябать даже никакое расшеніе; со всякаго живошнаго, опущеннаго въ воду испочника, мгновенно слѣзаетъ кожа; яйцо варится въ немъ до-гусша въ чешыре минушы. Вода Лосъ-Бань-оская оказывается дѣйствительною особливо прошивъ накожныхъ болѣзней. Прежде въ Манилла бывала мода проводить мѣсяцъ лучшаго времени въ году на здѣшнихъ минеральныхъ водахъ, и, конечно, какъ во всѣхъ подобныхъ заведеніяхъ, здоровосъ воздуха, шѣлесныя занятія, опсушеніе всякихъ дѣловыхъ и домашнихъ заботъ, правильная, методическая жизнь, умѣренная и вкусная пища имѣли дѣйствіе надъ посѣщителями болѣе самыхъ водъ. Но уже лѣтъ пятьдесятъ тому, какъ это гигиеническое пилигримство пришло въ упадокъ; вшорженіе Англичанъ, въ 1762 году, появленіе разбойниковъ на одномъ изъ острововъ озера, дорогая цѣна за купанье, дурное содержаніе теплицъ, мало по малу удалили посѣщителей отъ Лосъ-Баньоскихъ испочниковъ. Между тѣмъ, ни одно изъ мѣстоположеній, ни въ Пиринеяхъ, ни въ Альпахъ, не можешь быть ни столь красиво, ни столь величественно. Громадныя волканическія глыбы, съ угловатыми и гранеными боками, и шпицы и пирамиды ушесовъ покрыты на крайнихъ вершинахъ своихъ опушкою лѣсовъ, копорымъ не знаютъ ни имени, ни вѣка. За этими ближайшими лѣсами и горами, идутъ другіе лѣса и горы, разнообразныя

видомъ и характеромъ ; стоя выше ближайшихъ, они издали развивающъ свои серебристые потоки, свои глубокія и широкія трещины; въ нихъ обитающъ только буйволы, кабаны, олени, и Негрито , дикіе болѣе всякихъ оленей, кабановъ и буйволовъ.

Всѣ эти земли носятъ на себѣ оппечашокъ насильственнаго разлома; осѣдшія вершины суть явно пошухшія жерла огнедышавшихъ горъ; почернѣлые каменья свидѣтельствуютъ о первобытныхъ изверженіяхъ, и въ дополненіе всѣхъ этихъ примѣтъ, опъ времени до времени Лусонъ потрясается въ своемъ основаніи землетрясеніями, слѣдствіемъ подземныхъ огней; монастыри, церкви, дома въ Манилла рушатся и падающъ въ обломкахъ на землю. Ближайшій изъ древнихъ вулкановъ находится въ милѣ отъ Лосъ-Баньоса. Огнедышавшее жерло его наполнено теперь зеленою, стоячею водою, и въ этомъ маленькомъ озерѣ, четверть мили въ окружности, живутъ и благоденствуютъ огромнѣйшіе кайманы. Сенсъ-Круа видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ длиною въ 50-ть футовъ.

Въ поѣздкѣ нашей въ Лосъ-Баньосъ, всего болѣе удивило насъ чрезвычайное множество ушекъ и ушатъ, видимыхъ на этой части озера; вся поверхность воды покрыта ими. Причину такого обилія птицы одного рода пояснялъ для насъ вкусъ Тагаловъ, Малайцевъ и Китайцевъ къ ушину мясу, которое предпочитаютъ они курятинѣ; но средства достигнуть до распложенія ушекъ въ такомъ обиліи, были намъ непоспимы. Путешественникъ располковалъ намъ загадку: дополняя

печи, упошребляемая въ Кишаѣ для искусственнаго высиживанія цыплятъ, Тагалы придумали упошреблять къ эшому шеплошу человѣческаго шѣла, и между своими лѣнивыми рабочниками находятъ *на-сѣдокъ*, самыхъ шершѣливыхъ и усидчивыхъ. Для эшого упошребляется родъ особенной рамы, переплешенной палочками, съ шолшою подкладкою; когда укладушъ въ раму яицы, одно къ другому, и, для поддержки въ порядкѣ, пересыплюшъ ихъ золою, спавишся весь эшопъ снарядъ на ровномъ мѣстѣ, на какомъ нибудь небольшомъ возвышеніи отъ земли, и лѣнивый *геловѣкъ-насѣдка* рассягивается на такомъ спранномъ диванѣ. Онъ ѣстъ, пьешъ, куришъ шабакъ, жуешъ бешель не сходя съ мѣста, и какъ настоящая насѣдка бережешъ яица, подъ него подложенныя, копорья долженъ *высидѣть*, или, лучше сказать, *вылежать* своею шеплошою. Ловкосш эшихъ насѣдокъ въ человѣческомъ образѣ бываетъ такова, что они вѣрно знаютъ состояніе зародышей въ яицахъ, и помогаютъ выходу ихъ, когда цыплята гошovy къ нему, искусно разламывая скорлупу. Только что вылупишся изъ яицъ, ушята бѣгушъ уже на озеро, плещушся тамъ цѣлые дни, и только на вечеръ собираюшся въ плывучія клѣшки, привязанныя у берега. Выводъ ушокъ сосшавляетъ одну изъ главныхъ вѣшвей промышленности въ Лосъ-Баньосѣ и Санша-Крузѣ.

На слѣдующій день, послѣдній нашего пилигримства, г-нъ де ла-Жироньеръ захошѣлъ увеселиш насъ охошою, по всѣмъ здѣшнимъ правиламъ. Рано

ушромъ , насъ разбудилъ звукъ рога , и вскорѣ — собаки , наѣздники , охотники , слуги , карешы , лошади , паланкины , все двинулось къ лѣсу. Охоша наша походила на королевскую.

Она началась на лѣсиспыхъ бокахъ одного холма , гдѣ извивались крушыя , едва проходимыя дорожки. Только что вышли мы на нихъ , какъ собаки наши подняли оленя , прелестное , красивое живошное , менѣе нашихъ Европейскихъ величиною. Онъ помчался мимо Барона , и палъ ошъ его выспрѣла. Въ милѣ ошшуда подали знакъ новой добычи — кабана , одного изъ самыхъ свирѣпыхъ , какихъ только случалось видашь въ лѣсахъ Лагунскихъ. На эшотъ разъ честь побѣды доспалась мнѣ. Потомъ , съ вершины горъ спустились мы въ долину , пересѣкаемую болошами и куспарниками , привычное обишалище дикихъ буйволовъ , самаго страшнаго звѣря здѣшней сшороны. Тихій , покорный , даже шерпѣливый , если пріученъ къ жилищу человека , буйволъ ужасенъ въ дикомъ сосшояніи. Видъ человека приводитъ его въ нешшовство — глаза его горяшъ , ноздри пышущъ огнемъ. Горе охотнику , если онъ промахнешся , или только ранишъ его — охотникъ пропалъ ! Никакая лошадь во весь галопъ не ускачетъ ошъ преслѣдованій буйвола ; никакой кровожадный звѣрь не оказываешъ такой злости , такой ярости въ бишвѣ. Если буйволъ достигъ прошивника , онъ поражаетъ его своими оспрыми рогами , шопчетъ ногами , шерзаешъ живаго , коверкаетъ мершваго. Даже дерево не защишишъ ошъ его преслѣдованія : будучи не въ со-

спояніи поразишь свою жертву, укывшуюся на вѣшвахъ, буйволь принимаетъ обязанность спорожа, пока успѣешь сдѣлаться палачемъ. Упорный въ своей ненависти, онъ неопшшупно оспаешся подлѣ дерева, и только голодъ и жажда могутъ удалитъ его. Г-нъ Лапласъ рассказываетъ, что одинъ Тагалъ изъ Гала-Гала, занимаясь рубкою деревьевъ, успѣлъ самымъ опчаяннымъ образомъ спастись отъ буйвола, который сперегъ его, когда бѣднякъ залѣзъ на высокую пальму. Понуждаемый необходимостью, дровосѣкъ рѣшился схватиться въ опкрышомъ бою съ спрашнымъ своимъ непріа-шелемъ; онъ шихонько сошелъ съ дерева, подкрался къ буйволу, схватилъ его за хвостъ и запущалъ хвостъ около правой руки, а лѣвою началъ поражать ножомъ ребра чудовища. Изумленный нечаяннымъ нападеніемъ, буйволь ударился бѣжашъ, но беспрашный Тагалъ не опушилъ хвоста его, билъ, рѣзалъ звѣря, пока онъ мчалъ его по лѣсамъ, ушесамъ, болошамъ, и упалъ въ крови и въ грязи подлѣ своего спрашнаго непріашеля тогда только, когда эшотъ непріашель его палъ мершвый. — Желая поймать и укрошитъ дикаго буйвола, шуземцы роютъ ямы и прикрываютъ ихъ лисьями. Буйволь попадаетъ шуда, и бываешъ выняшъ изъ ямы только слабый, истощенный голодомъ; онъ беззащитно дозволяетъ тогда опвеситъ себя къ спаду ручныхъ буйволовъ, и по примѣру ихъ привыкаетъ повиновашься. Рожденные въ неволѣ буйволы совсѣмъ не знаютъ бѣшеной свободы, и шуземцы говорятъ, будто они родятся даже съ

опмѣшиною веревки, какуюносять на шеѣ машери ихъ, и что дикій буйволь будшо-бы почиашъ родича съ такимъ знакомъ за несшерпимаго врага и непріятеля.

Въ нашей охотѣ встрѣчалось намъ множесво занимательныхъ развлеченій; по вниманіе наше увлекалъ звѣрь, подняшой охотниками, по засмапривались мы на мѣстоположеніе, деревню, лѣсъ. Но водопадъ близъ Гала-Гала былъ предметомъ, наиболѣе насъ поразившимъ. Для доспигенія къ нему надобно было перейти черезъ рышвину, посреди оспрыхъ и скользскихъ каменьевъ. Не смотря на опасностъ и неловкостъ дороги, мы шли упорно, и щедро вознаграждены были попомъ зрѣлищемъ огромной, серебристой скашерпи, лешащей водянымъ пошокомъ между ошвѣсныхъ скалъ, увѣнчанныхъ деревьями и ліанами, спускавшими вѣтви свои надъ бездною. Въ общности всего эшого было шакъ много дикости первобышной природы, шакое молчаніе царствовало подлѣ эшого шумливаго паденія водъ, что вниманіе и удивленіе были возбуждаемы невольно. Звѣря, даже пшицы не видно въ эшомъ мѣстѣ, гдѣ жизнь являешся шолько въ буйномъ движеніи пошока воды. Едва опъ времени до времени, лешучая мышъ, вылешѣвшая изъ ущелины ушеса, пропархивала въ водяной ашмосферѣ, проникнушой влагою пошока. Для выхода нашего изъ рышвины была шолько одна пропинка, по ошвѣсному ушесу; шуда успремались Тагалы, наши провожашые. Одинъ изъ нихъ уцѣпился за длинный ліанъ, висѣвшій съ вершины

ушеса до самой подошвы этой гранишной скалы, и хвашаясь за вѣшви полѣзъ вверху, какъ будшо каменщикъ по веревкѣ. Хопя и непривыкшіе къ подобнымъ восхожденіямъ, мы осмѣлились подражашъ нашему вождю, и шакже полѣзли, держась за благодѣшельные ліаны, природную лѣспницу черезъ ушесы. Ліаны, видѣнные нами здѣсь, кажешся, шѣ-же самые, какими обилуюшъ дѣвспвенные лѣса Америки; длинный стволъ ихъ, будшо хмѣль, обхашывая деревья и распроспираясь всюду, гдѣ шолько естъ свободное мѣспечко, бываешъ покрышъ темною, волокнистою, грубою корою. Если срубяшъ дерево, изъ него выспунаешъ, сквозъ сѣровашую сердцевину, водянистая влажностъ, безъ запаха и безъ всякаго дурнаго вкуса.

За большою охотою слѣдовала малая. Ее соспавляло спрѣлянье маленькихъ горлицъ, называемыхъ *à coup de poignard* (съ кинжалнымъ ударомъ), по причинѣ пучка перушковъ кроваваго цвѣша, какимъ эша пшица опличена на груди. Мы убили еще двухъ обезьянъ въ засадѣ ихъ, и серну, изъ рода шѣхъ, о кошорыхъ Лаперузъ говоришъ въ своемъ пушешествіи.

Такимъ образомъ въ два дня, посвятивъ одинъ изъ нихъ прогулкѣ, другой дѣяшельной и ушомишельной охонѣ, мы осмотрѣли большую и лучшую частъ Лагунскихъ земель. Всюду видѣли мы спрану, богашую сарачинскимъ пшеномъ, перцомъ и индиго, лѣса, снабжающіе превосходнымъ красильнымъ и спроильнымъ деревомъ, и увѣрились изъ примѣра нашего колониста Французскаго, какую

удивительную выгоду можно-бъ было извлечь изъ этой земли, этого климата, этихъ водъ, изъ всей этой природы.

Восхищенные нашими прогулками проспились мы съ нашимъ добрымъ хозяиномъ, и оправились на свою лодку, которая быстро примчала насъ по теченію рѣки въ Манилла. Почти первый человѣкъ, встрѣченный нами на пристани, былъ ласковый землякъ мой В***; казалось, онъ съ нетерпѣніемъ дожидался насъ. «Вашъ Кишайскій плавашель совсѣмъ гошовъ — сказалъ онъ намъ — вы должны ѣхать завтра, и я хочу пошоропить вашъ опъѣздъ: въ Кавише холера; черезъ нѣсколько дней она вѣрно будетъ здѣсь; какъ ни хошѣлось-бы мнѣ задержать васъ еще хоть немного, но что за радость носишь по васъ шрауръ!» — Какъ — вскричалъ Баронъ — холера въ Кавише! Надобно побывать тамъ—двойное любопытство: я не видалъ еще ни Кавише, ни холеры! — Напрасно опговаривалъ В***; Баронъ настаивалъ, и я не опспавалъ опъ него. Мы должны были опправиться сухимъ пушемъ, а ворошиться водою по заливу.

И вотъ черезъ часъ, карета наша покапилась по лѣвому берегу Пассига, ведущему въ Кавише. Дорога шла широкая, шѣнистая и хорошо поддерживаемая. Тагальскія жилища по сторонамъ ея скоро уступили мѣсто обработаннымъ полямъ, гдѣ паслись многочисленные стада буйволовъ. Часа черезъ два по опъѣздѣ нашемъ изъ Манилла, передъ нами мелькнулъ *Кавите*. Городокъ этотъ, какъ показываетъ самое Тагальское имя его, *Касунтъ*

(заливъ), находится при небольшомъ заливѣ, образуемомъ полуостровомъ, вдавшимся въ море. Значительный нѣкогда, онъ постепенно былъ подрываемъ усиленіемъ Манилла. Къ этой причинѣ упадка присоединились еще ужасныя землетрясенія, разрушившія даже крѣпостныя укрѣпленія его. Не смотря на упадокъ, Кавинше все еще считается военнымъ портомъ Лусона. Тутъ арсеналъ, магазины королевскаго флота и верфь корабельная, находится небольшой гарнизонъ, живетъ губернаторъ, прежде назначавшійся прямо изъ Испаніи, но теперь избираемый Генералъ - Капитаномъ, и подчиненный ему. Верфь и арсеналъ Кавинше были даже въ началѣ нашего столѣтія славны и цвѣтущи. Шестисотъ туземныхъ работниковъ занимались въ нихъ постоянно. Тутъ строили и вооружали военные бриги, корветы, даже фрегаты. Но медленность работы Тагаловъ была такова, что корабли стоили ужасныхъ суммъ, безъ всякаго сравненія съ тѣмъ, чего стоятъ они въ Европѣ. Такъ, на примѣръ, послѣдній изъ фрегатовъ приходился здѣсь не дешевле мильона піаспровъ, а корпусъ гальона становился около 80,000 піаспровъ. Нынѣ, хотя достигли до большей дѣятельности въ постройкѣ и уменьшенія издержекъ, строеніе большихъ кораблей все еще превосходитъ всякую возможность. Поэтому и ограничивающія теперь въ Кавинше только строеніемъ особенныхъ судовъ, съ палубою, легкихъ, красивыхъ, способныхъ на ходу, съ одною большою пушкою на носу, ушвержденною на подвижномъ спержнѣ —

это родъ канонерскихъ лодокъ, назначаемыхъ для береговаго объѣзда и надзора за спокойствіемъ по окресному морю, подверженному опасности отъ Малайскихъ форбановъ, извѣстныхъ здѣсь подъ несправедливымъ именемъ Мавровъ. Смѣлые грабишели эти не всегда бояшся Испанскаго надзора: нападающъ на спорожевыя лодки Испанцевъ по-одинокѣ, и даже на цѣлыя флошилїи ихъ, бьюшся съ ними на абордажъ, и часто одерживающъ побѣду надъ Тагальскими экипажами, какіе находяшся на лодкахъ.

Исторія благоденствія Кавише связана съ исторіею знаменитыхъ Акапульскихъ галіоновъ, бывшихъ нѣкогда единственными посредниками для сообщенія Испанскихъ владѣній въ Азіи и въ Америкѣ. Какъ дополненіе къ гальонамъ, существовало еще здѣсь въ то время Общество благочесныхъ дѣяній, обширное учрежденіе ростовщиковъ, основанное въ Манила духовными власями. Галіоны и Общество были долгое время двумя двигателями богатствъ Лусона, и Кавише особенно, мѣста пристанища гальоновъ.

Гальонами назывались огромнѣйшіе корабли, отъ 1200 до 1500 тоннъ; ежегодно такой корабль былъ отдаваемъ отъ Испанскаго правительсва въ распоряженіе Манильскаго купечества. Его нагружали товарами Азійскаго материка и Малайскихъ земель; за этошъ грузъ получаемы были золото, Мексиканская кошениль, Испанскія сукна, и — въ добавокъ — шолпа пассажировъ, духовныхъ и свѣшскихъ, кошорые цѣлый годъ дожидались въ Амери-

къ великанскаго пакетбота Манильскаго, для перѣзда на немъ въ Индію. Цѣнность богатствъ, какими нагружался гальонъ, была выше всякой вѣроятности. Открыто и контрабандою, гальонъ вмѣщалъ иногда въ себя по цѣнѣ на 15-ть и на 20,000,000 разнаго груза. Плыя по морямъ мало извѣстнымъ, управляемые несвѣдущими людьми, гальоны часто претерпѣвали кораблекрушенія въ Южномъ Океанѣ, и Манилла, въ разные времена, видѣла себя лишаемою значительнѣйшихъ капиталовъ. Но и гальоны и Общество благочеспивыхъ дѣяній, не смотря на то, продолжались почти до нашего времени. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, пышались выдавать здѣсь множество привилегій, устройству торговыхъ компаній на Филиппинскихъ островахъ, но все оканчивалось неудачею, и вело за собою только раззореніе и потерю. Нынѣ, въ виду столь многихъ свободныхъ колоній, одно спасеніе всякой колоніи осмѣется въ полной свободѣ торговли. Столь богатые своею землею, столь благопріятствуемые своимъ мѣстоположеніемъ, поставленные на смычку прехъ часшей свѣта, Азіи, Океаніи и Америки, связанные съ Европою значительностью своей Европейской столицы, если-бы только захотѣть, Филиппинскіе острова можно-бы выдвинуть впереди всѣхъ колоній на пути быстрыхъ успѣховъ торговли и промышленности. Передъ обладателями ихъ столько превосходныхъ примѣровъ, но—воспользуются-ли этими примѣрами? Въ этомъ главное дѣло.

Въ полчаса осмошрѣли мы все въ Кавише—гавань, довольно порядочную, арсеналь, укрѣпленія, церкви, монастыри, жалкіе дома и бѣдное народонаселеніе. Баронъ удовольствововалъ даже свое любопытство—видѣлъ холеру, кошорую такъ хошѣлось ему видѣшь: передъ глазами его шацили въ военную больницу посинѣлое, искривленное шѣло какого-то несчастнаго ремесленника. Впрочемъ, на эшопъ разъ холера не была сильною въ Кавише; человекъ двадцать Тагаловъ умерло ошъ нея въ печеніе восьми дней, и зараза казалась уменьшающеся.

Для возвращенія изъ Кавише, мы взяли *банка*, легкое перевозное судно, кошорое, съ помощью двухъ гребцовъ, лешипъ по морю чрезвычайно быстро. Бамбуковая крышка спасаетъ пассажировъ ошъ солнечныхъ лучей. По гавани непрерывно мелькаютъ такіа суда, переѣзжая изъ Кавише въ Манилла и обратно. Во время быстрого нашего переѣзда, вниманіе наше было занято площами, на коихъ рыбаки производили свои рыбные ловы. Всѣ снаряды ловли сосполяли на нихъ въ пребольшой чешыреугольной сѣши; два верхніе конца ея были привязаны къ длиннымъ бамбуковинамъ, а два другіе къ двумъ угламъ площа; рычагъ, укрѣпленный сзади, давалъ средспва опускашь сѣши глубоко въ море и поднимаешь ихъ по произволу. Сколько можно было замѣнишь, производимый эшимъ снарядомъ ловъ былъ весьма обильный.

Почши ночью уже воропились мы въ Манилла, и едва нѣсколько часовъ оставалось мнѣ для приведенія въ порядокъ моихъ здѣшнихъ замѣшоекъ и

дополненія ихъ. Полагая , что болѣе спокойствія и уединенія будетъ мнѣ на нашей жонкѣ, я немедленно отправился къ почтенному нашему Тсингъ-Фонгу. Баронъ остался еще на берегу, и только на другой день, рано утромъ, хотѣлъ явиться на великій корабль , уже совсѣмъ готовый въ путь. Кишайскій Колумбъ радовался, что черезъ нѣсколь- ко дней онъ достигнетъ блаженныхъ странъ ве- ликой своей родины.

ГЛАВА XXXI.

ОСТРОВА ФИЛИППИНСКІЕ. — ИСТОРИЯ, СО ВРЕМЕНИ ЗАБОЕВАНІЯ ИСПАНЦАМИ.

Магеллану, шому мореплавателю, который прежде всѣхъ предугадалъ и открылъ путь въ Индію мимо мыса Горна, Европа одолжена была открытіемъ острововъ Филиппинскихъ. Отправясь изъ Испанскихъ гаваней, 10-го Августа 1519 года, съ пятыю кораблями, Ноября 4-го Магелланъ прошелъ проливомъ, при которомъ навсегда осталось его имя, и въ день праздника Св. Лазаря увидѣлъ купу острововъ, по этому общоименію названныхъ имъ *архипелагомъ святаго Лазаря*. Онъ коснулся Минданао, въ концѣ Мая, поставилъ на немъ крестъ, какъ знакъ подчиненія Испаніи; перешелъ къ острову Зебу, гдѣ обратилъ въ христіанство и заставилъ окреститься царя тамошняго, семейство его и народъ; прислалъ попомъ къ острову Мактану, и погибъ въ сраженіи противъ шужаго царя, который не захотѣлъ слушаться благочестивыхъ его увѣщаній. Второй по Магелланъ

начальникъ эскадры, Жуанъ де-Серано, погибъ измѣннически, въ засадѣ, кошорую устроилъ для него новообращенный царь Зебускій. Несогласіе началось между начальниками осмальныхъ шрехъ кораблей, и шолько Себастианъ Кано, начальникъ корабля *la Victoria* (побѣда), имѣлъ славу возвращеннаго къ берегамъ Гвадалквивира, 7-го Сенсября 1522 года, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, и такимъ образомъ совершивъ *первое* путешествованіе вокругъ свѣта.

Такъ найдены были въ одно путешествованіе — и *новый путь въ Индію*, и *новая земля въ Индію*; но долго пошомъ шо и другое осмывались безполезными. Годы, слѣдовавшіе за откритіемъ, Испанія употребила на отбой у Португаліи Молукскихъ острововъ, на поясненіе пушками Демаркаціонной буллы, какую издалъ горделивый Папа Александръ VI-й. Наконецъ Виллалобосъ, переименовавшій названіе архипелага св. Лазаря на имя *острововъ Филиппинскихъ*, въ честь владѣвшаго тогда Испанскимъ трономъ Филиппа II-го, отправился съ экспедиціею на Магеллановы острова, потерялъ корабль и умеръ на Амбоина. Только въ Ноябрь 1564 года, изъ порта Рождественнаго пустилась экспедиція, кошорой суждено было основать владычество Испанское на островахъ, откритыхъ Магелланомъ. Ею начальствовалъ *Лопецъ де-Лехаси*, человекъ испытаннаго мужества. Два корабля составлявшіе экспедицію, открыли островъ *Бородатыхъ*, коснулись острововъ *Разбойничьихъ* (*des Lagrons*), 22-го Января 1565 года, и 13-го Фе-

враля приспали къ островамъ *Тандаіа* и *Абуіо*, состоявающимъ часть Филиппинскихъ. Тушъ Лехапси спарался достать припасовъ, но ошибшъ шуземцами, приблизился къ островамъ *Биссайскимъ*, спалъ въ Боголѣ, и могъ добыть припасы согласившисъ только, въ знакъ дружбы, пить кровь дикаря власпишеля, смѣшанную съ его собственною кровью. Отъ Богола, экспедиція направилась къ Зебу, овладѣла главнымъ мѣстомъ острова, послѣ жестокой пальбы пушечной, и построила крѣпость, кошорая послужила прочною основою новой колоніи. Мало по малу спали мириться съ дикарями и власпишелями ихъ, удалившимися внутрь острова. Ближайшія земли были покорены; припасы начали приходиться съ Паная, Масбапа, Лусона; наконецъ, важнѣйшее обстоятельство — колонисты получили подкрѣпленіе изъ Европы, кораблями и солдатами, безъ чего всѣ начинанія заселеній должны были спастись безплодными.

Тогда Лехапси рѣшился помышлять о завоеваніи Лусона. Племянникъ его, *Жуанъ де-Салседо*, былъ назначенъ для этого, разбилъ шолпы шамошнихъ шуземцевъ, и основалъ Манилла въ 1571 году. Напрасно раджи шуземные спарались сопрошивляться; побѣжденные Испанцами, они принуждены были покориться горсти завоевателей, имѣвшихъ для побѣды надъ ними разрушительныя пособія огнеспрѣльнаго орудія. Вскорѣ возвысились спѣны окрескъ новаго города, и съ шѣхъ поръ Лусонъ сдѣлался подчиненнымъ Мадридскому Двору. Этошъ островъ, самый значительный изъ Филиппинскихъ,

названъ былъ покорителями Лусономъ отъ слова *Lusong*, чѣмъ означали шужемцы особеннаго рода ступки, повѣшенныя близъ входа каждой изъ ихъ хижинъ, и служившія для молошбы сарачинскаго пшена. Островъ этотъ, въ длину 175 льё (отъ с. къ ю.), при 75-ти ширины, былъ тогда населенъ различными и разнородными племенами.

По приморью жили шуть народы явно Малайскаго происхожденія, не смотря на нѣкоторыя частныя отличія. Ихъ названія были: *Тагалъ*, *Пампанга*, *Зимбалъ*, *Пангазинанъ*, *Илоко* и *Кайаганъ*. — Они были оливковаго болѣе, нежели чернаго цвѣща; волосы ихъ были гладки, черны лица правильны; жили они общесствами, подъ управленіемъ полуобразованнымъ; ими начальствовали раджи, причемъ были еще у нихъ высшія касты, или дворяне, *баньаны* (*bagnans*), и низшія, *кальяны* (*calianes*); въ гражданскихъ отношеніяхъ признавали они право наследства; говорили языкомъ благозвучнымъ и правильнымъ; имѣли уложенія уголовныхъ законовъ; во многихъ своихъ обычаяхъ, какъ и въ общественнои іерархіи, показывали много общаго съ большими островами архипелага Индійскаго; заключали браки посредствомъ жужура, молились шѣнямъ предковъ, заклинали злыхъ духовъ — словомъ: по множеству сходственныхъ отличій, являлись родичами островитянъ Борнео, Ява и Суматра.

Но въ горахъ Лусонскихъ, пустынныхъ ущельяхъ его, дремучихъ лѣсахъ, жилъ совсѣмъ другой народъ, называемый отъ Тагаловъ *Этасъ*, или *Аэтосъ*,

и названный Испанцами *Игоротъ*, а вообще родовымъ именемъ: *Горные Негры* (*Negritos del Monte*). Эпи *Негрито* были совершенно отличнаго характера отъ обитателей долинъ острова: маленькаго роста, черные, какъ смола, съ маслянистою кожею, курчавыми, руноподобными волосами, сплюснутымъ носомъ, безобразными чертами лица, толстыми, выдавшимися впередъ губами, они жили въ дикомъ состояніи, замѣняя чувство инстинктомъ не выше живошнаго, ходили нагіе, бѣгали отъ мѣстъ заселенныхъ, съ трудомъ допускали себя поймать, и вырывались снова при первомъ случаѣ, когда могли укрыться въ дикихъ горахъ своихъ. Единственное средство существованія ихъ въ горныхъ ущельяхъ состояла охота, въ которой показывали они большую ловкость. Желая промыслить какихъ нибудь другихъ припасовъ, дикари эпи отваживались являясь въ пограничныхъ селеніяхъ Испанцевъ, и мѣняли добытое охотою на сарагинское пшено.

По всѣмъ мѣстнымъ преданіемъ, скорѣе можно почесть первородцами Лусона эпихъ Негришо, нежели народовъ оливковаго цвѣта. По мѣрѣ того, какъ гладковолосые народы распространялись по берегамъ и занимали внутреннія земли, курчавые народы удалялись въ горы. Безъ сомнѣнія, въ началѣ происходила между ними борьба, лилась кровь съ обѣихъ сторонъ, но въ силу всеобщаго закона, по которому исчезающъ мало по малу грубые типы передъ типами болѣе облагороженными, и дикари передъ образованіемъ превосходнымъ, Негришо

были поспешенно опишѣняемы и сжимаемы въ пространствѣ и вѣснѣйшемъ. Здѣсь, поимые бѣдноснѣю и голодомъ, время отъ времени уменьшаясь въ числѣ, они до сихъ поръ непрерывно уничтожаются и будутъ уничтожаться, пока все поколѣніе ихъ исчезнетъ и потерается въ другихъ народахъ.

Впрочемъ, поспешенное исчезновеніе черныхъ поколѣній, поглощаемыхъ поочередно желтыми и бѣлыми племенами, не есть событіе только на Лусонѣ совершающееся. Великое дѣло такого преобразованія началось въ здѣшней часни свѣта вообще, съ незапамятуемыхъ временъ, и вошъ еще доказательство положительное, что въ исторіи человѣчества міръ идетъ впередъ, а не назадъ, совершенствуется, а не упадаетъ.

Существованіе черныхъ племенъ на Лусонѣ подало поводъ ко множеству теорій и гипотезъ, но ни одна изъ нихъ не доставила еще намъ выводовъ полныхъ и удовлетворительныхъ. Утверждено единственно то, что одна и та-же, дикая, черная порода занимала разныя мѣста Океаніи, Малайскаго архипелага, Азійскаго материка, Индійскаго Океана, и въ иныхъ почкахъ своего разселенія владычествовала одна, въ другихъ сражалась противъ нашествія новыхъ пришельцевъ. Такимъ образомъ, не говоря о нѣкошорыхъ легкихъ различіяхъ — неизбѣжномъ слѣдствіи различія обитаемой ширины, пищи, климата — типъ Лусонскихъ *Негрито* находимъ въ Кохинхинскихъ *Моіе*, островишянахъ Андамана, Цейланскихъ *Бедахъ*,

нѣкошорыхъ горныхъ поколѣвіяхъ Малайскаго архипелага, всѣхъ земляхъ на сѣверѣ ошъ экватора, и пошомъ далѣе, внушри Авспралиі, въ Тасманіи (гдѣ дикари эши почти не превосходящъ живошныхъ, у кошорыхъ ошбивающъ себѣ жилище), и наконецъ, на ошровахъ Виши и Соломоновыхъ, въ землѣ Папу. Какимъ-же образомъ весь эшотъ народъ — сшоль многими чершами сближенный съ народами Африканскаго материка, Неграми Зангвебара, Кафрами, Мозамбійцами и Малгашами — какимъ образомъ ушвердился онъ на сшоль различныхъ мѣсшахъ, сшоль далеко ошъ своего корня, и какъ поддержался онъ въ своихъ расселеніяхъ? — Какъ — и эша прошивоположность едва-ли не одна изъ самыхъ темныхъ споронъ эшнографической загадки — какъ, подлѣ него, другіе народы, видимо чуждые эшому началу, народы мѣдноцвѣшные, съ гладкими волосами, красивой и превосходной породы, общесшвеннѣе и промышленнѣе черныхъ, пришли и поселились на ошровахъ восточнѣе его, разсѣялись на всемъ пространствѣ въ 74° широты, шю ешть, ошъ 23° N. до 48° S., на ошровахъ Гавайскихъ и въ Новой Зеландіи? — Съ разныхъ-ли материковъ, поочередно, приходили разныя частіи поселенцевъ на Океанійскія земли, кошорыя сосшавляли, можешъ бышь, вышины, уцѣлѣвшія ошъ древняго міра, поглощеннаго волнами? Африка-ли ошправляла, во времена неизвѣсшныя, колоніи Зинговъ и Малгашей, между шѣмъ, какъ на сѣверѣ, Аравія и Индія, ошнимая земли у черныхъ, очищали мѣсшо Малайскому роду, явно различному ошъ всего, чѣмъ онъ окруженъ? —

Всѣ эти данныя, совершенно предположительныя, по вторацію, вовсе не изясняютъ намъ: какимъ образомъ плаваніе столь различныхъ племенъ могло распространиться до странъ невѣдомыхъ имъ? Ученые не располкуютъ намъ и того: что за потребы, что за желаніе, какой случай, какая сила двинули всѣ эти народы на такія безцѣльныя странствованія? Опытные свѣдѣніями люди занимались рѣшеніемъ всѣхъ означенныхъ нами задачъ, старались разрѣшить ихъ терпѣливымъ сличеніемъ языковъ, нравовъ, физическихъ опличій Океанійскихъ народовъ съ другими поколѣніями человѣческими. Но, мы сомнѣваемся, чтобы всѣ эти полезныя труды довели къ рѣшеніямъ полнымъ. Доказательствъ матеріальныхъ, неопровержимыхъ, очевидныхъ всегда будетъ недоставать въ исторіи человѣка, на какой почвѣ земли ни начинае наблюдать его, потому что человѣкъ въ младенчествѣ своей общественой жизни ничего не замѣчалъ, и его хронологія началась тогда только, когда чувствъ памяти и сравненія были уже сильно возбуждены въ немъ. Надобно быть посвящену въ тайны мірозданія, можетъ быть, чтобы изяснить себѣ всѣ тайны бытія человѣческаго. Уму и знанію человѣческому есть предѣлы. . . .

Вопъ какъ далеко увлекли меня Лусонскіе Негри! Спѣшу возвратиться на землю обитаемую ими, къ исторіи завоеванія ихъ.

Съ покореніемъ прибрежья и основаніемъ Манила, Испанцы нашли въ Тагальскихъ народахъ послушное орудіе для своихъ предпріятій. О Негри-

то покорили мало заботились, какъ о племени ничтожномъ и неукротимомъ; послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ покушеній на обращеніе ихъ въ христіанство, Испанцы привыкли думать о нихъ не болѣе того, сколько думали объ обезьянахъ, вмѣстѣ съ Негришо населяющихъ горы Лусона.

Первый періодъ владѣнія Испанскаго былъ ознаменованъ ссорами между властью политическою и властью духовною, непрерывно спорившими о своихъ правахъ и доходахъ. Монахи Августинскаго ордена хотѣли, чтобы имъ отдана была самая главная часть правленія въ колоніи; они выславляли впередъ своего начальника, выше начальника военнаго, и пользовались слабостью и уступками гражданской власти. Если-бы все ограничивалось еще только этими спорами, миръ могъ-бы послѣдовать изъ общаго примиренія, но, соединенно дѣйствуя противъ гражданскихъ чиновъ, духовенство, монахи и священники, раздѣлялись между собою. Споры о преимуществахъ между различными орденами, вражда Августиновъ съ Францисканами, Доминикановъ съ Бернардинами, заговоры чернаго духовенства противъ блага, и особенно противъ архіепископа, всѣ эти смятенія, столь несчастныя для колоніи, столь вредныя достоинству духовенства, тянулись нѣсколько столѣтій, и только въ наше время высшее духовенство Манильское прислушилось къ союзу смиренія, предписываемому Евангельскими наставленіями. Должно сказать однакожь въ похвалу духовныхъ особъ, первоначально явившихся на Лусонѣ, что дѣла и

проповѣдь ихъ были ознаменованы кропосшью и посшоянспвомъ, Не съ мечемъ, какъ на Американскомъ машерикѣ, но съ словомъ спасенія явились они здѣсь. Не принуждая совѣсти, не ужасая наказаніями, обращали они дикарей здѣшнихъ. Августины особенно были орудіемъ самаго дѣятельнаго распространенія хрисшіанспва. Благодаря ихъ усердію, въ нѣсколько лѣтъ Лусонъ сдѣлался обителью хрисшіанскихъ народовъ; сошни приходовъ, монашхрей, церквей были разсѣяны по всему оспрову, и шуземцы покорспвовали закону своихъ насшавниковъ, говорившихъ имъ о власши Бога, не убѣждая ихъ прежде этого признавать власшь алькада, кошорый шребовалъ повиновенія, какъ посланный опъ власши человѣческой. Можно упрекнуть проповѣдниковъ Лусонскихъ въ одномъ, что совершая огромное дѣло обращенія, иногда вводили они пришомъ средспва несообразныя съ кропкимъ началомъ, для поддержанія различныхъ обязанностей, какія были налагаемы на обращенныхъ. Такъ, напшимѣрь, наказаніе розгами угрожало каждому Тагалу, кошорый не являлся къ обѣднѣ, и малѣйшее забвеніе обрядовъ влекло за собою эшо наказаніе, больше или меньше.

Едва успшановилось религіозное и политическое образованіе Лусона, какъ ему спшали угрожать нападенія Малайцевъ съ Борнео и Минданао (или Мавровъ, какъ называли ихъ Испанцы). Тамошніе форбаны, боясь всшущишь въ ошкрышую бишву, нападали нечаянно на побережье, рѣзали священниковъ, или брали съ нихъ окупы, и увозили шузем-

цевъ, продавая ихъ попомъ въ неволю другимъ народамъ.

Дѣло болѣе важное отвлекло вниманіе Испанцевъ отъ нападеній морскихъ разбойниковъ, въ 1574 году. Въ этомъ годъ появился передъ Манилла Кишайскій пиратъ, названный *королемъ Лимагономъ*. Долго сражался онъ съ флотами Кишайскаго Богдыхана, своего повелителя. Побѣжденный большимъ числомъ, и принужденный бѣжать, Лимагонъ замечалъ о покореніи Лусона. У него было шестьдесятъ два кампана, на коихъ находилось 2000 человекъ отчаяннаго народа, не считая маш-розовъ и 4500 женщинъ. Высадка его на Лусонъ учинена была 29 Ноября 1574 года, когда Лопеца Леханси только что утвердили Генераль-Капитаномъ Филиппинскихъ острововъ. Кишайцы пошли прямо къ Испанской столице, думая захватить ее върасплохъ. Небольшой передовой отрядъ, подъ начальствомъ капитана Веласкеза, остановилъ ихъ, далъ время собраться гарнизону; завязалось общее дѣло и кончилось разбитіемъ Кишайцевъ. Напрасно старался попомъ Лимагонъ возобновить нападеніе; онъ былъ отраженъ окончательно, и принужденъ бѣжать къ устью рѣки Лингаенъ, въ Пангазинанъ, сѣверной области Лусона. Осажденный въ этомъ мѣстѣ, онъ успѣлъ бѣжать съ частью своего войска, и захватилъ островъ Формозъ. Оставшіеся на Лусонѣ воины Лимагона убѣжали въ горы, гдѣ попомъ смѣшались съ независимыми племенами, и образовали племя, известное нынѣ подъ именемъ мешисовъ *Sanglayes*—

ихъ легко оплечили по узкимъ глазамъ, и по цвѣшу кожи, болѣе бѣлому, нежели цвѣшъ кожи Тагаловъ и Илокосцевъ.

Въ 1590 году, Японецъ, по имени *Кикмонъ*, по-торговымъ дѣламъ нѣсколько разъ бывавшій въ Манилла, вздумалъ сдѣлаться посредникомъ Испанцевъ и своихъ соотечественниковъ. Онъ требовалъ присылки пословъ, и пяшь монаховъ Францисканскихъ было отправлено въ Японію съ эшимъ громкимъ шумомъ. Начало казалось весьма благопріятнымъ, но за нимъ слѣдовало гоненіе, и несчастные проповѣдники погибли въ пышкахъ.

Между тѣмъ, въ эту эпоху владычество Испанцевъ прочно ушвердилось на островахъ Филиппинскихъ, и сдѣлалось могущественно на всѣхъ окружающихъ архипелагахъ. На Борнео посланъ былъ владѣтель по выбору Манильскаго начальства. Десмарина сдѣлалъ тогда смѣлое, хотя и неудачное нападеніе на Молукскія владѣнія Португальцевъ. Барешшо пытался заселить острова Соломоновы, только что открытые; послѣ смерти его, Изабелла, вдова его, приняла начальство надъ колонистами новыхъ острововъ, и возвратилась съ ними на Лусонъ, который непрерывно видѣлъ пополненіе къ своему полишическому, религіозному и военному образованію. Туземцы мало по малу были обращены, покорены и записаны въ военную службу по селеніямъ.

Среди столькихъ успѣховъ, тайный заговоръ началъ угрожать опасностью владычеству Испанцевъ въ моряхъ Индіи. Спранное посольство яви-

лось изъ Кишай въ Манилла, въ 1603 году. Посланники пришли отъ имени Богдыхана, какъ говорили они, чтобы узнать: не изъ золоша-ли сославленъ полуостровъ Кавише? При объявленіи такой странной причины посольства, губернаторъ Педро д'Акунья едва сохранилъ важный видъ, препроводилъ чиновниковъ Кишайскихъ на драгоцѣнный полуостровъ, указалъ имъ на землю тамошнюю, и сказалъ: «Видите, господа: это земля, а не золото, а вотъ золошо» — продолжалъ онъ, обращаясь къ плантаціямъ, копорыми были покрыты окрестности.

Посольство могло осмѣяться даже незамѣченнымъ, еслибы, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, всеобщее возмущеніе Кишайцевъ, поселившихся на Лусонѣ, не дало понятія о тайныхъ причинахъ явленія Богдыханскихъ пословъ, прикрытыхъ забавнымъ вопросомъ, для разрѣшенія котораго будто-бы они были посланы. Уже съ давняго времени, Пекинскій Дворъ имѣлъ поводъ жаловаться на многія покушенія Испанцевъ, касавельно острова Формоза; онъ рѣшился опмститься по своему — коварствомъ и предашельствомъ. Кишайскіе колонисты, пребывавшіе въ Манилла и владѣвшіе всею мѣлочною шорговлею, имѣли тогда сильное вліяніе и по числу своему и по дѣламъ. Въ предмѣстіи Бидондо, ими основанномъ, считалось болѣе 25,000 Кишайцевъ. Планъ Кишайскій походилъ совершенно на планъ знаменитой *Сицилійской везерни*: положено было измѣнически перерѣзать беспечныхъ власпишелей Лусона, очистишь островъ отъ Ев-

ропейцевъ, и объявивъ владѣніемъ Кишайскаго повелителя, Богдыхана Небесной имперіи. Еслибы одна Тагалка, вышедшая замужъ за Кишайца, не открыла тайны, гарнизонъ Манильскій, чиновники, купцы, монахи — все погибло-бы непременно. По счастью, Тагалка рассказала о заговорѣ, наканунѣ его исполненія, священнику Квіапоскому, а тотъ немедленно извѣстилъ обо всемъ губернатора.

Мгновенно приготовясь къ защитѣ, Испанцы сосредоточили свои силы. Нападеніе было однакожь шакъ быстро, что не имѣли времени вызвать отряды изъ предмѣстья, и 450-тъ человекъ было тамъ перерѣзано. Удача все еще могла-бы оспаться за Кишайцами, еслибы они слишкомъ рано не употребили во зло надежды на побѣду, и не перерѣзали всѣхъ Тагаловъ, попавшихся въ ихъ руки. Этимъ пославили они себя между двумя противниками, вмѣсто одного, и противниками ожесточенными. Монахи, почти все старые воины, пріученные къ битвамъ во Фландріи, священники, купцы, женщины, всѣ принялись за оружіе въ битвѣ безпощадной. Монахъ Флоресъ придумалъ и исполнилъ стратегическое движеніе, посредствомъ котораго возмущенные были раздѣлены на двѣ части, и никакъ не могли соединиться. Галлиапо напалъ на Кишайцевъ Паріамскихъ, Люизо на Бидондскихъ. Сбитые во всѣхъ сторонахъ, возмущенные удалились къ Сеншъ-Пауло-дель-Монше, и пошомъ въ обласъ Башангасъ. Возстаніе укрошилось; бунтовщики старались оправдать себя казнью начальника своего *Енго*; голову его принесли

къ губернатору Манилла на палкѣ, какъ доказательство покорности.

Слѣдующіе годы были не столь мятежны. Набѣги Малайскихъ форбановъ, возмущеніе на Биссайскихъ островахъ, гдѣ перерѣзаны были миссіонеры, все это предшествовало новому возмущенію Китайцевъ, въ 1639 году, оконченному, такъ, какъ и первое, разбитіемъ возмутившейся, и оно было столь сильно, что цѣлыя селенія Китайцевъ бѣжали и основались въ дикихъ долинахъ Лусона. Еще въ недавнемъ обзорѣ внутренней жизни острова, удивленные Испанцы находили неизвѣстные имъ дошолѣ бѣлыя племена, образованныя и занятыя земледѣліемъ, въ самыхъ неприспудныхъ и пустынныхъ мѣстахъ горъ. Безъ сомнѣнія, это пошомки Бидондскихъ бунтовщиковъ, и опчаси форбановъ Лимагона.

Землетрясеніе, въ 1645 году, причинило въ Манилла болѣе зла, нежели всѣ предшествовавшія войны и смяшенія. Дома, церкви, монастыри упали на несчастныхъ жителей, исчезли горы, погибли селенія. Только развалины видимы были на мѣстахъ городовъ и жилищъ.

Цѣлое столѣтіе прошло пошомъ въ событіяхъ менѣе значительныхъ. Нападенія Мавришанъ; возмущеніе шугемцевъ въ Пампангѣ и въ Пангасинанѣ; судъ надъ губернаторомъ Діего де-Сальседо, обличаемомъ въ излишней религіозной терпимости; ссора Іезуитовъ съ Доминиканами; высадка Голландцевъ на Формозъ, и пошомъ изгнаніе ихъ изъ

этого острова; взятіе нѣсколькихъ гальоновъ державами, враждовавшими противъ Испаніи (между прочимъ одного Англійскимъ адмираломъ Ансономъ, споль извѣстнымъ въ исторіи Англійскаго флота); наконецъ, въ 1719 году, возмущеніе, учиненное духовенствомъ противъ губернатора Фернандо Буспаменше, погибшаго подъ ножомъ одного изъ фанатиковъ, въ жестокой бившѣ — такова была исторія здѣшнихъ мѣспъ до 1762 года, когда нападеніе Англичанъ поставило Манилла на край гибели.

Начальникомъ былъ тогда архіепископъ, *донъ Мануэль Роха*, возведенный усиліемъ духовенства на такое несообразное съ званіемъ его мѣсто. Англійская эскадра, изъ чепырехъ линейныхъ кораблей, состояла подъ начальствомъ адмирала *Корниша*; высадными войсками начальствовалъ бригадиръ *Драперъ*. Онъ обложилъ крѣпость 23-го Сентября, съ 3000-ми челоувѣкъ Европейцевъ, Сипаевъ и Кафровъ, требуя сдачи отъ Испанскихъ начальниковъ.

Событіе это происходило въ то время, когда Англичане основывали свое всемогущество въ Индіи. Калькутта увеличивалась съ каждымъ днемъ; почти весь Коромандель завоеванъ былъ Королевскими и компанейскими войсками; Пондишери взятъ. Манилла приходилось имѣть дѣло съ могущимъ непріателемъ. Но укрѣпленія города казались сильны, окружены рвами, снабжены огромною артиллеріею; при небольшомъ гарнизонѣ, изъ 4000 чело-

вѣкъ , находились офицеры опытные и храбрые. Недоспавало одного — головы , кошера могла-бы управлять защию. Архіепископъ , человекъ духовный , безъ силы душевной въ дѣлѣ , безъ швердості ума въ совѣсахъ , захваченный нечаянно , не имѣлъ мужества рѣшиться на бѣгъ , ни сколько безкорыстія , чтобы передать свое званіе другому. Пришомъ , несогласія были между чиновниками колоніи , и очевидность опасности не только не ушущала ненависти , но дѣлала ее еще болѣе сильнѣйшею и опасною.

Первый ошвѣтъ Архіепископа Драперу показывалъ однакожь благородство и рѣшительность. « Только съ жизнью моею ошдамъ я городъ ! » сказалъ онъ парламеншеру Англійскому. Но смѣлый ошвѣтъ эшомъ , какъ будто ишощилъ всѣ силы начальника.

Началась осада занятіемъ предмѣстьевъ , кошоры ошданы были Англичанамъ безъ всякаго сопрошвенія. Драперъ укрѣпился въ нихъ , уставилъ пушками монашеры и церкви , съ кошорыхъ могъ спрѣлять по Манилла , и вспащилъ пушки даже на соборную колокольню. Напрасно спарались Испанцы уничтожить рабошы непріятельскія смѣлыми и частыми вылазками ; ихъ ошбивали , и принудили наконецъ укрываться за крѣпостными валами. Каноникъ Анда , Французъ Фалье , офицеръ Буспосъ , воинъ храбросши необычайной , племянникъ Архіепископа , начальствовали распоряженіями защиты. Буспосъ , еще юный , и достойный лучшей участи , былъ за-

хваченъ при вылазкѣ и убитъ, почти передъ глазами его несчастнаго дяди.

Между тѣмъ, еще въ первые дни осады, Анда отправился изъ Манилла произвести возстаніе противъ Англичанъ, во всѣхъ шусемныхъ народонаселеніяхъ. Онъ призывалъ ихъ именемъ вѣры, и въ нѣсколько дней крешовый походъ объявился повсюду. Октября 2-го, 6000 изступленныхъ Тагаловъ пришли, подъ начальствомъ Анда, битъ ерешиковъ-Люшеранъ. Эша неожиданная помощь, подкрѣпленная движеніемъ осажденныхъ изъ города, особенно угрожала башареемъ Санъ-Діего и Санто-Андре, разбивавшимъ крѣпостные валы. Сначала можно было подумать, что дѣло кончено съ Англичанами. Тагалы бросились на пушки съ неописанною яростью, ошбили и оборосили ихъ на непріателя. Никогда не видано было подобнаго бѣшенства; видъ Кафровъ особенно приводилъ Тагаловъ въ ошчаянную ярость: они думали видѣть старинныхъ враговъ своихъ, горныхъ Негришо. Еще нѣсколько минушь подобнаго усилія, и ряды Драпера были-бы разсброены, могли спасшисъ ошъ пораженія только посрѣшнымъ бѣгствомъ. Но мужество регулярныхъ Англійскихъ батальоновъ оспорило побѣду; они выдержали первый напискъ, дали время другимъ башареемъ возобновишь палъбу, ошрѣзали и сбили неспройныя шолны Тагаловъ, смяли ряды Испанцевъ, и преслѣдовали первыхъ до полей, другихъ до крѣпостнаго вала.

Съ тѣхъ поръ дѣло осаждающихъ было выиграно, и нападеніе 5-го Октября, которое передало въ

руки ихъ городъ, можно и должно было предвидѣть. Но таково было ослѣпленіе Архіепископа, что когда Англичане уже занимали Манилла съ оружіемъ въ рукахъ, онъ спорилъ еще съ Фалье, и съ однимъ изъ *ойдоровъ* (совѣтниковъ) своихъ, о нендобности капишуляціи. При Королевскихъ ворахъ, снѣ солдашъ Испанскихъ, несогласившихся на сдачу, пали съ оружіемъ въ рукахъ; другіе, преслѣдуемые непріятелемъ, ушонули въ Пасигъ; осмашокъ попался въ полонъ Англичанамъ. Тогда начались въ городѣ, взяшомъ на копье, грабежъ и раззореніе, до того безчеловѣчныя что ихъ ошврашительно описывашъ. Не только Англійскіе солдашы, раздраженные сопрошвленіемъ, искали въ добычѣ награды за свои шруды и опасности, но еще Кафры и сипаи предались всему бѣшенству звѣрской злобы, и, къ довершенію несчастья, самые Тагалы, изъ помощниковъ, сдѣлались неукрошными убійцами и безжалосшными грабителями.

Ужасы безчинія продолжались еще, когда Англійскій офицеръ явился въ палашы Архіепископа, договаривашься о примиреніи и условіяхъ капишуляціи. Драперъ предлагалъ побѣжденнымъ свободу въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, безопасность собшенности, шорговую независимость для всѣхъ жишелей. Городъ долженъ былъ заплашиться за ш военный выкупъ. Условія приняшы, и порядокъ возшановился въ Манилла. Черезъ нѣсколько дней сдался Кавише.—Окупъ въ 4-ре милліона піасшровъ, на кошорый шакъ легко согласились, невозможно

было выполнить. Области ошказались принять въ немъ участіе ; украшенія церковныя, серебро Общества благочестивыхъ дѣяній, даже архипаспырское кольцо владыки—все было ошдано, и все сосшавило неболѣе чешверши условленной суммы. Но Драперъ удовольствововался эшимъ сборомъ ; ошправиль обратню Англійское войско, ошсавя шолько сипаевъ , и самъ уѣхалъ въ Мадрасъ.—Англичане, ошсавшіеся въ Манилла , ошрапились къ завоеваніямъ внѣ города ; при пособіи Кишайцевъ , они выиграли сраженіе при Булаканѣ и покорили всю область Тагальскую. Но вскорѣ каноникъ Анда возсшановиль прошивъ ихъ всѣ другія мѣста , ошпориль ихъ преимущества, и даже заблокироваль ихъ въ Манилла. Трудно сосшавиль себѣ понятіе, что за странное войско было у храбраго каноника! Оно одушевлялось не чувствомъ національности, но религіозною ревностью. Начальниками корпусовъ являлись священники, и лично вели своихъ изспупленныхъ воиновъ, даже подъ выспрѣлы городскихъ башшарей. Можно-бы сказашъ , видя войско Анда , что это возсшали послѣдовашели Пешра Пусшынника, полуодѣтые, полувооруженные, неспройные, несогласные , но пыкіе, бѣгущіе на смерть , какъ на праздникъ, одушевленные спрасшью и непобѣдимые. Такшика начальниковъ ошразовала сначала паршизанскую войну, и она продолжалась года два. Когда Англичане принуждены были наконецъ думать шолько о личной оборонѣ своей въ городскихъ спѣнахъ , сильная блокада , а пошомъ осада Манилла замѣнили частныя сшибки. Спѣсненные

овсюду, шомимые голодомъ и болѣзнями, уничтожаемые въ сраженіяхъ, Англичане гошovy уже были опдашья на волю побѣдителей, когда въ гавань прибылъ фрегатъ, и объявилъ о заключеніи мира между Испанією и Англією. Возвращеніе Манилла было однимъ изъ условій пракшапа. Англійскіе сипаи очиспили городъ, и Анда торжественно вступилъ въ него, идя впереди Испанско-Тагальской арміи своей, 31-го Марша, 1764 года.

Но сшоль продолжишельное колебаніе власпи Испанцевъ не могло осшашья безъ послѣдствій. Испоргнувши шуземцевъ изъ мирнаго быша, зашавивъ ихъ испышашь своевольную жизнь въ военномъ лагерѣ, надобно было, съ насшупленіемъ мира, обратишь ихъ изъ солдатъ по прежнему въ мирныхъ селянъ, къ домашней жизни, къ шихимъ привычкамъ. Къ несчастію, война заронила въ нихъ сѣмяна совѣмъ другаго направленія; ненаказанность грабежа и убійства развили въ эшихъ людяхъ сшраспи, дошоль имъ неизвѣшныя; новый бышъ казался имъ легче прежняго, давалъ имъ болѣе средствъ жизни; они привыкли обходиться съ опчизною, какъ будто съ завоеванною землею. По всему эшому, когда заговорили о расшущеніи войска и мирѣ, духъ возмущительный оказался въ войскѣ; оно разсѣялось опрядами, грабило селенія, не узнавало голоса священниковъ, кошорымъ повиновалось дошоль — даже возносило на нихъ убійственную руку. Для увеличенія ужасовъ шакого несчастнаго состоянія, взбуншовались опять Кипайцы и заняли городъ Нава, опкуда прогнали

ихъ только послѣ жестокой битвы. Тогда-же обласпи Лагуна и Башангасъ подняли знамя бунта; Илокосцы и Кагайяны избрали даже себѣ короля, а изъ Пангазинана были прогнаны Испанскіе сборщики подашей.

Въ такомъ состояніи находился Лусонъ, когда каноника *Анда* опредѣлили надъ нимъ генераль-капитаномъ. Правленіе этого дѣятельнаго и швердаго характеромъ человѣка, мало по малу, изгладило язвы военныхъ бѣдствій. Силѣ своеволія прошивопоспавилъ онъ страхъ наказаній, очистишь обласпи отъ разбойниковъ, ихъ опустошавшихъ, возстановилъ внутреннія сообщенія, уничтожилъ и предупредилъ буйство шудемцевъ, и далъ средства священникамъ снова ушвердишь власшь, какую опняли у нихъ времена смяшеній. Манилла одолженъ былъ своему начальнику возрожденіемъ и спокойствіемъ. Жители опдохнули и спарались вознаградишь свои пошери. *Баско*, бывшій преемникомъ *Анда*, показалъ неменѣе его желанія общаго добра и ловкости въ дѣлахъ. Видя, что духовенство непрерывно болѣе и болѣе увеличиваетъ свои шребованія, онъ опкрыто началъ прошивишься духовной власши, угрожавшей ему. Слѣдствіемъ былъ заговоръ, къ кошорому приспали чиновники военные и *real hacienda* (удѣльные). Увѣдомленный обо всемъ плацъ-маіоромъ, *Баско* схватилъ главныхъ зачинщиковъ, бросилъ ихъ въ корабль и опправилъ въ Европу. Въ правленіе *Баско* былъ въ Манильской гавани доспопаяшный *Лаперузъ*, и видѣлъ опъ почшеннаго начальника оспрова самый

дружескій и опличный пріемъ. Къ этому-же времени должно отнести уснановленіе Испанской Филиппинской Компаніи, хотя за началомъ ея слѣдовала неудача.—Баску наслѣдовалъ *Рафаэль Марія Агвиларъ*. Прибывши въ Манилла съ большими полномочіями, онъ пошелъ дорогою перемѣнъ и успѣховъ. Первый онъ осмѣлился открыть порты Лусона всѣмъ Европейцамъ, чего не допускала до ихъ поръ Испанія. Уснановивъ болѣе сильное воинское защищеніе, Агвиларъ улучшилъ финансовую часть и облагодѣшльствовалъ колонію многими учрежденіями.

Наступило время продолжительныхъ морскихъ войнъ, передавшихъ Индійскія моря въ руки Англичанъ. Лишаемая непрерывно и повсюду своей важности, поперявшая свои Американскія владѣнія, взволнованная войною съ Наполеономъ, Испанія оставляла Манилла безъ помощи, безъ совѣта, безъ управленія. Лусонъ, до самаго 1814 года, казался отдѣлившимся отъ Испаніи, жившимъ своими средствами и упавшимъ непрерывно. Миръ пробудилъ его, но не далъ ему понятія о системѣ наиболѣе полезной для его перерожденія. Въ великую торговую борьбу, которая зашевелила тогда цѣлый міръ, Лусонъ вступилъ съ старыми предразсудками о пользѣ исключеній и монополій, съ кораблями, сгнившими въ его портахъ, съ тарифами, которыми минуло уже два столѣтія.

Въ эту эпоху однакожь, повелѣніе, полученное изъ Испаніи, заставило губернатора Манильскаго согласиться на пребываніе, и даже поселеніе ино-

спиранныхъ негоціаншовъ въ Манилла. Французы, Англичане, Американцы, Голландцы явились на Лусонъ; но въ началѣ, какую необузданную ненависть, сколько зависливыхъ предубѣжденій, сколько открытыхъ и скрытыхъ преслѣдованій, и какія клеветы вспрѣтили Европейскихъ госшей! Можно было подумать, что эти иноспранцы пришли на Лусонъ для того только, чтобы опіянь у духовенства землю, завоеванную и обращенную имъ: такъ спрашно начали гремѣть проклятія противъ новыхъ пришельцовъ, православныхъ и ерешиковъ безъ различія! Тайно застѣваемая ненависть эта принесла страшные плоды, сшоль страшные, что самые сѣятели ея испугались. Когда, въ 1820 году, холера вшорглась въ Манилла, со всѣми своими неизъяснимыми припадками, мгновенною смерщью, безобразными шрупами умершихъ, безчисленными жерпвами, народъ, поражаемый неожиданно, не зная что думать, чѣмъ все это изъяснить, вдругъ проникнушъ былъ погибельною мыслью, что иноспранцы, о которыхъ говорили имъ сшоль много худаго, что эти злодѣи и ерешики навлекающъ на Манилла гнѣвъ Божій, и что по всему вѣроянію, они единственна причина и поводъ неукрошимаго бѣдспвія. Едва такая несчастная мысль перешла отъ одного къ другому, какъ увеличилась, усилилась, сдѣлалась безуміемъ. Нѣсколько медиковъ Европейскихъ занялись изученіемъ сущности и средствъ исцѣленія болѣзни; уже по нѣсколько дней подвергали они жизнь свою опасности въ больницахъ: ихъ убили, разшерзали, и сперва ихъ, какъ

главныхъ оправителейъ, а попомъ кинулись къ не-
гоціанцамъ, поселившимся въ Бидондо; захваченные
въ домахъ своихъ, многіе были убиты—трупы вы-
шавили на улицы, ругались ими, топтали ихъ ло-
шадьми. Два часа продолжалась ужасная сцена, и—
городовое начальство оставалось спокойно, непо-
движно. Только послѣ изпребленія иностранцевъ,
когда шолла, еще несывая кровью, спала уг-
рожать домамъ Испанцевъ, Генераль-Капитанъ
почелъ за необходимое явиться на площади съ
шшабомъ своимъ, призвалъ монаховъ и священни-
ковъ, уговаривалъ ихъ утишать народъ, и они у-
спокоили разъяренныхъ бунтовщиковъ. Убийство
прекратилось. Но ни одинъ изъ виновныхъ не былъ
ни преслѣдованъ, ни наказанъ.

Между шѣмъ иностранцы, которыхъ предали
такимъ образомъ на разтерзаніе народа, будто
несчастныя жертвы Римскаго цирка, эти инос-
ранцы сдѣлали для Манилла въ пять лѣтъ то, чего
не могли сдѣлать въ теченіе двухъ столѣтій его
беспечные власшители. Имъ обязаны введеніемъ
множества неизвѣстныхъ дошолъ, или бывшихъ
ничтожными родовъ промышленности; они завели
выдѣлку рома, въ большемъ объемѣ устроили на-
сажденія сахарныхъ просшниковъ, основали сахар-
ные заводы, фабрики индиго, табаку, масперскія,
гдѣ выдѣлывающіяся шкани изъ шуземной пенки и
банановаго *абака*; они привлекли въ портъ кораб-
ли изъ всѣхъ споронъ свѣта, дали жизнь мершвой
гавани, покрыли планшадіями дикія поля, умножи-
ли промѣны и движенія сполькихъ, коснѣвшихъ въ

бездѣйствіи богашствъ ; ихъ забою развелись обширныя насажденія кофе и какао ; саратинское пшено, хлѣбъ стали предметомъ произведенія обширнаго и прибыльнаго. Манилла одолженъ имъ своимъ воскресеніемъ, не смотря на безчеловѣчіе, съ какимъ подвергали гибели ихъ жизнь и благосостояніе.

Но должно сказать, что теперь началось уже и прошиводѣйствіе въ пользу иностранцевъ ; уже начали понимать всю выгоду пребыванія ихъ здѣсь ; вкусъ къ Европейскимъ обычаямъ , употребленіе Европейскихъ предметовъ роскоши и произведеній необходимыхъ распространились и сдѣлались общими , по причинѣ дешевизны ; самые нравы улучшились и смягчились. Испанцы , метисы , Тагалы опытомъ удостоверились въ невыгодѣ, какую причиняла имъ блокада монополій, на которую столь долгое время осуждены были Филиппинскіе острова Испанією ; хотя слишкомъ медленно, все достигаютъ здѣсь до понятія благодѣяній общественности , проникнутой космополицизмомъ. Нѣтъ никого , даже изъ монаховъ и священниковъ , кто невольно не подвергался-бы вліянію идей просвѣщенной терпимости. Особливо Испанское духовенство, занимающее высшія мѣста и управляющее мѣстнымъ духовенствомъ, подверглось силѣ благодѣтельной реформы, старается направишь къ умѣренности духъ политики и общественности , сохраняя при томъ чистоту основаній Католической религіи. Въ странѣ, гдѣ голосъ духовенства еще столь силенъ , какое прекрасное поприще пасы-

рямъ людей, если они пославяшъ себя посредниками всеобщаго примиренія народовъ !

Впрочемъ, когда разсмаширивашъ дѣло съ высшей почки полипики, шолько сисшемою сплавки народовъ, повелишели здѣшней колоніи могушъ еще поддерживашъ власшъ свою надъ нею. На Лусонѣ, какъ на Аншилскихъ оспровахъ, какъ въ Бенгалѣ, какъ во всѣхъ споронахъ, гдѣ племена Европейскія смѣшались съ другими, уже образовалось новое племя, могучее по числу и по ошношеніямъ, дѣяпельное, промышленное, нерѣдко сильное духомъ — это метисы, креолы. Въ Бидондо, они управляюшъ всею полуопшовой и мѣлочною торговлею, занимаюшъ множесшво ремеслъ, хозяйсшвуюшъ надъ множесшвомъ большихъ планшаций, снабжаюшъ солдашми гарнизонъ и мапшрозами флотъ. Съ недавняго времени всшупили они въ ряды духовенсшва, и имъ ондали ошъ 2-хъ до 3000 мѣлкихъ приходовъ, слишкомъ незначипельныхъ для Европейскаго священсшва. Такимъ образомъ, креолы явились повсюду, въ церкви, въ шорговлѣ, въ прибрежномъ мореходсшвѣ, въ земледѣліи, въ промышленности. Правда, до сихъ поръ, первые въ вещесшвенныхъ ошношеніяхъ, по своей прудолобивой смышленосши, они оспашюшся послѣдними въ моральныхъ ошношеніяхъ, за свою лѣносшъ, безправсшвенносшъ, невѣжесшво, грубшя привычки; но Испанія должна предвидѣшъ, что Лусонъ согрѣвашъ за пазухою змѣю, кошорая уничтожишъ власшъ ея, если не предупредишъ она эшой змѣи, и не вырешъ у нея жала. Уже въ 1824 году, неудачный

заговоръ могъ показати, что готовишься въ будущемъ. Нѣсколько офицеровъ гарнизонныхъ и Испанскихъ купцовъ присоединились къ менисамъ, и хотѣли провозгласить независимость Лусона, пользуясь новыми идеями, кошорыя произникли изъ Испанской революціи и опнаденія Испанской Америки. Въ Маѣ вспыхнуло возмущеніе; заговорщики овладѣли одними изъ городскихъ воротъ, прямо опправились въ жилище Генераль-Капишана, схватили и зарѣзали этого перваго чиновника колоніи. Споль дерзкое и рѣшительное начало могло бытъ послѣдуемо полнымъ успѣхомъ, но вѣрность войска правительству и смерть одного изъ главныхъ буншовщиковъ измѣнили общоятельства. Побѣдители по утру, вечеромъ заговорщики были уже въ тюрьмахъ крѣпости, откуда опправили ихъ въ Испанію. Изгнаніе и казнь сдѣлались участью начинщиковъ. Но кто поручится, что за ними не явятся другіе, болѣе страшные и вѣрнѣе рассчитавшіе успѣхъ?

Правленіе Филиппинскихъ острововъ донныѣ продолжается такъ, какъ началось съ самаго покоренія ихъ Испанцами. Генераль-Капишана присылають сюда изъ Испаніи. Онъ политическій начальникъ всѣхъ острововъ, и хотя должностъ его продолжается шолько шесъ лѣтъ, по уставу, но почти всегда просягивають ее за опредѣленный срокъ, и немного было правителей, кошорые не оставались-бы на мѣстѣ долѣе шесши лѣтъ. Жалованье Генераль-Капишана состоить изъ 18,000 піаспровъ; 4000 изъ нихъ осмашаюся до перемѣны

его въ королевскомъ казначействѣ, на случай взысканій при сдачѣ мѣсна. Послѣ смѣны своей, правитель долженъ прожить еще полгода въ колоніи, какъ частный человѣкъ — законъ мудрый, предусмотрительный, но почти всегда уклоняемый злоупотребленіемъ. Нынешній Генераль-Капитанъ находится на Лусонѣ съ 1830 года. Генераль-Капитанъ председательствуетъ въ совѣтахъ и управляетъ доходами. При немъ, какъ контролеры, находясь ассессоръ и сборщикъ податей. Колоніальный Совѣтъ, всѣмъ заведывающій, состоитъ изъ одного правителя и четырехъ совѣтниковъ (*oidores*). Кромѣ всѣхъ этихъ помощниковъ по гражданской и политической частямъ, Генераль-Капитанъ имѣетъ еще по военной части важнаго помощника, *alter ego*, Королевскаго поручика, присылаемаго изъ Испаніи, для управленія войскомъ и замѣны главнаго начальника, если это потребуется.

За сими главными властями слѣдуетъ множество вѣпороспеченныхъ властей, изъ которыхъ важнѣйшіе суть обласные алькады; ихъ считается два въ Манилла и двадцать восемь въ областяхъ; всѣ они принимаютъ титулъ *Capitan de guerra*. Подъ ихъ властью находясь *Capitanes del pueblo*, или начальники городовъ, избираемые изъ богатѣйшихъ жителей, и *Cabessas de varangaye*, родъ земныхъ сборщиковъ, обязанныхъ наблюдать за сборами въ пользу правительсва. Кромѣ того, Манилла имѣетъ еще одного чиновника особеннаго — это *коррежидоръ*. Онъ начальникъ

полиціи; у него въ распоряженіи шюрмы. Судебное преслѣдованіе ограничивается для его особы извѣстными сшепенями дѣлъ; далѣе положенныхъ предѣловъ, онъ передаетъ преступника Совѣту.

Таковы гражданскія и политическія власпи въ Манилла. Противоположно съ ними, и почти совершенно независимо отъ нихъ, идутъ власпи духовныя. До сихъ поръ ни одна изъ этихъ властей не сохранила вліянія болѣе чернаго духовенства. Оно дославляетъ почти всѣхъ членовъ архіепископству, и его различные орденъ владѣютъ почти всѣми богатыми и важнѣйшими приходами острова.

Глава всего духовенства Манильскій Архіепископъ; подъ его начальствомъ при епископа и капитулъ двѣнадцать канониковъ, съ своимъ предсѣдателемъ Трое епископовъ живутъ въ Виганѣ, Нага (въ области Samarines) и въ Зебу, на островахъ Биссайскихъ. Послѣ епископовъ слѣдуетъ Великій Инквизиторъ, начальникъ комиссаровъ Свяшаго Судища. Этотъ духовный трибуналъ былъ усроенъ въ Манилла по примѣру Европейскаго, заслужившаго споль спрашную знаменитость. На Лусонѣ, какъ и въ Испаніи, лазутчики и члены Инквизиціи проникали во всѣ семейныя шайны, испытывали благовѣріе каждаго, наказывали открытое и шайное неблагочесніе въ великомъ и маломъ, осуждали и изпребляли вредныя книги, и опредѣляли San-Benito и костре виновнымъ и осужденнымъ.

Чепыре монашескіе ордена, властвующіе въ Манилла, сушь: *Августины, Доминиканы, Бернардины* и *Францисканы*. У каждаго свой начальникъ (Provincial) и свой капишулъ. Изъ среды этихъ чепырехъ орденовъ избираюпся въ священники для приходовъ по обласіямъ. По наблюденіямъ путешественниковъ, непристрасныхъ и въ различныя времена, духовенство здѣшнее, кажется, нѣскольکو излишне проспирало на подчиненныхъ своихъ строгость въ надзорѣ за исполненіемъ обязанностей и пошановленій. Нерѣдко многіе изъ духовенства подвергались даже взысканіямъ отъ архіепископовъ за излишнее суевѣріе. Вотъ что говоритъ человекъ, котораго никакъ не обвинишь въ пристрастіи—знамениый Лаперузъ: «Народъ здѣшній раздѣленъ на приходы и подчиненъ многимъ обязанностямъ, мѣлочнымъ и даже спраннымъ. Всякая духовная вина, всякій грѣхъ донынѣ наказываешся шѣлесно, по приказу священника; съ мужчиною и женщиною поспунають одинаково, и наказываютъ всегда въ присушствіи народа. За неявленіе къ молишвѣ и обѣднѣ положенъ шшрафъ деньгами. Праздники, службы, обряды занимають весьма много времени, и какъ въ жаркихъ климахахъ воображеніе воспламеняешся быспро и сильно, то слѣдствія этого здѣсь бывають самыя спранныя: я самъ видѣлъ во время пасхи, что кающіеся, въ маскахъ, ходили по улицамъ въ цѣпяхъ, обложивъ шѣло колючими вѣшвами, и передъ каждою церковью и часовнею получали извѣстное число ударовъ плешью, такимъ образомъ подчиняя себя по-

канію почти столь-же тяжелому, какъ покаяніе Индійскихъ факировъ. Всѣ эти излишества, способныя только произвестъ суевѣріе, а не подкрѣпить истинную вѣру, запрещены Архіепископомъ. Но есть духовные особы, копорые, если не приказываютъ, то, по крайней мѣрѣ, и не запрещаютъ подобныхъ странностей.»—Ренуаръ де-Сентъ-Круа, посѣдившій Манилла черезъ двадцать лѣтъ послѣ Лаперуза, говоритъ, что суевѣріе и изувѣрство видѣлъ онъ здѣсь еще въ сильной степени. На святой недѣлѣ, по улицамъ Бидондо ходятъ полунагіе Тагалы, въ колючихъ вѣнцахъ, и ихъ сѣкутъ дѣши, за ними бѣгущія; другіе довольствуются тѣмъ, что облачаютъ себя публично тяжелыми веригами. Особенно опличаются излишествомъ изувѣрія шеземные священники, чрезвычайно вольные въ поведеніи, и едва умѣющіе читать Латинскія молитвы, перемѣшанные съ Тагальскими словами. Но должно отдать справедливостъ монахамъ чешырехъ вышеупомянутыхъ орденовъ, что они всегда опличались самымъ непорочнымъ образомъ жизни.

Такимъ образомъ, съ одной стороны Генералъ-Капитанъ, его совѣтники и алькады, съ другой Архіепископъ, епископы, каноники и священники—вошъ два могущества, раздѣляющія между собою власть надъ Испанскою колонією. Вторые подкрѣпляющія моральнымъ вліяніемъ на умы; первые гарнизономъ изъ 2000 Европейцевъ и 4000 шеземцевъ, не считая обласшной милиціи, вооруженной пиками, съ салакошами на головахъ.

Со времени бунта въ 1824 году , въ чемъ замѣшано было много креоловъ , Манильское начальство требовало и получило подкрѣпленіе прибавкою Испанскихъ солдатъ , чтобы въ случаѣ нужды прошивокославить ихъ возмущенію туземцевъ. Прибавка 1000 человекъ гарнизона показалась достаточною для безопасности колоніи. Служба здѣшней областной милиціи совершенно полицейская. Получая паекъ и маленькое жалованье , эта областная спража день и ночь наблюдаетъ за безопасностью дорогъ и порядкомъ между жителями. Въ случаѣ безпокойства , она собирается ротами , подъ начальствомъ своихъ капитановъ (которые почти всѣ суть самые значительные изъ мѣстныхъ жителей) , и является въ мѣста пребыванія алькадовъ. Такимъ образомъ , въ два , три дня Лусонъ можешь выставить отъ 20 до 30,000 человекъ войска, непріученнаго, правда, къ регулярной службѣ, не пригоднаго для правильной войны, но превосходнаго и спрашнаго въ войнахъ гверильсовъ , или партизановъ. Въ слѣдствіе такого устройства , непріятель можешь покорить Манилла , но никогда не завоюешь Лусона. — Прежде, къ сухопутнымъ войскамъ здѣшнимъ можно было еще присовокуплять морское, но теперь едва-ли находящіяся здѣсь всего десятка три канонерскихъ лодокъ ; ими начальствуешь капитанъ фрегата.

Расходы по колоніи , издержки на управленіе , на духовенство , на чиновниковъ военныхъ и духовныхъ, простирающіяся до 40-ти милліоновъ франковъ. Для прикрытія всего этого , изсари опре-

дѣлены сборы, сумма и свойство которыхъ часно измѣняющіяся. Это суть : плата съ поземельныхъ доходовъ, поголовная подать съ Кипайцевъ, пошлина съ привоза товаровъ (восемь процендовъ съ оцѣнки), налоги на табакъ, бешель, арекъ, пѣпушы бои, кокосовое вино и крѣпкіе напитки, наконецъ гербовыя пошлины.

Со времени мира въ 1814 году пошлины съ привоза и вывоза усилились въ значительной степени, какъ видно это по книгамъ Манильской таможи. Онѣ достигли было до суммы необыкновенной, когда законъ утвержденный во Франціи, въ 1825 году, убавилъ чрезмѣрно пошлину, взимаемую прежде того съ Индійскаго сахара. Многочисленные корабли немедленно отправились изъ Бордо, Нанша, Гавра, Марсели, и всего болѣе въ Туранъ и Манилла; Французскій флагъ появился снова въ Индійскихъ моряхъ; Французская промышленность нашла было средства для великаго сбыта товаровъ, когда въ то-же время рафинадные заводчики наши приобрѣли себѣ дешевый товаръ. Новая и плодотворная торговля образовалась; но жалобы одной изъ привилегированныхъ Французскихъ колоній, острова Бурбона, который, въ замѣну премій, данныхъ его произведеніямъ, не могъ даже надѣлать насъ порядочною гаванью, вдругъ остановили счастливое вдохновеніе правителей Франціи и уничтожили движеніе торговли, произведенное измѣненіемъ тарифа. Оскорбясь такою переменою, правительство Манильское ошмелило одинаковымъ образомъ, и слѣдствія были равно пагубны для

Франціи и Филиппинскихъ острововъ. Французскія вина и напитки подверглись запрещенію, и несогласіе шарифовъ удалило Французскіе корабли изъ гаваней Лусона. Ловкіе болѣе насъ, лучше понимая взаимную пользу, Англичане воспользовались исключеніемъ Французовъ. Какъ любопытный фактъ, надобно замѣтить, что прозорливость Лаперуза, за пятьдесятъ лѣтъ, предчувствовала самую выгодную систему для Испанской колоніи. Вотъ что писалъ онъ въ 1787 году, и что другое можемъ мы сказать даже и теперь?

«Когда всѣ жители здѣшніе снабдятъ себя сарацинскимъ пшеномъ, овощами и сахаромъ, въ количествѣ достаточномъ для ихъ продовольствія, османокъ не имѣетъ здѣсь никакой цѣны. Въ такихъ обстоятельствахъ случилось, что сахаръ продавали дешевле одного су за фунтъ, а пшено даже не принимались жать. Думаю, что трудно самому невѣжественному обществу людей придумать систему управленія нелѣпую болѣе той, по которой портъ Манильскій, долженствующій быть открытымъ и свободнымъ для всѣхъ народовъ, донынѣ запертъ Европейцамъ.».. Далѣе: «Индиго, хлопчатая бумага, сахарный тростникъ безъ обработки родятся здѣсь подъ ногами жителей, ихъ презирающихъ; но совершенная свобода торговли для всѣхъ народовъ установилась бы сбытъ, ободрительный для произведеній здѣшнихъ всякаго рода, и самого умѣреннаго сбора пошлинъ достаточно-бы было въ немного лѣтъ на всѣ расходы правительсва. Свобода религіоз-

ная, данная Кишайцамъ, съ нѣкоторыми льгошами, скоро привлекла-бы на Филиппинскіе острова 100,000 новыхъ колонистовъ изъ восточныхъ областей Кишай, спрадающихъ отъ тиранства тамошнихъ мандариновъ.»...

Къ этимъ словамъ умнаго наблюдашеля, къ совѣщаніямъ, которые кажутся современными, прибавляшь нѣчего. Умные люди во всѣ времена предчувствовали будущее.

Торговля Филиппинскихъ острововъ дѣлился на нѣсколько отраслей: прибрежное плаванье на Биссайскіе острова и въ Кишай, промѣны съ Малезією и Индією, и наконецъ, важнѣйшее другихъ, сношеніе съ Европою. Во внутреннихъ областяхъ все производится черезъ алькадовъ: они, какъ уже говорилъ я прежде, скупаютъ всѣ произведенія своихъ областей, и потомъ перепродаютъ ихъ въ Манилла. Тушъ изъ рукъ мешисовъ и Кишайцевъ шоваръ переходитъ къ негоціантамъ Испанскимъ, Французскимъ, Англійскимъ и Американскимъ.

Съ Биссайскими островами, Манилла мѣняетъ Бенгальскія шкани на золото въ порошокъ, воскъ, *балате* и пшичьи гнѣзда; съ Короманделемъ камбаи, Мадрасскіе плашки, конжоны на піаспры и небольшое количество дерева *сибукао*; съ Кишаемъ фарфоръ, конфекшы, шелковыя издѣлія, фрукты на произведенія Биссайскія, балате, пшичьи гнѣзда, папу (сушеную оленину), олени жиры, черепаху, гебенное дерево, и наконецъ съ Европою сукна, вина, водку, масло, желѣзные издѣлія на сахаръ, индиго, кофе, черепаху, золотой порошокъ, соби-

раемый въ водахъ Лусонскихъ, какао, ромъ, сарачинское пшено, табакъ, красильное дерево.

Большая часть всѣхъ эсихъ различныхъ шорговъ находишся въ рукахъ меписовъ; жены ихъ особенно завладѣли Мадрасскими шканями и камбаями. Опышныя болѣе мужчинъ въ этомъ родѣ шоваровъ, онѣ ошправляются въ Паріамъ, гдѣ на шамошнемъ базарѣ находяшся лучшіе магазины. Меписки шоргуютъ и берутъ шоваръ почти всегда безъ плашежа наличными, и даже безъ росписокъ; какъ-бы ни великъ былъ срокъ, на кошорый условяшся, покупщица не согласишся дать росписки, но за шо всегда вѣрно явишся къ плашежу. Вообще выгоднѣйшимъ находяшъ имѣшъ дѣло съ меписами, нежели съ Испанцами, худыми плашельщиками, или съ Кишайцами, самыми дерзкими плушами, какіе шолько ешъ на свѣшѣ.

ГЛАВА XXXII.

ОСТРОВА ФИЛИППИНСКІЕ. — ГЕОГРАФІЯ.

Архипелагъ святаго Лазаря, обыкновенно называемый *Филиппинскими островами*, состоитъ изъ множества острововъ и островковъ, числомъ всего до 1000, изъ числа которыхъ довольно упомянуть только о главнѣйшихъ по величинѣ и важности. Весь архипелагъ этотъ распространяется отъ 5° до 19° сѣверной широты. Въ цѣпяхъ горъ, пролегающихъ по островамъ во всѣхъ направленіяхъ, есть пики отъ 1800 до 2000 футовъ вышиною (впрочемъ досовѣрнаго измѣренія ни одному не сдѣлано). Многія изъ горъ огнедышащія, и между ними замѣчательная гора *Майонъ*, или *Албай*, на островѣ *Лусонъ*, у которой вершина всегда дымится, и еще горы на островахъ *Миндоро* и *Санги*, подлѣ которыхъ находясь неиспощимыя копи горючей сѣры.

Какъ на Индійскомъ полуостровѣ цѣль *Гашпскихъ горъ* опредѣляетъ различіе двухъ атмосферъ,

горы на Лусонѣ, идущія въ томъ-же направленіи, также устанавлиють два различныя состоянія климата. Въ отдѣленіи земель на западъ отъ горъ, дожди идутъ въ Іюнѣ, Іюлѣ, Августѣ, и отчасти въ Сентябрѣ — это время *западныхъ* вѣтровъ и пошопленій; на всемъ западномъ пространствѣ свирѣпствуютъ тогда сильные порывы вѣтра, называемые *colla*; море бурлитъ, земля покрывается водою, поля дѣлаются озерами. И въ то-же время на восточной и сѣверной сторонѣ погода превосходная. Но съ С. В. муссономъ, для восточной части земель наступаетъ время бурь и дождей. Такъ непрерывно, двѣ половины земель переменяють свой климатъ, и переходя поочередно то на ту, то на другую, можно наслаждаться здѣсь непрерывною весною. Въ промежуткахъ двухъ муссоновъ, во время нерѣшимельности и борьбы вѣтровъ между собою, являющіяся сильные шифоны (*baguys*), въ нѣсколько часовъ опустошающіе жатвы, низпровергающіе хижины и дома, испоргающіе деревья, разбивающіе корабли. Люди, которые все изъясняють къ лучшему, говорятъ, будто именно эшимъ сильными движеніямъ воздуха Филиппинскіе острова обязаны здоровоспью климата, не смотря на періодическую дождливость его.

На орошаемой влагою почвѣ острововъ, произрастаніе является сильно и великолѣпно. Луга, поля, горы всегда зелены. Иногда на одномъ деревѣ, въ одно время, видны цвѣты и плоды; но Европейскія плодовые деревья здѣсь вовсе не при-

носящъ плода , или приносящъ его весьма мало ; за то деревья пропиковыя — померанцы , лимоны , манги , апшы , ланконы — вознаграждають плодомъ превосходнымъ. Всѣ Европейскіе овощи , кромѣ каршофеля , удаются въ огородахъ Манилла. Но главное богатство острововъ составляетъ сарачинское пшено , основа для продовольствія жителей. Испанцы ввели въ употребленіе хлѣбъ , родящійся вообще весьма хорошо. Къ этимъ предметамъ мѣснаго попребленія надобно прибавить произведенія для промѣна и вывоза — хлопчатую бумагу , кофе , сахаръ , индиго , какао , *cassia lignea* , шабакъ , бешель , арекъ , обрабатываемыя въ количествѣ болѣе или менѣе значительномъ.

Рогатой скотины , овецъ , козъ , буйволовъ также свиней и лошадей , на островахъ здѣшнихъ изобиліе. Многія изъ породъ живошныхъ живутъ въ горахъ—олени , серны , козы. Тамъ-же находятся зеленныя и сѣрыя горлицы , и другія съ краснымъ пашномъ на груди , птица *табу* (которая зарываешь въ песокъ яйца свои для вывода дѣшнейшей) , бекасы , глухари , и проч. Море и озера наполнены превосходною рыбою. Кайманы ужасной величины плавають въ рѣкахъ. Конпръ-Адмиралъ Ричрей говоритъ объ особенномъ родѣ змѣй , называемомъ пуземцами *дамопалау*—ядъ ихъ причиняешь смерть въ одно мгновеніе. Изъ ящерицъ замѣчательна называемая *законъ* , такъ проименованная пошому , что крикъ ея выражаешь два слога : *за-конъ* , и *калао* , которая всегда , какъ пѣшухъ , поешь въ извѣстные часы дня.

Рудники золоша и желѣза необильны и худо обрабатываются; золопоносные пески въ рѣкахъ, которыми пользуется шерпѣливостъ Кишайцевъ, красивое и спроевое дерево, воскъ, сѣра, смола, яншарь, жемчугъ, перламушрь, салангановыя гнѣзда, *балате* и *каури* — шакovy сушь другія богашесива здѣшней благословенной спороны.

Острова Филиппинскіе можно раздѣлишь на пиянь слѣдующихъ главныхъ купъ: *Лусонская*, *Биссайская*, *Парагоаская*, *Минданаоская* и *Сулуская*.

Лусонъ, островъ, дѣлился на пияннадцать алькадшвъ, или областей: *Тондо*, или *Манилла*, *Кавите*, *Валангасъ*, *Булаканъ*, *Лагуна*, *Батангасъ*, *Тайамбасъ*, *Пампангеа*, *Замбалесъ*, *Пангазинанъ*, *Илоко*, *Кагайанъ*, *Камаринесъ*, *Албай*.

Я говорилъ о *Тондо*, *Кавите*, *Лагунѣ*, *Илоко*. *Валангасъ*, Тагальская земля, на З. ошъ *Манилла*, обширна, но покрыва горами и немногoлюдна. *Манилла* получаешь ошсюда дикую пальму, бамбукъ и нѣкошорыя спроильныя деревья. Изъ *Валангаса* идетъ шакже большое количесшво *niras*, изъ кошораго дѣлають превосходныя кровли. Алькадъ живешъ въ *Валангасѣ*, приморскомъ городѣ залива *Манильскаго*. — Область *Булаканъ* знамениша на *Лусонѣ* красошою женщино, Черкашенокъ Филиппинскихъ; она на сѣверѣ ошъ *Манилла*, сжаша въ нѣсныхъ предѣлахъ, и плодоносію своему обязана чрезвычайнымъ населеніемъ. Счишають здѣсь до 49-ши городковъ, и въ числѣ ихъ ешь споль значительныя, чшо по нѣскольку часовъ надобно употребляшь для переѣзда черезъ нихъ — впрочемъ

не удивишь этому: здѣшніе города и селенія непохожи на наши Европейскія; дома спроехся здѣсь почти всегда на разстояніи сша шаговъ одинъ отъ другаго; разбросанные такимъ образомъ по обѣимъ сторонамъ улицы, они окружающа красивыми садами, гдѣ разводятся иногда не менѣе 50-ти, или 60-ти родовъ деревьевъ. Сообщенія пересѣкающа обласи во всѣхъ направленіяхъ; каналами и судоходными рѣками доспавляюща въ Манилла произведенія удивительныхъ долинъ здѣшнихъ, а дороги сухопущныя шакъ хороши, что можно сравнить ихъ съ садовыми укашанными дорожками. Лучшіе плоды обласи суща называемые: *лакаты* и *гугуланъ*. — Обласи Башангасъ на югъ отъ Лагуны; она гориста и лѣсиста; съ ея возвышенныхъ горъ взоры объемлютъ вдругъ два моря — Кишайское и Южный Океанъ. Главное мѣсто *Санъ-Пабло дель-Монте*, подлѣ котораго находяща озеро сѣрноватой и солоноватой воды, зашощившія собою древнія жерла пошухшихъ волкановъ. Глубина этихъ водохранилищъ неисчислена: веревками въ двѣсти бросовъ длиною недоспаша дна. Всѣхъ этихъ озеръ семь; они находяща въ полулѣ одинъ отъ другаго, и называюща *Семь братьевъ*; спрашныя кайманы обшаша въ нихъ. — На югъ отъ Башангаса обласи *Тайамбасъ*, послѣдняя изъ Тагальскихъ земель, касающа полуострова Камаринескаго. Прибрежная часть ея прекрасна и обработана; но во внутренности дороги, идущія по крушизнамъ, непроѣзжны: деревья и кустарники занимающа всѣ сканы холмовъ, и не дающа про-

хода сквозь ихъ гущи вѣшви. Тайамбасъ, находясь опчасши на Южномъ Океанѣ, много разъ видѣла въ ея малопосѣщаемыхъ заливахъ Американскіе гальоны. Если Испанія бывала въ войнѣ съ какою нибудь Европейскою державою, и крейсера блокировали Манильскій портъ, сигналъ при входѣ въ проливъ Санъ-Бернардино показывалъ гальону, что приспанямъ западнымъ угрожаетъ опасность; тогда эпортъ пловучій магазинъ богашевъ направлялся на восточный берегъ Лусона, гдѣ выгружалъ все на берега; на рукахъ переносили потомъ выгрузку до озера Лагуна, и опшуда на лодкахъ перевозили въ Манилла. — Сѣвернѣе всѣхъ Тагальскихъ земель находящаяся обласъ *Пампанге*, обитатели которой представляютъ почти одинакіе нравы и одинакій характеръ съ Тагалами. Обласъ эша обширна и плодоносна, богата золотыми рудниками, и производитъ превосходный табакъ и огромное количество сахара. — Обласъ *Замбальская* на С. З. опъ Пампанга, опъ мыса Капонскаго до мыса Болинао. *Замбалы*, жители ея, малорослѣе своихъ сосѣдовъ, но образованы и одѣвающиеся подобно имъ. Тушъ есть превосходный портъ *Субекскій*, защищенный опъ всѣхъ муссоновъ, съ двадцатью заливами и десятью брассами глубины подлѣ самыхъ береговъ. — Обласъ *Пангазинанъ*, на С. опъ Пампанге, образуетъ собою обгибъ залива, касаясь на В. народовъ малоизвѣстныхъ и независимыхъ, на сѣверъ обласи Илоко, и Западнаго моря. Малорослые, но храбрые и гордые, ея обитатели совершенная противополож-

ность сосѣдамъ, Пампангамъ и Илокосцамъ, кошорые великорослы, сильны, но крошки. Можешь бышь, по эшому пиратъ Лимагонъ выбиралъ здѣшнюю обласъ, какъ безопаснѣйшее для себя мѣсто, нападая на Испанцевъ.

Въ ближнихъ горахъ обитающъ здѣсь самыя главнѣйшія породы дикарей, называемыхъ *Игорото* и *Негрито*. Они продающъ дѣшево своихъ Испанцамъ, и опваживающъ приходишь въ селенія Пангазинановъ, и особенно *Тангайановъ*, ненаходящихся подъ насъоящею власью Испанцевъ. Вся воспочная покашость острова предоспавлена здѣсь дикимъ племенамъ, явно различнымъ, не только опъ образованныхъ окружныхъ народовъ, но и между собою. Различіе эшо не сполько въ языкахъ, сколько въ шипѣ лица и шѣла, и въ нравахъ. Такимъ образомъ, далѣе черныхъ *Этасовъ* сущесствующъ еще, въ сосъояніи полной независимости, сначала народы Малайскіе, древніе пуземцы Лусона, заброшенные въ горы лѣношью, или возмущеніемъ—можешь бышь даже, что эшо ошашокъ морскихъ разбойниковъ Биссайескихъ, или Минданаоскихъ; далѣе слѣдующъ пошомки Кипайцевъ, ошашки высадокъ Лимагона, или бывшихъ возмущеній; наконецъ пошомки Японцевъ, заброшенные сюда кораблекрушеніемъ, и все эшо живешъ здѣсь, не считающъ еще смѣшеній эшихъ различныхъ племенъ между собою, и съ племенами исчисленными мною выше сего. — Всѣ сіи народы, независимые опъ Испанцевъ, ведутъ жизнь земледѣльцевъ и рыбаковъ, одѣвающъ въ шкани, самими ими выдѣлываемыя,

болѣе ходящъ полунагіе, но знаютъ уже нѣкошорую общественность, особливо въ горахъ надъ долинами Виганскими. Тамъ извѣстны одиннадцать значительныхъ дикарскихъ селеній, между кошорыми сущесвуесть общій союзъ. Женщины пламошнія крѣпки и довольно красивы; одѣяніе ихъ соспавляесть родъ рубашки, закрывающей имъ грудь, и при ней бываесть еще кусокъ бумажной шкани, кошорымъ дикарки обвершывають себя опъ пояса до колѣнъ. Обишая въ хижинахъ, хорошо вооруженные, дикари здѣшніе умѣють опражашъ силу силою, и даже небезопасно явишся къ нимъ проснымъ наблюдашелемъ, пошому, что они не довѣряють никакому чужеземцу и прешещуть за драгоцѣнную имъ независимость. Религія ихъ ессть смѣшеніе басенъ и суевѣрныхъ обрядовъ. У нихъ ессть законныя жены и наложницы; раздѣляюшся они на дворянъ и невольниковъ, и повинуюшся царямъ своимъ. Войны ихъ жешоки и опчаянны; если убьють у нихъ начальника, подчиненные должны опмешить за него множесшвомъ жершвъ—убишь сполько человекъ въ память его, сколько будешъ несжашыхъ пальцевъ на рукахъ шрупа. Для шакихъ мщеній дикари избирають ночное время, и спшановяшся въ засадѣ около дорогъ, за деревьями, вооружашъ луками и спрѣлами. Случай опредѣляесть послѣ сего, кому погибнушь жершвою спрашнаго икупленія. Хижины эшихъ народовъ, низенькія, спшрояшся изъ бамбука и покрываюшся соломой, или шравою. — Вообще черные народы здѣшнихъ мѣстъ сушь богашѣйшіе изъ дикарей Лусонскихъ;

они разрабатывают довольно значительные золотые рудники, и показывают большое лукавство въ продажѣ шовара. Думаютъ, что выплавкой золота выручаютъ они около 20,000 пиастровъ въ годъ. Здѣсь встрѣчаются Негры почти бѣлые, извѣстные въ Манилла подъ названіемъ *дѣтей солнца*. Ренуаръ де-Сеншъ - Круа видѣлъ между прочимъ Негришанку, дѣвушку лѣтъ 19-ти, высокую, очень стройную и весьма бѣлую, съ немного расплюснутымъ носомъ, каштановыми волосами, хорошимъ зрѣніемъ, и у которой отецъ и мать были совершенно черны. Гермафродиты встрѣчаются также между нѣкоторыми породами дикарей, и даже такъ нерѣдко, что у туземцевъ есть для нихъ особенное названіе: Тагалы называютъ ихъ *bina-bayes*.

Последняя Испанская область въ сѣверной части Лусона *Кагайанъ*, гдѣ мужчины самые красивые и самые сильные изъ всѣхъ жителей Филиппинскихъ острововъ, какъ женщины Булаканской области счисляются на Филиппинскихъ островахъ самыми красивыми. Мало встрѣтите Кагайанцевъ ростомъ менѣе 5-ти футовъ и 5-ти дюймовъ, и сила ихъ соответствуетъ этому росту. Осправляясь въ дорогу, берутъ они съ собою лукъ и стрѣлы, а для защиты отъ солнца надѣваютъ на голову салаконтъ. Область ихъ оканчивается двумя мысами: на З. находящаяся мысъ *Бохадоръ*, на В. мысъ *Эганьо*. Обрабатываемыя земли составляютъ здѣсь полосу по приморью; остальная область суша высока и лесиста.

пья и неприступныя ; долины внутреннія между горами заняты племенами независимыми.

На сѣверъ опъ Кагайана , и въ недалекомъ разстояніи опъ береговъ, находящаяся оспрова *Бабуянскіе* , обитаемые красивымъ народомъ. Оспрова эши совершенно безлѣсны; вмѣсто сарачинскаго пшена , оспровишяне питаются иньямами. Испанцы содержатъ здѣсь воинскую спражу , и нѣсколько монаховъ живутъ при ней.

Если съ сѣверной спороны Лусона перейдемъ на югъ, мы найдемъ *полуостровъ Камаринскій*, самъ собою дѣлящійся на двѣ области, *Камаринесъ* и *Албай*. Эшопъ полуостровъ вдается въ море на Ю. В. и примыкаетъ къ Лусону перешейкомъ въ чешыре лѣ , кошорый заключенъ въ области Тайамбасъ. Берега обитаемы народами подвласными Испанцамъ; во внутренности еспъ свои *Игороты* , *Италоны* , *Илонготы* , свободные и дикіе. Здѣсь насчитываютъ множесиво волкановъ ; главный изъ нихъ *Албай* , непрерывно извергающій пламя. Ни одна изъ другихъ областей Лусона не подвергается споль частымъ землетрясеніямъ ; въ 1804 году продолжались они двѣ недѣли сряду.

Въ числѣ произведеній Камаринскихъ должно пославить бализьеръ , канаты изъ абака , и шкани *nirras* , или *nirris*. Ткани эши выдѣлываютъ изъ волокъ , доспаваемыхъ въ сердцевинѣ бализьера (родъ бананика). Ниппа бываетъ цвѣта желто-соломеннаго, жестче льняной, и свѣтлѣ неблѣнаго башиста. Она служитъ на Филиппинскихъ оспровахъ для мужскихъ и женскихъ рубашекъ шузем-

цамъ. Европейцы употребляютъ ее иногда на жилеты и панталоны; она легче и прохладнѣе всѣхъ извѣстныхъ тканей, но жесткость дѣлаетъ ее неловкою и непріятною.

Обитатели Камаринскіе рослы, сильны и весьма храбры; безпрестанно дерущаяся они съ Малайцами, жителями окрестныхъ острововъ, нападающими на нихъ въ расплохъ, при чемъ иногда цѣлыя селенія, мужчины и женщины, бывають увозимы, и продаются султанамъ Минданао, Сулу и Борнео. Непонятно, какъ Испанцы, уже пріисла въ свои владѣнія Лусона, оставляють дерзкимъ соседямъ возможность такого хищничества и грабежа. Еслибы даны были примѣры строгаго наказанія, и корабли Европейскіе посылаемы были въ жилища разбойниковъ расплачиваться съ злодѣями порядкомъ, давно-бы хищники отказались отъ покушеній, ведущихъ за собою бѣдствія и опасности колоніи, пиратство исчезло-бы и Филиппинскіе острова не опасались-бы непрерывнаго несчастія для своихъ прибрежныхъ жителей. Полумѣры, расчеты въ мелкихъ отношеніяхъ между начальниками и жителями способствуютъ дерзости злодѣевъ, и моря, безопасность которыхъ такъ важна для Европы, до сихъ поръ оспаются мѣстомъ ужаса и гибели купеческихъ кораблей.

Южнѣ Камаринской обласъ *Албайская*, гдѣ находится *Санъ-Бернардинскій* проливъ, мѣсто проѣзда кораблей, идущихъ изъ Азіи въ Америку и изъ Америки въ Азію. Туземцы Албайскіе, подобно Камаринцамъ, храбры и сильны; подверженные

нападеніямъ Малайцевъ, они употребляютъ для защиты своей ядъ, чрезвычайно губительный, вѣроятно, тошъ самый, который служилъ Яванцамъ и Суматрійцамъ для смертельной осправы ихъ кри; Албайцы оправляютъ эшимъ ядомъ концы стрѣлъ своихъ. Безъ сомнѣнія, составъ яда хранился какъ тайна между начальниками, ибо иначе употребленіе его должно-бы распространилось. Извлекаютъ эшошъ ядъ, кажешся, изъ какихъ-то правъ; онъ не дѣйствителенъ, если конецъ стрѣлы не будетъ предварительно обмоченъ въ свѣжій сокъ сахарной проси, и потомъ уже обмакнутъ въ ядовитый составъ. Немедленно послѣ сего надобно употребить стрѣлы, ибо высохнувшій ядъ уже менѣе дѣйствителенъ. Албайцы носятъ его при себѣ въ бамбуковинахъ, имѣя при томъ въ запасѣ и сахарный сокъ. Дѣйствіе яда, какъ говорятъ, мгновенно охлаждаетъ и разлагаетъ кровь человека. Европейцы были свидѣтелями опытовъ надъ животными; собака, легко оцарапленная, прожила не болѣе трехъ минутъ, корова издохла въ шесть. Горные дикари стараются доставать себѣ эшого яда для охоты за буйволами, и не боясь ничего ѣдятъ животныхъ, убитыхъ стрѣлою ядомъ намазанною. Албайскіе начальники доставляютъ алькадамъ своего полуострова нѣкошорое количество яда, употребляемое ими по произволу.

Албайскій вулканъ, по кошорому называется обласъ, образуетъ высокій конусъ, видимый съ двухъ морей. Безпрерывно огнеизвергающій, онъ

бывають спрашенъ только послѣ дождливаго времени, то есть, въ Ноябрь и Декабрь. Тогда наскаютъ землетрясенія, обыкновенно предшесвуемые бѣловаемымъ туманомъ особеннаго свойства, по которому узнаютъ жители, что черезъ семь, или восемь часовъ должно быть землетрясенію.

Если къ исчисленнымъ мною извѣстнымъ областямъ присовокупить малознаемыя покашоси земель на В., преданныя народамъ независимымъ, вы будете имѣть полную топографію проспранства острова Лусона.

Архипелагъ *Биссайскій* не менѣе обилуетъ подраздѣленіями. Острова: *Самаръ, Лейте, Зебу*, или *Боголь, Негросъ, Панай, Мактанъ*, купа *Каламіанская, Миндоро, Масбатъ, Мариндуке, Буріасъ*, суть главнѣйшія точки среди множества этихъ раздѣльныхъ земель.—Архипелагъ названъ былъ Испанцами, въ первое время открытія, *islas de los Pintados*, отъ обычая жителей раскрашивать себѣ лицо и шло. Но потомъ превозмогло шеземное названіе: *Bissayes*. Теперь два различные рода обитаютъ на этихъ островахъ: шеземцы, обрабатывающіе прибрежье, подъ покровительствомъ Испаніи, и переселенцы Малайскіе, почти всѣ съ Минданао и Сулу, болѣе кочующіе, нежели живущіе здѣсь, и при помощи множества небольшихъ лодокъ (*proas*, или *rapous*) нападающіе на всѣ мѣста Филиппинскихъ острововъ, для добычи насиліемъ припасовъ и невольниковъ. Они признаютъ надъ собою власнь султановъ, или *даму*, полагаютъ богатство въ числѣ невольниковъ, и продаютъ ихъ, если не

имѣющъ средства убересть. Оружіе ихъ состоятъ изъ копье, сабля особеннаго вида, называемая *кампилянъ* и *Малайскій кри*. Привыкнувъ жить грабежемъ и войною, это самый смѣлый и лютый народъ изъ числа Малайцевъ. Племена промышленныя, земледѣльческія и торговыя съ трудомъ прошиваясь имъ, хотя и вооруженныя ружьями и пушками. На Биссайскихъ островахъ, въ горахъ шамошнихъ, есть также дикари, въ родѣ Негритовъ Лусонскихъ, но самые бѣдные изъ всѣхъ здѣшнихъ дикарей.

Самаръ, главнѣйшій изъ острововъ Биссайскихъ, будетъ около 134-хъ лѣтъ въ окружности. Его произведенія тѣже, что на Камаринскомъ полуостровѣ. Разрѣзанный прекрасными потоками водъ и покрытый великолѣпными долинами, онъ могъ-бы сдѣлаться важнымъ для Испаніи, еслибы не оставляли его беззащитнымъ противъ нападеній Малайцевъ. Единственная оборона жителей при нападеніи злодѣевъ состоитъ въ ничтожномъ земляномъ укрѣпленіи, поставленномъ около церкви и пресвитерскаго дома. Тутъ собирается народъ, и опбиваетъ непріятеля нѣсколькими пушками и ядовитыми стрѣлами. Пребываніе алькада определено въ *Каба-Лунга*; островъ *Капуль* зависитъ отъ него.

На югъ отъ Самара островъ *Лейте*, длиною въ 40-къ лѣтъ, населенный подобно сосѣднему, беззащитный подобно ему, пустынный подобно ему. Главнѣйшія произведенія его суть: отличныя птичьи гнѣзда, балате, гебенное дерево, воскъ и

абака.—Далѣе, островъ *Зебу*, длиною въ 28-мь лѣ, первый изъ принадлежавшихъ здѣсь Испанцамъ, и островъ *Мактанъ*, гдѣ знаменитый Магелланъ убитъ измѣною, въ засадѣ, приговоренной шаманскимъ царемъ. Во внутренности Зебу обитаютъ племена *Bissagos*, первобытные туземцы всего этого архипелага.

Островъ *Негро*, или *Los-Negros*, довольно обширный, безплоденъ, по крайней мѣрѣ, по берегамъ, копорые только одни и извѣстны. Алькады живутъ тутъ въ мѣстечкѣ *Илокъ*. Надобно полагать, что на пространствѣ острова, 45 лѣ въ длину и 40-ть въ ширину, есть участки плодоносные и обработанные. Въ 20-ти лѣ на западъ находящіяся два маленькіе острова, не болѣе лѣ окружности каждый, но славные жемчужною ловлею. Ихъ называютъ *Малыми Кагайанскими*. Ловля жемчугу принадлежитъ особенно алькадамъ Негро и Зебу; жемчугъ довольно хорошей воды, но неправиленъ, и уважается менѣе ловимаго въ Манарскомъ проливѣ.

На С. З. отъ Негро островъ *Панай*, двадцать пять лѣ протяженія отъ С. къ Ю. и пятнадцать отъ В. къ З.—Это Тринакрія Биссайская, ибо образуетъ собою треугольникъ, плодоносный и населенный. Изъ всѣхъ Биссайскихъ, Панай лучше можешь защищаться противъ форбановъ, ибо къ средствамъ, доставляемымъ народонаселеніемъ его, Испанцы догадались еще присовокупить довольно порядочныя укрѣпленія. Множество маленькихъ островковъ сперегуетъ главный берегъ, и при первомъ знакѣ об опасности, туземцы бѣ-

гупъ въ укрѣпленія. На Панаѣ при алькада: въ *Каписъ* къ С., *Илоило* къ В., *Антигъ* къ Ю. З.—*Каписъ* житница Биссайескихъ острововъ, и была-бы еще богаче, если-бы алькаду не была предоставлена монополія всѣхъ запасовъ. Тупъ есть превосходныя стада быковъ и коровъ, свиней, и особливо барановъ. Въ *Илоило* обрабатываютъ особенно сарачинское пшено, и собираютъ его значительное количество. Туземцы, храбрые и многочисленные, смѣло бьются съ Малайцами при ихъ нападеніяхъ. Эта часть острова богаче всѣхъ на пищу самыхъ многообразныхъ перьевъ, и доставила Соннера шѣ прекрасные роды птицъ, которые помещены были имъ въ его Орнитологіи. Ріензи говоритъ о двухъ гаваняхъ въ этой споронѣ, *Моло* и *Харо*, какъ о двухъ мѣстахъ складки, многолюдныхъ и богатыхъ. Алькадство *Антиге* менѣе всѣхъ плодотворно; оно мѣняется съ Манилла балаше, немного золотого порошку, гебеноваго дерева и сибукао, на шкани и другія произведенія.

Въ купѣ Каламіанской споятъ упоминанія при острова: *Каламіанъ*, *Буснаганъ*, *Тинакаганъ*. Единственное алькадство учреждено здѣсь въ *Калионгъ*. Опъ алькада, шупъ живущаго, зависитъ заселеніе на *Парагоа*, длинномъ и узкомъ островѣ, 60-шъ льѣ въ длину, 40-шъ въ ширину, лежащемъ на Ю. З. опъ Паная. Заселеніе тамошнее находится въ *Тайтаѣ*, часто опбываемомъ разбойниками и опасномъ мѣстѣ, откуда Испанцы не смѣютъ пускайся во внутренность земель. Ничего вѣрнаго нельзя по этому самому сказанію о наро-

дахъ, обитающихъ на Парагоо. Извѣстно только, что часть приморья зависить отъ Сулускаго султана.

На С. В. отъ Парагоа и на Ю. отъ Лусона, находящаяся *Миндоро*, принадлежащій къ островамъ Биссайескимъ, длинный на 40-къ и широкій на 15-ть льё, обильный съ одного конца до другого, и способный къ отличной обработкѣ. Въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, Испанцы едва могли основать и удержатъ здѣсь небольшое мѣстечко въ Калананѣ, сжаемое на приморьѣ. Въ срединѣ острова видны возвышенныя горы, увѣнчанныя богатыми лѣсами, откуда испекаютъ обильныя, прекрасныя рѣки. Увлекающій видъ этихъ мѣстъ такъ сильно поразилъ нѣкогда Французскихъ мореплавателей, что по донесеніямъ ихъ, герцогъ Шуазель хотѣлъ было основать колонію на Миндоро. Онъ просилъ уступки острова у Испанцевъ, но Мадридскій Дворъ, боясь, что Миндоро въ рукахъ Французовъ быstro разовьется все свое богатство, и сдѣлается опаснымъ соперникомъ Лусона, отказалъ рѣшительно. Такимъ образомъ, островъ остался необработаннымъ и неприносящимъ плода ни для кого. Это называютъ *разчетомъ политики*, какъ будто первый и лучший расчетъ не долженъ состоятъ въ оплодотвореніи земли, или въ дозволеніи другимъ исполнить это, когда мы сами не чувствуемъ въ себѣ ни силы, ни умѣнья къ такому дѣлу.

Лѣса Миндорскіе наполнены оленями; мясо оленья, изрубленное въ мѣлкіе кусочки, просоленное,

высушенное и напишанное перцемъ, составляетъ снѣдь, называемую *тапа*, которую покупающъ и любящъ Кишайцы. Въ рѣкахъ Миндорскихъ есть золото, и оспровъ производитъ еще красивое дерево (*самрѣше*), хлопчатую бумагу, какао, воскъ. На мѣстѣ рукъ такъ мало, что Башангасы Лусонскіе переправляющіеся черезъ проливъ, застѣваютъ земли здѣшнія и собираютъ попомъ произведенія.

Близость Миндоро причиною, что Малайскіе пираты дѣлаютъ его мѣстомъ своихъ грабежей и складки награбленнаго. Сюда перевозятъ они плѣнниковъ, захваченныхъ ими въ разѣздахъ, собираютъ въ толпу и дѣлятъ ихъ. Лапласъ рассказываетъ по этому случаю прогашельное событіе, съ драматическимъ дѣйствіемъ соединяющее нѣсколько подробностей о мѣстности, столь мало известной.

« Въ Манилла (говоритъ онъ) видѣлъ я молодого Француза, который, по особенному покровительству Архіепископа, получилъ позволеніе покупать во внутреннихъ мѣстахъ Лусона золото, собираемое шужемцами въ водахъ рѣчекъ и ручьевъ. Съ небольшимъ имѣніемъ своимъ, и съ лодкою, въ кошорой плылъ около воспочнаго берега, попался онъ въ руки пирата, привлеченнаго къ эшимъ берегамъ надеждою добычи. Вскорѣ попомъ разбойникъ отправился на Миндоро, со всѣмъ имѣніемъ, что попало ему въ его разѣздахъ. Несчастный плѣнникъ сдѣлался рабомъ, безъ всякой надежды получить свободу плашежемъ выкупа, по-

тому, что все потерялъ онъ, но мужество вознаградило ему другія средства. Малѣйшее покушеніе бѣжать было столь-же смѣло, сколь и опасно; должно было, по всей видимости, подвергнуть себя неминуемой смерти, если-бы предпріятіе оказалось безуспѣшно. Господинъ бѣднаго Француза былъ какой-то султанъ, начальникъ многочисленной шайки Мавровъ, обитавшій со всѣмъ своимъ народомъ на лодкахъ, часто переѣзжая съ одного мѣста на другое, для избѣжанія оныхъ преслѣдованій непріятеля, и для пріисканія новаго мѣста для жительства, болѣе спарыхъ пріятнаго и рыбнаго. Самъ султанъ эшопъ занималъ гоэлеппу, захваченную у Испанцевъ въ одну прежнюю поѣздку его. Въ этомъ-то бѣдномъ жилищѣ помились плѣнники, щцательо спрегомые, когда при томъ окресные берега, низкіе и заполенные водою, не оставляли никакой возможности скрыться и убѣжать на нихъ. Но молодой Французъ имѣлъ товарищемъ Тагала, который сдружился съ нимъ, и шакъ-же горячо, какъ онъ, думалъ о спасеніи оныхъ неволи. Изъ кое-какихъ матеріаловъ, похищенныхъ въ добычѣ пиратовъ, бѣдняки успѣли сдѣлать себѣ маленькій компасъ. Много мѣсяцевъ надобно было имъ кончить свою шрудную работу, и понемногу собрать при томъ запасъ провизіи, сославляя его изъ небольшихъ участковъ пищи, какую выдавали имъ ежедневно. Наконецъ, когда все было готово, въ дождливую, темную ночь, двое несчастныхъ плѣнниковъ захватили маленькую лодку, привязанную подлѣ гоэлеппы, усиль-

ною греблею выплыли въ море, и съ наславшимъ днемъ были внѣ преслѣдованія непріятельскаго. Но у нихъ не было капли воды, и большая часпъ припасовъ ихъ погибла. Вѣрные надеждѣ, они направили пупъ къ С., думая приблизиться къ Лусону, высокія горы котораго замѣчали въ отдаленіи. Не сморя на удушающій жаръ, они гребли усиленно весь день и всю слѣдующую ночь. Погода казалась благопріятною, была шиха и прекрасна. Къ утру, думали они, берегъ будетъ недалеко. Но каково было опчаяніе бѣглецовъ, когда при восходѣ солнца разсмотрѣли они, что сильное теченіе захватило ихъ, и уносило въ направленіи совершенно прошивномъ тому, какое было имъ надобно! Истощенные усалоспью и жаждою, они долго сражались еще съ теченіемъ, до самой ночи, но тогда, совершенно лишась силы, оставили веслы свои, легли въ лодку, и предали будущій жребій свой волѣ провидѣнія. Оно хранило ихъ. На слѣдующій день, правда, Лусонскія горы являлись уже, какъ отдаленный шуманъ, но—невдали, съ прошивной стороны, открылся берегъ, къ которому быспро несло бѣдспвующихъ спранниковъ. Земля, кошорой въ томленіи своемъ они сполько желали, причиняла имъ шеперь мученіе самое жестокое: что ожидало ихъ здѣсь? можешъ бышь, новая неволя—смершь! По мѣрѣ приближенія къ берегу, Французъ распознавалъ землю: онъ вспоминалъ мало по малу, что много разъ былъ на эшой землѣ съ Малайцами, и что здѣсь многія деревни, населенныя крещеными шумземцами,

находясь подъ покровительствомъ Испаніи, всегда храбро отражая нападенія пиратовъ. Надежда спасти жизнь и возвратишь себѣ свободу одушевила снова бѣглецовъ; они начали грести къ берегу, и послѣ безконечнаго продолженія усталости и томленій, пристали близъ большой деревни, гдѣ встрѣпили ихъ со всѣмъ привѣпчивымъ радушіемъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ожиданія, Испанская канонерская лодка привезла на островъ повелѣнія Манильскаго губернатора, и благополучно перевезла попомъ молодаго Француза и товарища его спрдацій въ среду друзей и родныхъ, которые уже давно ошчаялись въ ихъ спасеніи.»

Въ Биссайдскомъ архипелагѣ считается еще множество маленькихъ острововъ, какъ-то: *Масбатъ*, *Мариндуке*, *Буріасъ*, и проч., на которыхъ Испанцы не имѣютъ колоній, частью по незначительности острововъ, частью по трудности заселенія.

Внѣ купы Биссайдской, образуя собою особое отдѣленіе Филиппинскихъ острововъ, находятся островъ *Минданао*, полагаемый величиною, въ длину на 135 лѣ отъ В. къ З., въ ширину на 75 лѣ, отъ С. къ Ю.—Минданао дѣлится на двѣ части, Испанскую и независимую. Въ первой при алькадства; изъ нихъ главное *Самбоганъ*, колониальное заселеніе, военный городъ и мѣстопробываніе отдѣльнаго губернатора. Два другія главные мѣста: *Миссамисъ*, почти въ срединѣ сѣвернаго берега, и *Карага*, на восточномъ берегу. Самбоганъ, послѣ Манилла, лучше всѣхъ укрѣпленное мѣсто Филиппинскихъ острововъ. Тушъ земляные

валы съ пушками , казармы , шемницы , замокъ губернашорскій и 1000 человекъ народонаселенія. Губернашоръ назначается опъ Мадришскаго Двора, но въ случаѣ смерти , начальникъ Манилла замѣняетъ его на время чиновникомъ , до присылки новаго. Говоряшъ , что должностъ губернашора прибыльна здѣсь , и не столько по жалованью , хоть и оно значительнo : главный доходъ опъ продажи военныхъ припасовъ. Миссамисъ важенъ нѣсколько по мѣстной торговлѣ ; кофе , здѣсь собираемое , доброшъ превосходной. Карага , первоначальное заселеніе Испанцевъ на Минданао , маловажно по доходамъ ; въпры Южнаго моря лишаютъ земли здѣшнія всякаго плодоносія.

Что принадлежитъ до независимой части Минданао , она объемлетъ большую и лучшую половину острова. Почти до 300 льѣ вся окружностъ его , и никакая другая земля не представляетъ такихъ иззубренныхъ береговъ ; они унизаны заливами и полуостровами. Рыбныя рѣки протекаютъ по острову во всѣхъ направленіяхъ. Главнѣйшіе предметы обрабатыванія составляютъ здѣсь сарачинское пшено , папаты и сагу. Корицы довольно , но она доброшъ не столь значительной и не столь душиста , какъ Цейланская. Виноградъ разсаживаютъ здѣсь около рѣшетокъ. Въ ущельяхъ внутреннихъ земель находятся обширныя подземелья , гдѣ скрывается величайшее множество лешуихъ мышей , величины огромной.

Минданао повинуется султану , подъ власнью кошораго состоятъ еще небольшая купа *Менгисъ* ,

въ Молукскихъ островахъ. Онъ живетъ въ *Селанганѣ*, на Пеландги; городъ построенъ противъ *Минданао*, находящагося на противоположномъ берегу рѣки, и нынѣ почти опустѣлаго. Общее населеніе обоихъ городовъ, прежней и нынѣшней столицы султана, можно положить въ 40,000 человекъ. Прекрасное озеро, окрестности котораго населены и плодородны, простирается въ нѣсколькихъ льѣхъ отъ *Минданао*. Другой городъ этого султанства *Поллокъ*, морская гавань, удивительно безопасная и ведущая обширную торговлю. На западъ отъ *Минданао* находятся земли, составляющія союзъ народовъ *Ильяносъ*: тушъ счисляють до 44-хъ маленькихъ султановъ, и 48-ть начальниковъ кромѣ того, независимыхъ одинъ отъ другаго и отъ султана *Минданаискаго*. Самые большіе города здѣсь: *Магарганъ*, *Тапанъ*, *Тагуло*, каждый съ портомъ. Наконецъ, на западѣ острова бродящъ дикія и малоизвѣстныя племена. Говорящъ, будто принадлежатъ они къ семейству *Борнейскихъ* народовъ *Гарафора*, *Иданъ* и *Дайакъ*, и нѣкоторое сходство въ физіогноміи, языкѣ и нравахъ, кажется, подтверждаетъ такую гипотезу.

Тусземцы побережья очевидно составляютъ отличіе отъ Малайской породы; особенно много у нихъ сходства съ Зондскими островианцами; нравы, обычаи, правленіе, языкъ сближаютъ эти два народа во всѣхъ главныхъ отношеніяхъ. Хотя есть особое нарѣчіе Биссайское, но всѣ тусземцы говорятъ по-Малайски, имѣють имамовъ и исповѣдуютъ исламизмъ. Султанъ повелѣваетъ дашу,

какъ на Сумапра , и когда ему угрожаетъ опасность , онъ пребудетъ опъ своихъ дапу помощи невольниками. Великій Султанъ Минданайскій можетъ такимъ образомъ выставить 100,000 войска въ поле. Дапу, съ своей стороны, стараются имѣть болѣе невольниковъ, ибо число ихъ служитъ мѣрою знатности и богатства ; для этого-то морское разбойничество такъ дѣятельно въ здѣшнихъ моряхъ. Дапу вооружаетъ самъ , а иногда велитъ подчиненнымъ вооружать *пану* , или *просъ* , лодку на веслахъ, чрезвычайно легкую , на которой весь грузъ составляютъ люди , и которая легко скрывается въ недоступныхъ заливахъ, если ее преслѣдуютъ. Это снаряженіе стоитъ недорого. Иногда Испанцы присоединяются сюда , садятся въ *пану* разбойничью, и дѣлаютъ попомъ барыши постыднаго промысла. Въ другихъ случаяхъ, не захватывая никого въ полонъ, разбойники бросаются на поля, гошова къ жатвѣ, прогоняютъ хозяевъ, жнутъ и увозятъ плоды трудовъ ихъ. Преслѣдуемые, они удаляются медленно, позволяють спрашивать по себѣ , и когда замѣшаютъ , что порохъ истощился у преслѣдующихъ, принимаютъ ободрительное положеніе и бросаются на abordажъ. Не только нападаютъ они на купеческія суда , но и на канонерскія лодки Манилла и Кавише , снабженные экипажемъ Испанскимъ, или Испано-Тагальскимъ.

Ничто не сравнится съ жестокостью , какую оказываютъ на Минданао плѣннымъ Европейцамъ. Всегда надѣясь опъ нихъ хорошаго окупа , нарочно стараются упомненіемъ, сверхъ всякой мѣры,

умножишь желаніе ихъ бышь поскорѣе выкупленными, осуждають плѣнниковъ работашъ на поляхъ, связываютъ ихъ веревками по шеѣ и по ногамъ, и концы веревокъ держишь спорожъ, во время работы и во время сна плѣнника. Даже монахи принуждены сѣять и жать, какъ просые рабы, и непривычка ихъ къ такимъ трудамъ только умножаетъ жестокость повелителей. Учасъ женщинъ не столь ужасна: не только не причиняють имъ зла, но и не почишаютъ даже ихъ невольницами. Требуя за мужчину, иногда по 3000 піаспровъ выкупа, женщину отдають даромъ. Приписываютъ это уваженію къ нѣжному полу, или челоуѣколюбію, значило-бы не знашь Малайскихъ варваровъ. Они не просятъ выкупа за своихъ плѣнницъ, полагая, что едва-ли найдется какой нибудь глупецъ, который-бы хотъ что нибудъ заплашилъ за женщину. Это для нихъ товаръ безъ цѣны, заваль, кошорая только въ тягосъ купцу. Женщины обязаны уваженіемъ къ ихъ полу образованію, и только оно одно поставило ихъ наряду съ мужчинами въ нашихъ обществвахъ. Между дикарями, когда сила тѣлесная составляетъ всю цѣну челоуѣка, слабая женщина почищается *вещью*, и самою ничтожною. Въ Европѣ женщина царица — въ Азіи не почишаютъ ее — даже рабою.

Послѣдняя купа Филиппинскихъ острововъ, о кошорой надобно упомянуть, *архипелагъ Сулу*, или *царство Сулу*, султанъ кошораго властвуетъ надъ купою Кагайанскою, сѣвернымъ берегомъ Борнео, и большею частью острова Парагоа. Архипелагъ

эпоштѣ дѣлился на купу Сулу, гдѣ главное мѣсто *Беванъ*, пребываніе сулпана, съ морскою гаванью и 6000-ми жителей, и на другія части: купу *Тауѣ-тауѣ*, съ городомъ эшого имени; купу *Бассиланъ*, съ оспровомъ Бассиланъ, самымъ большимъ изъ Сулускихъ.—Земля оспрова Сулу богата и плодотворна. Нѣкогда Испанцы старались занять ее и основаться на ней. Переправясь сюда, они захватили семейство здѣшняго царя, отослали его въ Минданайскій коллегіумъ, заставили отречься отъ ислама и обратили въ христіанскую вѣру. Царь покорился волѣ Испанцевъ, слушалъ ихъ наставленія, крестился, и, казалось, былъ совершенно доволенъ своимъ жребіемъ, не сморъ на неволю. Тушъ узнали нечаянно, что пользуясь случаемъ, онъ свелъ самую корешкую связь съ молодою родственницею, которой не разлучали съ нимъ. Такой соблазнъ подвергъ новообращеннаго наказанію, а наказаніе было такъ нестерпимо для него, что онъ постарался немедленно убѣжать, достигъ своего оспрова, прогналъ Испанцевъ, и удержалъ свою независимость отъ всѣхъ усилій ихъ. Потомъ, уступая неприязнь съ обѣихъ сторонъ, начали переговоры, и царь позволилъ торговать въ гаваняхъ своихъ судамъ изъ Манилла, изъ Минданао, и Англійскимъ кораблямъ. Сулу получаетъ ткани и плашки изъ Коромандаля и Бенгала, мѣняя ихъ на воскъ, золошой порошокъ, перламутръ и пшеницы гнѣзда. При такихъ промѣнахъ Европейцу надобно быть весьма осторожну и недовѣрчиву, потому, что никакіе плуны другихъ земель не пре-

взойдушъ въ плутовствѣ Сулусцевъ. Въ 1803 году, капитанъ Англійскій вздумалъ мѣнять свой поваръ на золотые слишки, находя, что цѣна ихъ довольно умѣренна; слишки приносили къ нему безпрестанно, и по мѣрѣ того, какъ накупался онъ, сбавляли цѣну. Начиная подозрѣвать обманъ, капитанъ рѣшился попробовать слишки, и нашелъ, что вмѣсто золота, это была какая-то смѣсь мѣшалловъ, совсѣмъ негодная. Онъ кричалъ, грозилъ, жаловался, но все было тщетно. Ему отвѣчали: «что сдѣлано, то сдѣлано.» Такъ въ куски воску набивающъ здѣсь соръ и каменья, и даже поддѣлываютъ жемчугъ сшоль хорошо, что только опытный глазъ Кишайцевъ можетъ различить обманъ.

Народонаселеніе Сулу, воинственное и предприимчивое, не опасается Европейской силы, и даже нерѣдко оскорбляетъ ее. Въ 1804 году, султанъ убилъ своею рукою капитана Англійскаго, оскорбленный имъ на аудіенціи. Исполнивъ такое свирѣпое мщеніе, онъ позволилъ кораблю спокойно нагружаться, и плыть потомъ безопасно.

Архипелагъ Сулу называютъ Океанійскимъ Алжиромъ, по причинѣ множеству разбойничьихъ лодокъ, которыя идутъ изъ него по всѣмъ морямъ Малайскимъ. Это самое плодущее гнѣздо форбановъ, о копорыхъ уже сколько я говорилъ, злодѣевъ, опустошающихъ Филиппинскіе острова, и собирающихъ тяжкую дань съ торговли и плаванія по Кишайскому морю и различнымъ частямъ сего. Въ небольшомъ объемѣ своемъ, 42-ть льѣ окру-

носпи, островъ Сулу считаетъ 40,000 жителей; 800 человекъ, съ пушками, составляютъ защиту султана.

Таковъ *географическій очеркъ* острововъ Филиппинскихъ. Общность всего народочислія ихъ полагають различно. Ренуаръ де-Сеншъ-Круа возводилъ до двухъ милліоновъ число народа, подчиненнаго Испаніи, и считалъ прешью прошивъ этого число независимыхъ племенъ. Легеншилъ уменьшаетъ все это на 700,000—Лаперузъ считаетъ до 3-хъ милліоновъ, Райналь 4,350,000, Бальби (включая Маріанскіе острова) 2,640,000. Изъ всѣхъ сихъ выводовъ, кажется, вѣрнѣе Сеншъ-Круа, хорошо обозрѣвавшаго острова Филиппинскіе, и выводившаго свои расчисленія по областямъ и племенамъ.

Сколь давно находясь подъ властью Европейцевъ, Филиппинскіе острова все еще несовершенно извѣстны. Между тѣмъ, какъ Англичане даютъ намъ обо всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстахъ свѣдѣнія столь точныя и подробныя, лѣность Испанская до сихъ поръ не передала ученому свѣту ни одного надлежащаго описанія касательно колоніальныхъ Испанскихъ владѣній. Теперь это годъ отъ году становится менѣе нужнымъ: нѣкогда шедшая впереди распространенія торговли и колоній за отдаленными морями, гордая именемъ Колумба и Перуанскими рудниками, Испанія, страна, коюрой *старый свѣтъ* обязанъ открытіемъ *новаго свѣта*, позволяетъ мало по малу лишать себя всѣхъ прошедшихъ знаменитостей: у нея нѣтъ уже го-

сударствъ за морями; ея золотые гальоны — раз-
скажъ о быломъ, и если-бы нынѣ вздумала она вѣр-
но сосчитать, что стоятъ ей осшалыя, бѣдныя
ея колоніи и что даютъ они — сомнѣваемся, что-
бы такой счетъ удовольствовалъ ея гордость
и представилъ ей какія нибудь государственныя
выгоды.

ГЛАВА XXIII.

КИТАЙ. — МАКАО.

Сентября 4-го, упрямъ, наша жонка оставила Манильскую пристань и направилась въ море. Рано явился на ней Баронъ, съ своею беспечною заботою, спѣшившею искашь развлеченій. Вскорѣ, при помощи вѣтра отъ береговъ, мы очутились въ водахъ залива, гдѣ Ю. З. муссонъ схватилъ нашъ великолѣпный корабль и направилъ его въ надлежащій путь. Капитанъ Тзинъ-Фонгъ оставался на палубѣ, пока лодка коррежидора дѣлала намъ шаможенный осмотръ. Пошомъ самъ онъ управлялъ рулемъ, пока жонка счастливо миновала мысъ Маривельскій, и послѣ того, видя, что погода хороша и море спокойно, благоразумно удалился въ свою каюту, появляясь изъ нея только отъ времени до времени.

Какъ однообразна морская жизнь, когда нѣтъ никакого приключенія, когда особливо, при пособіи правильнаго муссона, не надобно даже беспокоиться объ измѣненіи пути и непостоянствѣ по-

годы! Досадуетъ даже на то, что идешь такъ хорошо и такъ скоро. Къ счастью, небольшой прагматическій случай немного развлекъ насъ, нарушивъ тяжкую однообразность нашего путешествія: Сентября 4-го, когда мы потеряли изъ виду землю, и были на высотахъ мыса Бохадора, одинъ изъ матрозовъ нашихъ закричалъ, что видитъ корабль впереди жонки. Баронъ началъ смотрѣть въ лучшую трубу свою. Опъ времени до времени прекращалъ и снова начиналъ онъ свои наблюденія, съ особеннымъ беспокойствомъ. Казалось, что онъ старался объяснить себѣ какое-то странное обстоятельство въ этомъ отдаленномъ предметѣ. Наконецъ молчаніе прервано. «Мы точно видимъ корабль — сказалъ Баронъ — но я не понимаю, опъ чего является онъ, какъ будто въ облакѣ, или въ шуманѣ какомъ-то. Что это такое?» — Я взялъ трубу въ свою очередь. «Это не шуманъ и не облако — вскричалъ я — корабль покрытъ дымомъ: онъ горитъ!» — Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ плаваніе наше приближало насъ къ кораблю, ужасное явленіе это дѣлалось для насъ яснѣе. Европейскій бригъ былъ передъ нашими глазами, полусгорѣвшій, съ одною изъ мачтъ уже упавшею, а другою объятую пламенемъ. Сквозь облака дыма, едва можно было различить корпусъ корабля, уже почернѣвшій, обуглившійся; пламя лѣзло изъ него, какъ изъ волкана; въ виду нашемъ повалилась и упала въ море послѣдняя мачта. Какой былъ эиотъ бригъ? Оспавался-ли на немъ въ это время экинажъ? Люди успѣли-ль спастись на шлюпкахъ?

Какому флагу принадлежалъ, откуда и куда шелъ онъ? — Невольно спрашивали мы обо всемъ этомъ другъ у друга, и не могли получить никакого ошвѣща — имя и назначеніе несчастнаго корабля погибли въ пламени; спаслись или бѣжали съ него мореплаватели — никто не могъ ошвѣчать намъ.

Имѣя около четверши льё подъ вѣтромъ прошивъ горящаго корабля, капитанъ Тзинъ-Фонгъ остановился. Шлюпка и лодка нашей жонки наполнились людьми, и явно видно было, что ни человеколюбіе, ни услужливое любопытство не одушевляло при этомъ случаѣ почтеннаго капитана и его подчиненныхъ. При взглядѣ на горящій корабль, имъ пришла въ голову мысль: не лзя-ли спасти ошъ огня и воды хоть маленькой частицы груза? Для этого рѣшались они отважно сразиться съ двумя спрашными стихіями. Не вступаясь въ ихъ благо-разумные расчеты, шѣмъ неменѣе съ любопытствомъ хошѣли мы быть свидѣтелями ихъ корысплюбиваго предпріятія. Шлюпка и лодка поплыли и старались держаться на вѣтрѣ у горящаго корабля; но когда приблизились онѣ къ нему, не далѣе, какъ на пистолетный выстрѣлъ, трудность работы открылась въ полной мѣрѣ. Лишенный руля, бригъ беспорядочно усремлялся по волнамъ; порывами бросало его во всѣ стороны, что по волѣ печенія волнъ, что ошъ сопротивленія имъ остальныхъ снастей, что, наконецъ, ошъ внутренняго дѣйствія огня въ обгорѣломъ кораблѣ. Все это дѣлало движенія его похожими на судорожныя движенія шушихъ фейерверочной. При всѣхъ этихъ

непрерывныхъ порывахъ , двѣ мачты , упавшія въ море, но удерживаемыя разными снастями, бились объ волны и увеличивали зыбь ихъ. Невозможно было никакой лодкѣ приблизиться къ горящему кораблю, среди такой свирѣпой бивы огня и воды. Однимъ ударомъ , котораго отвращень было невозможно , лодка могла полетѣть вверхъ дномъ , и впрочемъ не одна только эта опасность угрожала дерзновенному : можешь быть, на бригѣ осматривался еще порохъ, и надобно было спрашивать не только дѣйствія огня, но и взрыва. Не смотря на все это — такъ отважно бываетъ корыстолюбіе — пять, или шесть мажорозовъ не побоялись броситься къ кораблю вплавь — прямо къ нему направились они, уцѣпились за снасти и веревки , съ него висѣвшія, и по такимъ опаснымъ лѣстницамъ взошли на пылающій бригъ ; имъ опалило волосы и брови, но они успѣли однакожь сбросить въ море нѣсколько тюковъ груза , состоявшаго изъ *cassia lignea*. Двое изъ этихъ смѣльчаковъ погибли — одинъ упалъ въ огонь и сгорѣлъ , другой свалился въ море и утонулъ ; но опасность товарищей не заставила обробѣть другихъ — вплавь по морю тащили они спасенные тюки на свою шлюпку. Пока продолжалась эта опасная работа , мы разсматривали горящій корабль , и старались угадать причины его бѣдствія. Экипажа на немъ не было , хотя , безъ сомнѣнія, въ это время находился онъ гдѣ нибудь еще недалеко — можешь быть , нагроможденный на лодки, плывъ, самъ не зная куда, не вѣдая, принесть-ли его къ какому нибудь берегу вѣтры и

волны, прежде погибли отъ голода и жажды! По осматриванію корабля можно было видѣть, что онъ Европейской постройки. Но какой именно землѣ принадлежалъ этотъ корабль, опредѣлить было трудно. Баронъ узнавалъ въ немъ формы Португальскія. Вся оснастка его уже исчезла; огонь, вѣроятно, начался въ задней части, потому, что она была опустошена имъ болѣе другихъ частей; спрашно прорывалось пламя во всѣ отверстія изнутри, и ежеминутно измѣнялся видъ его, смотря по тому, что попадалось въ добычу его неукротимой ярости: то летѣло оно къверху съ черными столпами дыма, какъ будто изъ кузнечной печи, то извивалось въ стороны, яркимъ, блестящимъ огнемъ. Присовокупивъ къ этому движенію Китайскихъ лодокъ, приближенныхъ къ пожару, отвагу этихъ Китайскихъ моряковъ, пускавшихъ на спрашную опасность за столь малый выигрышъ, и, наконецъ, вдалекѣ нашу тяжелую жонку, покрытую любопытными зрителями, неподвижную и спокойную, какъ морской утѣсь, и—вы будете имѣть полное понятіе о видѣнной нами картинѣ пожара, одной изъ самыхъ страшныхъ, какія случалось мнѣ видать.

Все это происшествіе заняло насъ около двухъ часовъ; потомъ снова начали мы путь свой. При наступленіи ночи, огонь пожара, какъ мимолетный метеоръ, исчезъ для насъ въ волнахъ моря, по направленію къ Ю. В.

Сентября 9-го, утромъ, близость Китайскихъ береговъ была намъ возвѣщена величайшимъ мно-

жесивомъ рыбацкихъ лодокъ, которыя ондаляющіяся иногда въ море отъ берега на 20-ть и на 25 льё. Эти Кишайскія лодки, огромныя и крѣпко построенныя, держашя на морѣ превосходно, и прошивящя бурямъ лучше купеческихъ кораблей Испанскихъ и Португальскихъ. Длинною фушовъ по 50-ти, при ширинѣ значительной, онѣ оканчивающя острымъ угломъ впередъ; на обѣихъ сторонахъ бахромчатой кранбалки ихъ намазаны бывающъ глаза; задъ, болѣе возвышенный, образуетъ родъ юша, или рангоута. Все судно испещряетя черными и бѣлыми полосами, и обыкновенно спановящъ на него по двѣ мачшы; одна выше, болѣе приближена къ кормѣ, украшается большимъ квадрапнымъ парусомъ, сплешеннымъ изъ пласшинокъ рашиновыхъ; за нею слѣдуетъ другая мачша, съ парусомъ не столь обширнымъ; на передней части корабля спавитя еще маленькая мачша, съ парусомъ изъ бумажной шкани. Ловкіе на парусахъ своихъ, обыкновенно управляющя такія суда 12-ю человекѣми, почти всегда родными другъ другу, рожденными и воспитанными на управляемомъ ими кораблѣ, всегдашнемъ жилищѣ ихъ, отъ колыбели до гроба — корабль эшотъ единственная ихъ собственность, единственное ихъ опечесство. Къ землѣ приспѣющъ они тогда только, когда оказываешя у нихъ недоспашокъ запасовъ, или грузъ корабля бываешъ полонъ. Они промѣнивающъ на чай, сарачинское пшено, соль, одежду, часшъ своей засольной, или сушеной рыбы, наловленной и пригошвленной ими во время плаванія. Пошомъ опяшъ оп-

правляющіяся они въ море, начинающъ свою заботливую, исполненную опасностей жизнь, радуясь, что избѣгаютъ, хоть на нѣкоторое время, несстерпимаго приписненія прибрежныхъ таможенныхъ чиновниковъ. Не смотря на значительное число людей, живущихъ въ такихъ судахъ, почти всегда являющъ они собою видъ опрятности и довольства; мореходцы, находящіеся на нихъ, кажутся крѣпки и здоровы; питающъ сарачинскимъ пшеномъ, чаемъ и рыбою, они не знаютъ болѣзней, причиняемыхъ неумѣреннымъ злоупотребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. На кораблѣ ихъ дома и хозяйство; съ ними живутъ ихъ жены и семейства; шутъ заключающіеся супружества между семьями, обитающими на двухъ разныхъ корабляхъ; шутъ, на морѣ, родящіяся и умирающъ люди, во всю жизнь свою не чувствую потребностей жить на почвѣ менѣе волненной и менѣе опасной; шутъ свои особенныя нравы, свои наслажденія, свои праздники, даже — особенное обожаніе и особая мифологія божествъ, которыми придаются особенныя морскія принадлежности. Замѣтимъ еще, что ни одно изъ званій Китайскаго государства, этой земли хитрости и плутовства, не бываетъ столь честно, столь прямоушно, какъ эти вѣчныя рыбаки, и ни въ какомъ другомъ званіи Кишаецъ не бываетъ столь переносливъ къ шуду, столь бодръ и опваженъ.

На другой день, Сентября 10-го, приблизились мы къ горамъ Китайскаго побережья; куча острововъ передъ устьями *Тигровой* рѣки окружила нашу жонку — одни больше, другіе менѣе простран-

спвомъ, но всё совершенно лишенные произраспанія. Эти купы безплодныхъ утесовъ долго были убѣжищемъ Кишайскихъ морскихъ разбойниковъ, до такой степени овладѣвавшихъ моремъ, въ различные времена, что начальники ихъ осмѣливались даже не уважать власни великаго Кишайскаго богдыхана, сражались съ нимъ и разбивали его флоты. Всё эти оспровки раздѣляющія одни отъ другихъ узкими, но глубокими и хорошо извѣстными проливами. Два прохода, наиболѣе посѣщаемые Европейскими кораблями, находящаяся одинъ въ сѣверной, другой въ южной части этого архипелага—первый служилъ для плаванія во время Ю. З., другой во время С. В. муссона.

Вступивъ въ этотъ архипелагъ, мы прошли мимо скалъ *Piedra-Blanca* и оспрова *Большая Лемма*, такъ близко, что почти касались спремнинъ ихъ, о кошорыя грозно разбивались пѣнистыя волны моря. Баронъ ужасался, и сославлялъ совершенную прошивоположеніе съ спокойнымъ и яснымъ лицомъ почтеннаго каписана нашего. Кишайскій морякъ, кошораго въ опкрышомъ морѣ пугалъ вѣшеръ, едва начинавшій крѣпчанъ, казался весьма мало заботливымъ объ утесахъ, мимо кошорыхъ проплывалъ теперь въ своемъ плоскодонномъ кораблѣ. Спарый бродяга морей, онъ не ошибался ни на одну линію въ шомъ, сколько еще оставалось воды подъ килемъ его жонки; онъ, какъ будто видѣлъ сквозь морскія волны всё подводныя неровности своего родимаго берега, зналъ ихъ словно рыба, долго обитавшая въ морѣ. Почтенный Тзинъ-Фонгъ былъ

величайшій опытный морякъ Малайскаго архипелага, и хопя къ намъ выплыли прибрежные лодчаны, въ своихъ опрятныхъ и красиво расписанныхъ лодкахъ, съ желто-синими флагами, украшенными премья бѣлыми звѣздами, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился предложить услугъ нашему старому морюку : каждый слишкомъ хорошо зналъ собственное искусство старика Тзинъ-Фонга.

Быстро движимая по извивистымъ проливамъ между островами, скоро вошла лодка наша въ проливы, ведущіе къ пристани *Типа*, прошивъ *Макао*. Приближаясь къ городу, мы увидѣли съ правой руки у насъ мрачный берегъ, красноватаго цвѣта, опороженный сплошь подводными камнями ; налѣво, подчиняя себѣ пространство моря и утесовъ, высивалась Португальская башня. Далѣе показывался монастырь *Гюа*, мѣстопробываніе Епископа; легко можно было узнать его по высокимъ сѣнамъ и густымъ деревьямъ, единственной замѣтной зелени среди этого дикаго мѣстоположенія. Выше *Гюа* рисовался другой монастырь, припнувшийся къ верхушкѣ утеса, между тѣмъ какъ, разсѣянные рядами вдоль прибрежныхъ холмовъ, дома города *Макао* спускались къ морю, такъ, что наконецъ крайніе изъ нихъ были омываемы волнами его.

Якорное мѣсто, или портъ *Типа*, образуемая многими утесистыми островами ; самый большой изъ нихъ *Негао-Мень*, или *Макао*. Окруженный землею со всѣхъ сторонъ, здѣшній портъ гораздо безопаснѣе залива, принадлежащаго Португальцамъ.

Только онъ одинъ съ этой стороны предсавля-
 етъ убѣжище отъ шифоновъ, или водяныхъ смер-
 чей, опустошающихъ заливъ Поршугальской фак-
 торіи. Это неосцѣненное преимущество засавля-
 етъ Поршугальцевъ и Кишайцевъ равно дорожить
 Типомъ. Донынѣ осмѣается онъ неуральнымъ при-
 спанищемъ. Но рано или поздно, Кишайцы, съ сво-
 ею настойчивостію въ присвоеніи, покоряетъ его
 себѣ совершенно, чтобы шѣмъ удобнѣе взидаютъ
 плажежъ за стоянье въ немъ кораблей. Уже весь
 берегъ противъ порта покрытъ жилищами Кишай-
 цевъ; Кишайскіе работники занимаютъ верфь и
 починиваютъ корабли; Кишайскіе лодочники захва-
 тили мѣста перевозчиковъ по проливу, ведущему
 къ Макао, непрерывно плавая въ своихъ лодкахъ
 съ соломенными крышами и съ пестрыми надсп-
 ройками сзади лодокъ. Причаленныя сколько мож-
 но ближе къ песчаному берегу, огромныя лодки
 нагружающія здѣсь солью для Кантона. Посрединѣ
 порта видны ряды военныхъ жонкъ, съ толстыми
 и короткими мачтами, съ значками двадцати
 цвѣтовъ, сближенныхъ къ адмиральской жонкѣ, оп-
 личенной на ея желтомъ флагѣ двумя начальниче-
 скими жезлами. Тутъ-же смѣшанно стоятъ *кампа-
 ны* изъ Эмуи и Нанкина, съ мачтами, привык-
 шими къ ураганамъ Желтаго моря. По цвѣту шѣ-
 ла, болѣе бѣлому, по апленическимъ членамъ, лег-
 ко оплечить экипажъ этихъ кораблей отъ море-
 плавателей береговъ южнаго Кишай.

Едва остановились мы въ здѣшнемъ спокойномъ
 приспанищѣ, какъ и начали помышлять о переѣздѣ

въ Макао. Въ плащѣ за перевозъ уговорились мы съ нашимъ спарикомъ Тзинъ-Фонгомъ, а прибавка, данная мапирозамъ, доспавила намъ переѣздъ самый почешный. Сидя въ шоржесшвенной лодкѣ, мы вскорѣ прибыли на Макайскую пристань, проплывъ мимо пристани *Плаіа-Пекинина*, подлѣ деревни Лапа. Подробно могли мы разсмотрѣшь ошсюда Португальскую колонію, поставленную на Кишайской землѣ. Округъ ея сосшавляетъ клочекъ почвы самой неблагодарной, кошорый весь можно обойдши въ два часа. Это восточная конечность оспрова Негао-Менъ, простирающагося въ длину на десяць льѣ, и самага большаго изъ всѣхъ оспрововъ архипелага, объемлющаго собою заливъ, куда впадаетъ *Тигровая*, или *Кантонская* рѣка.

Канъ-Хи, богдыханъ Кишайскій, согласившись, около половины XVI столѣтія, позволишь Португальцамъ сшашъ швердою ногою на Кишайской землѣ, чшобы ошблагодарить ихъ шѣмъ за услугу при изшребленіи пирашовъ, опустошавшихъ южныя моря, вѣрояшно, хорошо думалъ о шомъ, какъ-бы эша награда могла ошшашься безъ выгодъ для Европейской колоніи и безъ опасносши для окрешныхъ владѣній Кишайскихъ. Если-бы Португальцамъ подарили ошдѣльный оспровъ, хошя маленький, хошя самый безплодный, онъ сдѣлался-бы мѣшомъ для укрѣпленнаго шабора Португальскаго. Съ крѣпосшями на висошахъ и небольшою эскадрою, новые владѣльцы начали-бы повелѣвать проходами Тигровой рѣки, обложили подашью всѣхъ

Кантонскихъ корабельщиковъ, и давали-бы законы всему южному Кишайскому берегу. Пушки Макао могли наложить поборъ на весь Кишай. Опасаясь подобныхъ слѣдствій, вмѣсто отдѣльнаго острова, богдыханъ уступилъ пришельцамъ только часть одного изъ острововъ, предоставляя себѣ въ остальной части его имѣть самый бдительный надзоръ за Португальскою полишикою. Раздѣлительная черта была проложена черезъ перешеекъ, довольно узкій; каждый Португалецъ, перешедшій эту границу, долженъ подвергаться приписаніямъ со стороны Кишайскаго народонаселенія, судиться Кишайскимъ судомъ, и спасаться отъ канги и шюрмы только деньгами. Владѣніе Португальское, напрошивъ, свободно доступно Кишайцамъ, такъ, что право надзора не дѣлается взаимностью. Не смотря на такое стѣсненіе, основанный еще въ эту эпоху, когда геній Португальцевъ обладалъ величайшими средствами, Макао вскорѣ сдѣлался мѣстомъ цвѣтущимъ и богатымъ. Поспѣхались извлечь все, что только можно было извлечь изъ положенія самаго сомнительнаго; построили монастыри съ зубчатыми стѣнами на высотахъ; укрѣпили пушками Епископскій дворецъ. За неимѣніемъ военного вѣсѣла, явилась прекрасная торговая колонія, съ флотами, приведенными изъ Малакка, Гоа и Лиссабона, въ первый разъ появившимися въ моряхъ Кишайскихъ. Дикіе утесы покрылись богатыми жилищами, набережная легла на прибрежныхъ пескахъ и магазины спали по приморью, дошолъ необыкновенному. Около двухъ вѣковъ поддер-

живалось и увеличивалось здѣсь преуспѣяніе; разныя причины подорвали его.

Главное изъ нихъ было появленіе другихъ Европейскихъ могущесивъ въ Кишайскихъ моряхъ. Голландцы и Англичане, поочередно повелишили Индійскихъ морей, старались открыть себѣ входъ и въ Кишайскія гавани. Едва допустили ихъ въ Кантонъ, важность Макао уничтожилась; онъ не могъ бытъ даже мѣстомъ остановки для countryships Остъ-Индской Англійской Компаніи, потому, что признанъ его мѣлка и ненадежна. *Типо* и признанъ *Вампоа*, находящаяся далѣе въ проликахъ рѣки, сдѣлались якорными мѣстами для Европейскихъ кораблей. Какъ складочное мѣсто, какъ портъ, Португальская колонія стала такимъ образомъ вовсе ничтожною.

Къ этой причинѣ подрыва присоединилась другая, неменѣе рѣшительная. Въ Макао, какъ и во всѣхъ другихъ владѣніяхъ, Португальцы оказывали дѣятельность и силу только при началѣ. Упадокъ ли Португальской важности въ Европѣ отразился на дальней колоніи ихъ, или колоніальной жизни достаточно было для ослабленія людей, показывавшихъ столько силы и мужества при Васко де Гама и Альбукеркъ, но только съ благоденствіемъ и мирнымъ состояніемъ Макао, жители его покорились привычкѣ къ лѣнности, робости и безчувствію. Находя въ Кишайцахъ работниковъ дѣятельныхъ и смелыхъ, народъ дѣловый, переводчиковъ и маклеровъ, жители Макао положились на нихъ во всѣхъ своихъ потребностяхъ и нуж-

дахъ. Кишайцы строили Макао, воздвигали въ немъ дома, набережныя, магазины, образовали для себя торговлю, начали обчищать и обворовывать Португальцевъ. Когда дѣла приняли такое направленіе, со всѣхъ сторонъ Кишай сбѣжался сюда самый ловкій, самый плутоватый народъ. Каншонъ, и безъ того сборъ нечистоты всего Кишай, опрядилъ въ Макао выборъ изъ выбора мошенниковъ. Мало по малу, эти новыя колонисты прикрыли собою населеніе Португальское, и безъ того уменьшенное непрерывнымъ смѣшеніемъ родовъ. Нынѣ Макао болѣе Кишайскій, нежели Португальскій городъ. Такое дѣло, совершившееся у самыхъ воровъ Каншона, не должно впрочемъ удивлять, не смотря на законы, запрещающіе всякое переселеніе изъ Кишай, когда мы видимъ на сто лѣтъ по приморью цѣлыя колоніи, основанныя Кишайцами. Безпокойное населеніе Кишайцевъ, по немногу вѣдрившееся въ Макао, было покорно и полезно, пока управлялъ имъ Европейскій гарнизонъ. Живущее въ укрѣпленій, подъ пушками Португальцевъ, оно удерживалось отъ всякаго движенія и непослушанія. Но когда Португальцы, лишенные владычества въ Индіи, начали посылать для защиты Макао только сипаевъ, подъ начальствомъ мещицкихъ офицеровъ, Макайскіе Кишайцы, болѣе многочисленные, нежели Португальскіе креолы отъ чистой и смѣшанной породы, болѣе дѣятельные, болѣе отважные, начали непрерывно возмущаться, проникли въ городъ, въ средину укрѣпленій, и расселились тамъ. Тогда надъ владѣльцами Макао

явились неумолимые повелители. При малѣйшемъ поводѣ, возмущеніе Кипайцевъ начало подвергашъ грабежу магазины и дома богатыхъ Европейцевъ. Надобно было употребляшъ прошивъ нихъ шуземную власшь, и—Кипайскіе чиновники были призваны въ Макао. Съ тѣхъ поръ, Кипайцы умѣли дѣйствовать такъ ловко, что теперь Португальскій Губернашоръ есть ничто иное, какъ бѣдный невольникъ прихошей Кипайскаго правителя. Приказъ этого Азіянскаго деспота можешъ во всякое время заперешъ гавань Макао кораблямъ; со всякаго привознаго шовара плашашъ ему пошлину; каждый камень, который полагаешъ для новой постройкі, не можешъ быть употребленъ безъ особеннаго *шаппа*, или позволенія его. Вліяніе Кипайскаго мандарина на всѣ предмѣны, иногда прямое, всего чаще бываетъ непосредственнымъ. Его повелѣнія относящяся собственно не къ Португальцамъ, или ихъ начальникамъ, но къ Кипайцамъ, подчиненнымъ его владычеству. Если онъ хочешъ закрыть гавань, то запрещаетъ шолько всѣмъ лоцманамъ Кипайскимъ выплывашъ для встрѣчи и прохода кораблей; если хочешъ обложить плашежемъ новыя постройки, то приказываетъ мастеровымъ пребовашъ установленной имъ подати, какъ будто прибавки къ ихъ заработной платѣ. Тщешно Португальцы пожелали-бы прошивопоставишъ силу хитрости: при первомъ знакѣ сопротивленія, Кипайскій мандаринъ прекратишъ привозъ припасовъ въ Макао, уморишъ голодомъ Европейцевъ, и выпустишъ еще на нихъ Кипайское народона-

селеніе, напередъ условившись съ нимъ въ ненаказанности бунта.

Въ послѣднее время, такая система снисхожденій и привязокъ дошла до послѣдней степени. Желая, какъ будто рѣшительно выпустить Португальцевъ изъ Макао, Китайскіе чиновники начали нападать даже на ихъ привычки къ нѣгѣ, на необходимую для нихъ потребностъ жизни лѣнивой и бездѣйственной. Такъ, напримѣръ, они запретили употребленіе паланкиновъ; всего страннѣе, что повелѣніе объ этомъ было прислано изъ Пекина: тамъ разсудили, что не должно оставлять тако-го великаго преимущества Макао передъ Кантономъ; этимъ было доказано, что Португальскій городъ надобно почти рѣшительно возвращаемымъ къ *Небесному царству*, если богдыханъ подчиняетъ его уставамъ городовъ совершенно Китайскихъ. Но какъ можно было исполнить подобное повелѣніе? Какъ уладить съ Португальскими креолами, въ единственныхъ отношеніяхъ, копоры могутъ еще быть имъ чувствительны? Хищросъ Китайская не остановилась за такою бездѣлкою. Спрожайше было запрещено носильщикамъ паланкиновъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, наниматься для подобной должности у иностранцевъ, и не смотря на предложеніе самой огромной платы, ихъ не могли замѣнить ни креолами, ни мѣшисами!— Но Китайскіе чиновники сжали въ шуникъ, когда рѣшились было воспрепятствовать Англичанамъ прогуливаться верхомъ по небольшому полю, которое находится между укрѣпленіями

города и предѣлами Португальскаго и Китайскаго владѣнія. Все было испытано, и все оспалось безъ успѣха — угрозы, протянутыя веревки, рвы, нарочно копаемые по ночамъ. Угрозъ не слушали; веревки перерубали; рвы засыпали землею.

При томъ положеніи, въ какое поставила себя власть Кишайцевъ въ Макао, пребываніе здѣсь Европейца не можеть нынѣ почесться ни безопаснымъ, ни обеспеченнымъ властью правительсва. Незадолго до нашего прибытія въ Макао, несчастное происшествіе показало мѣру власти, оставшейся Европейцамъ, и хорошо обозначило, кто занимаетъ теперь роль подчиненныхъ и роль повелителей.

Какой-то солдатъ Португальскаго гарнизона былъ боленъ, и просилъ совѣта у одного изъ своихъ поварищей, почишаемаго колдуномъ. Эпошъ, шутя, или изъ низкаго мщенія, обѣщалъ ему совершенное выздоровленіе, если больной приложитъ къ ранѣ своей кусокъ кожи Кишайца. Терзаемый болѣзною, и увѣренный въ силѣ лекарства, Португалецъ выбралъ себѣ жершву, бросился на одного изъ Кишайцевъ съ ножомъ, и нанесъ ему столь жестокою рану, что бѣдный Кишаецъ почти на мѣстѣ умеръ. На крикъ умирающаго сбѣжалась толпа народа, вопила о мщеніи, требовала выдачи убійцы, убѣжавшаго въ казармы. Надобно было прибѣгнуть къ угрозѣ пушками, чтобы успокоить толпу, пока произведутся законныя изслѣдованія и судъ. Преступникъ былъ осужденъ на смертную казнь. Но предвидя, что въ день казни произой-

дешъ возмущеніе , Губернапоръ Португальскій призывалъ къ себѣ въ крѣпость лучшихъ людей своей націи , и волею и неволею заперъ ихъ у себя. Въ испугѣ своемъ, онъ хопѣлъ имѣшь въ рукахъ, или защитниковъ, или шоварищей бѣдствія. Преступникъ приведенъ былъ въ назначенный день и часъ на площадь, подлѣ гавани, и тамъ, въ присушствіи Кишайскаго мандарина, опрубили ему голову. Но едва совершилась казнь, Кишайцы Макао, находя , что правосудіе было неудовлетворено легкою казною, толпою бросились на мандарина , сбросили его съ судейскаго мѣста, били, шопшали ногами, разогнали опрядъ синаевъ, поспроенный въ боевой порядокъ, побѣжали попомъ по домамъ креоловъ , и всюду грабили , насильничали, жгли, расхищали. Возмущеніе продолжалось при , или чешыре дня, и во все эшо время Португальцы были безсильными свидѣтелями съ вышины крѣпости, какъ изшребляли ихъ дома и шерзали ихъ семейшва. Кишайское народонаселеніе доказало при эшомъ случаѣ ушвердишельно , что шолько оно есть повелишель , единшвенный власшитель Макао. Въ наказаніе за обиду, причиненную Кишайскому мандарину , казнили семнадцать грабшелей, но примѣръ казни мало подѣйшвовалъ на оставшихся.

Для досшиженія къ Макао, мыплыли по небольшой рѣчкѣ, впадающей въ гавань. Съ приближеніемъ нашимъ къ городу, мы могли разсморѣшь различныя часши его : чешыре небольшія Португальскія крѣпости ; *Моа*, или Кишайское опдѣле-

ніе города; бастіонъ Санъ-Франциско и бастіонъ Королевы. Чѣмъ-то въ родѣ плошины, на копорую мы вышли, устроено выше подола, или нижняго города; кровли домовъ его являющіяся ошсюда смѣшанно. Нѣсколько домовъ хорошей наружности и дворець Губернатора образующъ вдали окончательный видъ зрѣлища.

Едва спутили мы на землю, и нашли себѣ приспанище у одного добраго Американскаго купца, какъ и поспѣшили осматривать Макао. Первая прогулка наша была вдоль низменнаго прибрежья, копорымъ оканчивается заливъ. Пользуясь прохлагою вечера, мы дошли до небольшого укрѣпленія, пославленнаго на окончаніи полукруга, ошкуда бѣлою линіею строеній видны были намъ городъ, его монастыри, церкви, дома. На высотѣ рисовались монастырь Гюа, Епископскій дворець и крѣпость Макао. Широкій Португальскій флагъ развѣвался на одномъ изъ угловъ ея.

На другой день, первымъ дѣломъ нашимъ было посѣщеніе Англійскаго Резиденша, съ копорымъ познакомили меня и Барона рекомендацельныя письма, данныя намъ ошъ разныхъ особъ. Мы не засшали самого Резиденша, но одинъ изъ его чиновниковъ замѣнилъ для насъ ошсущствіе его самымъ пріятнымъ образомъ. Онъ вызвался услуживать намъ во всемъ, чѣмъ только могло бытъ для насъ пріятно и полезно. «Просту ошпашься позавтракать вмѣстѣ — говорилъ онъ — мы напьемся чаю въ саду, на ошкрышомъ воздухѣ.»—Дѣйствительно, завтракъ подали намъ въ кіоскъ, или

бельведеръ, кошорый, какъ будто плюмажъ, увѣнчивалъ собою вершину ушеса. Эшотъ ушесъ не составлялъ тяжелой громады камня; онъ былъ сквозной, образуя во внутренности родъ свода, или пещеры, съ свѣтами, почти освѣсными. Съ бельведера его открывались Макао, заливъ его, часть пристани Типа, засаженной лодками и загроможденной мачтами. Когда мы кончили завтракъ нашъ въ эшотъ прелесномъ уединеніи—«Что скажете вы о нашемъ павильонѣ?» спросилъ насъ ласковый Англичанинъ— «не правда-ли, что здѣсь еще какъ будто осмалось вдохновеніе, нѣкогда оживлявшее великаго поэта?» — Что вы скажете хотите?—«То, что здѣсь именно, въ подземномъ гротѣ этого ушеса, Камоэнсъ писалъ свою *Лузіаду*.»—Мы всмалли съ мѣсцъ, по невольному чувству почтенія къ памяти великаго человека. Съ безмолвнымъ любопытствомъ осмолрѣли мы пошотъ поэтическое убѣжище Камоэнса. Камень, лавка, дерево, все въ немъ казалось намъ достойнымъ вниманія. Камоэнсъ, эшотъ полу-Латинскій, полу-Католическій поэтъ, смѣшивавшій въ мечшахъ своихъ мнѣологію и христіанство, ешотъ увѣренный въ безсмертіи труда своего, что когда корабль его разбился, онъ спасалъ шотько свою поэму, и бился въ волнахъ шотько правою рукою, въ лѣвой рукѣ держа свою *Лузіаду*— и шакъ здѣсь мечшалъ, здѣсь обдумывалъ онъ гармоническія пѣсни свои, въ Кишаѣ, въ ушесахъ Макао, и мы на краю свѣша видимъ незабвенные слѣды его....

Все эшо заняло для насъ цѣлое утро. Распро-

щавшись съ привѣпливымъ Англичаниномъ, мы посѣтили крѣпости, изъ которыхъ одна защищена сорока пушками. Въ ней есть водохранилище, два ключа свѣжей воды, казармы, и помѣщеніе на тысячу человѣкъ. Другая крѣпость меньше, защищена только придцатью пушками, также снабжена водою, но въ ней не можеть помѣститься болѣе 300-иъ человѣкъ. Оба эти укрѣпленія, пославленные на самыхъ возвышенныхъ точкахъ острова, повелѣвають всѣмъ окреснымъ пространствомъ. Не смотря на превосходное положеніе, хитрость и ловкость Кишайцевъ сдѣлали бесполезными грозныя укрѣпленія Португальцевъ. При первомъ выступѣлѣ съ крѣпостей—Макао уморають голодомъ....

Гарнизонъ въ Макао состояють двѣсти сипаевъ и двѣсти человѣкъ милиціи; службу послѣдней составляетъ опшравленіе ночнаго дозора; солдаты вооружены палками, и только офицеры имѣють право носить шпаги, но не смѣють употреблять ихъ противъ Кишайцевъ. Воръ изъ числа Кишайскаго народонаселенія, даже пойманный на мѣстѣ пресшупленія, не можеть быть наказанъ иначе, какъ съ большимъ предварительнымъ разсмотрѣніемъ. Если нечаянно, или умышленно, кто нибудь изъ охранительной стражи убьетъ Кишайца, убійца немедленно долженъ быть выданъ Кишайскому мандарину, и онъ безъ суда приказываетъ его немедленно повѣсиль, въ присутствіи нарочно для этого собираемаго гарнизона. При совершеніи казни, чиновники Кишайскіе, вступаая на площадь и уходя съ площади, привѣщиваются пушечными

выспрѣлами крѣпостей. Въ обратномъ случаѣ, если Кишаецъ убьетъ Португальца, виновнаго ошдающа Кишайскимъ судьямъ, и почти всегда они освобождаютъ его отъ казни, вымучивши какой нибудь окупъ въ свою пользу.

Изъ крѣпостей пошли мы въ церкви; нѣкоторыя изъ нихъ обнесены крѣпкими оградами. Мы видѣли соборъ и монастырь Гюіа, гдѣ живутъ Епископъ и двѣнадцать канониковъ, его викаріи. Потомъ обозрѣли мы церкви: Св. Лавренція, Св. Павла, Св. Антонія, Св. Пепра; мужескіе монастыри: Св. Франциска, Воскресенскій и Св. Августина; женскіе монастыри: Св. Клары и *Мизерикордіа*; наконецъ при госпиталѣ военные и гражданскіе. — Въ часовнѣ Св. Пепра пушеводишель нашъ указалъ намъ гробницу жены извѣстнаго Бенъовскаго; она была Руская, бѣжала съ нимъ изъ Камчатки, и умерла въ Макао, отъ изнеможенія силъ въ продолжительномъ путешествіи.

Духовенство, находящееся при здѣшнихъ церквахъ, почти все присылаешся сюда изъ Гоа. Кромѣ Португальскихъ священниковъ, въ немъ помѣщены еще ошашки знаменишихъ миссій Китайскихъ, споль славныхъ и многочисленныхъ въ прежнія времена. Мы видѣли въ Епископскомъ домѣ одного изъ старыхъ, почтенныхъ миссіонеровъ, ошца Аміона, обитающаго въ Кишаѣ около сорока лѣтъ; даже находясь въ Макао, онъ все еще носитъ Кишайское одѣяніе. Это почти единственный ошашокъ знаменишихъ священниковъ, жившихъ споль долгое время во внутренности Ки-

шая, подъ покровительствомъ Кишайскихъ богдыхановъ. Послѣдній начальникъ Капюлическихъ миссій, о. Амюшъ съ чувствомъ говорилъ вновь обращающейся брашїи христїанской о шѣхъ православныхъ, копорыхъ принужденъ онъ былъ оставишь среди многочисленнаго идолослужительскаго народа другихъ Кишайскихъ обласпей. Наставляя духовныхъ дѣшей своихъ въ надлежащемъ познанїи нравовъ и обычаевъ Кишая, столь различно представляемаго, онъ рѣшилъ до самой кончины оставашься въ избранной имъ землѣ, проповѣдуя вѣру І. Х., упошребляя въ пользу послѣдніе дни благочесливой жизни своей. Въ Макао, ревность проповѣдниковъ можетъ бышь обращаема только на самую испорченную часть Кишайскаго народа. Злодѣи и бездѣльники нерѣдко прибѣгали здѣсь къ приняшїю христїанства для того только, чшобы счишашься попомъ подъ покровительствомъ Европейскимъ. Другїе шуземцы, увлеченные кое-какими выгодами и подарками, крестились и попомъ снова обращались въ идолослуженїе. Не смюшря ни на чшо, добрые проповѣдники шѣмъ не менѣе продолжашь свое дѣло, съ терпѣнїемъ, достойнымъ лучшихъ послѣдшвїй. Они ищущь повсюду бѣдныхъ и несчастныхъ, и если не приобретающь овецъ къ спаду истинной вѣры, то, по крайней мѣрѣ, нерѣдко исхищашь цѣлыя семейства несчастныхъ изъ когшей демона нищеты и порока. Макао исполненъ благословенїй добродѣтельнымъ миссіонерамъ Кишая.

Съ городскихъ высотъ сошли мы къ пристани,

по улицамъ , гдѣ находясь красивыя Кишайскія лавки. Опѣ времени до времени , въ различныхъ уединенныхъ мѣстахъ , показывались передъ нами небольшія Кишайскія кладбища , съ ихъ цвѣточными купами и бѣлыми памятниками; коническая башня, поставленная вдали, на краю карпины, казалась воздвигнушою какъ будто нарочно для того, чѣобы мы предваришельно ознакомились съ Кишайскимъ зодчествомъ, споль спраннымъ и споль самобытнымъ.— По мѣрѣ вступленія нашего во внутренность нисшаго города , мы видѣли болѣе и болѣе кривыя , узкія улицы ближе къ заливу. Прежде Макао былъ еще болѣе замаранъ , загаженъ , заваленъ нечистою, но съ тѣхъ поръ, какъ вѣдрили въ него Кишайцы , въ него проникъ духъ порядка и чистоты, никогда ихъ не оставляющій. Дома , построенные изъ камня и обмазанные извесью, вообще представляющъ видъ правильности и довольства. Магазины , склады таможенные , рынки провѣваются воздухомъ и покрыты сверху; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, эти построенія выдвинуты на гору. Рынки особенно дають нѣкоторое предвѣщаніе о подобныхъ шорговыхъ мѣстахъ въ Кантонѣ, и вообще въ городахъ Кишайскихъ. Можно сказать, чѣо ремесло купца и торгаша врожденно Кишайцамъ — такіе мастера они на это дѣло. Съ какимъ искусствомъ умѣющъ они, на примѣръ, пригошавить на продажу съѣстные припасы! Какъ они выглядящъ , позолощящъ , обархашящъ , освѣжящъ ихъ, шолько-бы обольстить взоры покупателя! А раскладка шовара? Чѣо за умѣнье,

что за соображеніе! Какую обширную науку надобно, чтобы такъ искусно обманъ дополнила хитрость! Тушь есть геніяльность, во всѣхъ эпихъ уловкахъ, геніяльность мошенническа и безсовѣстности, доведенныхъ до невѣрояшной степени! Вотъ эта живность, кошорую, боясь обмана, покупающъ живую на вѣсъ, какимъ образомъ, думаете вы, она, *живая*, сдѣлана тяжеле обыкновеннаго? За два часа до продажи, ее накормили кремнями. А эти свиньи, такія большія, такія пухлыя, что кожа ихъ, того и смотри, лопнетъ? Купите ихъ, и когда спанете рѣзать, то вмѣсто крови найдете въ нихъ воду. Мнимая пучность ихъ продолжись долго, потому, что произведена съ чуднымъ, непоспимымъ искусствомъ. Разсиръ обмановъ Кишайскихъ по торговлѣ можетъ составить толстую книгу.

Португальскій по имени, Макао почти совершенно населенъ Кишайцами; ихъ счисляющъ 25,000 живущихъ въ городѣ, и 5000 кочующихъ въ кампанахъ, или судахъ. Все народочисліе Макао восходитъ до 34,000; слѣдовательно, на число Португальцевъ приходится всего *тысячи четыре*, если можно еще называть *Португальцами* эту смѣсь крови Европейской, Индійской, Кишайской, и даже Кафрской. Первое заселеніе, перешедшее сюда изъ Гоа, совершенно испортилось безчисленными смѣшеніями. Мелісы Португальскіе, подражая во все времена нравамъ Португальцевъ, подобно имъ оказывали храбрость свою въ Азійскихъ войскахъ — вспомните славную осаду Діу. Пошомъ эта поро-

да излѣнилась, обабилась, ослабѣла. Чѣмъ далѣе, шѣмъ болѣе перерождаясь, шагъ за шагомъ шеря земли, нѣкогда ими покоренныя, неспособныя снова возвыситься, ибо всякій трудъ казался для нихъ сшрашенъ, позволяя угнетать себя, ибо сопрощеніе было-бы трудомъ, не находя ничего лучше, когда расхищали ихъ, какъ сжашіе въ оспальномъ изъ повелишелей сдѣлавшись почти рабами, въ Китаѣ униженные передъ Кипайцами, въ Индіи передъ Индійцами, гордые между шѣмъ, какъ во времена силы своей, презирающіе всякое занятіе, почитающіе рукодѣлія ниже своего величія, и безъ сшыда между шѣмъ просягивающіе руку для испрошенія милосшынн — шакovy *Португалыцы*, изъ кошорыхъ сосшавляется нынѣ народонаселеніе колоній, основанныхъ Албукеркомъ и Андрадомъ.

Эши креолы, сшоль униженные въ нравсшвенныхъ ошношеніяхъ, не сшолько упали въ ошношеніи физическомъ. Они все еще крѣпки, сшройны, довольно высокаго росшя; болѣе или менѣе шемноцвѣшныя, лица ихъ, почти всѣхъ, вообще съ правильными чершями и оживлены глазами черными и выразишельными. При лучшей жизни и болшней опряшности, они сосшавили-бы довольно красивое поколѣніе людей. Одежда ихъ смѣсь одѣяній Кипайскихъ, Индійскихъ и Европейскихъ. Женщины креоловъ эшихъ гораздо хуже мужчинъ: желшый цвѣшъ кожи, сплющенный носъ, огромный рошъ, испорченный безпресшаннымъ куреньемъ шабаку, шускые глаза, морщиновашый лобъ, курчавые волосы, шолсшая шалія, и всѣ формы шѣла съ при-

знаками физическаго упомненія — таковы Поршугальскія мешиски Макао. Вездѣ въ другихъ мѣстахъ, на Сенегалѣ, въ Иль-де-Франсѣ, въ Бенгалѣ, на Аншилскихъ островахъ, цвѣтныя женщины славились ловкимъ кокешствомъ и непобѣдимую прелестью, но въ Макао всѣ счишаютъ ихъ самымъ отвратительнымъ и безобразнымъ швореніемъ; онѣ обладаютъ только пороками своей породы, не имѣя достоинствъ ея. Не смотря на зашворническую жизнь, какой подчиняютъ ихъ, онѣ находятъ средство показывать примѣры нравовъ чрезвычайно распутныхъ. Пробѣгая по улицамъ Макао, съ лицомъ полузакрытымъ прозрачною маншильею, въ легкихъ туфляхъ изъ пестраго сафьяна, въ рубашкѣ, перехваченной передникомъ, онѣ успѣваютъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе на новопріѣхавшихъ, благодаря своему красивому и легкому наряду. Наиболѣе красивыя, и составляющія многочисленное отдѣленіе этихъ женщинъ, суть происшедшія отъ Европейцевъ и Кишайцевъ: ихъ называютъ здѣсь *Португальскими Китайками*. Кишайцы продаютъ дочерей своихъ Португальцамъ весьма молодыхъ; Португальцы воспитываютъ ихъ пономъ, и женятся на нихъ. Большею частію, отъ этихъ браковъ происходятъ дѣши самыя несчастныя и погибшія отъ самаго рожденія. Дочери почти всегда поступаютъ послѣ того въ званіе распутныхъ дѣвокъ, или выходятъ за мужъ за Кишайцевъ; въ Макао пользуется онѣ особенною славою между куришелями опиума; говорятъ, что только онѣ умѣютъ угадывать надлежащую мѣру и знаютъ

приготовленіе его. Лежа на своихъ диванахъ, роскошно растянувшись на спинѣ, куришели, при помощи ихъ, предославляющъ себѣ шолько легкій прудъ вдыхашъ въ себя упоющій дымъ, посредствомъ подсавляемой къ рошу небольшой прубочки. Мешиска забоишся о шомъ, чшобы раздѣляшъ опіумъ на маленькіе кусочки, серебряною иглою вкладывашъ ихъ въ опверзшіе небольшой чашечки, приближашъ пламя, мгновенно пошухающее, къ прубочкѣ, и поддерживашъ его прибавленіемъ кусочковъ опіума, пока вся опредѣленная доля будетъ поглощена куришелемъ.

Тогда для изнѣженнаго сласполобца начинается воспоргъ души, при неописанномъ разслабленіи шѣла. Пары опіума, усыпляя чувсшва человѣка, въ шожее время возбуждающъ волненіе въ головѣ его, раздражающъ ее, наполняющъ самыми спранными и фаншаспическими мечшами. Излишнее употребленіе упоющаго зелья ведешъ къ совершенному ослабленію и безчувсшвенносши шѣло человѣческое. Но шакова прелесшъ, соединенная съ употребленіемъ опіума, чшо однажды испытавши сладоспращное очарованіе, имъ дославляемое, эшо сосшояніе какой-шо нѣги между сномъ и бодрсшвованіемъ, человѣкъ уже съ шрудомъ можешъ опказашъся опъ его неизъяснимой и опасной роскоши. Пріобрѣшеніе опіума, довольно дорого спощее, пошерея здоровья и разсудка — ничшо не можешъ побѣдишъ спрасши людей, привыкшихъ къ опьянѣнію имъ, къ очаровашельной дремошѣ души, всег-

да оканчивающейся тяжкимъ истощеніемъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ.

Французскій медикъ, живущій въ Макао, рѣшился однажды сдѣлать надъ собою опытъ упоенія опиумомъ. Онъ принялъ его весьма небольшой пріемъ, и вотъ что рассказывалъ онъ о своихъ ощущеніяхъ: «Черезъ нѣсколько мгновеній послѣ поглощенія мною назначенной доли, мои умственные способности пришли въ состояніе какого-то страннаго восторга. Чувство наслажденія, испытываемое мною, казалось мнѣ зависящимъ отъ какого-то общаго, гармоническаго раздвиженія всего моего бытія, моральнаго и физическаго. Казалось мнѣ, что всѣ мои способности безконечно расширились, и всѣ предметы казались мнѣ увеличенными въ ихъ объемахъ. Воображеніе мое усмремлялось на внѣшніе предметы только для того, чтобы превратить ихъ въ образы самые фантастическіе и восхищительные. Восторгъ мой былъ гармонією сна и бдѣнія. Я поспѣшилъ отправиться въ мое жилище, боясь надѣлать какихъ нибудь сумазбродствъ. Едва чувствовалъ я, что ноги мои касаются земли; когда шелъ я, мнѣ казалось, что вдоль улицы непримѣтно движеть меня какое-то внутреннее, улаживающее чувство, и вся кровь моя, какъ будто превратилась въ какую-то эфирную жидкость, дѣлавшую ее легче воздуха. Едва возвратился я домой, какъ поспѣшилъ лечь въ постель, и во всю ночь видѣнія, самыя странныя, наполняли мою голову. На другой день, я былъ блѣденъ, изнеможенъ, слабъ, и мучился жестокою головою болью.»

И въ Кохинхинѣ и въ Кишаѣ употребляютъ опиумъ, не только на манеръ Турецкій, принимая его внутрь, но и на Малайскій манеръ, сжигая его, и вдыхая въ себя дымъ сжигаемаго опиума. Но такое куреніе не производитъ однакожь здѣсь тѣхъ бѣшеныхъ изступленій, шой жажды къ убійству, шого спрашнаго безумія, кошорое заславляетъ Сумапрійцевъ и Яванцевъ бѣгать послѣ шого по улицамъ, съ кинжаломъ въ рукѣ; здѣсь все ограничивается нѣсколькими судорожными порывами, легко ушшаемыми, и пошомъ какимъ-шо вдохновеннымъ самозабвеніемъ. Говорятъ, что разница происходитъ отъ различія сложеній, но скорѣе можно подумать, что столько-же зависитъ она отъ различія пріемовъ, соединяясь съ причинами происходящими отъ разности тѣлосложенія. Воспоргъ есть первое чувство въ пріемахъ опиума; за нимъ слѣдуетъ изступленіе; болѣе продолженное и усиленное употребленіе усиливаетъ изступленіе и уничтожаетъ всякое другое чувство.

Опиумъ есть гумми-резиновое, густое извлеченіе изъ головокъ маку, сонъ производящаго. Макъ эшомъ расшешъ во многихъ странахъ Азіи, но особенно въ Бенгалѣ, гдѣ добываютъ изъ него, по извѣстіямъ Блюменбаха, ежегодно болѣе 600,000 фунтовъ опиума. Приготовленіе опиума дѣлается различнымъ образомъ. Для лучшихъ соршовъ, на маковыхъ головкахъ, еще зеленыхъ, дѣлаютъ продольные разрѣзы, ножичкомъ со многими лезвеями. Молочистый, бѣлый, вытекающій послѣ эшого сокъ, вскорѣ желтѣетъ, и образуется каплями полу-твер-

дыми. Его собираютъ и дѣлаютъ изъ него опіумъ, зернами, самый чистый, наиболѣе уважаемый, не столь горькій и вонючій, какъ шопъ, который идетъ въ обыкновенную торговлю. Эшопъ чистѣйшій опіумъ не выходитъ за границу земель, гдѣ пригошовляется; его на мѣстахъ пошребляютъ богачи и роскошные люди. Приготовление обыкновеннаго опіума состоитъ въ толченіи маковыхъ головокъ и верхнихъ частей маковаго себля, что-бы извлечь изъ нихъ одуряющій сокъ; потомъ выпариваютъ его до густоты. Эша вышажка, раздѣленная на маленькіе кусочки, или лепешечки, крѣпко сжатыя, по 45-ти и 46-ти унцій вѣсомъ, составляютъ идущій въ торговлю опіумъ, или *тесопіит* Древнихъ народовъ. Лепешечки опіума завершывающіяся въ табачные, маковые, или другіе какіе нибудь листочки. Наконецъ есть еще претій родъ опіума, самый нисшій, называемый *пустъ*: это извлечение изъ спволовокъ, листьевъ и головокъ маковыхъ, посредствомъ кипящей воды. Хорошій опіумъ долженъ состоятъ изъ сухихъ, ломкихъ, смолистыхъ, зернистыхъ и темныхъ кусочковъ; запахъ его вонючъ и непріятенъ, вкусъ горекъ и силенъ; расширяемый пальцами, онъ размягчается, въ спиртѣ разводится, и мгновенно вспыхиваетъ на горящихъ угляхъ. — Опіумъ былъ прежде въ Макао единственною вѣщью торговли, самой обширной и прибыльной. Доходы отъ него служили досмачною наградою, вмѣсто жалованья, высшимъ и гражданскимъ чиновникамъ. Но это было уже послѣднее пособіе колоніи. Опіумъ всегда былъ запре-

щенъ въ Кипаѣ; ящики съ опиумомъ складывались въ Поршугальскихъ магазинахъ Макао, и провозились попомъ въ Каншонъ конспрабандою. Все это дѣлалось черезъ Кипайскихъ коммиссіонеровъ, и нерѣдко даже при пособіи мандариновъ и начальниковъ таможенъ, подкупленныхъ золопомъ. Но издержки были при томъ ужасныя, и возвышали цѣну шовара до цѣны невыносимой покупателямъ. Съ доспавкою внутрь Кипая, ящикъ опиума становился не менѣе 2000 піаспровъ. Такъ, какъ шоваръ этотъ былъ единственнѣй, доспавлявшій нѣкоторую прибыль Макайской таможенѣ, то спарашельно сохраняла она на него свою монополію. Къ несчастію, приказъ изъ Пекина отнялъ у нея послѣдніе барыши. Кипайскій мандаринъ, сдѣлавшійся нынѣ насшоящимъ директоромъ Поршугальской таможи, наблюдаетъ за привозомъ опиума и вывозами его изъ магазиновъ; конспрабанда стала трудна, почти невозможна для Поршугальцевъ, и перешла въ Линшинъ.

Весь оспашокъ шорговой дѣятельности для Макао состоишь шеперь въ небольшомъ прибрежномъ плаваніи въ Туранъ, Сайгонгъ, Синкапуръ и на Филиппинскіе острова. Арекъ, слоновые клыки, ппичьи гиѣзда, деревянные и разныя мѣлкія издѣлія, соспавляющъ главную часть вывозовъ отсюда. Прежде Поршугальское правительсшво предписывало своимъ корабельщикамъ въ непремѣнную обязанность два ежегодныя пупешесствія въ Тиморъ, одинъ изъ Молукскихъ острововъ, землю неблагодарную и нездоровую, и въ Гоа, главное мѣсто Поршугальскаго вице-королевсшва въ Индіи, но совершенно

невыгодное для торговли. Теперь эти невольные экспедиции прекратились.

Благодаря смѣшанному правительству отъ двухъ государствъ, торговцы Макао подчиняются надзору двухъ таможенъ, Португальской, *elephantica*, и Кишайской, *haipoul*. Последняя подчинена мандарину, оплеченному бѣлымъ шарикомъ, и обитающему въ *Каза-Бранка*, небольшомъ городкѣ близъ Негао-Мень, $4\frac{1}{2}$ льё отъ Макао. Этотъ чиновникъ, надзирашеть полищическій и торговый, наблюдаетъ, чшобы не нарушались торговлею права Кишайскихъ границъ, и собираетъ пошлины. Сборъ пошлинъ, по милости беспечной сговорчивости Португальцевъ, нашли средства распространить на все — погрузку кораблей, право привоза и отпуска товаровъ, построение домовъ, наемъ лавокъ, рыбную ловлю, мѣлкую торговлю: за все, однимъ словомъ, вносишя теперь подашь Кишайскому правительству.

Португальское правленіе Макао подчинено губернатору, который принимаетъ на себя громкое шило Генераль-Капитана. Ему повинуются гарнизонъ, состоящій изъ 400-ти человекъ. Выборъ этого главнаго чиновника дѣлается въ Гоа, и назначеніе его бываетъ на три года. *Desembargador*, второй чиновникъ по губернатору, присылается изъ Лиссабона. Это гражданскій судья, исправляющій при томъ должность начальника таможни; къ нему поступаютъ имѣнія выморочныя и завѣщаемыя на богоугодныя дѣла. После этой важной особы правленія, занимающей мѣсто хлопотливое и до-

ходное, слѣдуетъ, какъ претъя власъ, Епископъ, начальникъ духовенства и миссій. Есть еще въ Макао *Сенатъ*, составленный изъ семи *нотаблей*, выбираемыхъ изъ лучшаго купечества городского. Это родъ городского правленія, дѣйствительно принимающій величественное имя *Августѣйшаго Сената города Макао*, и занятой разными мѣлкими дѣлами, касательно городскихъ потребностей.

Среди двухъ владычествъ, спорящихъ за Макао, какъ будто что-то посредническое между Кипайцами и Португальцами, живетъ здѣсь небольшое количество Европейскихъ купцовъ, незначительныхъ по числу, но важныхъ по своему положенію, и по принадлежности ихъ сильнымъ государствамъ. Кипайцы хорошо понимаютъ, что безъ нѣкоторой опасности не лзя имъ оскорблять Англичанъ, Американцевъ, Французовъ и Голландцевъ, живущихъ въ Макао, и потому, если здѣсь не любятъ этого народа, то, по крайней мѣрѣ, уважаютъ его. Всѣ здѣшніе Европейскіе торговцы имѣютъ однакожь наиболѣе мѣсто шорга своего въ Каншонѣ, а не въ Макао, но такъ, какъ правители Кантона не терпятъ пребыванія ихъ тамъ, послѣ новѣйшихъ измѣненій чайной торговли, то обыкновенно Европейцы основываясь съ семействами своими въ Португальской факторіи, и строятъ себѣ здѣсь красивые дома, на набережной, или въ тихихъ мѣстахъ по горѣ. Богатѣя, производятъ-ли дѣла на свой собственнй счетъ, или дѣйствуя какъ комиссіонеры другихъ факторій, пришельцы эти ввели въ домашней жизни своей роскошь и удоб-

ства, бывшія прежде неизвѣсными здѣшнимъ Европейцамъ. Только они и придають немного жизни, ошличаясь хорошимъ обхожденіемъ въ здѣшнемъ обществѣ, скучномъ и тяжеломъ. У многихъ изъ нихъ построены прохладные кіоски надъ моремъ; у другихъ заведены сады, гдѣ на ошкрышомъ воздухѣ распушъ *гортензіи*, *камеліи*, прелесшныя *ипомеи* (*quamoslit*). Въ пшичникахъ содержатъ они пшицъ Кишайскихъ и привозимыхъ съ великаго архипелага Малайскаго: пушъ видны золошисшыя и серебрисшыя фазаны, Кишайскія курицы, мандаринскія ушки, съ ихъ арлекинскими перьями, и райскія пшички, послѣ смерти своей перелешающія въ Европу, для украшенія головныхъ уборовъ щеголихъ Европейскихъ.

Нѣсколько часовъ обозрѣнія и разговоры съ Европейскими купцами здѣшними, доспапочно пояснили намъ все въ Макао. Кончивъ дѣло пушешественника съ Португальцами, мы ошправились съ добрымъ хозяиномъ нашимъ разсмошрѣшь поближе Кишайцевъ, и для эшого пушпились на прогулку до самаго Типа, гдѣ начинающся земли, уже единшвенно имъ принадлежащія. Мы сѣли въ легкую лодку, управляемую двумя сильными гребцами, и шихо поплыли къ мѣсту нашихъ изслѣдованій. Въ Типа былъ въ эшо время праздникъ; экипажи шевелились, значки украшали машы жонкъ, гонги гремѣли во всѣхъ шпоронахъ. Переправясь на полуосшровокъ, мы очупились прошивъ пагода, вырышаго въ горѣ Кишайскими моряками, и неушомимому шерпѣнію ихъ одолженнаго украшеніями, даже

садами, успроенными въ пвердыняхъ скалъ. Множесво маленькихъ часовенъ, копорыми усеяны края аллеи, усыпанной пескомъ, служили указашелами нашими до самаго главнаго храма, откуда видны гавань и море. Во внушренности его находяшся алшари, обремененные цвѣтами, приношеніями, карпинами, спашуями, изображающими сидящихъ молодыхъ дѣвушекъ; особенныя надписи показывающъ имена всѣхъ кшо, и чшо именно посвятилъ храму. При подошвѣ ушеса спѣна, проспирающаяся вдоль набережной, съ внѣшней спороны покрыта непрерывными выпуклыми надписями по мрамору, или по бѣлому камню. Немного внушрь и направо опѣ главнаго входа видны многія посшройки, передъ копорыми прошигивающся ряды кустарниковъ, въ огромныхъ фарфоровыхъ горшкахъ, бѣлаго и синяго цвѣта. Залы эшихъ спроеній опредѣлены для религіозныхъ обрядовъ, изъ числа копорыхъ значительное мѣсто занимающъ разные праздники. Хоругви, большіе барабаны, свѣчи, фонари изъ крашеной бумаги, споспѣшесшвующъ фаншасмогорическому очарованію мѣста и возбуждающъ ревность поклонниковъ.

Пока были мы заняты разсмашириваніемъ пагода, толпа Кишайскихъ моряковъ пришла пѣшкомъ, для исполненія своихъ набожныхъ обѣтовъ. Четверо отшкрывали шесшвіе, неся на длинной палкѣ два огромные фонаря и двѣ хоругви, синюю и желшую. За ними шли музыканшы, наполняя воздухъ пискливыми звуками своихъ кларнешовъ и громомъ своихъ гонговъ и шамшамовъ. За эшимъ пере-

довымъ опрядомъ слѣдовали люди съ носилками, украшенными дорогою шкандью, на копорыхъ поставлено было шесть маленькихъ алшарей, выкрашенныхъ красною краскою, богато убранныхъ и покрытыхъ плодами и цвѣтами. Разнообразно одѣтый народъ, нѣчто въ родѣ жрецовъ, начальники обрядовъ, заключали шествіе, сохраняя среди радости и шума другихъ важное и спешенное лицо. Весь этотъ порядокъ шествія сохранялся до вступленія въ пагодъ, убранный на то время люспрами и фонарями изъ цвѣтной бумаги. Мы хотѣли слѣдовать за толпою поклонниковъ, но пушеводитель нашъ не согласился на такую опасную нескромность.

Выйдя опять на берегъ, очутились мы среди множесства моряковъ; одни, сидя на пескѣ, курили шрубки, другіе переходили отъ шлюпокъ въ дома, изъ домовъ въ шлюпки. Среди этой кучи народа, насъ поразила маленькая толпа, отдѣльная отъ всѣхъ; ее составляли какіе-то люди, казалось, совсѣмъ особеннаго поколѣнія — такъ много было смѣлости въ ихъ видѣ, силы въ ихъ крѣпкомъ шлѣ, выразишельной дерзости и звѣрства въ чертахъ лица. Самая одежда ихъ не совсѣмъ походила на Кипайскую: ее составляли широкія шаровары, съ поясомъ, за копорымъ сверкали кинжалы; темное полукафшанье, съ рукавами, до колѣнъ застегнутое; на бришихъ головахъ ихъ были клобуки чернаго цвѣта, съ копорыхъ хвосты падали сзади до икръ. Таковы были характеристическія дополненія одежды къ физіогноміямъ этихъ

незнакомцевъ. При видѣ ихъ, мы остановились. Они обѣдали на берегу, ѣли сарачинское пшено и рубленую говядину, облитые виномъ и водкою, прошивъ обыкновенія Кишайцевъ. « Чшо эшо за народъ? » спрашивали мы у нашего пушеводителя. — Послѣ расскажу я вамъ объ эшомъ народѣ — отвѣчалъ онъ. Когда отошли мы на довольное разстояніе, нашъ пушеводитель осмошрѣлся съ нѣкошорымъ безпокойсвомъ, и видя чшо можешъ говоришь свободно, сказалъ намъ: « Эши молодцы — видѣнные вами — морскіе разбойники, и надобно признашся, чшо и изъ нихъ даже никогда еще не видывалъ я рожъ шполь ошврапительныхъ! Теперь эшо зло уже ничего не значишь; время его прошло, но въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, море Кишайское рѣшишельно принадлежало эшимъ негодяямъ, и они заснавлиали шрепешашъ даже самого богдыхана. » Мы давно слышали многое въ Европѣ о Кишайскихъ форбанахъ, болѣе страшныхъ и лучше устроенныхъ въ дѣлѣ своемъ, нежели форбаны Малайскіе, но повѣсшвованіе объ нихъ, доходя въ Европу ошпрывками, было шакъ спранно, чшо казалось почти баснею. Чшобы повѣришь всѣ слухи, намъ необходимо надобно было выслушашъ рассказъ на мѣспѣ дѣйсшвія эшихъ бездѣльниковъ, со всѣми подробностями. Во время пребыванія нашего въ Макао, имѣли мы на эшо средства и время, и я почишаю любопышнымъ передашъ здѣсь слышанное мною. Ничего не знаю я болѣе драматическаго, и болѣе

страннаго , какъ исторія и дѣла форбановъ Кишайскаго моря.

Усиленіе ихъ относится ко времени довольно отдаленному. Уже въ 1574 году , царь ихъ, *Лимагонъ*, пропивилъ Кишайскимъ богдыханамъ, и для вознагражденія себя въ неудачѣ, какъ я говорилъ уже , пытался завладѣть Лусономъ. Попомъ , въ 1660 году , другой предводишель, такого-же происхожденія , *Конгъ-Сангъ* , отнялъ Формозу у Голландцевъ, и отсюда пребоваъ признанія его власти и плашежа дани отъ губернатора Манилла. Но рѣшительная эпоха могуществва эшихъ бродящихъ властителей относится къ концу послѣдняго столѣтія. Одинъ изъ Пекинскихъ мандариновъ, *Шингъ-и*, впадшій въ немилость и осужденный на смерть, сдѣлался образовашелемъ и начальникомъ морскаго разбоя. Не безъ труда избѣжавъ отъ поисковъ , какими преслѣдовало его Кишайское правительство , онъ удалился къ пиратамъ острововъ Гайнанскихъ, на западъ отъ Макао , подкрѣпилъ ихъ своимъ умомъ , кликнулъ къ себѣ всю сволочь изъ южныхъ обласей Кипая , и вскорѣ подъ начальствомъ его явилось болѣе 40,000 разбойниковъ, бѣглецовъ, недовольныхъ, осужденныхъ на *кангу* ограбленныхъ судьями , утѣсненныхъ обласными правителями. Когда такое множество отчаяннаго народа соединилось вмѣстѣ , повелитель его далъ ему нѣкоторыя законы, и учредилъ между подчиненными чиновначіе. Запрещено было ославлять корабли, на которыхъ каждый мапрозъ имѣлъ опредѣленную каюшу, для себя и семьи

своей; жилище Капишана назначалось сзади корабля. Ни одно побережье не было такъ удобно для пребыванія пиратовъ, какъ побережье отъ Гайганскихъ острововъ до Макао. Усыянное маленькими островами, ненаселенными, по крайней мѣрѣ, незащищенными гарнизономъ, все это поморье представляло самыя вѣрныя убѣжища въ случаѣ преслѣдованія, и мѣста засадъ для подстереженія купеческихъ кораблей. При такихъ средствахъ причинялъ зло, вскорѣ Гайнанскіе пираты начали причинять его безнаказанно и ужасно. Они плавали по морю, всюду увеличивали флотъ своей жонками, какія опнимали у Кишайцевъ, подвласныхъ законному правительству, нападали даже на Европейскіе корабли, просперли отвагу до того, что являлись въ Макао покупать ядра и пушки у Португальцевъ (и Португальцы безстыдно завели съ ними этою безсовѣстный торгъ). Пошомъ, сдѣлавшись могущею и смѣлою, подобно Американскимъ буканьерамъ, они начали дѣлать высадки на берега, брали города и селенія, жгли, грабили, насильствовали, опускали все, что попадалось имъ въ руки. Съ длинными бамбуковинами, у кошорыхъ на концѣ насажены были сабельные клинки, безпрестанно бросались они на военные кампаны, разбивали экипажи впрое ихъ сильнѣйшіе, и весьма рѣдко терпѣли неудачи въ своихъ опчаянныхъ нападеніяхъ. Даже корабли Англійской Индійской Компаніи принуждены были нѣкошорое время платить имъ подашь, и въ 1806 году, одинъ Англійскій офицеръ былъ у нихъ въ неволѣ. Увезенный

на одинъ изъ острововъ, лѣ въ двадцати онъ Макао, эшошъ офицеръ могъ шамъ разсмотрѣть силы морскихъ опустошителей; ихъ соспавляли тогда почти 500 кампановъ, раздѣленныхъ на опряды по 50-ти, и изъ каждаго опряды выходило за одинъ разъ только по одному кораблю, подъ власпью начальника эскадры. Генералиссимусъ, великій адмиралъ, царь, или *владыка морей*, какъ называлъ себя *Шингъ-и*, рѣдко опваживалъ на опасносшь свою собственную особу. Обыкновенно, онъ оспавался въ главномъ пришонѣ своемъ, съ ушра до вечера упиваясь опиумомъ. Эшошъ бродяга успѣлъ однакожь ввести нѣкоторое уваженіе къ нему между форбанами. Нравы ихъ всегда были самыя опврашительныя и беспутныя, но удивительная честносшь соблюдалась между ними въ раздѣленіи добычи. Горе было начальнику, если-бы онъ осмѣлился удержашъ хотя малѣйшую бездѣлку не по дѣлежу въ свою пользу! Избишый бамбуковинами, со всею упонченносшью Воспочной пышки, онъ былъ-бы пошомъ разняшъ на чешыре куска. Такое-же наказаніе грозило каждому непріателю, попавшему въ руки пиратовъ. По повелѣнію Шингъ-и, на каждомъ кампанѣ выспавлялся *красный*, или *черный* флагъ: послѣдній означалъ, что все вспрѣшившееся съ кораблемъ, когда на немъ выставленъ эшошъ знакъ гибели, должно погибашъ, безъ всякой пощады. Англійскій офицеръ, упомянушый мною, былъ захваченъ форбанами подъ краснымъ флагомъ, и пошому онъ уцѣлѣлъ, и выкупился пошомъ за 3,000 піасстровъ и за три ящика опиуму.

Во все время плѣна кормили его шелухою сарачинскаго пшена.

Дѣла были въ такомъ положеніи въ 1807 году. Южный Кишай оспавался преданный власши пирашовъ, и никшо уже шамъ не почишалъ себя безопаснымъ ни въ одной гавани. Богдыханъ почелъ наконецъ за необходимое употребить силу для изстребленія, или уменьшенія зла. Онъ послалъ своего *Тай-тога*, или начальника флота, въ Макао. Тамъ предупредилъ уже эшого героя пріѣздомъ своимъ *Сонъ-тогъ*, или правитель Каншонской области, съ двадцатью мандаринами различныхъ степеней. Всѣ мандарины, посланные богдыханомъ, собрались вмѣстѣ. Не думая о томъ, какъ живѣе дѣйствовать прошивъ пирашовъ, имѣя подъ начальствомъ 350 кампановъ военныхъ, ошвсюду съѣхавшихся въ Типа, мудрые вожди Кишайскіе теряли время въ нескончаемомъ спорѣ. Дѣло шло о взаимной почести ихъ другъ другу. *Сонъ-тогъ*, мандаринъ съ голубыми шариками, передъ которымъ, по уставу, всѣ нисшіе должны преклонять колѣна, принужденъ былъ наконецъ идти на встрѣчу *Тай-тога*, когда доказали ему, что эшотъ чиновникъ превосходитъ его, и шариками и должностію. Исполнивъ всѣ законы учтивости, занялись наказаніемъ нѣсколькихъ плѣнныхъ пирашовъ. И шущъ новые обряды и уставы! Просшые преслупники, связанные и скованные, просшо приводимы были передъ начальника области и имъ рубили головы съ одного взмаха. Но главнаго изъ плѣнниковъ опредѣлили къ особенному роду смерти. Привя-

занный къ двумъ, кресъ на кресъ, сполбамъ, онъ видѣлъ медленно подходившаго къ нему палача, и на поясѣ у эшого исполнишеля правосудія была большая связка острыхъ орудій; каждое изъ эшихъ орудій предназначается къ наложенію казни на какую нибудь часть тѣла, и опшюдь не лзя коснушься однимъ и тѣмъ-же до другой части. Въ слѣдствіе эшого положено такимъ-шо орудіемъ рѣзашъ спущни, другимъ руку по локошь, прешъ-имъ ногу по колѣно, инымъ порошь брюхо. Палачъ безъ выбора, на удачу, берешся за которое нибудь изъ своихъ орудій, и долженъ употребляшь его по закону, такъ, что совершенно ошъ случая зависишь скорая смерть пресшупника, или самое продолжштельное и шяжкое спраданіе. По случаю, казни главнаго пираша поблагопріятшствовала удача: орудіе, которымъ поражающъ пресшупника въ сердце, попалось палачу прежде другихъ, и пресшупникъ погибъ ошъ одного удара. — Кончивъ всѣ шполь важныя дѣла, совѣшъ мандариновъ ошкрылъ новыя засѣданія, подъ предсѣдательствомъ Тай-шога. Положили—*воевать*. Но при первой встрѣчѣ съ пирашами, Кшпайскій адмиралъ, совершенно разбишый, пошерялъ 43-шъ военныхъ кампановъ. Нѣсколько рыбаковъ, принявшихъ учасшіе въ нападеніи адмирала по доброй волѣ, были счашпливѣе и захвапили чешыре кампана злодѣевъ. Съ эшими добрыми помощниками обошлись такъ несправедливо, что они оспавили мандариновъ продолжашъ войну, какъ имъ было угодно, однихъ. Казалось, что чешшлюбіе Кшпайскихъ моряковъ было задѣ-

по за живое; они сославили опборную эскадру, захвапили одно изъ опдѣленій разбойничьихъ ко-
раблей Шингъ-и на ближнемъ островѣ, опбили у
него восемь кампановъ, изъ копорыхъ два было
по 26-ши пушекъ, побили до 700, взяли въ полонъ
до 300 человекъ; 20,000 піаспровъ и золото, въ
порошкѣ и въ слипкахъ, были наградой побѣды.

Но это была однакожь бѣдная удача, копорую
вскорѣ вознаградилъ геній Шингъ-и. Въ новой
бипсѣ, гдѣ участвоваль онъ самъ лично, 28-мъ
военныхъ жонкъ доспались во власъ его, и опша-
покъ богдыханскаго флоша принужденъ былъ спа-
саться на всѣхъ парусахъ. Начальникъ пирашовъ
увидѣлъ себя повелишелемъ судьбы всего государ-
ства; онъ началъ говорить о шомъ, какъ сверг-
нуть Манджурское поколѣніе съ Кишайскаго про-
на, и основать новый рядъ государей Небеснаго
царсшва. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что все оправ-
дываешь его гордая мечпы: начальствуя 70,000
бродягъ, 800-ми кораблей и 4000 перевозныхъ су-
довъ, въ 1809 году, онъ учредилъ шесть опдѣле-
ній флоша, вмѣсто двухъ. Къ черному и красному
флагу прибавилъ онъ флаги зеленый, голубой, бѣ-
лый и желтый. Говоря безъ фигуръ, флошъ его по-
крываль моря. Опчаянные моряки его, ужась Ки-
шая, были извѣсны подъ именемъ *морскихъ бура-
вовъ* (frélons de la mer). Казалось, нѣтъ уже ника-
кихъ препяпсшвій исполинскимъ замысламъ Шингъ-
и; онъ хотѣлъ иди по рѣкѣ Пей-го и осадишь
Пекинъ, но, нечаянно, погибъ на морѣ, во время
бури.

Могущее образованіе морскихъ разбойниковъ , имъ созданное, могло разрушиться, если-бы вдова его не захватила послѣ него власпи, и не показала генія, превосходящаго геній многихъ мужчинъ. Она немедленно заставила признасть себя генералиссимусомъ, и опдала попомъ часпъ власпи своей одному изъ подчиненныхъ умершаго своего мужа, *Пау*, любимцу ея, и самому опчаянному и безпрепешному начальнику пиратовъ.

Счастіе не оставляло скопища разбойниковъ подъ власпью вдовы Шингъ-и. Ловкая и смѣлая героиня эта ввела даже болѣе порядка и нравственности между неспройными толпами, ей подчиненными. Она составила для нихъ новые законы. Въ этихъ законахъ, между прочимъ, было постановлено: « Каждый, кто выйдетъ на землю безъ позволенія начальства, или окажется виновнымъ въ неповиновеніи, долженъ быть наказанъ за первый разъ опрѣзаніемъ ушей передъ флосомъ; во второй разъ пресупникъ подвергается опрубленію головы. Все, что попадетъ во власпъ соединенныхъ флосовъ, должно быть вносимо въ роспись, и никакая вещь, какъ-бы малоцѣнна ни была она, не можетъ быть сокрыта, подъ смерсною казнью. При раздѣлѣ каждой добычи, всѣ люди на кораблѣ должны поднять руки, и поклясться, что они ничего не ушайваютъ. » Подлѣ этихъ распоряженій, показывающихъ умъ и правоту начальницы, можно поставить другія, показывавшія въ ней характеръ женской скромности: « Запрещается приводить на корабли плѣнныхъ женщинъ; каждый

употребившій насиліе прошивъ женщины, или жевившійся на ней безъ позволенія начальства, наказывается смертию.» Желая уменьшить число враговъ своихъ и составивъ нѣкоторыя пособія для снабженія припасами, вдова Шингъ-и, подъ смертною казнью, запретила подчиненнымъ своимъ забирать съѣстные припасы у поселянъ, не заплачивъ за нихъ доспащочной цѣны. Вино, сарачинское пшено, овощи, чай были взимаемы за деньги, исправно плашима. Совѣспливо ведены были припомъ всѣ разсчешы. Повиновеніе было на корабляхъ удивительное, и поселяне, сбывавшіе свои припасы доброю цѣною, держали болѣе спорону морскихъ разбойниковъ прошивъ мандариновъ, нежели спарались помогашъ прошивъ нихъ законной власши. Многіе недовольспвовались даже прямою и непосредспвенною торговлею съ разбойниками, но покупали у другихъ, для перепродажи имъ, шкани, оружіе, порохъ и аммуницію.

Такимъ образомъ, при помощи дѣяшельнаго и предусмошришельнаго генія своей царицы, форбаны осшавались повелишелями моря, не боясь морскихъ ополченій богдыхана. Много разъ посылали прошивъ нихъ мандариновъ, пользовавшихся нѣкоторою военною извѣспносшью, но всѣ посланные были разбиваемы и не могли удерживашься. Только однажды великій адмиралъ *Тзусень-Моу-Семъ*, напавши на непріашеля съ сошнею кораблей, успѣлъ зажечь суда непріашельскія. Въ первый разъ шогда бѣжали разбойники, говоримъ очень ошкровенно исторіографъ Пекинскаго Двора, рассказывающій

объ этомъ знаменишомъ дѣлѣ. Множество кампановъ Владычицы морей было пошоплено, и до 4000 пирашовъ взяно было въ полонъ.

Но расплаша за удачу не замедлила. Гордясь своею побѣдою, адмиралъ снова пошелъ на разбойническій флотъ, споявшій въ заливѣ Куангъ-Шоу. Тамъ была сама вдова Шингъ-и. Она раздѣлила свои кампаны на два опряда, и двинула одинъ изъ нихъ подъ начальствомъ Пау, кошорый завязалъ жестокую битву съ богдыханскими жонками. Видя мандариновъ развлеченныхъ боемъ, сама царица окружила ихъ другимъ опрядомъ, напала съ боковъ и сзади, и пораженіе адмирала было совершенное.

Новый адмиралъ, *Тингъ-Куей* не былъ счастливымъ; онъ допустилъ неусыпнаго Пау захватить его нечаянно, при помощи рыбаковъ и поселянъ, бывшихъ вѣрными лазутчиками форбановъ. Напрасно, видя опасность, начальникъ Богдыханскаго флота не утратилъ своего хладнокровія и мужества; напрасно, при самомъ началѣ дѣла, пирашы пошеряли одного изъ самыхъ храбрыхъ своихъ начальниковъ, кошораго называли они своимъ *алмазомъ кораблей* — ничто не могло устоять противъ непобѣдимой смѣлости Пау; онъ самъ пошелъ въ рукопашный бой на адмиральскій корабль; жестоко спѣсненный, *Тингъ-Куей* пришелъ въ опчаяніе и зарѣзался. Спрашное избіеніе побѣжденныхъ слѣдовало за его гибелью. Кровь двухъ тысячъ машрозовъ и воиновъ богдыханскихъ обагрила море. Двадцать пять жонкъ досталось побѣдителямъ.

Въ слѣдствіе такого, ничѣмъ неознаградимаго бѣдствія, богдыханъ отказался опъ опкрышаго преслѣдованія разбойниковъ, велѣлъ флотамъ своимъ укрыться въ гаваняхъ, и рѣшился поразить ужасныхъ прошивниковъ только защитительными мѣрами. Общее запрещеніе объявлено было всѣмъ купеческимъ кораблямъ: ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ выходить изъ пристаней, и всѣ находившіеся въ морѣ должны были немедленно явиться въ гавани. Всякое пособіе съѣстными припасами и аммуниціею было опняпо эшимъ запрещеніемъ у разбойниковъ, какъ равно и всякая помощь людьми и оружіемъ. Имъ надобно, было существовать и защищаться только съ тѣми средствами, какіе оставались у нихъ въ рукахъ. Мѣра была рѣшительна. Рано или поздно, ей надобно было кончиться уничтоженіемъ, или покорностью пиратовъ. Но желѣзные люди эпи не допустили уморить себя поминельною смерпью. Видя, что всѣ гавани и рѣки Небеснаго царства для нихъ закрыты, они начали опкрывать ихъ пушками, пошли по Тигровой рѣкѣ всѣми чешырьмя прошоками, грабя и опустошая города, мѣстечки, деревни по берегамъ, проникая внутрь земли, и изумляя спрашною смѣлостью, ужасая кровавыми нашесствіями.

Если-бы въ эшо время союзъ между ними, до того времени крѣпкій, продолжился, можно-бъ было усомниться въ безопасности Пекинскаго государя. Но, неразрушимые, когда на нихъ нападали, союзы пиратовъ распадались сами собою, ког-

да имъ не съ кѣмъ было сражаться. Междоусобная вражда разбойниковъ сдѣлала для богдыхана гораздо болѣе, нежели всѣ непрерывныя посылки грозныхъ его флотовъ.

Правая рука Владычицы морей, Пау, съ давняго времени возбудилъ противъ себя непримиримую ненависть и зависть другаго начальника пиратовъ, по имени *О-по-тае*. Привычка къ повиновенію и страхъ возбудилъ гнѣвъ вдовы Шингъ-и и удерживали явный разрывъ и междоусобіе. Но при одномъ изъ морскихъ сраженій, когда Пау со всѣхъ споронъ окруженъ былъ жонками богдыхана, думая, что любимецъ Владычицы морей непременно погибнетъ въ этомъ дѣлѣ, *О-по-тае* не двинулся на помощь, хотя Пау призывалъ его, изъясняя ему свое опчаянное положеніе. Только храбрость избавила Пау отъ гибели въ битвѣ, или позорнаго плѣна, гдѣ ожидала его вѣрная смерть. Дѣло кончилось удачно, и Пау обнаружилъ коварство своего соперника, грозно спрашивая его: какъ смѣлъ онъ нейдти на помощь? — « У меня не было достаточныхъ силъ — опивчалъ *О-по-тае* — и при томъ, какое право имѣешь ты приказывать мнѣ? » — Развѣ ты не нашъ? — « Вашъ, но что изъ этого? » — Ты хотѣлъ погубить меня, а я поклялся заплашить тебѣ за злой умыселъ — иди и сражайся со мною! — Послѣ нѣсколькихъ угрозъ съ обѣихъ споронъ, соперники просто начали драться; дуэли неизвѣстны въ Кишаѣ. Каждый изъ нихъ бросился къ своей эскадрѣ, уговаривалъ подчиненныхъ вступить въ битву, и жестокая битва закипѣла меж-

ду пирапами. Эскадра Пау была малочисленнѣе ; онъ пошерялъ 16-ть кампановъ ; мапрозы его были перерѣзаны. Пау бѣжалъ. Спрашась, что слѣдствія нечаянной побѣды сдѣлающія пагубны, О-по-шае уговорилъ подчиненныхъ поддаться законной власпи, если имъ дадутъ помилованіе и награду.

Все обѣщали буншовщикамъ, и О-по-шае отправилъ къ богдыхану, ошъ имени своего и шоварищей своихъ, просишельную грамашу, гдѣ между прочимъ философствовалъ совершенно по-Кипайски. « Мое мнѣніе шаково, что каждый разбойникъ, сдѣлавшійся опаснымъ для государства, имѣетъ право на его снисхожденіе и прощеніе. Такъ Леангъ-Шанъ, при раза ограбившій городъ Каншонъ, былъ милоспиво прощенъ, и сдѣлался попомъ государственнымъ человѣкомъ ; Вакангъ, споль долгое время поднимавшій оружіе противъ отечества, шакже былъ прощенъ, и его не почли недоспойнымъ самыхъ высокихъ должностей государственныхъ ; Джу-Нингъ семь разъ прощаль Муангъ-гуо, а Куангъ-Кунгъ чешыре раза даровалъ свободу Тсау-Тсау, и Іо-Фей не казилъ разбойниковъ, когда они покорились ему. Мы живемъ въ спранѣ чрезмѣрно многолюдной. Многіе изъ насъ испытали всѣ средства прожитъ честно, но безъ успѣха, и невольно увлеклись въ пресупленіе. Другіе раззорились кораблекрушеніями и пожарами, и принялись за грабежъ, чтобы не издохнуть ошъ голода. Необходимость была причиною, что законы и порядокъ спали нарушены. Теперь мы гошovy опять вступишь въ общество честныхъ людей,

оставишь злыхъ товарищей и покорись. Могу-
ществу государей нѣтъ предѣловъ : оно доспи-
гаешь самыхъ отдаленныхъ острововъ моря ; каж-
дый изъ насъ услащенъ имъ , и мы умоляемъ по-
щады нашего государя. Преступленія наши заслу-
живаютъ самое тяжкое наказаніе , но мы просимъ
могущаго Сына Небесъ простерть свое милосер-
діе на насъ , которые были столь виновны , и
нынѣ полагающъ всю надежду свою только на его
благость. »

Видя невозможность наказанія , правительство
было радо, что можешь похвастать милосердіемъ.
О-по-шае былъ прощенъ , со всѣми его товарища-
ми, переимѣнилъ имя, назвался *Гео-беенъ* (это зна-
чишь : *свѣтъ познанія*) , и былъ возведенъ въ до-
стоинство чиновника.

Не смотря на предательство товарищей, вдова
Шингъ-и и любимецъ ея Пау не укропились, про-
должали грабить приморье, разбивать флоты бог-
дыханскіе. Удачными битвами скоро вознаграждено
было у нихъ удаленіе части ихъ флота. Но опять
новыя крамолы начались между пиратами. Оболь-
щенные примѣромъ О-по-шае , многіе изъ начальни-
ковъ помышляли о томъ , какъ-бы послѣдовать его
примѣру. Владычица морей проникла замыслы и рѣ-
шилась предупредить ихъ , чтобы потомъ не быть
преданною безъ защиты воли Богдыхана.

Увѣдомленные объ ея расположеніи , Пекинскій
Дворъ захотѣлъ прежде всего узнать достоверно
обстоятельства этого дѣла ; поному отправленъ

былъ умный врачъ *Шау*, хорошо извѣстный морскимъ разбойникамъ, и не боявшійся дурнаго приёма отъ нихъ. Вотъ какъ передаетъ Кишайскій историкъ свиданіе, разговоръ посланнаго и слѣдствія этого разговора—описаніе это такъ добродушно, что много-бы потеряло оно, если-бы мы вздумали измѣнять его:

« Когда Фей-гунгъ-шау увидѣлся съ Пау, то сказалъ ему: » Другъ Пау! знаешь-ли ты, за чѣмъ я пришелъ къ тебѣ?

Пау. Ты сдѣлалъ какое нибудь преступленіе, и, конечно, пришелъ искать убѣжища между нами.

Шау. Слава Богу! мнѣ не въ чѣмъ упрекать себя.

Пау. Ну, такъ ты пришелъ освѣдомиться, есть-ли какое-нибудь основаніе въ слухахъ, будто-бы о скоромъ покореніи нашемъ.

Шау. Да, я пришелъ объявить тебѣ, что если ты, твоя владычица, а также и весь флотъ вашъ, согласишься положишь оружіе, то Государь нашъ гошовитъ вамъ большія награды, и вы всего можете ожидать отъ его благости и великодушія. Могуществу ваше гораздо важнѣе могущества Опо-тае, и если этотъ начальникъ вашъ получилъ званіе чиновника, то вы можете уповать на что нибудь еще выше. Мудро поступите вы, если принесете вашу покорность, и это одно средство утвердить ваше спокойствіе и ваше благоденствіе, спасая жизнь всѣмъ вашимъ подчиненнымъ.

« При такихъ словахъ Шангъ-Пау сдѣлался неподвиженъ, будто спашуя, а Фей-гунгъ-шау продолжалъ: « Совѣтую тебѣ заняться этимъ дѣломъ

внимательно, и не дожидаясь послѣдняго времени. Весьма можешъ спасться, что О-по-шае присоеди-
нишь свое войско къ войскамъ правишельства, и
пойдешъ на васъ. Пока этого еще не сдѣлалось,
поспѣши слѣдовашъ моимъ совѣшамъ.»

Послѣ шакого разговора врачъ удалился. Пау
переговорилъ съ своею повелишельницею, и было
положено между ними начать переговоры съ пра-
вишельствомъ. Флотъ разбойнической приплылъ къ
Гу-Мюну, одному изъ усъевъ Тигровой рѣки. Онъ
занималъ пространство по морю на двѣ льѣ. Два
мандарина явились предварительно, объявляя все-
прощеніе отъ имени богдыхана; черезъ нѣсколько
дней потомъ прибылъ самъ правитель области
Каншонской.

При появленіи шакого высокаго чиновника, ра-
дость пирашовъ была безмѣрная. Желая сдѣлать
ему пріемъ по своему обычаю, они развѣсили флаги
на корабляхъ своихъ, заиграли во всѣ звучащие гонги,
какіе только были на судахъ, выстрѣлы непрерыв-
ные загремѣли по морю, и все это произвело ша-
кой шумъ и громъ, что народъ, собравшійся по
берегу, любовавшійся на мирный праздникъ, подумалъ:
не опятъ-ли объявлена война, и съ ужасомъ
побѣжалъ во всѣ стороны. Испугался даже и вы-
сокій правитель области, и уже хотѣлъ бѣжать,
какъ вдругъ вдова Шингъ-и явилась передъ нимъ,
опираясь на Пау, въ сопровожденіи шрехъ другихъ
начальниковъ. Представъ предъ высокимъ предста-
вишелемъ богдыхана, она и спутники ея поверглись
на колѣни, плакали, били лбами въ землю, и про-

силы милосердія Сына Небесъ. Послѣ такого знака совершеннаго раскаянія, виновные удалились, обѣщая прислать списокъ всѣхъ своихъ кораблей. Дѣло шло. Богдыханскія жонки и Португальскіе корабли появились въ окрестностяхъ Гу-Нума; разбойники подумали: не гошовашь-ли для нихъ обмана, выплыли въ море отъ береговъ, и гошовались къ защищѣ.

Тушъ весьма затруднительнымъ явилось рѣшеніе, но вдова Шингъ-и захотѣла кончить всѣ сомнѣнія и нерѣшимельность опважнымъ поступкомъ. «Если правитель области — говорила эша безспрашная героиня — довѣрядся намъ, почему-же мнѣ, слабой женщинѣ, нейдти къ нему? Если есть опасность — она обрушится только на меня одну. Запрещаю другимъ слѣдовать за мною. Я рѣшилась, и отправляюсь въ Каншонъ.» Изумленные опвагою своей владычицы, пираты не хотѣли оппустить ея, опвергли ея пожертвованіе, пребовали, чобы она не шла на явную опасность. Но, къ счастью, въ тотъ-же день прибыли два мандарина, и свидѣтельствуя доброе расположеніе правительсва, извѣстили вдову Шингъ-и, что правитель области ждетъ ее для ушверженія и подписи договора о всепрощеніи. Она не хотѣла слушать болѣе никакихъ возраженій, отправилась съ нѣсколькими изъ своихъ прислужницъ, и по прибытіи въ Каншонъ явилась немедленно къ правителю. Обѣщанія правительсва были свято исполнены. Пиратамъ, не только оставили жизнь, но и всѣ находившіяся у нихъ сокровища. Кампаны ихъ,

одинъ за другимъ , приходили въ Каншонъ , и на каждый выдавалась сумма денегъ , по оцѣнкѣ того , что находилось на немъ . Многіе изъ разбойниковъ поступили въ службу Богдыханскую ; другіе предпочли спокойное жишье на землѣ , съ нажинымъ имѣніемъ , опасностямъ на морѣ и въ битвахъ . Храбрый Пау сдѣланъ былъ чиновникомъ , и не только началъ служишь дѣшительно , но согласился даже идти на оспальныхъ своихъ поварищей , которые , не смотря на малочисленность , презрѣли милость богдыхана , не приняли всепрощенія , и дерзко продолжали ремесло разбойниковъ . Жестокія битвы даны были этимъ опчаяннымъ народомъ , но побѣда всегда ославалась вѣрна Пау . Онъ захватилъ наконецъ въ полонъ удалаго начальника злодѣевъ , по имени Шингъ-Ии . Другой начальникъ , бывшій извѣстнымъ подъ именемъ *Язы Вос-тогнаго моря* , погибъ въ сраженіи , и все приморье Кишайское было очищено отъ морскаго разбоя .

«Такимъ образомъ,» говоритъ Кишайскій исторіографъ , «съ тѣхъ поръ все сдѣлалось спокойно на водахъ чешырехъ морей великаго государсва . Народъ живетъ въ радости и изобиліи всего , и спраны юга предсавляютъ новое зрѣлище счастья . Люди продали свое оружіе , купили воловъ , и по прежнему принялись за земледѣліе . Правитель обласши , мудросью кошораго устроилось покореніе морскихъ разбойниковъ и умирненіе Океана , въ уваженіе заслугъ его былъ возведенъ повелѣніемъ Сына Небесъ въ достоинство великое , и поз-

волено было ему украсить шапку свою пѣтушьями перьями. »

Дѣйствительно, съ того времени, если кое-какіе форбаны осяаются еще при своихъ прежнихъ привычкахъ, они не составляютъ уже болѣе силы, способной прошивиться преслѣдованіямъ правительсва, или быть страшилищемъ обласей прибрежныхъ. Иногда бывають примѣры, что корысть увлекаетъ въ разбой даже просныя купческія жонки, но это уже исключенія изъ общаго порядка. Вотъ примѣръ, случившійся въ 1827 году: принужденный оставить по обстоятельствомъ корабль свой въ Туранѣ, Французскій экипажъ отправился въ Макао на Кишайскомъ купческомъ кораблѣ. Почти до самаго мѣста прибытія ничто не показывало измѣны, но бывши уже въ виду области Фо-кіенской, Кишайскіе корабельщики исполнили свой ужасный замыселъ: Французы были всѣ перерѣзаны сонные; капишанъ, захваченный въ каютѣ 20-ю убійцами, защищался долго и ошчаянно, но палъ наконецъ подъ ударами злодѣевъ. Только одинъ молодой мапрозь, успѣвшій ухватиться для защиты желѣзную полосу, хотя и былъ раненъ въ голову, но выбѣжалъ на палубу, и при пособіи какого-то шарика Кишайца успѣлъ добѣжать до борда корабля и броситься въ море. Убійцы думали, что раненый непременно умретъ, или утонетъ. Напрошивъ, бѣднякъ спасся, добрался вплавъ до рыбачьей лодки, вошелъ въ нее, истощенный, раненый, и достигъ до Макао. Здѣсь все разсказалъ онъ миссіонерамъ, принявшимъ его, и дѣло неме-

дленно было передано Французскому консулу, человеку швердаго характера. Правишель Кантонскій взялся за изслѣдованіе, нарядилъ судъ. Немедленно забрали убійцъ, и въ желѣзныхъ клѣткахъ представили ихъ судьямъ. Злодѣевъ открылось человекъ до восьмидесяти; между ними былъ шарикъ, пособившій убѣжать Французскому маэпрозу; шарикъ эшотъ просилъ очной сшавки съ избавленнымъ Французомъ, былъ узнанъ имъ, и освобожденъ отъ суда и наказанія. Изъ числа осшальныхъ, 47-шъ злодѣевъ были казнены опрубленіемъ головъ; начальника жонки разрубили на часши. Головы преступниковъ были высшавлены на пикахъ по морскому побережью, свидѣтельсшвуя, что Кишайское правительсшво бываетъ правосудно, даже и въ такомъ случаѣ, когда рѣчь идешъ объ Европейцахъ. По подпискѣ, опкрышой въ Поршугальской конторѣ, собрана была сумма до 45,000 франковъ, и раздѣлена между Французскимъ маэпрозомъ, спасшимся отъ убійсшва, и шарикомъ Кишайцемъ, защишвившимъ его.

Ночь уже насшала, когда мы возвращились на набережную Макао. Мѣсячное сіяніе отъ луны, полужакрышой облаками, придавало ушесамъ, крѣпосши и бѣлымъ домикамъ какой-то серебрисшый волшебный свѣшъ. Послѣдній шумъ дневной суешы умолкалъ; шолько вдали, изрѣдка, кое-какія лодочки бороздили воды залива золошисшою змѣйкою; огни въ домахъ погасали одинъ за другимъ; Макао засыпалъ. — «Прелесшный вечеръ!» сказалъ мнѣ Баронъ. «Чшò, если мы прогуляемся

теперь немного по берегу? » — Я только что хотѣлъ просить его объ этомъ. — Подлѣ воротъ дома оставили мы нашего гостепріимнаго хозяина, который не совѣщавалъ намъ ходишь ли очень далеко, ни очень долго. Нѣсколько времени, погруженные въ соображеніе того, что видѣли и слышали, мы оба, я и Баронъ, молчали. Но Баронъ, первый прервалъ молчаніе. «Здѣсь есть на что обратишь вниманіе, есть объ чемъ подумаешь. А до сихъ поръ, что подавало намъ къ этому поводъ? Да, что такое видѣли? Вышви народовъ, или искривленные, или испорченные прививкою. Здѣсь вышвь народа самобытная. Мы находимъ націю, смѣло опирающую до сихъ поръ всякое постороннее вліяніе; націю, отъ которой берутъ другіе, и которая сама ничего не занимаетъ; народъ основившійся, если угодно, но по крайней мѣрѣ, самородный, оплеченный своимъ очеркомъ и своими нравами, гордый самимъ собою, и этой гордости одолженный непоколебимою національностью. Еслибы надобно было съѣхаться на совѣщаніе всѣмъ народамъ, и поспоришь о преимуществахъ одному передъ другими, мы увидѣли-бы Кишайскій народъ гордо занявшимъ первое мѣсто. Такъ увѣренъ онъ въ своемъ самобытномъ величій. Эта довѣренность къ своему знанію, это презрѣніе ко всякому чужеземному образованію, конечно, представляющъ свою дурную сторону, но свѣсыше-же и выгоды! При каждомъ новомъ періодѣ успѣховъ, посмотрише, какъ дорого плащашъ за нихъ въ Европѣ поспрясеніемъ всего прежняго порядка. Что за вздоръ!

Едва достигли мы зрѣлаго возраста, намъ велятъ разучиваться всему, что учили мы въ дѣтствѣ, бросають наши прежнія привычки, поддѣлываються подъ новыя идеи; соспарѣмся—намъ опять надобно начинають снова! Насъ перегоняють дѣти, надъ нами смѣются, мы опешаемъ, если ноги наши уже не по прежнему бойки, если мы задыхаемся отъ усшалоши, когда молодежь бѣжитъ впередъ безъ ошдыха и безъ усшали. При всякой кришической эпохѣ перелома надобно воспишаніе, надобна новая передѣлка самихъ себя. Мы разбиваемъ идоловъ, кошорымъ поклонялись, нерѣдко не поспавивши даже на мѣсто ихъ никакихъ новыхъ кумировъ. Мы сшолько разъ измѣняли цѣнность дѣлъ и словъ, въ полишикѣ, нравспвенноспи, липперапурѣ, философіи, что наконецъ вовсе сбились въ значеніи и цѣнѣ прекраснаго, истиннаго и справедливаго. Не смѣю спорить съ цѣлымъ свѣшомъ, и при каждой новой передѣлкѣ кричу съ другими: «Шагъ впередъ! Мы идемъ впередъ!» Но знаете-ли, что пошихоньку повшоряю я въ моемъ умѣ и въ моей совѣспи: «Безшолковая пушаница!» — Посмощрише напрошивъ — продолжалъ Баронъ—посмощрише здѣсь: основныя начала знаній, уже съ двадцати вѣковъ одни и шѣ-же. Если и здѣсь идушь впередъ, то идушь шакъ шихо, что ничего не ломають, ничего не разрушають. Когда Кишаецъ дошелъ до шого, что можешъ чинать свою безконечную азбуку, когда онъ шяжкимъ шрудомъ купилъ себѣ право книжника, его пріобрѣшеніе негибнущее, собспвенность неизмѣнная, сшоль-же крѣшкая, какъ

владѣніе баронствомъ во времена феодализма, завоеванное мечемъ рыцаря. Немного вопросовъ передается здѣсь на сужденіе людямъ, потому, что здѣсь знаютъ, можетъ быть, лучше нашего, великую истину, ту, что въ мірѣ нѣтъ ничего рѣшительно совершеннаго, и если начать только спорить о хорошемъ, то отъ этого хорошаго пойдушь искать *лучшаго*, и жизнь общественная и умственная начнетъ прыгать отъ реформы къ реформѣ, и уже никогда, ни на чемъ не остановишься. Возьмемъ вашу Францію: кто изъ васъ, господа, можетъ ручаться, что онъ спокоенъ теперь вполне въ настоящемъ бытѣ вашего общества? Что годъ, что мѣсяцъ, что день, все у васъ передѣлываютъ, измѣняютъ, ниспровергаютъ! Но Китаецъ неподвиженъ? За то онъ хорошо знаетъ свое настоящее, и знаетъ потому, что оно вѣчно. Боже мой! и безъ того жизнь дѣлается намъ столько хлопотъ, а мы еще бросаемся въ теоріи» . . .

Выходка Барона, горячо высказанная, показала мнѣ одну изъ споронъ его прежней жизни, щепетельно скрываю отъ меня до сихъ поръ. Но я не желалъ, да и время-ли было спорить о политикѣ, и еще Богъ знаетъ о чемъ. Поэтому отъѣхавъ мой обратился только на его мысли о невыгодахъ Европейскаго и выгодахъ Китайскаго образованія. «Вы говорите о неподвижности, неизмѣняемости Китайцевъ — сказалъ я — но, кто же наговорилъ вамъ объ этомъ? — Не думайте,

что я шучу. Нѣтъ, Баронъ, и вошъ мои доказа-
 тельства: искусства Кишайцевъ — назовише ихъ
 онеспалыми — шелковыя издѣлія ихъ, лаковыя ве-
 щи, фарфоръ, утонченный вкусъ въ упошребленіи
 чаю, самая ученость, поставленная выше цеховаго
 масперспва, чѣмъ до сихъ поръ осшаешся наша
 ученость Европейская, все это не свидѣтельство-
 ли труда, хода впередъ, и перехода безмѣрнаго,
 отъ первобытнаго состоянія этихъ Кишайцевъ,
 когда они ѣли сырое мясо убиваемыхъ ими звѣрей,
 а одѣвались только въ шкуры, съ нихъ содран-
 ныхъ? Слѣдовательно, общественная образован-
 ность началась и шла здѣсь впередъ, тихо, прав-
 да, судя по тому времени, которое могли мы слѣ-
 довать за нею, но явно дѣлаешся, когда сличишь
 неизвѣстное начало дикой первобытности Кишай-
 съ нынѣшнимъ его состояніемъ, что здѣсь уже
 совершился переходъ великій.

«Что до меня касается, я полагаю, что и въ Ки-
 таѣ было время движеній быспрыхъ, и тогда, идя ско-
 ро и вводя много, Кишай научился прясъ и шкашъ
 свой шелкъ и свою бумагу, успановилъ законы,
 ушвердилъ языкъ, поспроилъ свои многоэтажныя
 башни. Когда всѣ эти реформы совершились, за-
 конодашели Кишай, желая блага опечеству, вдругъ
 оспановили успѣхи, запрешили пріѣздъ и выѣздъ,
 раздѣлили званія, окаменили способности, оспа-
 новили порывъ націи, можешъ бышъ, слишкомъ да-
 леко шагнувшей. Это больше нежели вѣрояшно —
 почти дословѣрно. Мы видимъ, что Кишай вре-

менъ нашихъ спаринныхъ миссіонеровъ, Кишай Дюгальда, безъ перемѣны шопъ-же, что нынѣ. Слѣдовашельно: шущъ явная задержка, а прежде нея былъ ходъ впередъ. Такъ-ли, Баронъ? Обращимся шеперь къ другой споронѣ вопроса: споришь съ вами о шомъ, хорошо-ли это, или худо, у меня нѣшъ досшашочныхъ, ни знаній, ни способностей. Мнѣ кажется, что стремленіе къ неизвѣстной цѣли непрерывныхъ переходовъ, въ чемъ упрекаете вы Европу, имѣетъ свои удобшва и неудобшва, награды и потери. Человѣкъ, взяшый опдѣльно, развѣ не естъ непрерывная цѣль переходовъ, шо младенецъ, шо юноша, шо мужъ, шо спарикъ? По человѣку судя, не это-ли судьба и цѣлаго человѣчешва, судьба перехода, возрасша, опыта и — не споря о добрѣ и злѣ — развѣ осшановка перехода въ человѣкѣ будешъ жизнь? Вы жалуешесь, что съ условіемъ жизни соединены беспокойшво, волненіе, скорбь, скачки, прошиворѣчія — а выгоды? Все ко благу, все къ добру, любезный Баронъ! И шакъ разсуждая, имѣемъ-ли мы право жаловашься на шрудную дорогу перехода опъ одной эпохи къ другой, на желаніе *лучшаго*, когда *хорошо* уже въ нашихъ рукахъ — *хорошо*, шо естъ, не *худо*, и *добро*, а не *зло*, замѣшьте, Баронъ!»

Вошъ какими важными, если угодно, философскими предметами была занята наша ночная прогулка по приморью Макайскаго залива. — Мѣсяцъ зашелъ; сдѣлалось шемно; мы поспѣшили воронишья въ наше гостепріимное убѣжище, гдѣ начинали

уже объ насъ беспокоишься. — Хозяинъ извѣспилъ насъ, что все пригошовлено имъ къ нашему опъѣзду на завтра по утру, и что Американская голепша, служащая пакешбопомъ между Макао и Кантономъ, ждетъ только нашихъ приказаній, для опплышя съ нами по волнамъ Тигровой рѣки, въ *настоящій* Кишай.

Конецъ III-й части.

О П И С А Н І Е

рисунковъ, принадлежащихъ къ третьей части *Всеобщаго путешествія*.

Листы. Изображ.

XLV. 87. Изображеніе знашной женщины и ея невольницы, изъ народа Башповъ, на островѣ Сумапра (ч. II, стр. 314, 340).

88. Видъ гавани въ городѣ Малакка (ч. III, стр. 14).

XLVI. 89. Видъ города Малакка (ч. III, стр. 14).

90. Изображеніе пребрежныхъ лодокъ Малайскихъ (ч. III, стр. 14).

XLVII. 91. Видъ приспани въ городѣ Синкапурѣ (ч. III, стр. 24).

92. Видъ Малайскаго опдѣленія въ городѣ Синкапурѣ (ч. III, стр. 25).

XLVIII. 93. Видъ Синкапура, съ гавани (ч. III, стр. 24).

94. Изображеніе Малайскихъ дрягилей и Кишайскихъ купцовъ, въ Синкапурѣ (ч. III, стр. 24 .)

XLIX. 95. Видъ гавани Синкапурской, опъ города (ч. III, стр. 26).

96. Изображеніе Синкапурскихъ Малайцевъ, мужчины и женщины (ч. III, стр. 26).

L. 97. Видъ храма Буддѣйскаго въ Банкокѣ, столицѣ Сіама (ч. III, стр. 57).

98. Видъ Банкока, столицы Сіамской (ч. III, стр. 51).

II

Листы. Изображ.

LI. 99. Видъ части дворца царскаго въ Банкокѣ, и поѣзда пра-Кланга, или перваго министра Сіамскаго (ч. III, стр. 55).

100. Изображеніе Сіамцевъ нисшихъ званій, мужчины и женщины (ч. III, стр. 57).

LII. 101. Видъ памятника въ честь Гушама, или Будды, въ Банкокѣ (ч. III, стр. 57).

102. Видъ Кохинхинскаго города Турана (ч. III, стр. 118).

LIII 103. Видъ Туранскаго залива (ч. III, стр. 118).

104. Изображеніе Кохинхинцевъ высшихъ званій, мужчины и женщины (ч. III, стр. 120).

LIV. 105. Изображеніе надгробнаго памятника мандарину, въ Туранѣ (ч. III, стр. 125).

106. Изображеніе Кохинхинцевъ нисшихъ званій (ч. III, стр. 120).

LV. 107. Видъ внутренней части подземельнаго пагода Будды, близъ Мраморныхъ горъ, въ Фай-фо, въ Кохинхинѣ (ч. III, стр. 135).

108. Изображеніе Кохинхинскаго царя Мигуесь-Мана, и депушапа, присланнаго къ нему изъ Камбоджіи (ч. III, стр. 157).

LVI. 109. Видъ Кипайскаго пагода въ Сайгонгѣ, Кохинхинскомъ городѣ (ч. III, стр. 109).

110. Изображеніе жрецовъ Кипайскаго Сайгонгскаго пагода (ч. III, стр. 109).

LVII. 111. Изображеніе Туранской крѣпости (ч. III, стр. 118).

112. Изображеніе Туранскихъ мандариновъ, военнаго и гражданскаго (ч. III, стр. 122).

LVIII. 113. Видъ части Мраморныхъ горъ, близъ Фай-фо (ч. III, стр. 134).

114. Видъ входа въ подземельный пагодъ, чпо близъ Мраморныхъ горъ, въ Фай-фо (ч. III, стр. 135).

Листы. Изображ.

LIX. 115. Изображеніе слоновыхъ спойловъ и мандаринской бесѣдки, въ Туранѣ (ч. III, стр. 125).

116. Изображеніе Кохинхинскихъ солдатъ, пѣхоп-наго и аршиллериста (ч. III, стр. 124).

LX. 117. Изображеніе Кохинхинскихъ лодокъ (ч. III, стр. 118).

118. Изображеніе Туранскаго базара (ч. III, стр. 119).

LXI. 119. Видъ паможни на берегу рѣки Пассигъ въ Манилла, что на Филиппинскомъ островѣ Лусонѣ (ч. III, стр. 183).

120. Видъ Манильской церкви св. Франциска (ч. III, стр. 186).

LXII. 121. Видъ моста изъ Манилла въ Бидондское предмѣстіе (ч. III, стр. 190).

122. Изображеніе Тагаловъ, пуземцевъ Лусона, мужчины и женщины (ч. III, стр. 192).

LXIII. 123. Видъ Кишайскаго опдѣленія въ Манилла (ч. III, стр. 201).

124. Изображеніе пѣпушьяго боя, между Тагалами, въ Бидондо (ч. III, стр. 197).

LXIV. 125. Видъ части Бидондо, раззоренной Англичанами, въ 1762 году (ч. III, стр. 204).

126. Изображеніе Илокосцевъ, пуземцевъ Лусона, мужчины и женщины (ч. III, стр. 214).

LXV. 127. Видъ мѣстоположенія на берегу рѣки Пассигъ, близъ Бидондо (ч. III, стр. 220).

128. Видъ деревни Пассигъ, близъ Бидондо (ч. III, стр. 221).

LXVI. 129. Видъ Гала-Гала, селенія на берегу озера Лагуна, близъ Санпъ-Круза, на Лусонѣ (ч. III, стр. 223).

130. Видъ водопада и дикаго мѣстоположенія, близъ Гала-Гала (ч. III, стр. 231).

LXVII. 131. Изображеніе рыбачьихъ лодокъ, въ окрестностяхъ Кавите, на Лусонѣ (ч. III, стр. 237).

IV

Листы. Изображ.

132. Изображеніе *банка*, или перевозной лодки, на Лусонѣ (III, стр. 237).

LXVIII. 133 Видъ входа въ приспань Португальскаго города Макао, въ Кишаѣ (ч. III, стр. 313).

134. Видъ часпи Макао, и Кишайскаго предмѣстья (ч. III, стр. 323).

LXVIX. 135. Видъ приспани въ Макао, и монастыря Гюіа (ч. III, стр. 323).

136. Видъ Камоэнсова гроша въ Макао (ч. III, стр. 324).

LXX. 137. Видъ рѣки и часпи Макао (ч. III, стр. 322).

Рисунокъ 138-й, на листѣ LXX-мѣ принадлежитъ къ IV-й часпи Всеобщаго путешествія.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. Полуостровъ Малакка.
*Восточный Индійскій полуостровъ : Сіамъ, Кохин-
хина. Острова Филиппинскіе. Китай.*

ГЛАВА XXIII. Пуло-Пенангъ, Малакка. Синкапуръ. Ош-
плышіе изъ Паданга. Пуло-Пенангъ—климашъ, произ-
веденія, исшорія. Проливъ Малаккскій—вѣшры. Го-
родъ Малакка. Малайскіе пираты, ихъ смѣлосць и
злодѣйства. Синкапуръ—гавань, дѣяшельность шор-
говая, положеніе, жишели, климашъ, успѣхи свобод-
ной шорговли. Кишайцы и Малайцы. — Мысли о
свободѣ колоніальной шорговли..... 7

ГЛАВА XXIV. Царство Сіамское Банкокъ. Шведскій Ба-
ронъ, шоварищъ пушешешвенника. Ошправленіе на
Кишайской жонкѣ. Аналбасскіе ошрова — саговое
дерево. Кишайскій мореходъ.— Сіамскій заливъ, рѣ-
ка Мейнанъ, Пакъ-Намъ. Банкокъ, сшолнца Сіама.
Пловучія лавки Кишайцевъ. Любопышсшво жише-
лей. Англійское посольсшво и пріемъ его. Поѣздъ
пра-кланга. Пагоды и дворець. Семья Сіамцевъ.
Сшроенія. Бѣлые слоны. Похороны. Кашолическій
Епископъ..... 40

ГЛАВА XXV. Исторія и географія Сіама. Названіе; древ-
няя исторія. Христіанскія миссіи XVII-го вѣка —
Фальконъ, миниспръ Сіамскій; посольсшво Сіамское

во Францію; пособія Франціи; политическіе переворошы. Нашествіе Бирмановъ.—Положеніе, рѣки, произведенія. Нынѣшняя столица и города. Народы. Число жителей, ихъ физическія и нравственныя свойства; языкъ, гордость законы, чиновначаліе, государственныя финансы, войско, торговля 69

ГЛАВА XXVI. *Кохинхина. Пуло-Кондоръ. Сайгонъ.* Посѣщеніе Португальскаго Резиденша. Прибрежное плаваніе: Си-Шингъ, Квадроль, Гонъ-Кошру, Пуло-Уби. *Китайское море.* Пуло-Кондоръ. *Камбоджія* — Кандю, Сайгонъ; храмы, жилища. Англійское посольство — пріемъ, увеселенія, бѣсѣда шигра съ слонами, дипломатическія жирошши. Топографія..... 100

ГЛАВА XXVII. *Кохинхина. Туранъ. Гюе.* Кохинхинское приморье. Заливъ Туранскій. *Туранъ*—Кохинхинскій праздникъ, базаръ, жилища, неопряшность. Правители Турана—жилище ихъ; слоновья шойла; обѣды и шеапръ. *Фай-фо* — храмы. *Мраморныя* горы—подземный пагодъ; *ломбу*. Промышленность. Могила Маршинеза..... 146

ГЛАВА XXVIII. *Кахинхина. Исторія и географія.* Происхожденіе Кохинхинцевъ. Имя *Анама*. Первобышныя *Мойе*. Древняя исторія; переворошы въ Тонкинъ и Кохинхинъ. Похищатели *Тайсоны*. Царь *Гіа-Лонгъ* и Адранскій Епископъ. Союзъ съ Франціею. Побѣды и завоеванія Гіа-Лонга. Политическія поощановленія, укрѣпленія городовъ, военныя силы. *Мигуесъ-Манъ* — странная политика; покорность Кишаю; нелюбовь къ Европейцамъ. Посольства Англійское и Французское. Опасное положеніе Мигуесъ-Мана. — Флотъ, предѣлы, рѣки, раздѣленіе Анама — Тонкинъ, Кохинхина, Камбоджія, Тсіампа, обласши и города. Характеръ, нравы, неопряшность, деспотизмъ, наказанія, число жителей, вѣра, климатъ, произведенія, торговля..... 140

ГЛАВА XXIX. *Острова Филиппинскіе. Манилла.* Плаваніе къ Филиппинскимъ островамъ. *Муссоны*. Островъ *Лусонъ* и Манилла—крѣпость, городскія зданія, церкви, монастыри. Посѣщеніе Испанца. *Бидондо*, пред-

мѣстѣ Манилла — видѣ, Тагальскіе шужемцы — жи-
лица, одежда, происхожденіе, промышленность,
спрасть къ куренью табака и пѣшущимъ боямъ.
Другіе обитатели Бидондо; Кишайцы; церкви и
развалины. Сигарочная фабрика. Обѣдъ у Кишайца.
Вечерняя прогулка. Манильское гулянье..... 180

ГЛАВА XXX. *Лусонъ. Поездка по острову. Область Ило-
ко. Пещера Св. Матѣя. Озеро Лагунское. Француз-
скіе торговцы въ Манилла. Визитъ не во время. По-
ездка въ область Илоко: городъ Павоіе—праздникъ,
промышленность, правленіе. Маравелль — физиологи-
ческая спрадность. Поездка въ горы. Пещера Св.
Матѣя — суевѣріе жителей. Негрито. Плаваніе по
Лагунскому озеру — подземное сообщеніе съ волка-
нами; заведенія Французскаго колонисша въ Гала-
Гала; Санша-Крузъ; минеральныя воды Баньоскія,
слѣды вулкановъ; люди-наседки; охота въ горахъ;
буйволы; пустынный водопадъ. Кавите — верфь,
галлоны Испанскіе, упадокъ города—холера. Переѣздъ
въ банка. Сборы къ ошѣзду..... 208*

ГЛАВА XXXI. *Острова Филиппинскіе. Исторія, со вре-
мени завоеванія Испанцами. Магелланъ — первый
мореплавателъ кругомъ свѣта; открытіе имъ Фи-
липпинскихъ острововъ и смерть его. Начало ко-
лоніи. Первобытныя шужемцы. Народы мѣдноцвѣтныя
и герноцвѣтныя — ихъ первоначальная исторія; мы-
сли о размещеніи Негровъ въ Азіи и Океаніи. Раздо-
ры духовенства — власть его и распоряженія. Раз-
бои Малайцевъ. Король Лимагонъ. Усиленіе Испан-
цевъ. Спрадное посольство Кишайское — заговоръ
и возмущеніе Кишайцевъ въ Бидондо. Землетрясе-
ніе 1645 года. Событія XVII-го столѣтія. Война съ
Англіею — осада и взятіе Манилла; бѣдствія войны.
Новѣйшія событія: холера и избѣженіе иностранцевъ
въ Манилла; преобразование обществственности; уси-
леніе креоловъ; бунтъ въ 1824 году. — Правленіе: Ге-
нераль-Канишанъ и чиновники; духовенство; воен-
ное и гражданское устройство; флотъ, финансовое
управленіе, шажожни. Мысли Лаперуза о здѣшней
торговлѣ и роды ея..... 239*

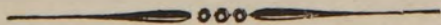
ГЛАВА XXXII. *Острова Филиппинскіе. Географія. Много-
численность острововъ Филиппинскихъ; горное дѣ-
леніе на климашы; произведенія ихъ. Географиче-
ское дѣленіе: Лусонъ — области его, города, дикари
— бѣлые Негры. Острова Бабуянскіе. Албвйскій вол-
канъ. Острова Биссайскіе, Каламіанскіе, Парাগое,
Миндоро — похождение Француза — разбой Малай-
цевъ — Минданао, Сулу — торговля. Взглядъ на общ-
ность острововъ.....*

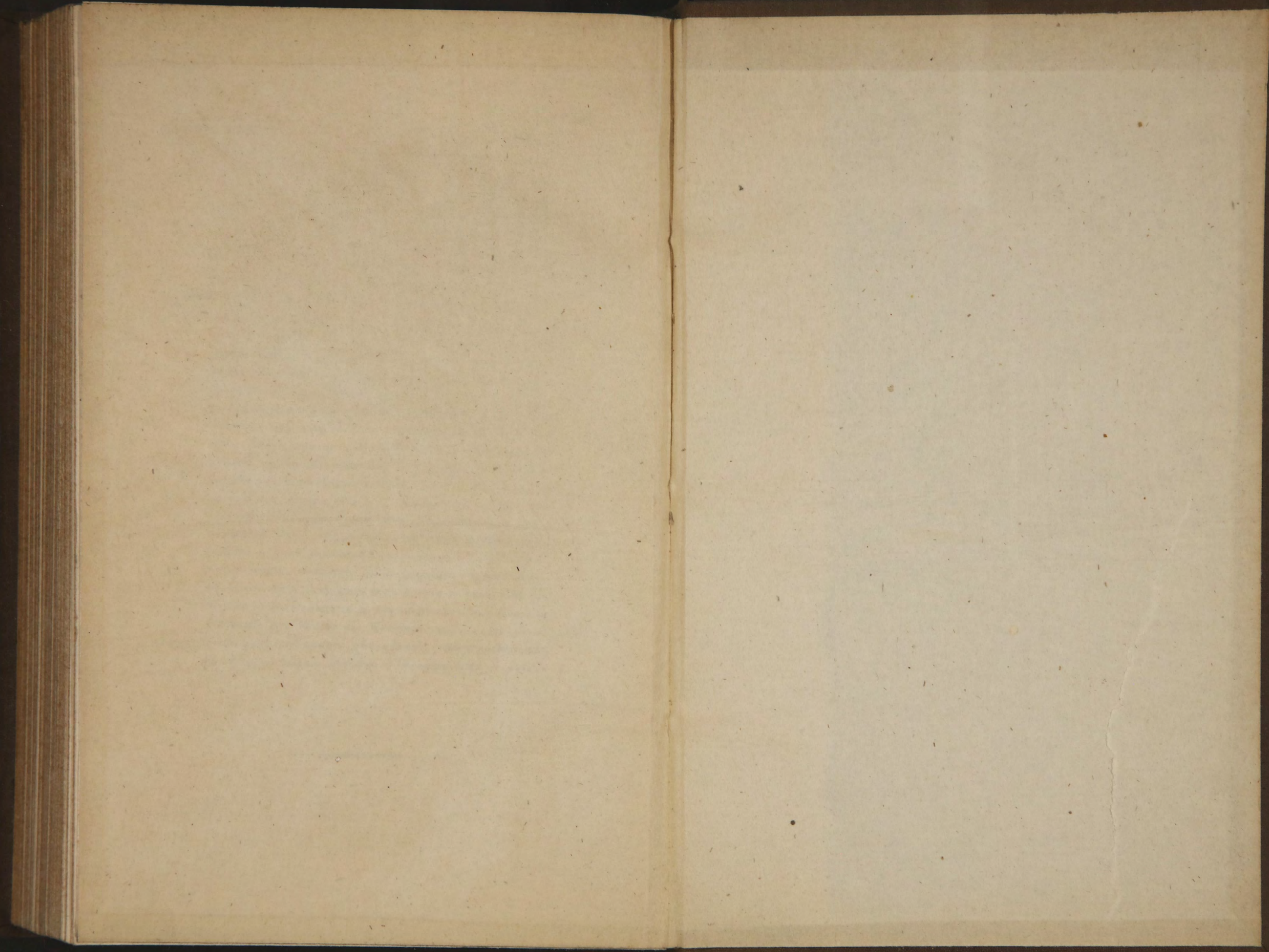
276

ГЛАВА XXXIII. *Китай. Макао. Ошплытіе изъ Манилла.
Горящій на морѣ корабль. Кишайскіе берега — ры-
баки и жишье ихъ. Архинелагъ въ устьѣ Тигровой
рѣки. Типа. Макао — начало его, процвѣшаніе, упа-
докъ; усиленіе, хитроси и своеволие Кишайцевъ.
Мѣстоположеніе Макао; грошъ Камозенса; крѣпость,
полиція, монастыри. Миссіи въ Кишаѣ. Кишайцы —
жилища ихъ, обманы по торговлѣ. Нравы Макай-
скихъ Поршугальцевъ — Поршугальскія Кишайки —
курение опиума и дѣйствіе его — бѣдная торговля —
управленіе. Евронейскіе купцы. Кишайскій городъ —
нагоды, духовные обряды. Кишайскіе морскіе раз-
бойники — происхождение ихъ; спрашный Шингъ-и;
замыслы его и смершь; вдова его и разбойникъ Пау;
флошы и сила разбойниковъ; нападеніе на берега,
междоусобія, посланіе къ богдыхану, переговоры,
прощеніе ихъ, осмашки и своеволенное безчеловѣчіе.
Мысли о Кишайскомъ и Европейскомъ образованіи.
Ошбытіе изъ Макао въ Каншонъ.....*

305

*Описаніе пятидесяти одного рисунковъ, принадлежащихъ
къ третвей часши Всеобщаго путешествія.....*

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЛ

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

III.

У. Б.